

МИХАИЛ ЗЕЛЕНОГОРСКИЙ

ЖИЗНЬ И ТРУДЫ

АРХИЕПИСКОПА

АНДРЕЯ

(КНЯЗЯ УХТОМСКОГО)

Михаил Зеленогорский

**Жизнь и труды архиепископа
Андрея (князя Ухтомского)**

«Мосты культуры»

2011

Зеленогорский М. Л.

Жизнь и труды архиепископа Андрея (князя Ухтомского) /
М. Л. Зеленогорский — «Мосты культуры», 2011

Книга посвящена одной из самых ярких и в то же время самых загадочных фигур в истории русского православия в XX столетии. Потомок Рюрика и Чингисхана, родной брат выдающегося физиолога академика Алексея Ухтомского, владыка Андрей (1872—1937) был не только видным церковным иерархом, но и талантливым публицистом, активным общественно-политическим деятелем, оригинальным социальным мыслителем и вдумчивым исследователем национальной социокультурной традиции. Издание второе, дополненное.

© Зеленогорский М. Л., 2011

© Мосты культуры, 2011

Содержание

От автора	9
Жизнь и деятельность архиепископа Андрея (князя Ухтомского)	18
Глава первая	18
Глава вторая	25
1	25
2	30
3	32
4	35
Глава третья	41
1	43
2	49
3	55
4	59
Глава четвертая	64
1	64
2	67
3	75
4	82
5	88
6	91
7	95
8	98
9	100
10	104
Глава пятая	112
1	112
2	117
3	122
4	129
Труды епископа Андрея	136
Открытое письмо старообрядческим епископам Белокриницкой иерархии[483]	136
О старообрядцах	140
Сообщение епископа Андрея Уфимского 5 марта 1918 г.[485]	143
Краткое жизнеописание[490]	146
История моего мировоззрения	146
Моя няня	146
Мои родители	148
Любовь Христова как сущность церковного предания	150
Отделение Церкви от государства	151
О гневе Божиим	151
Этика и инороднический вопрос (выписка)	151
Всем-езде	153
Ответ еп. Андрея на обращение пастырско-мирянского собрания от 26 марта 1926 года[495]	154

Открытое письмо проживающим в Уфе епископам – обновленцам и староцерковникам[496]	155
Из слова в Неделю о слепорожденном[497]	156
Из ответов, данных еп. Андреем на вопросы, предложенные ему на собрании благочинных 3 июля 1926 года[500]	159
Десять писем о старообрядчестве[502]	162
1. Семинарская ложь о старообрядчестве	162
2. Старообрядчество как неудачный термин	163
3. Старообрядчество и безобрядие	163
4. «Никонианство» как цезаропапизм	164
5. Борьба старообрядчества с насилием	165
6. Великое горе старообрядцев	166
7. Старообрядчество после падения царизма	167
8. Беглопоповцы в октябре–ноябре 1917 года	167
9. Епископ Иннокентий Нижегородский и Ф.Е. Мельников	169
10. Правда старообрядчества и конец раскола старообрядчества	169
История моего старообрядчества	171
Вместо предисловия	171
1. Повод к написанию этих строк	173
2. Неправда заместителя местоблюстителя	178
3. Благословение, полученное мною от патриарха Тихона	179
4. Мои переговоры с архимандритом Климентом	182
5. Отец игумен и его община	185
6. 28 августа 1925 года	187
7. 3 сентября 1925 года	191
8. Первая излишняя подробность (для мирян)	192
9. Вторая излишняя подробность (для архиереев)	194
10. О старообрядчестве, о канонических правах митрополита Сергия и моих канонических обязанностях	197
11. Третья совершенно излишняя подробность (для всех)	201
История моего старообрядчества	205
Вместо предисловия	205
I. Воспоминания в сторону «беглопоповцев»	205
II. Воспоминание о «никонианах»	208
III. Воспоминание о добрых делах добрых людей	211
IV. Преступления никонианской синодальной иерархии за 1928–1931 годы	213
V. Примирение митрополита Сергия со старообрядцами	217
VI. Моя молитва в чужих храмах, но своей братией	220
VII. Едино стадо любви Христовой	222
«Исповедь» 1928 года	229
Моя защита республики	233
Из писем Владыки Андрея	236
Письмо А.А. Золотареву[602]	236
Письмо патриарху Тихону[603]	236
Письмо А.М. Зеенкович[604]	237
Письмо к уфимской пастве в годовщину разлуки с ней[606]	238

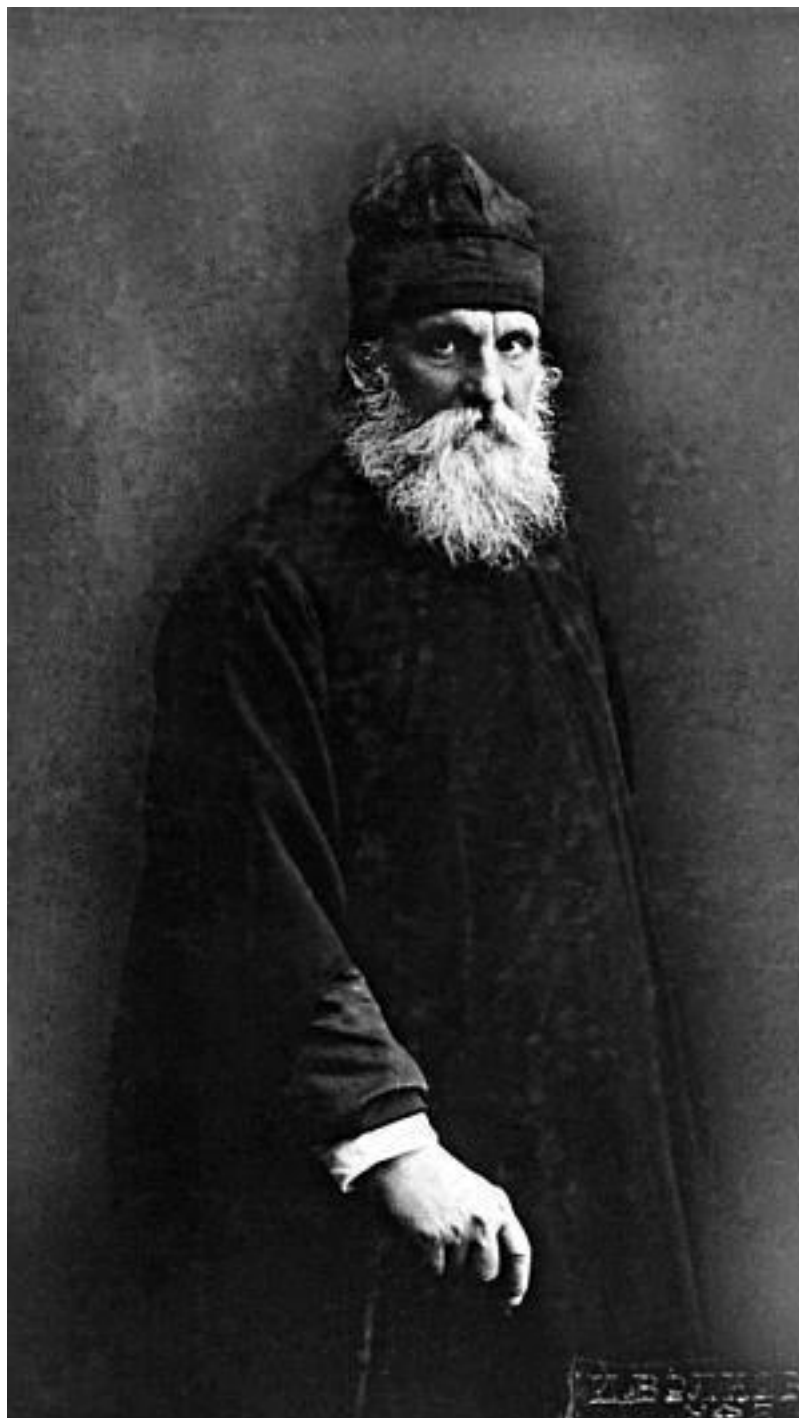
Из письма к о. Алексею Унгвицкому[607]	238
Письмо в Чувашию[608]	239
Православным христианам-уфимцам[611]	240
Из письма Е.П. Пешковой, руководителю организации «Помощь политическим заключенным»[612]	240
Из письма Е.П. Пешковой 6 февраля 1934 г.[613]	241
Отрывки из писем	241
Материалы к истории Съезда православных староцерковников	247
I. В церковно-общественный отдел совета Тихвинской старообрядческой общины	247
II. Доклад о местной церковной жизни	250
Падение нравственности духовенства	250
Клерикализм и папизм	251
Третье зло – малая воцерковленность народа	254
Пути исправления	254
Первый шаг – перевыборы духовенства	254
Перевыборы пастырей	254
Перевыборы архипастырей	254
Второй шаг – увеличение епископий	255
Третий шаг к устройению церковной жизни.	256
Приходские Советы	
Четвертый шаг к устройению церковной жизни	256
Окружной Совет Союза	257
Епархиальный Союз	257
Организация пастырей	257
III. Резолюция Съезда православных староцерковников, бывшего в городе Уфе с 3 по 6 октября 1927 года	259
Георгий Эдельштейн[628]	262
Фотографии	269

М.Л. Зеленогорский

Жизнь и труды архиепископа

Андрея (князя Ухтомского)

Издательство благодарит Рыбинский государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник и лично его директора С.Д. Черкалина за предоставленные материалы

От автора

Несколько слов о том, как появилась эта книга. После службы в армии я в 1975 году вернулся к семье – в домик, окруженный садом и соснами, в подмосковном поселке у станции Ухтомская – с Казанского вокзала, Рязанское направление. Станция названа была в память о расстрелянном в первую русскую революцию машинисте Алексее Ухтомском. Может быть, это стало знаком того, что именно там мне пришлось заняться восстановлением жизненного пути иерарха русской православной церкви архиепископа Андрея, в миру – князя Ухтомского.

А началось так. На нашей, почти деревенской, улице отключили воду в домах и пришлось идти с ведром к колонке, благо она была напротив. А из соседнего дома, тоже с ведром, вышел бородатый мужчина. Волосы на голове были завязаны в косу. Сосед проявил интерес к моей бороде – она была длиннее и гуще. Так и познакомились.

Старообрядческий священник Белокрыницкого согласия *о. Евгений Бобков*. По образованию – юрист. Его покойный к тому времени отец тоже был юристом, но возглавлял древлеправославную общину при Рогожском кладбище в Москве.

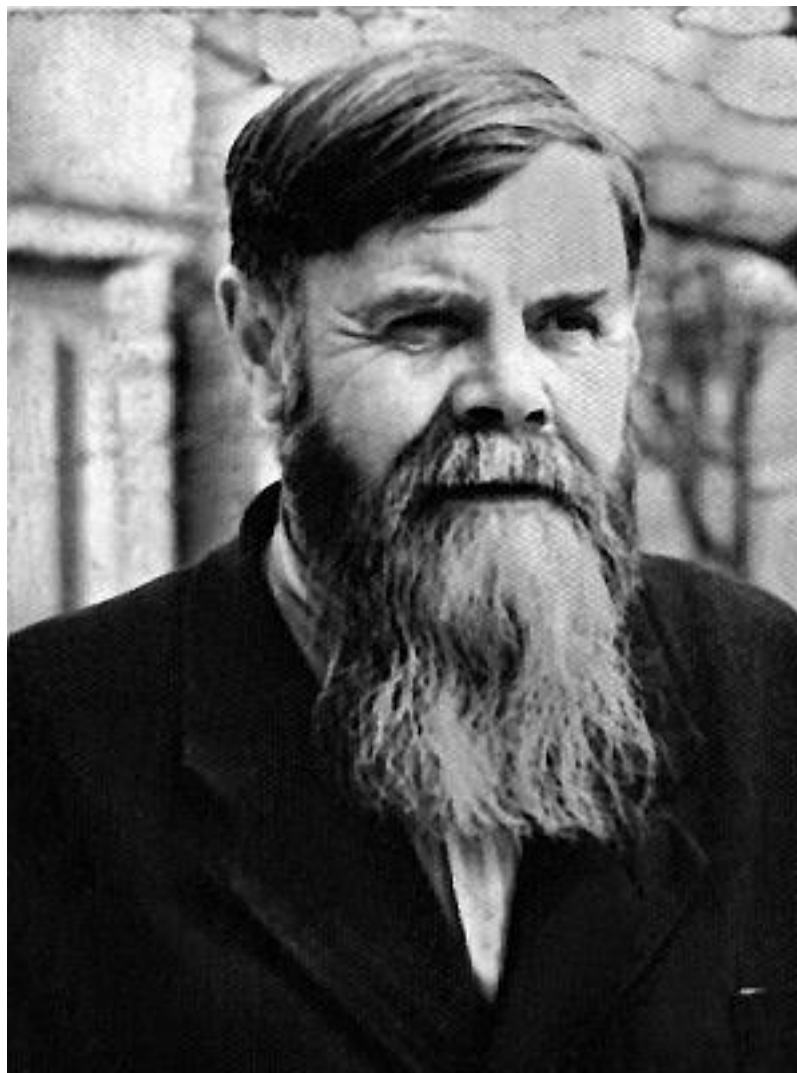
Стали общаться. У них с матушкой Ириной – из волжских старообрядцев кержаков – было к тому времени шестеро или семеро мальчишек. Мечтали о девочке – и позже она народилась. Десятой по счету. В описываемое время отец Евгений был удален госорганами из Москвы и служил настоятелем старообрядческой церкви в белорусском городе Гомеле – только там советская власть дозволила трудиться человеку, разоблачившему завербованного Комитетом госбезопасности священнослужителя на Рогожском кладбище¹. Но продолжал быть ближайшим сотрудником Архиепископа Московского и проявлял неумную активность в деле сохранения и развития староверия. Одновременно занимался наукой, в частности – историей русской духовной музыки: был знаком, сотрудничал и почитался крупнейшими специалистами в области русской культуры. А однажды принес мне постановление руководства РПЦ от 1971 года о «снятии клятв» со старообрядцев и попросил разобраться в истории вопроса и высказать мнение в виде небольшого исследования. А дабы я не испытывал недостатка в необходимых материалах и литературе, отвел меня на соседнюю улицу к *Михаилу Ивановичу Чуванову* – тогда 85-летнему старцу, председателю Преображенской старообрядческой общины федосеевцев и обладателю одной из крупнейших частных библиотек в более чем 20 тысяч книг. Журналы, газеты, рукописи, картины и рисунки. Михаил Иванович начинал еще юношей в типографии Рябушинских и всю жизнь проработал в издательствах; бережно хранил рукописи и гранки сгинувших литераторов: у него позже прочел авторские странички Цветаевой, Клюева, Павла Васильева. Опытный конспиратор и лагерный сиделец 1930 х вскоре побывал у меня дома, подарил трехтомную «Историю еврейского народа» Семена Дубнова, и в последующее десятилетие я стал постоянным читателем тамошних книг и рукописей, собеседником и иногда соавтором хозяина дома: так мы с ним написали «Введение в историю Древлеправославной Староверческой Церкви», которую он опубликовал петитом в беспоповском «рижском календаре»², в главную редакцию которого входил. Дело в том, что советская власть разрешала православным конфессиям издавать календари объемом не более 80 страниц, но для 90-летнего Михаила Ивановича глава Совета по делам религий Куроедов сделал исключение: позволял разово увеличивать их до 100 страниц, и мы мелко-мелко смогли уместить очерки по истории старообрядчества. Кстати, у того же Куроедова Михаил Иванович добился принципиального разрешения на издание с 1984 года журнала «Древлеправославный вестник», два номера которого я под присмотром Е.А. Бобкова заранее подготовил (первый – в июле 1983-го). Проект

¹ См.: Вестник Русского христианского движения (Париж). 1973. № 108-110.

² Старообрядческий церковный календарь на 1986 г. (Рига). С. 48–57.

не осуществился по причине внутренних разборок среди беспоповских согласий. По просьбе Михаила Ивановича я периодически описывал хранящиеся в доме исторические документы – это помогло мне научиться работе с источниками, умению краткого и грамотного описания их.

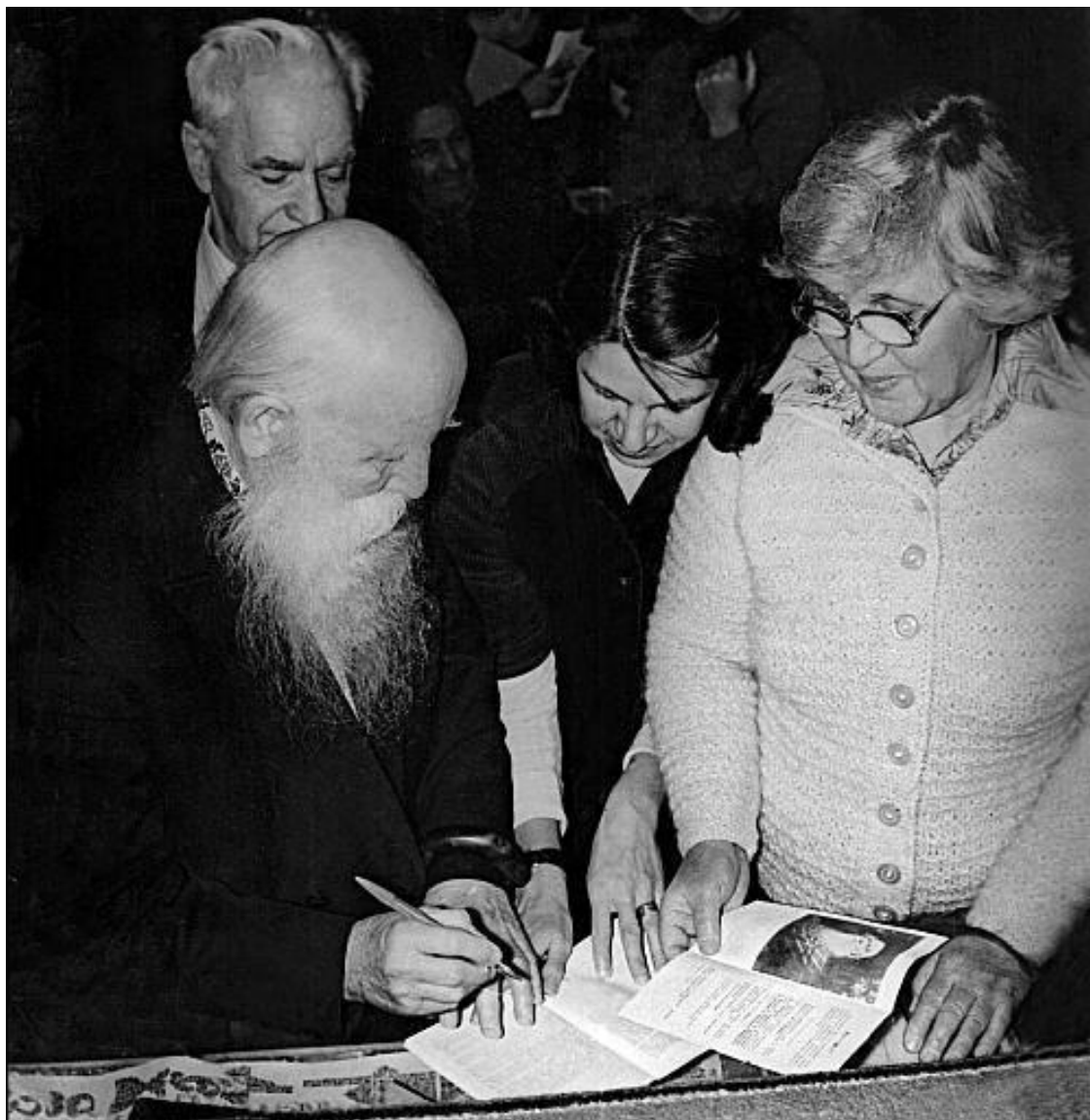
Статья «К вопросу о клятвах» была мною написана и, по всей видимости, одобрена, так как была пущена по рукам. Были и другие статьи и заметки, в том числе опубликованные. Их явно читали и потому в дальнейшем меня по-доброму принимали и в старообрядческой среде в Каунасе, Риге и в лесах Горной Шории, и в кабинетах питерского Пушкинского дома.

Алексей Дорофеевич Бобков

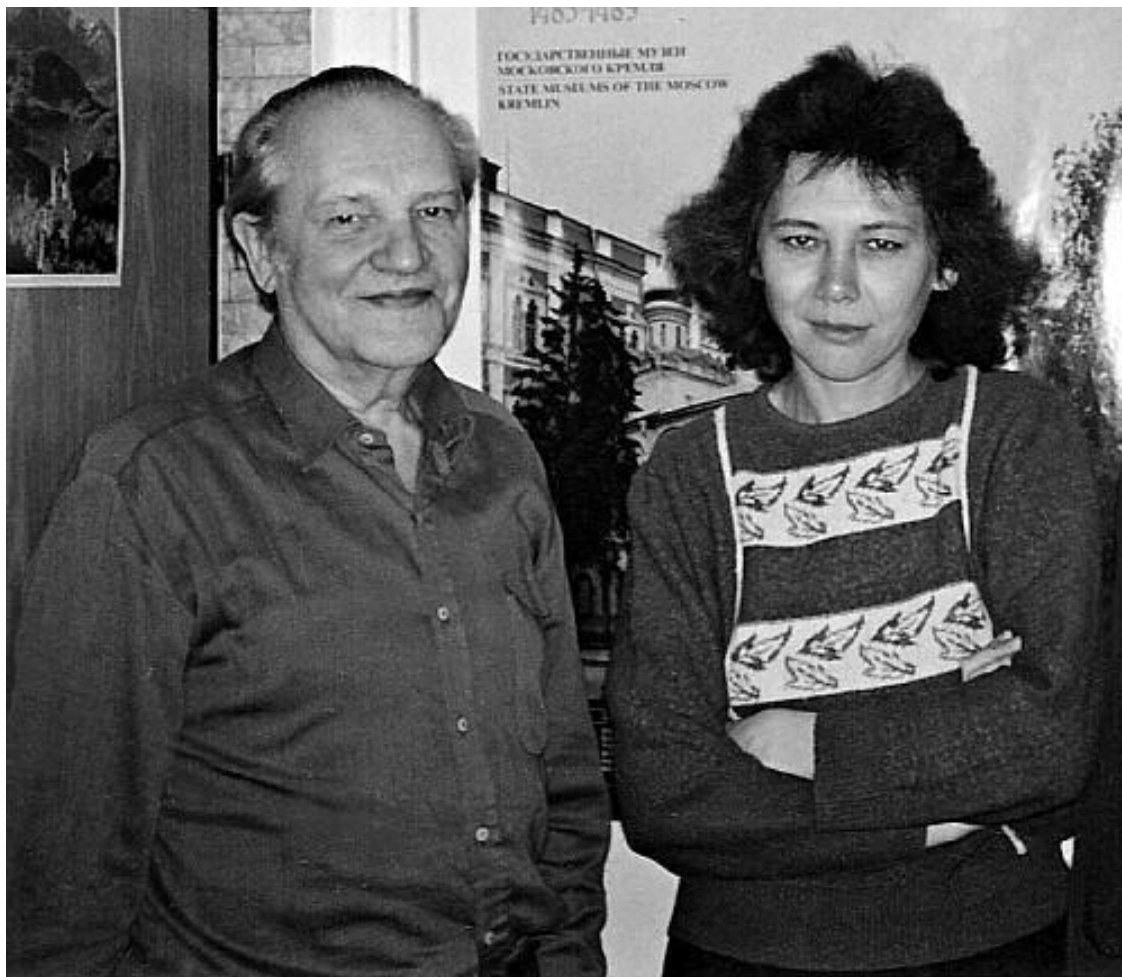
о. Евгений Бобков

Михаил Иванович Чуванов

А отец Евгений объявился с новым предложением: принес «показать» пожелтевшую рукопись в школьной тетрадке 1920-х и две почтовые открытки того же времени. Это была вторая часть воспоминаний епископа Андрея, князя Ухтомского и его краткие послания духовным детям – все, что имелось на то время у о. Евгения. Но он жаждал знать все об этом выдающемся иерархе русской Православной церкви, искренне стремившемся к единению со старообрядчеством.

Е.А. Бобков был обременен многочисленными общественными и семейными обязанностями, но, разбудив мой исследовательский интерес, разумеется, не оставил мою работу без внимания: всячески вдохновлял, советовал, подсказывал и даже провел несколько уроков по чтению на старославянском языке. Познакомил меня с ответственным секретарем «Журнала Московской патриархии» и главным редактором «Богословских трудов» *Евгением Алексеви-чем Кармановым*. Тоже наш сосед... Здесь мне был подарен самоучитель иврита, вывезенный хозяином из паломнического путешествия по Святой Земле Израиля в 1963 году. Е.А. Карманов – кандидат богословия, великий библиограф и знаток прошлой истории православия на Руси и нынешнего его состояния в Советском Союзе, был одним из важнейших кураторов моей работы. А его супруга Надя – наборщиком и корректором.

Евгений Алексеевич и Надежда Кармановы

Евгений Алексеевич снабдил меня машинописной копией многотомного справочника митрополита Куйбышевского Мануила (Лемешевского), где тот собрал и обработал сведения о русских православных иерархах конца XIX – середины XX веков, предоставил другие справочники и энциклопедии, многое объяснил и прояснил, а однажды молча передал небольшую подборку машинописных копий рукописей-текстов, где упоминался епископ Андрей: «Вышел на днях на обеденный перерыв, а на столе – вот это». Время было такое – источники лишний раз не упоминались.

* * *

Началась работа. Сначала газеты и журналы: церковные, антирелигиозные и светские. Книги и воспоминания о революции и Гражданской войне, многочисленные публикации типа журнала «Безбожник», брошюры и агитки. Шоком было знакомство с газеткой Казанской ЧК «Красный террор» с призывом к убийствам и списком уже расстрелянных. Потекли материалы самиздата и «тамиздата».

Параллельно шли поиски документов, но не в государственных недоступных архивах. Ведь были и архивы частные. И один из них находился у меня дома: архив известного в 1960–1970 годы писателя *Марка Поповского*, который он передал мне перед своей эмиграцией в 1977 году. Среди прочего он готовил книгу «Жизнь и житие Войно-Ясенецкого, архиепископа и хирурга», впервые изданную уже за пределами СССР. А врач и будущий епископ Лука работал в Ташкенте в то время, когда там находился в ссылке епископ Андрей. Я достал папки с материалами к будущей книге: есть свидетельства о том, что еп. Андрей не только постриг юного врача в монахи, но и рекомендовал возвести его в епископское достоинство. А еще там было

несколько адресов и телефонов духовных дочерей епископа-хирурга. Стал обзванивать – почти все безрезультатно, кроме одного случая: пожилая дама, откликнувшаяся на мой звонок, лишь мельком видала епископа Андрея, но преподнесла мне телефон своей подруги, которая много лет была почитательницей и духовной дочерью уфимского владыки. Звали ее *Ромодановская Ольга Петровна*, и жила она в Уфе. Она ответила на мой звонок и (после долгих уговоров) согласилась меня принять. Я отправился в Башкирию. Помню только, что видел реку Белую и памятник Салавату Юлаеву: самое «открыточное» место, ни на что больше времени не хватило. И был долгий разговор с гостеприимной хозяйкой, рассказавшей, что лишь несколько раз присутствовала на службе и потом беседовала с епископом. Говорила, что большего человека она в жизни не встречала. Но никаких документов не сохранилось – вот только фотография иконы, «которую он мне подарил». Все.

Переночевал я в ее квартирке и ни с чем отправился восвояси – домой в Москву. А через день звонок из Уфы: вы у меня тапочки забыли, а это знак, что вернетесь – так что приезжайте за тапочками и еще кое-что покажу. Во второй раз я выехал из Уфы, бережно прижимая портфель с 65-ю письмами и открытками владыки, его фото и фото пяти девушек-подружек («жены-мироносицы – смеялся мой покойный муж», вспомнила Ольга Петровна).

Окрыленный, я отправился в город Куйбышев: митрополит Мануил умер в 1965 году, а на кафедре находился его ученик и преемник *архиепископ Иоанн (Снычев)* – он же был и наследник архива. Владыки не оказалось в городе, но в епархиальном управлении дали адрес его дачи. Я и нагрянул: без предупреждения и без рекомендаций: «Здравствуйте, я пишу историю жизни Вашего расстрелянного большевиками коллеги. Дайте материалы!»

Дачная беседка, солнышко, птички поют, чай пьем: православный епископ в цивильном и чернобородый еврей. Очень мягкий отказ – ничего нет специфического, все материалы использованы в справочнике Мануила.

Я тоже был мягок и вкрадчив, но настойчив – рассказал владыке историю с тапочками. Он «испугался» моего второго прибытия, растаял, ушел в дом и тут же вынес нечто книжное в самодельном переплете. Это было более сотни страниц перепечатанных на машинке материалов касательно епископа Андрея – но вторая копия. Подарил и пожелал успеха (благословил явного иноверца).

Епископ Иоанн впоследствии в сане митрополита Ленинградского/Санкт-Петербургского прославился как духовный глава российских юдофобов. Памятуя о нашем общении в конце 1970-х, – не верю, думаю, что окружение престарелого иерарха действовало его именем.

Большинство документов приходилось перепечатывать самому – на воспетой А. Галичем портативной пишущей машинке «Эрика», подаренной мне родителями – они же были и единственными (частичными) «спонсорами проекта». По нынешней терминологии. Но родители абсолютно не подозревали, чем я занимаюсь: удовлетворялись любованием статьями, которые я изредка публиковал в газетах и журналах.

Продолжая поиски материалов, я приступил к написанию текста и первые куски относил к своему близкому человеку – *Борису Алексеевичу Филиппову*. Рожден в Порхове, закончил Псковский пединститут, аспирантура и защита диссертации по германскому фашизму в Ленинграде³. У нас на втором курсе в Рязанском пединституте стал преподавать всеобщую историю – и мы подружились. Особенно после того, как меня выгнали с пятого курса за иудейскую религиозную свадьбу – хупу. Он и был одним из главных способствовавших моему первоначальному образованию как историка: принудил читать монографии, прочесть весь «Новый мир» шестидесятых годов, доставал билеты на Таганку. У него я писал курсовую и в процессе написания работы о Первом Интернационале, прочтя гору литературы, научился сравнивать

³ Он и сам недавно опубликовал нечто вроде небольших мемуаров под названием «О моих учителях». См.: *Филиппов Б.А.* Очерки по истории России: XX век. М., 2009. С 649–656.

различные идеологии – марксизм, анархизм, немецкий социализм и российский большевизм. Хорошая школа. Борис Алексеевич был и первым читателем глав об епископе Андрее, а затем и всей рукописи.

Борис Алексеевич Филиппов

В начале олимпийского 1980 года я передал свою рукопись *Наде Кармановой*, которая и перепечатала ее в количестве 7 экземпляров. Бывший мой школьный ученик *Боря Якеменко* (в 1970-х я одно время преподавал в люберецких школах) сделал 7 комплектов фотографий и даже переплел – получилась как бы книга. И она пошла по рукам.

Прочли ее Борис Андреевич Успенский – филолог, знаменитый семиотик; Борис Ремович Лопухов – ведущий специалист по итальянскому фашизму; живший в Америке богослов и историк церкви о. Иоанн Мейендорф; друзья и их друзья. Е.А. Бобков запустил как в свои старообрядческие круги, так и в среду научную.

Неожиданно позвонил некто: на английском языке попросил о встрече. Встретились в парке в Сокольниках. Оказывается – ученый из США, приехал на две недели работать в архиве, меннонит. Привез письмо от священника Виктора Потапова с радиостанции «Голос Америки»: тот просил разрешения зачитать куски «книги» в эфире. Я – конспиратор – дал согласие устно. Американец-меннонит – не конспиратор – любезно предложил довести меня до метро: «Мой друг, военный атташе американского посольства, одолжил мне машину». Я пожегился и как мог более вежливо отказался.

Позвонил (явно по наводке Е.А. Карманова) сотрудник Издательского отдела Московского патриархата *Валентин Арсентьевич Никитин* – предложил поместить один экземпляр рукописи в их библиотеку: «Мы у Вас берем как бы для подготовки к публикации, платим гонорар; но печатать *пока* не будем». Взяли, поместили, заплатили «гонорар». Рукопись, подписанная фамилией «Зеленогорский», стала доступна читающим массам.

о. Георгий Эдельштейн

Дальнейшая история рукописи такова. В 1989 году я помог образоваться первому крупному частному издательству «Терра» и, вероятно, в благодарность хозяин издательства – *Сергей Кондратов* – решил издать книгу о епископе Андрее. Я уже жил тогда в Израиле и кто-то из друзей передал в «Терру» один экземпляр. Быстро набрали, может быть, даже сделали легкую корректуру. Фамилия автора – «М. Зеленогорский», посвящение «Б.А.» – зимой 1991 года советская власть еще числилась в живых. Гранки, разумеется, мне никто не показывал. В мягкой обложке на желтой бумаге, тиражом 50 тыс. экземпляров – книга пошла в народ и довольно быстро даже по тем временам разошлась. Через год мне отыскали несколько экземпляров только в подмосковном сельском книжном магазине.

С осени 1992 года я руководил Еврейским университетом в Москве. У нас преподавали академики и профессора, моим заместителем был доктор исторических наук, а я не остепененный. «Мои» проректоры *Аркадий Ковельман* и *Софа Шуровская* решили превратить начальника в кандидата наук – чтоб не стыдно было за ректора. Софа взяла на себя логику в оформлении документов, Аркадий нашел научного руководителя – проректора (тогда; с тех

пор он стал ректором) РГГУ проф. *Ефима Пивовара*, который дал немало ценных советов по защите диссертации.

Я честно сдал экзамены академического минимума – особенно запомнилась долгая и обстоятельная беседа на английском языке о старообрядцах и ситуации на Ближнем Востоке с очаровательной дамой – зав. кафедрой английского языка РГГУ. Мой давнишний редактор и друг *Владимир Владимирович Нехотин* помог составить вполне по советским меркам проходимый реферат⁴ по книге (отдельного текста этой диссертации не существует).

И со второй попытки я защитился. Диплом мне выдали как иностранцу и назвали «Ph.D».

* * *

По прошествии многих лет оказалось, что новое поколение староверов, исследователей, занимающихся историей России, просто читающих – хотят нового издания: расширенного и дополненного. И мне, конечно, хотелось что-то добавить, исправить, «раскрыть псевдонимы». Обнаружились новые материалы – прежде всего первая часть воспоминаний владыки и выборочные протоколы его допросов.

Осенью 2008 года мы вместе с В.В. Нехотиным, фактическим соавтором новой версии книги, съездили в Рыбинск, посетили мемориальный дом семьи Ухтомских, а директор местного музейного комплекса предоставил изобразительные материалы для нового варианта книги, – которая теперь более чем вдвое выросла в объеме относительно первого издания, составленного еще в конце 1970-х.

Всем вышеперечисленным – моя большая благодарность.

⁴ *Гришберг, Михаил Львович. Жизнь и деятельность архиепископа Андрея (князя Ухтомского): (Из истории рус. православ. церкви XX в.): Автореф. дис. на соиск. учен. степ. к. ист. н.: (07.00.02) / Моск. гос. открытый пед. ун-т. – М., 1995. – 27 с.*

Жизнь и деятельность архиепископа Андрея (князя Ухтомского)

Глава первая Корни

Моему первому учителю истории – Борису Алексеевичу Филиппову

Задача данной работы – проследить жизненный путь епископа Андрея (Ухтомского). В перипетиях судьбы, в духовных исканиях и практической работе этого иерарха нашли свое воплощение основные проблемы, во всей полноте своей вставшие перед православием в первой трети XX века.

С 1991 года, когда увидело свет первое издание этой книги (а написана она была еще раньше – к середине 1980-х, большей частью по материалам, хранившимся у покойного старообрядческого протоиерея Евгения Алексеевича Бобкова), появилось труднообозримое количество исследований и публикаций по истории российского православия в пореволюционные годы. Среди тех, которые касаются нашей темы, следует в первую очередь назвать документальную повесть «Князь Ухтомский, епископ Андрей» Александра Нежного, успевшего в начале 1990-х получить доступ к материалам нынешнего Центрального архива ФСБ⁵. Представительный блок материалов о еп. Андрее содержит исследование И.И. Осиповой⁶. Особо стоит выделить подготовленные Л.В. Соколовой с соавторами три тома⁷, представляющие гуманитарное наследие младшего брата епископа Андрея, академика-физиолога Алексея Ухтомского, и подготовленный Н.П. Зиминой фундаментальный двухтомник «Путь на Голгофу», посвященный жизни первого в России единоверческого епископа Симона (Шлеева), в том числе церковно-общественной жизни Уфимской епархии в 1920-х, с тематически примыкающим к ним исследованием об уфимских викариях – ставленниках и соратниках владыки Андрея⁸. Наконец, нужно упомянуть новейший каталог русских архиереев, кумулирующий разыскания нескольких поколений историков, начиная с М.Е. Губонина и митрополита Мануила (Лемешевского)⁹.

⁵ Первая публикация: Звезда. 1997. № 10. Ниже мы везде будем ссылаться на книгу А.И. Нежного «Допрос патриарха» (М., 1997), куда повесть о еп. Андрее вошла в качестве четвертой главы. К сожалению, дело владыки Андрея из ЦА ФСБ во всех ее изданиях фигурирует под номером то «Н4296», то «42968»; возможности же уточнить причины подобного разнобоя нам не представилось. Изучавший эти материалы десятилетием позднее священник Александр Мазырин вообще ссылается на «Следственное дело по обвинению епископа Андрея (Ухтомского) 1928 года» («ЦА ФСБ. Д. Р-40748». См.: Мазырин А., иерей. Высшие иерархи о преемстве власти в Русской Православной Церкви в 1920-х – 1930-х годах. М., 2006. С. 412.

⁶ *Осипова И.И.* «Сквозь огонь мучений и воды слёз...»: Гонения на Истинно-Православную Церковь по материалам следственных и лагерных дел заключенных. М., 1998. С. 240–250.

⁷ *Ухтомский А.А.* Интуиция совести: письма, записные книжки, заметки на полях. СПб., 1996; *Ухтомский А.А.* Заслуженный собеседник: этика, религия, наука. Рыбинск, 1997; *Ухтомский А.А.* Доминанта души: из гуманитарного наследия. Рыбинск, 2000.

⁸ *Зиминая Н.П.* Жизнеописание священномученика Симона, епископа Охтенского. М., 2005 (Путь на Голгофу. Т. 1); Духовное наследие священномученика Симона, епископа Охтенского / Сост. Н.П. Зиминой. М., 2005 (Путь на Голгофу. Т. 2); *Зиминая Н.П.* Викарии Уфимской епархии 1920-х годов: священномученик еп. Вениамин (Троицкий; 1901–1937) // XIV Ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского богословского института: Материалы 2004 г. М., 2005. С. 323–349.

⁹ История иерархии Русской православной церкви: комментированные списки иерархов по епископским кафедрам с 862 г. / М.Е. Губонин, П.Н. Грюнберг и др. М., 2006. Классический для своего времени труд митр. Мануила «Русские православные иерархи периода с 1893 по 1965 г. (включительно)» (Куйбышев, машинопись) так и не увидел света в России, существует только его немецкое издание: *Die Russischen Orthodoxen Bischöfe von 1893 bis 1965. Bio-Bibliographie von mitropolit Manuil*

В новом издании нашей книги использованы также материалы А.Г. Дурнова, А.В. Знатнова, Н.Н. Бикташевой, Л.В. Соколовой, Д.О. Черношвитова, И.Е. Алексеева, священника Андрея Бермана (Бессарабская митрополия Румынской Православной Церкви), священника Алексея Лопатина (РПСЦ), покойного древлеправославного епископа Богородского и Суздальского Антония (Баскакова).

В период церковных раздоров представители различных течений обращали свое внимание на деятельность еп. Андрея, что отразилось в многочисленных писаниях, носящих чаще всего полемический характер. Светская атеистическая литература, характеризуя владыку, ограничивалась цитированием его высказываний конца 1917 – начала 1918 года, однако и здесь удавалось обнаружить некоторые сведения о соратниках архиерея и церковной жизни в тех районах страны, куда судьба забрасывала епископа.

Особо ценным материалом является рукописное наследие еп. Андрея, любовно хранимое многие годы его почитателями. Здесь тетрадь воспоминаний «История моего старообрядчества», размышления о некоторых моментах церковной истории в России, оценка современного владыке состояния православия, письма к единомышленникам и духовным последователям. Немногочисленны, но несомненно ценны воспоминания о владыке его духовных детей – любовь к нему они донесли до наших дней.

Обратимся к историческим документам, которые помогут представить родовую среду, откуда вышел владыка Андрей – в миру князь Александр Алексеевич Ухтомский.

Потомок Рюрика в двенадцатом колене князь Глеб Васильевич получил в середине XIII века удел на Бело-озере. Через несколько поколений от него¹⁰ князь Иван Иванович Каргопольский стал владельцем удела на реке Ухтоме (бассейн Шексны), название которой и дало имя княжескому роду, о котором в «Общем гербовнике дворянских родов Всероссийския империи» сказано:

3. Герб рода князей Ухтомских. В щите, имеющем голубое поле, изображены: золотой крест, под ним серебряная луна, рогами вверх обращенная, а в нижней части щита две серебряные рыбы, плавающие крестообразно в реке. Щит покрыт мантией и шапкой, принадлежащими княжескому достоинству. Род князей Ухтомских происходит от князей Белозерских. В родословной князей Белозерских, находящейся в Бархатной и других родословных книгах, показано, что праправнук Великого князя Владимира Святого, крестившего русскую землю, Великий князь Всеволод Юрьевич посадил своего сына Константина на княжение в Ростове. Сын того князя, князь Василий, имел сына князя Глеба и посадил его на уделе на Бело-озере. У правнука одного князя Глеба Васильевича, князя Василия Романовича был внук князь Иван Иванович Ухтомский, коего потомки князя Ухтомские многие, как Российская история показывает, служили Российскому престолу стольниками и в иных знатных чинах и жалованы были от государей поместьями и другими знаками монаршей милости. Все сие доказывается, сверх истории Российской, Бархатною книгою, справкою разрядного архива и родословною князей Ухтомских»¹¹.

(Lemesevskij). Bd. I-VI. Erlangen, 1979–1989.

¹⁰ См.: Родословная. Из записки, данной кн. Э.Э. Ухтомским // *Ухтомский А.А.* Доминанта души. С. 11–14; *Петров П.Н.* История родов русского дворянства. Кн. 1. СПб., 1886 [репринт – М., 1991]. С. 207–219.

¹¹ Общий гербовник дворянских родов Всероссийския империи, начатый в 1797 году. [СПб., не позднее 1809]. Часть IV, №3.

Князь Василий Большой Иванович Ухтомский стоял воеводой в Казанском походе, где показал особое мужество и воинское умение»¹²; князья Иван Юрьевич и Федор Петрович отличились при взятии Казани в 1552 году; представители рода были воеводами в Полоцком походе 1551 года, в том же году Ухтомские были отмечены за доблесть, проявленную при осаде Дубровны; в годы Смутного времени сражался с «воровскими шайками» самозванцев около Хлынова (Вятки) князь Михаил Федорович; в 1664 году восемь братьев Ухтомских погибли в бою у местечка Конотоп в битве с поляками и запорожцами. Ухтомские выступили на стороне князя Хованского в годы раскола русской Церкви в XVII веке, и в дальнейшем в этом роду были сильны симпатии к старообрядчеству.

Из этого рода вышел знаменитый русский архитектор Дмитрий Васильевич Ухтомский, основавший в 1742 году московскую архитектурную школу и воспитавший таких выдающихся зодчих, как А.Ф. Кокоринов, В.И. Баженов, М.Ф. Казаков и др. Наиболее известным из созданного Д.В. Ухтомским стала колокольня Троице-Сергиевой лавры. В XIX веке в роду вновь возобладали военные традиции: дядя будущего епископа князь Леонид Алексеевич – адъютант Нахимова, впоследствии сам адмирал, оставивший интересные мемуары; две тетки были замужем за морскими офицерами – участниками Севастопольской обороны; другой дядя-адмирал – участник обороны Порт-Артура. Отец, Алексей Николаевич, десять лет прослужил на флоте и пожелал, чтобы оба его сына – Александр и Алексей – учились в том же Нижегородском кадетском корпусе, который закончил он сам и его братья.

На рубеже XIX и XX веков Ухтомские усиленно занимаются этнографией; по крайней мере, мы находим четырех представителей фамилии, посвятивших себя этому предмету. Особенно выделяется в этот период Эспер Эсперович Ухтомский (1861–1921) – редактор «Санкт-Петербургских ведомостей», этнограф, поэт, публицист; будучи наставником цесаревича Николая Александровича, сопровождал того в поездке по Дальнему Востоку, о чем издал роскошный многотомник «Путешествие наследника цесаревича на Восток в 1890–1891 гг.». Эспер Эсперович поддерживал тесные контакты с еп. Андреем, широко освещал его деятельность на страницах своей газеты и помещал статьи самого владыки.

По воспоминаниям ученицы академика Ухтомского А.В. Казанской, «древностью своего рода он очень гордился. Показывал нам выписки из древних архивов и летописей, по которым можно было установить, что род его идет чуть ли не от легендарного Рюрика, а по женской линии от татарского завоевателя Чингисхана. Алексей Алексеевич говорил, что последний факт записан даже в каких-то азиатских летописях, чуть ли не в Тибете. И когда Эспер Эсперович в своих путешествиях попал в те места, то встречали его там с великим почетом, как потомка древнего рода, и провозили через какие-то золотые ворота, через которые простые смертные проходить не могут»¹³.

Потомки князя Глеба Васильевича от его брака с дочерью хана Сартака, в крещении Феодорой, действительно принадлежат одновременно и к Рюриковичам, и к Чингизидам. Хорошо знавший семью Ухтомских по Рыбинску писатель и краевед А.А. Золотарев (1879–1950) писал о «богатеишей, по отцовской линии, наследственности» братьев Александра и Алексея: «и святых, и мучеников, и строителей Земли русской – политиков, дипломатов, гражданских воевод и военачальников»; «со стороны матери, урожденной Черносвитовой», они будто бы наследовали в себе «еврейскую кровь», «древнейшую и богоизбранную... С другой стороны, через Глеба Васильевича, женатого на татарке-чингизханочке, все Ухтомские наследовали себе татарскую кровь»¹⁴. Но, как уточняет современный комментатор, замечания А.А. Золотарева о «еврейской крови» братьев недостоверны: их мать Антонина Федоровна (1847–1913) – урож-

¹² Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Т. 3. М., 1960. С. 68.

¹³ Ухтомский А.А. Доминанта души. С. 467.

¹⁴ Там же. С. 440–441.

денная Анфимова, а не Черносивитова; Михаил Александрович Черносивитов¹⁵ был ее отчимом, так что кровного родства между Ухтомскими и ярославскими дворянами Черносивитовыми нет¹⁶.

Александр Алексеевич Ухтомский – старший сын в семье – родился 26 декабря 1872 года¹⁷ в селе Вослома Арефинской волости Рыбинского уезда Ярославской губернии, примерно в 15 верстах к северу от Рыбинска. Его отец Алексей Николаевич (1842–1902), уйдя в отставку с флота, некоторое время служил в канцелярии ярославского губернатора, – но, обладая неуживчивым характером и привычкой говорить правду в глаза даже начальству, долго в государственных учреждениях не удержался и принял за улучшение быта крестьян своего родового поместья на речке Восломе.

Младший из братьев оставил необычайно поэтические описания этих мест: «родная моя сторонушка, где Бог привел родиться на берегу заволжской извилистой речки Восломки, что бежит чрез красное поле, чрез поля, покрытые зарослью, и отдает свою чистую воду Ухре, а Ухра – Шексне, а Шексна пала уж в самую матушку Волгу. Там же Бог привел и духовно родиться, воспитаться, мыслью вдохновиться, – там все на волжских берегах и в вожско-окинской долине»; «...я вдруг собрался, надел котомку и ушел в родные заволжские леса, на родину... где родились и умерли несколько поколений моих родичей... И великий душевный покой сошел ко мне, когда я углубился в дремучий арефинский лес, ночевал в его глубине, чувствовал эту благодать заволжской пустыни, которая привлекала с незапамятных времен русских людей, ищущих Христова мира... преподобный Нил Сорский... старцы Андриан Пошехонский, Севастиан Сохотский и другие... Журчит по-старинному родная речка Восломка... все бежит и все журчит, как в день, когда я родился на ее берегу в 1875 году, и когда родился мой отец в 1842-м, и тетя в 1832-м, и дед Николай Васильевич в 1806-м, и когда поселились на ней первые Ухтомские, приблизительно при Грозном Царе...»¹⁸.

Однако, как вспоминал старший сын, в Восломе «отец ухитрялся так хозяйничать, что аккуратно ежегодно получал убытки, и, если случалось ему получить неожиданную прибыль, то он своим работникам выплачивал прибавки»¹⁹. Детей своих Алексей Николаевич воспитывал в страхе Божиим, сам воспринимая Господа лишь как Владыку мира. Но дети были благодарны отцу за воспитание в них чувств ответственности и долга.

«Мать Антонина, – вспоминал владыка Андрей, – была идеально добрая женщина... она никогда ни словом ни делом [никого] не обидела и мало того – ей приходилось иногда сглаживать и исправлять те резкости в отношении к людям, которые позволял себе отец, и всегда являлась каким-то ангелом-утешителем, общей любимицей... Она чистым сердцем любила Бога Отца и верила просто, что Он и ее молитвы не может отвергнуть. Это давало ее молитве искренность и напряженность»²⁰. Известно, что Антонина Федоровна принимала участие в

¹⁵ Бабушка владыки Андрея и академика Ухтомского по материнской линии Анна Петровна вышла замуж за Федора Михайловича Анфимова, от этого брака у них было трое детей: Михаил, Петр и Антонина. В 1848 г. Ф.М. Анфимов умер, а четыре года спустя Анна Петровна вышла замуж за М.А. Черносивитова. От этого брака у Анны Петровны родилось еще четверо детей: Александр (р. 1857), Людмила (р. 1855), Евгения (р. 1858) и Леонид (р. 1861). Из детей Леонида Михайловича известны (см.: http://chernosvitov.ru/PIC/TotalTree_010.jpg) офицер лейб-гвардии Московского полка Владимир (р. 1884), Михаил (р. 1885), Георгий (р. 1886 или 1887) и Мария (р. 1888). Останавливаемся на этом потому, что к концу 1990-х доступ к материалам ЦА ФСБ о вл. Андрее был закрыт по настоянию психиатра Евгения Васильевича Черносивитова, объявившего себя «потомком [так!] князей Ухтомских – академика Алексея Алексеевича и отца [так!] Андрея Уфимского, патриарха каткомбной Церкви в СССР» (см.: <http://chernosvitov.narod.ru/main.html>). Среди предков вл. Андрея по женской линии были представительницы таких родов, как Бобоедовы и Ащерины (см.: www.melentyev.ru/gedcom/default.htm?page=1119.htm).

¹⁶ Ухтомский А.А. Доминанта души. С. 441, прим.

¹⁷ Даты до февраля 1918 г. приводятся по старому стилю; после – по новому (за исключением специально оговоренных).

¹⁸ Ухтомский А.А. Интуиция совести. С. 33, 87, 89.

¹⁹ Краткое жизнеописание епископа Уфимского Андрея, записанное игуменом Илией от христианки Шаминой Елены Ивановны (отрывки рукописи; 11 машинописных страниц).

²⁰ Там же.

миссионерской работе сына-монаха, жертвовала на создаваемые им монастыри в Казанской губернии, а накануне своей кончины значительную часть состояния завещала Церкви.

В сохранившихся отрывках воспоминаний еп. Андрея, составленных, по-видимому, в начале 1920-х, владыка с особой любовью и признательностью вспоминает няню Манефу Павловну – бывшую крепостную, до конца дней своих жившую в доме Ухтомских: «С ее молитвенного шепота я и выучил свои первые молитвы... запомнил и весь ее запас догматических познаний. Я уже архиереем говорил неоднократно проповеди на темы, заимствованные из мудрых наставлений моей няни»²¹.

* * *

После пятого класса гимназии Александр Алексеевич Ухтомский поступил в 1887 году в Нижегородский имени графа Аракчеева кадетский корпус, а после успешного окончания его был принят в Московскую духовную академию (МДА).

Такая резкая перемена в судьбе во многом объясняется знаменательным событием – встречей с Иоанном Кронштадтским на волжском пароходе, когда мать везла сыновей на каникулы домой. Отец Иоанн долго беседовал с Александром и Алексеем, после чего они оба приняли одинаковое решение – Алексей после окончания корпуса также поступил в МДА, неизменно был там среди лучших студентов и был выпущен со степенью магистра богословия.

Впоследствии молодой иеромонах Андрей часто встречался с о. Иоанном, вел с ним переписку, а позже – вспоминал в своих проповедях и статьях.

О впечатлении, которое производил о. Иоанн, можно составить некоторое представление по воспоминаниям Владислава Ходасевича, который в 1895 году, в десятилетнем возрасте, в тех же местах под Ярославлем встретил знаменитого пастыря:

В конце лета приехал на Толгу Иоанн Кронштадтский. Под вечер толпа народу встречала его на берегу и провожала в монастырь. На следующее утро служил он обедню – меня с другими детьми поставили впереди. В тот же день, часа в четыре, я, по обычаю, побежал в парк, о. Иоанн шел с настоятелем и о. Александром. Он благословил меня и спросил, как зовут. Он держался необыкновенно просто и куда менее осанисто, чем многие из знакомых мне монахов. Такое же простое было у него и лицо – оно показалось мне очень женственным и деревенским, и мне было странно, что он окружен таким почтением. К вечеру он уехал. Толпа народа вновь собралась на берег с иконами и хоругвями. Пароход отчаливал, было ветрено и прохладно. Отец Иоанн стоял на корме, ветер трепал его рясу и волосы. Так продолжалось, пока пароход не ушел совсем далеко. Толпа не двигалась. Было так тихо, что слышался плеск воды, набегавшей на берег, и так прекрасно и грустно, что я заплакал.

Так Ходасевич завершает автобиографический очерк «Младенчество»²².

В своем «изложении истории жизни епископа Андрея», написанном уже много позже его гибели, летом 1944 года, А.А. Золотарев сообщает: «В гимназические годы неудачная отвергнутая любовь (порою кажется в какой-то минимальной степени и справедливым рыбинское «мещанское» местное объяснение исхода в монашество и в безбрачие обоих братьев Ухтомских, что им не было ровни в Рыбинске, что они не могли себе найти по сердцу спутницы жизни), после окончания Академии разрыв с друзьями-приятелями (у меня в памяти сохранился отрывок товарищеского разговора, надолго разведшего Сережу²³ и – уже! – архимандрита Андрея в разные стороны друг от друга: на типичные для русского поповича – в данном

²¹ Там же.

²² Ходасевич В.Ф. Собрание сочинений: В 4 т. Т. 4. М., 1997. С. 209.

²³ Сергей Алексеевич Золотарев (1872–1941), брат мемуариста, историк литературы, профессор ЛГУ.

случае нашего Сережи – укоры своего приятеля, что он оставил мир и ушел, сокрылся «от живой жизни» под монашеским клобуком, будущий епископ ответил: «Лучше под клобуком, чем под башмаком!»²⁴.

Александр Ухтомский в 1891 году успешно сдал многочисленные вступительные экзамены в МДА и был принят в состав юбилейного – пятидесятого – ее курса, почти целиком состоявшего из бывших семинаристов. В переводных списках курса Александр занимал 33–35 места, то есть учился средне и стабильно: в протоколах заседаний Совета МДА ни разу не отмечался ни среди отличившихся (за исключением вступительного экзамена по греческому языку), ни в списках задолжников. Среди преподавателей МДА тех лет следует вспомнить Е. Голубинского, Н. Субботина, В. Ключевского, Н. Каптерева. Первые месяцы учебы инспектором академии был архимандрит Сергей (будущий патриарх), а затем архимандрит Антоний (Храповицкий), контакты с которым будущий епископ Андрей поддерживал долгие годы. И через много лет владыка Андрей с благодарностью вспоминал, что ректор Антоний «всегда твердо воспитывал нас в том взгляде на церковную жизнь, что Церковь должна быть свободной, что Она должна управляться Соборами, что без Соборов церковной жизни нет»²⁵.

В 1895 году Александр Ухтомский пишет курсовое сочинение на тему «О гнев Божием», оцененное экстраординарным профессором А. Беляевым (который в свое время писал сочинение на противоположную тему – «Любовь Божественная») как заслуживающее присуждения его автору степени кандидата богословия. Рецензент отмечал (в журнале «Богословский вестник» за 1896 год): «Сочинение... есть первый в русской богословской литературе опыт обширного исследования о гневе Божием. Должно добавить, что даже иностранная литература не изобилует сочинениями об этом предмете... Отсюда видно, что исследование этого предмета сколько желательно, столько же затруднительно. Г. Ухтомский взялся за такой труд и выполнил его не без успеха. Источником ему служили – Священное Писание и творения святых отцов, большею частию из тех, которые переведены на русский язык, а пособиями сочинения русских богословов, как то: епископа Феофана, протоиерея Иоанна Сергиева, профессоров: Ф.А. Голубинского и А.Д. Беляева и других. В изучении материала автор обнаружил значительное усердие, и сочинение его показывает, что он занимался своим предметом с любовью. Благодаря этим хорошим качествам он, несмотря на разбросанность материала, сумел выработать, провести и по возможности обосновать свой взгляд на гнев Божий. По его мнению то, что называется гневом Божиим, есть проявление Промыслительного отношения Бога к грешникам и страдание человека от греха... Он раскрывает свой взгляд положительно, не вдаваясь в пространные опровержения несогласных с ним взглядов и ограничиваясь упоминанием о них и краткими замечаниями против них. Главный недостаток сочинения в том, что г. Ухтомскому не удалось выработать строгого плана, отчего материал как бы разбросан по сочинению, тесной связи между частями не установлено и мысли не везде изложены с логической последовательностью».

Позже примерно две трети этой работы были опубликованы²⁶.

14 июня 1895 года Александр Ухтомский написал заявление, в котором высказал желание служить по учебно-духовному ведомству, на что в отношении канцелярии обер-прокурора Св. Синода от 15 ноября 1895 года за №6892 было определено: «По утверждению г. Синодальным Обер-Прокурором, 9 текущего ноября, доклада Учебного Комитета при Святейшем

²⁴ *олотарев А.А.* Campo Santo – кладбище моей памяти: Образы усопших в моем сознании. Том XI-й. Запись №368: Архиепископ Андрей (Александр Алексеевич князь Ухтомский) // РГАЛИ. Ф. 218. Оп. 1. Ед. хр. 15. Л. 85 (другую публ. см.: Новая Европа. 1996. №9. С. 43–46).

²⁵ Краткое жизнеописание епископа Уфимского Андрея, записанное игуменом Илией...

²⁶ Отзыв: Богословский вестник. 1896. №4. Отд. V. С. 208–210; публикации: *Андрей, архим.* О любви Божией на страшном суде Христовом. Казань, 1904 (прил. к №5 журнала «Деятель»); *Андрей, архим.* Истолкование библейских изречений об искуплении человека. Казань, 1904 (прил. к №8 журнала «Деятель»).

Синоде, кандидат Московской Духовной Академии князь Александр Ухтомский определен учителем по русскому языку в 1-й класс Казанского духовного училища с окладом жалования, положенным учителям из студентов духовной семинарии».

2 декабря 1895 года в Казани Александр Ухтомский был пострижен в монахи с именем Андрея, а 6 декабря рукоположен в иеромонаха. В 1897 году он становится инспектором Александровской миссионерской семинарии, а с 1899 года – наблюдателем Казанских миссионерских курсов в сане архимандрита.

4 октября 1907 года архимандрит Андрей был хиротонисан во епископа Мамадышского, третьего vicaria Казанской епархии; это vicariatство было учреждено накануне, и еп. Андрей стал первым казанским vicарием по делам миссионерства среди мусульман. Хиротонию, которая совершалась в Благовещенском соборе Казани, провели местный архиепископ Димитрий (Самбикин), епископ Нижегородский Назарий (Кириллов) и епископ Пензенский Митрофан (Симашкевич).

С 25 июня 1911 года еп. Андрей возглавляет Сухумскую епархию, а с 22 декабря 1913 года он епископ Уфимский и Мензелинский.

Вся жизнь епископа Андрея в основном проходила в тех районах России, где христианство сталкивалось с мусульманством и язычеством²⁷, – это во многом определило его миссионерскую работу и борьбу за чистоту православия, что в конечном счете привело владыку к деятельности, направленной на обновление и возрождение Церкви, не первый век находящейся под напором чуждых ей верований и идей.

²⁷ Одним из результатов этой работы стал справочник: Наиболее важные статистические сведения об инородцах Восточной России и Западной Сибири, подверженных влиянию ислама / Под ред. еп. Андрея и Н.В. Никольского. Казань, 1912. Никольский Николай Васильевич (1878–1961) – первый чуваш, получивший ученую степень магистра (1913 г., диссертация «Христианство среди чуваш Среднего Поволжья в XVI–XVIII вв.: Исторический очерк»). В советское время преподавал в вузах Казани.

Глава вторая

На путях обновления церковно-общественной жизни

Осмысливая жизнь епископа Андрея, можно заключить, что уже в начале своего пастырского служения он сформировался как цельная натура и в основе его мировоззрения лежали воспринятые сердцем и умом идеи православия. Внутренняя убежденность была непоколебима, и все силы были отданы церковно-общественной деятельности: епископ активно включился в миссионерскую работу и всю жизнь оставался распространителем и проповедником тех начал христианской жизни, которые считал основой человеческого бытия.

Разумеется, не следует представлять картину жизни епископа Андрея как прямой путь, свободный от колебаний и отступлений, но основные моменты трансформации его идей были вызваны внешними проявлениями общественной и церковной жизни России, в то время как внутренний мир владыки оставался устойчивым комплексом ранее пережитой и воспринятой им идеи православия.

Каков же круг проблем, в границах которого трудился еп. Андрей до 1917 года, то есть до того времени, когда события революции глубоко преобразили структуру общественной жизни России и изменили условия приложения активности епископа?

1

В церковно-общественной жизни русского православия синодального периода епископ Андрей не находил почти ни одного светлого пятна; «элемент Божественный в Церкви вечно жив и не может быть нарушен», писал он, но «нельзя не согласиться, что человеческая сторона церковной жизни извращена до самой последней степени»²⁸. Если Церковь еще жива, считал он, то лишь благодаря отдельным личностям из клира и мирян, посвятившим свою жизнь религиозному подвигу служения христианским идеалам. В середине XIX века – это славянофилы, в первую очередь А. Хомяков и И. Аксаков, на рубеже XIX–XX веков – Иоанн Кронштадтский. Среди современников владыка выделял также архиепископа Антония (Храповицкого), был большим почитателем архимандрита Кирилла (Васильева) – настоятеля Воскресенского монастыря близ станции Любань Новгородской епархии. Важное место в деле сохранения духовности православия еп. Андрей уделял единоверию.

Церковь же как единый организм, по мнению владыки, не выполняла своих функций, не была на это способна в силу почти абсолютного разложения ее организации, от высшего управления до последнего клирика, и полного отсутствия активности основной единицы церковно-общественной жизни – прихода.

Источник подобного положения церковной организации владыка Андрей видел в реформаторской деятельности Петра, учредившего в качестве одного из ведомств государственной власти «высшее церковное управление», ставшее прежде всего органом подчинения деятельности Церкви интересам светского государственного строительства. Суть петровских реформ в этой сфере сводилась прежде всего к учреждению Святейшего Синода, права и обязанности которого были определены в Духовном регламенте, составленном архиепископом Феофаном (Прокоповичем) и изданном 25 января 1721 года. Институт патриаршества в России упразднен, и устанавливалась власть синодального управления. Аргументы в пользу новой системы видели в том, что: а) истина гораздо лучше может быть узнана несколькими лицами, чем одним; б) определение и решение власти соборной авторитетнее, чем власти единоличной; в) простой народ, в случае конфликта государственной власти с церковной, может «по невежеству»

²⁸ К верующим сынам Церкви // Уфимские епархиальные ведомости (далее – УЕВ). 1915. №17. С. 725.

стать на сторону последней, и т.п. В качестве представителя государственной власти в Синоде назначался «из офицеров» обер-прокурор, в обязанности которого входили функции контроля и предварительной подготовки решений Синода, «применяясь к инструкции генерал-прокурора Сената»²⁹. Должность обер-прокурора была учреждена 11 мая 1722 года. Первоначально его компетенция скромно определялась как наблюдательная, но очень скоро обер-прокурор превратился в непосредственного руководителя Ведомства православного исповедания, что и было постепенно зафиксировано в законодательных актах первой трети XIX века. Обер-прокурору были предоставлены министерские права, он докладывал непосредственно царю и заведовал канцелярией, хозяйственным управлением и прочими вспомогательными синодскими учреждениями. Он же сосредоточил в своих руках права на назначение должностных лиц, распределение пенсий, пособий и наград по духовно-учебному ведомству.

Один из наиболее авторитетных русских православных иерархов начала XX века архиепископ Антоний (Храповицкий) – он получил наибольшее количество голосов при выборе кандидата на патриарший престол в 1917 году – неоднократно высказывался о бедственных последствиях петровских реформ, считая, что «государственное управление во времена Петра и после, целями чисто внешней культуры и государственной централизации, сузило, обезличило и даже наполовину затмило религиозное сознание и религиозную жизнь православного народа»³⁰. Обер-прокуроров архиепископ Антоний называл «естественными органами порабощения Церкви и ее подчинения светским интересам жизни»³¹. Отмену в начале XVIII века патриаршества он определил как «прямое и ничем не извинительное отступление от основных канонов всей Христовой Церкви»³². Уже на Соборе 1917–1918 годов архиеп. Антоний высказался еще более определенно и резко: назвав царя Петра «великим разорителем Церкви», утверждал, что «с его времени наш церковный строй получил уклон к протестантству»³³.

Глубокая характеристика петровских реформ принадлежит православному мыслителю профессору С.Н. Булгакову, выступившему с докладом о правовом положении Церкви в государстве на Соборе 11 февраля 1918 года: «с Петра же 1-го, когда в отношения между Церковью и Государством вторглась протестантская стихия, в силу которой церковь есть только часть государства, наравне с другими частями государственного механизма... в связи с этим наше церковное самосознание потерпело ущерб, исказилось, приняло уродливый характер, навлекший упрек в цезарепапизме. В основах нашей церковной жизни цезарепапизма нет. Но сами формы церковного управления (подчинение светской власти и синодальный провинциализм, как противоречие вселенскому сознанию Православной Церкви) не соответствуют, противны духу Церкви»³⁴.

Брат еп. Андрея Алексей предпочитал называть «приверженцев синодального исповедания» не цезаропапистами, а «мелхитами»: «нельзя более точно их обозначить, если уж приискивать что-либо соответственное им в древней церковной истории. Мелхиты упоминаются в церковных книгах, в Кормчей, как *особые еретики*. Каптерев доказывает, что это никто иной, а именно та часть православных, которая... опиралась всецело на Византийский Двор, действовала поддержкою Двора и в воззрениях своих имела критерием то, как *смотрит император и двор*»³⁵. Мне кажется, что все это и составляет самую характерную черту синодских, что у

²⁹ Полный православный богословский энциклопедический словарь. Том II. СПб., [1913; репринт – М., 1992]. Ст. 2023.

³⁰ Антоний (Храповицкий), архиеп. Заявление в VI отделе Предсоборного присутствия 19 мая 1906 г. о свободе вероисповеданий. Почаев, 1906. С. 4.

³¹ Восстановление патриаршества. Почаев, 1912. С. 4.

³² Там же. С. 6.

³³ Антоний (Храповицкий), архиеп. Выступление на Соборе по вопросу о патриаршестве // Священный Собор Православной российской Церкви 1917–1918 г. Деяния (далее – Деяния). Кн. II. Вып. 1–2. С. 289.

³⁴ Булгаков С.Н. О правовом положении Церкви в государстве // Деяния. Кн. IV. Вып. 1. Пг., 1918. С. 11.

³⁵ Каптерев Н.Ф. Патриарх Никон и его противники. Изд. 2-е. Сергиев Посад, 1913. С. 81 и след.

них основной критерий: *чего требует и как смотрит начальство*. Не эти ли мотивчики звучали, когда восточные милостынесобиратели и российские Илларионы Рязанские, Питиримы Нижегородские поднимали проклятие, огонь и меч против древнего благочестия? Не та же ли музыка звучала, когда Феодосий Яновский, Феофан Прокопович и т.п. обожествляли «Май-естат [Величество (императорское)]» и продавали Христа? Да не та же ли музыка играет и сейчас, не ей ли принадлежит главная «партия», когда звездоносные монополисты Благодати из синодских заседателей решают какое-нибудь дело? Слово «мелхит» производится от еврейского «мелх» – царь»³⁶.

Всеобъемлющая зависимость духовенства от Ведомства православного исповедания и иных государственных органов калечила духовную жизнь, плодила клир, жаждущий должностей, кормящийся от правительства и стоящий в рабской зависимости от него. Клирики были вынуждены искать дополнительные доходы, позволяющие обеспечить приемлемый уровень благосостояния, что, разумеется, отвлекало их от непосредственных обязанностей руководства паствой. Не менее важно, что общение пастырей со своими прихожанами вне храма резко ограничивалось. Священник не жил одной судьбой с паствой, был чужд ее насущным проблемам. Он оказался в подчинении у полицейского исправника и в материальной зависимости от помещика. Всякие попытки обустройства общественной жизни прихода вызывали сопротивление властей, как огня боявшихся любой формы организации народной массы.

Так оценивал состояние церковно-общественной жизни православия еп. Андрей и, чтобы еще более выпукло показать трагичность положения, обращался к примеру старообрядчества: «Почему, действительно, наши раскольники несравненно устойчивее и сильнее в культурном отношении? Именно потому, что раскольники живут приходскою самоопределяющейся общиной, а наша деревня влачит свое существование только по распоряжению начальства. Раскольническую общину объединяет любимый храм или часовня, а нашу православную деревню объединяла до последнего времени казенная винная лавка, а теперь³⁷, кажется, объединяющим началом остался один местный полицейский стражник»³⁸.

Сознание царящего зла и невозможности противодействия ему гасило активность духовенства, порождало безразличие к нуждам паствы и не могло не влечь за собой равнодушие к выполнению своих прямых богослужебных обязанностей. Служба сокращалась, комкалась, теряла свою притягательную и воспитывающую силу. Происходило «обезверивание» (выражение еп. Андрея) прихожан и падение авторитета клира. Духовная жизнь в рамках официального православия не удовлетворяла верующих, и тем самым усиливалась тяга к старообрядчеству и сектантству.

В речи, произнесенной в Уфимском земском собрании 19 октября 1915 года (вследствие цензурного запрета она была напечатана лишь после революции), владыка Андрей характеризовал печальные последствия подобного положения: «и сверху, и снизу с одинаковой энергией изгонялись все наиболее энергичные, яркие духовные мыслители и деятели... И стали у нас пророчествовать лжепророки, а на Моисеевом седалище хотя и нет книжников и фарисеев, но зато сидят молчаливники, далекие от жизни и не понимающие жизни, а потому и не могущие быть руководителями ее»³⁹.

Таким образом, по мнению епископа, к полному развалу церковно-общественной жизни привели, с одной стороны, цезарепапизм, подчинивший церковь интересам государственной внутренней политики, а с другой – инертность духовенства и отсутствие приходской деятельности.

³⁶ Ухтомский А.А. Доминанта души. С. 346–347.

³⁷ С началом Первой мировой войны в стране был введен «сухой закон».

³⁸ Речь Уфимского Преосвященного Андрея, произнесенная в Уфимском земском собрании 19 октября 1915 г. // Заволжский летописец (далее – ЗЛ). 1917. №15. С. 410.

³⁹ Речь Уфимского Преосвященного Андрея... // ЗЛ. 1917. № 15. С. 409.

Однако еп. Андрей не ограничивался критикой современного положения Церкви: владыка выдвинул позитивную программу восстановления ее жизнедеятельности. Его альтернатива заключается в возрождении прихода для охраны в народе нравственных идеалов, церковно-религиозного быта и подъема материального уровня жизни⁴⁰. И хотя в определенные периоды своей деятельности в этом направлении владыка пытался заинтересовать и привлечь к ней государственную власть, все его обращения к властям предрежающим убеждают, что еп. Андрей стремился лишь нейтрализовать администрацию, обеспечить ее невмешательство в процесс, успех которого зависит исключительно от активности и самостоятельности духовенства и прихожан.

Излагая точку зрения еп. Андрея на сущность приходской жизни, приведем мнение по той же проблеме архиеп. Антония (Храповицкого), важное еще и потому, что жизненные пути обоих иерархов были тесно связаны на протяжении многих лет.

Владыка Антоний – также выходец из среды родовитого дворянства, рано посвятивший свою жизнь пастырскому служению. Он был ректором МДА именно в те годы, когда там обучался будущий еп. Андрей. В 1895 году оба они оказались в Казани, а накануне архимандрит Антоний совершил монашеский постриг Александра Ухтомского: нам приходилось держать в руках книгу «Чин пострижения» с надписью «Многолюбимому отцу Андрею с пожеланием исполнить нерушимо обеты. Архим. Антоний. 1895 г. XII, 2»; эту книгу владыка Андрей хранил вплоть до конца 1920-х.

В 1897 году иеромонах Андрей становится архимандритом, а архимандрит Антоний – епископом Чебоксарским, затем в 1899 году – епископом Чистопольским, первым викарием Казанской епархии. С 1900 года еп. Антоний возглавлял уфимскую кафедру, на которой в дальнейшем со всей полнотой развернется деятельность владыки Андрея.

Особо следует отметить тот факт, что еп. Антоний был духовником еп. Андрея и, несомненно, оказывал сильное влияние на своего духовного сына.

Многие высказанные ими идеи идентичны – однако их взгляды на многое диаметрально противоположны. Прежде всего это заметно по воззрениям двоих архиереев на проблему петровской реформы.

Свою точку зрения владыка Антоний высказал в статье, вышедшей в 1909 году, а затем переизданной отдельной брошюрой «Восстановление прихода» (1916). Здесь утверждается, что «с учреждением приходского парламента священник перестает быть духовным отцом и пастырем прихожан, а превращается в общественного приказчика, которому прихожанин «поручает» исполнить требу, а приходское собрание и приходской совет его муштрует, учитывает, отчитывает и по-хозяйски грозит расчетом, т.е. изгнанием»; и далее: «К чему сводится приходская реформа? К внесению в жизнь прихода того начала, которое введено у нас в высшее государственное управление, – начала чисто парламентского, правового»⁴¹. Более того, владыка Антоний уверен, что в жизнь прихода этим будут привнесены формы, методы и идеи классовой борьбы. Его страшит активность масс, которые он представляет корыстолюбивыми, скандальными и погрязшими во множестве пороков, прежде всего в пьянстве. Поэтому еп. Антоний выступает за другой путь оживления прихода: «иное участие в приходской жизни – участие подвигом-трудом, послушанием, молитвой, делами сострадания и взаимного нравственного поучения, где нет борьбы, честолюбий и корыстолюбий»⁴². С другой стороны, и пастырь должен жестко и в соответствии с канонами поступать с ослушниками: молоко в среду –

⁴⁰ О церковно-приходской жизни (Речь к членам Уфимского епархиального съезда духовенства 1916 г.) // УЕВ. 1916. №9. С. 633.

⁴¹ Антоний (Храповицкий), архиеп. Восстановление прихода. Харьков, 1916. С. 2, 3.

⁴² Там же. С. 10.

на 2 года без причастия, супружеская измена – на 15 лет, нагрубил священнику – отлучение от Пресвятой Троицы, проклятие и на Иудино место, как предписывает Номоканон⁴³.

Под последним подписался бы и владыка Андрей, однако он не считал возможным ограничиваться лишь призывами к ужесточению церковной дисциплины. Он призывал к объединению усилий клира и мирян, взаимной активизации их работы, освящаемой идеей православия. Владыка не страшился расширения участия прихожан, ибо имел перед собой пример старообрядчества, где активность мирян сочеталась с непререкаемой властью архиерея. По мнению еп. Андрея, неизмеримо должна повыситься ответственность священника за ведение церковной службы. Литургия должна быть поставлена на высоту ее предназначения. Из храма должно быть вытеснено концертное пение, в нем непременно обязана присутствовать проповедь. Пастве надлежит быть непосредственной участницей литургии, для чего священник обязан всячески способствовать повышению духовной грамотности прихожан посредством активной работы церковно-приходской школы, распространения Св. Писания, молитвенников и иной духовной литературы: «В нашем отчуждении от мирян – наша беспомощность, а в нашем единении с ними – вся наша сила и весь залог нашего возрождения»⁴⁴.

Епископ Андрей требует решительного вмешательства клира в общественную жизнь, более того, священник обязан вносить духовное начало во все сферы деятельности прихода, в состав которого должны входить школа, больница, богадельня, библиотека, ремесленное училище и другие учреждения. Именно священник является связующим звеном с внешним (за пределами прихода) миром и возглавляет приходские отделения общественных организаций государственного масштаба. Тем самым вся социальная жизнь протекает под контролем и с благословения настоятеля. Само собой разумеется, что обладание подобной духовной властью требует полной самоотдачи и высоконравственной жизни.

Священник должен пользоваться абсолютным доверием прихожан, а посему, делает вывод еп. Андрей, приход должен обладать правом выбора и смещения своего пастыря. Этому моменту владыка придавал большое значение, разработав подробные рекомендации по акту избрания. В апреле 1916 года были опубликованы «Правила для избрания настоятелей храмов Божиих Уфимской епархии», в предисловии к которым владыка Андрей писал: «Решаюсь просить вашей, братие, помощи в выборе и отыскании таких добрых пастырей, таких рабов Господних, которые были бы приветливы ко всем, учительны, незлобивы, наставляли бы всех с кротостью, чтобы были образцом в слове, в жизни, в любви, в вере, в чистоте»⁴⁵. С июля 1916 года владыка ввел эти правила повсеместно на территории своей епархии.

В трудах еп. Андрея прослеживается четкий план возрождения приходской жизни; позже под его руководством были разработаны и обновленные уставы прихода и объединений духовенства⁴⁶.

В сфере общегосударственного устройства приход рисовался как самостоятельная юридическая единица, пользующаяся широкой автономией во всем, что касается ее внутренней жизни. Воссоздание православного прихода, по мнению владыки, даст объективные шансы грядущему русскому возрождению: «1) усиление влияния Церкви (не духовенства) на всю народную жизнь; 2) полное внутреннее обновление духовенства, усиление нравственного авторитета духовенства; 3) народ, объединенный в приходские организации и получивший нравственные силы от Церкви, скоро определит все вредные на его жизнь влияния и вытолкнет их из своей жизни. . . ; 5) у народа будут собственные средства, которыми он будет располагать

⁴³ Антоний (Храповицкий), архиеп. Восстановление прихода. С. 10.

⁴⁴ О церковно-приходской жизни // УЕВ. 1916. №9. С. 635.

⁴⁵ О Господе возлюбленной пастве уфимской // УЕВ. 1916. №7. С. 218.

⁴⁶ Проект Устава православных приходов в Уфимской епархии // УЕВ. 1917. №9–10. Приложение 2-е. С. 2–10; Проект Устава Союза Уфимского духовенства нравственной и материальной взаимопомощи // УЕВ. 1917. №11. С. 274–279.

и для дел благотворения и просвещения во всех его видах»⁴⁷. Владыка идет даже дальше и рисует картину человеческого общежития в виде союза православных и иноверческих приходов, объединенных вокруг своих храмов.

Анализируя церковно-общественную концепцию еп. Андрея в целом, трудно не увидеть в ней проект практического применения идеологических построений классического русского славянофильства (прежде всего А.С. Хомякова и братьев Аксаковых), но с более ярко выраженной теократической тенденцией.

2

В эпоху Московской Руси проблема взаимоотношений Церкви и государства решалась через идею «усвоения государственной властью священной миссии... Церковь сама шла навстречу государству, чтобы внести в него благодатную силу освящения»⁴⁸. Так, например, когда в конце XIV века князь Дмитрий Донской вступил в конфликт с Церковью в вопросе о митрополичьей кафедре, православное сознание Руси определило его поведение как поход «противу судбам Божиим»: самоволию князя противостояло соборное мнение клира как выразителя общественных чаяний⁴⁹. Напротив, патриарх Никон, пытавшийся в середине XVII века усилить, вопреки традиции и по типу римского католицизма, теократические тенденции русского православия, вызвал ответную реакцию светских властей, что в итоге привело к значительной подчиненности церковной организации интересам государственного аппарата. Однако прежние идеалы Московской Руси были сохранены старообрядцами, а затем, через славянофилов, вновь овладели русской религиозной мыслью рубежа XIX–XX веков.

Еп. Андрей в своих работах весьма критически оценивал последствия реформаторской деятельности царя Петра и весь обер-прокурорский период управления русской Церковью, что говорит о его разочаровании в способности российского государства содействовать возрождению церковной жизни. Но русская Церковь существует в рамках российской государственности, и еп. Андрей стремился определить свое отношение к самодержавию. Из его высказываний можно заключить, что владыка мечтал о такой политической ситуации, когда в управлении страной глава государства опирается на ответственные круги общества.

Проявлением гражданского мужества несомненно были многочисленные резкие выступления владыки против маразмизирующего окружения царя, объективно ведущего страну к гибели. Еп. Андрей публично сожалел о том, что общественное мнение страны пренебрегает церковными вопросами, в то время как на монополию над православием претендуют черносотенные круги, «своими речами только унижая Церковь в стремлении поставить ее в самую полную зависимость от власти государственной»⁵⁰.

Большие надежды владыка Андрей возлагал на земство, а позднее, когда Россия вступила в полосу испытаний, вызванных мировой войной, он видел союзника в Государственной Думе, которая обрела голос накануне катастрофы. Еп. Андрей прямо призывал царя опереться на ответственные силы страны, в противном случае предрекая ему судьбу библейского Ровоама, спутавшего самодержавие с самовластием⁵¹.

Попытки как правой, так и левой печати обвинить епископа в заигрывании с верховной властью не выдерживают критики. Например, «Московские ведомости», ссылаясь на книгу

⁴⁷ О церковно-приходской жизни // УЕВ. 1916. №9. С. 635.

⁴⁸ Загадки епископа Андрея // Вперед (Уфа). 1917. №15. С. 46.

⁴⁹ Прохоров Г.М. Повесть о Митяе: Русь и Византия в эпоху Куликовской битвы. Л., 1978. С. 191.

⁵⁰ Речь Уфимского Преосвященного Андрея... в Уфимском земском собрании 19 октября 1915 г. // ЗЛ. 1917. №15. С. 414–415.

⁵¹ О самодержавии «Благочестивейшего» (Слово в день коронования Их Императорских Величеств 14 мая 1916 г.) // УЕВ. 1916. №10. С. 335.

б. иеромонаха Илиодора (Труфанова) «Святой черт», обвиняли владыку в сотрудничестве с Распутиным: «Епископ уфимский Андрей, до 1908 года друг и приятель Гришки Распутина, которого он называл святым старцем и которого нежно целовал в голову, – епископ Андрей, женскому антуражу которого выразил свое неодобрение даже Гришка Распутин (см.: «Святой черт» Илиодора Труфанова, стр. 47), самовольно... вступает в сношение с главами старообрядческой лжеиерархии, трактует с ними вопрос о соединении старообрядцев с церковью...». Между тем в печатном тексте состоящих в основном из домыслов записок Илиодора вообще нет явных упоминаний еп. Андрея⁵².

А.С. Пругавин в своем антираспутинском памфлете (первое издание появилось в феврале 1916 года под отвлекающим заглавием «Старец Леонтий Егорович и его поклонницы» и было конфисковано военной цензурой) называет владыку одним из немногих людей, выступавших против Распутина⁵³. А вот свидетельство французского посла М. Палеолога: «два духовных сановника, никогда не соглашавшихся мириться с Распутиным, из числа наиболее уважаемых представителей русского епископата: преосвященный Владимир, архиеп. Пензенский⁵⁴, и преосвященный Андрей, еп. Уфимский»⁵⁵. В мае 1917 года газеты сообщали, что председатель Временного комитета Государственной думы М.В. Родзянко «горячо отстаивал кандидатуру епископа Андрея, с именем которого связаны надежды на решение наболевшего вопроса русской церковной жизни – на реформу прихода. Епископ Андрей, как отметил М.В. Родзянко, был одним из тех немногих смелых пастырей, которые подняли свой голос против распутинской скверны»⁵⁶.

Еще менее состоятельными подобные упреки выглядят, если принять во внимание всю систему взглядов владыки. Так, в своем «Слове в день священного Коронования» 14 мая 1916 года еп. Андрей протестует против постановки «самодержавия» во главе известной уваровской триады и прямо указывает на притчу Соломона: «Удали неправедного от царя, и престол его утвердится правдою (25, 5)»⁵⁷. Подобные высказывания в тот период приравнивались к государственной измене, и бывший директор Департамента полиции вспоминал, что царское окружение было готово расправиться с епископом Андреем, но опасалось реакции общественного мнения⁵⁸.

⁵² Еп. Андрей прямо упоминается только в авторизованной машинописи «Святого черта», предназначавшейся для сдачи в типографию Рябушинских (см.: *Знатнов А.В.* Юродивый всея Руси, или Последняя надежда дома Романовых // НГ-Религии. 3 сентября 2008 г.). Еще будучи архимандритом, владыка познакомился с Распутиным в Казани в 1905 г. То т несколько раз останавливался на ночь в его казанской квартире и по рекомендации еп. Андрея был принят в Петербурге его младшим братом, который рассказывал своим ученикам, что «Распутин, «пока не вошел в силу», часто приходил к нему ночевать и пытался втереться в царский дворец через него и Эспера Эсперовича. Про самого Распутина Алексей Алексеевич говорил: “Умный был мужик, но нахал и наглец исключительный. И глаза у него были пронзительные; видимо, и гипнотизировать он умел. Да что вы думаете, между нашими отцами церкви мало было гипнотизеров? Да хоть тот же Иоанн Кронштадтский!”» (*Ухтомский А.А.* Доминанта души. С. 467). В 1908 г. Распутин предложил еп. Андрею стать царским духовником вместо смещенного им еп. Феофана (Быстрова, 1873–1943), но владыка категорически отказался. Отношения между ними расстроились и в 1910 г. полностью прекратились. Вскоре после этого, в 1911 г., последовал перевод еп. Андрея из Казани в Сухум, для него совершенно неожиданный: «Я только из газет узнал о своем удалении из Казани, и никто не объяснил мне, за что меня оторвали от моей духовной семьи... А теперь – я оказываюсь в Абхазии, я послан к тому стаду, которое меня и по имени даже не знает» (Прощание православных казанцев с преосвященным Андреем, бывшим епископом Мамалышским, викарием Казанским, а ныне епископом Сухумским. Казань, 1911. С. 8). См. также: Слово Церкви (далее – СЦ). 1915. №25. С. 573–574. Записанное А.С. Пругавиным «Сообщение епископа Андрея Уфимского 5 марта 1918 г.», посвященное истории взаимоотношений владыки и Распутина, полностью опубликовано в составе статьи А.В. Знатнова «Юродивый всея Руси, или Последняя надежда дома Романовых».

⁵³ *Пругавин А.С.* Старец Григорий Распутин и его поклонницы / Предисловие и подготовка текста П.С. Кабытова. Самара, 1993. С. 9.

⁵⁴ В будущем – скандально знаменитый обновленец.

⁵⁵ *Палеолог М.* Царская Россия накануне революции. М.–Пг., 1923. С. 334.

⁵⁶ Выборы митрополита // Новое время. 25 мая 1917 г. (№ 14785). С. 5.

⁵⁷ О самодержавии «Благочестивейшего» // УЕВ. 1916. №10. С. 336.

⁵⁸ Падение царского режима. По материалам Чрезвычайной комиссии Временного правительства. Т. 4. Л., 1926. С. 289.

Более детальный экскурс в историю взаимоотношений еп. Андрея с властями лишний раз подтверждает вышеизложенное. Владыка был последовательным сторонником свободы вероисповедания – и хотя это убеждение уживалось в нем с твердой уверенностью в необходимости поддержания политического приоритета православия над другими религиями, еп. Андрей, несмотря на многочисленные нападки, резко отвергал полицейское вмешательство государства в межрелигиозные конфликты: «К свободе вероисповеданий мы и должны стремиться, помня, что вся истина – только во святой Церкви»⁵⁹. Разумеется, никто и не должен ждать ни беспристрастия, ни даже равномерного освещения различных доктрин от епископа.

Существовал и иной аспект разногласий. В то время как государственная идея российского самодержавия видела в императоре официального главу Церкви (особенно со времен Павла), который при короновании присваивал себе прерогативы духовного лица, владыка Андрей открыто говорит о примате Церкви в общественной и государственной жизни, в качестве идеала представляя претворение государства в Церковь. Хотя последняя идея была открыто высказана лишь летом 1917 года, то есть после свержения самодержавия, для себя владыка формально поставил и явно сформулировал ее много раньше.

3

Один из важнейших, особенно в перспективе дальнейшей судьбы еп. Андрея, вопросов – выяснение его взглядов на старообрядчество.

Причину окончательного раскола православия, начавшегося в XVII веке, владыка видит в подчинении Церкви органам государственной власти, законодательное оформление которого было положено в петровские времена. Старообрядчество же, по его оценке, явилось «наиболее решительным протестом против разрушения русской культуры. Раскол начался и усилился в то время, когда государственная власть посягнула на свободу церковной жизни, потребовав, чтобы Церковь и народ стояли во фронте перед государственной властью»⁶⁰. Владыка утверждает – явно следуя «Истории русской церкви» митрополита Макария (Булгакова), – что Никон вполне мог бы примирить противоборствующие течения в православии и только низвержение патриарха и последующая бюрократизация Церкви привели к печальным последствиям нынешнего ее положения.

Высказывая глубокую скорбь о гонениях, которым подвергались старообрядцы на протяжении столетий, еп. Андрей, однако, осуждает их нежелание забыть и простить старые обиды.

Первенствующее место в симпатиях владыки к старому обряду занимает единоверие. Еп. Андрей вспоминал, что к участию в делах единоверия его привлек брат Алексей, сам активный единоверец. А.А. Ухтомский был старостой Никольской единоверческой церкви в Петербурге, а в 1917 году был избран делегатом от единоверцев на Поместный собор; он писал иконы⁶¹, преподавал в созданном им пансионе-училище при Никольском храме, был большим знатоком старообрядческого устава и пения⁶².

В единоверии, по мнению еп. Андрея, древнее благочестие сочетается с церковной дисциплиной, а именно с подчинением иерархии господствующей церкви. Сочетание этих двух качеств делало единоверие в глазах владыки той силой, которая сохраняет православность Церкви и в дальнейшем вдохновит ее возрождение. Он отмечал, что только в единоверче-

⁵⁹ Еще раз о так называемой «свободе совести». Письмо П // УЕВ. 1916. №6. С. 206.

⁶⁰ О печальных последствиях русской некультурности и о лучшем будущем в этом отношении. Речь, произнесенная при открытии Восточно-русского культурно-просветительного общества в Уфе. Уфа, 1916. Вып. 2-й. С. 12.

⁶¹ См.: Пуцко В.Г. Русское иконописание и модерн // Модерн: взгляд из провинции. Челябинск, 1995. С. 73–84. Некоторые из этих икон хранятся в доме-музее А.А. Ухтомского в Рыбинске.

⁶² Ухтомский А.А. О церковном пении. Доклад на 1-м Всероссийском съезде православных старообрядцев. СПб., 1912; То же: ЗЛ. 1917. №№22–23; То же: Ухтомский А.А. Заслуженный собеседник. С. 353–387.

ских приходах и в православных, «зараженных единоверием», «свято соблюдают церковные уставы»⁶³.

Однако и другие, независимые господствующей церкви направления старообрядчества постоянно входили в круг интересов владыки и рассматривались им как своего рода катализатор преобразования православия: «где «православные» живут среди старообрядцев, там у них более уважения к Церкви, там даже в храме дети стоят скромнее, там более церковного порядка»⁶⁴. Епископ неустанно превозносит активность старообрядческой приходской жизни, где паства, объединенная вокруг храма во главе со своими наставниками или священниками, автономна по отношению к государственной власти в своих внутренних делах. Служба ведется стройно и чинно, при участии всех прихожан; литургия целиком отвечает своим целям и не засорена театральностью и концертным пением. Глубокое понимание богослужения и активное участие в нем каждого старообрядца, энергичная приходская жизнь и пример пастырей – вот те качества, которые, по мнению владыки, позволили старообрядчеству сохранить дух истинного благочестия среди своих приверженцев. Владыка сам любил и часто совершал литургию по древнему чину⁶⁵.

Однако именно здесь следует остановиться на основных противоречиях в мировоззренческой позиции еп. Андрея и на недооценке им важнейших разногласий старообрядчества и официального православия.

Владыка редко специально выступал по вопросам догматики, вот почему небольшая его статья, помещенная в февральском номере «Христианской жизни» за 1917 год, может стать ключом к пониманию его теоретических построений во всех сферах⁶⁶. Здесь он касается Божественной Литургии; именно евхаристия является центром христианской жизни.

Мы уже высказали убеждение в том, что владыка был духовно цельной личностью. Им уже был пройден путь овладения верой, и ныне все свои силы преосвященный направил на разработку философии действия, приспособленной для восприятия простого народа. Но в данном случае его словно поразила неспособность найти слова, исчерпывающие и адекватно выражающие то, что он уже «знает». Когда владыка выявляет свое личное переживание веры, он остается на позициях святоотеческой догматики и уповает лишь на «безграничную спасающую любовь Сына Божия». Но стоит лишь ему попытаться превратить свою веру в учение, как в деле спасения христианина владыка делает основной упор на верность принципам нравственности: «Только не грехи, не оскверняй только себя грехом, и тебя Господь не отринет от святой Церкви Своей»⁶⁷. Таким образом, с одной стороны, Господь осеняет все жизненное творчество человека; с другой – переходя при обращении к пастве на язык проповеди, владыка ставит в основу жизненно-моральные принципы, в следовании которым видит залог и условие спасения. Из статьи вытекает, что именно человек, очищаясь от скверны, приближается к благодати, что дело спасения в его собственных руках. Владыка почти совершенно игнорирует воспитательную цель литургии, сочетание сакраментального смысла таинства и осознанного участия верующих в нем. И самое важное – а еп. Андрей молчит об этом в основной части статьи, – что в конечном счете спасает человека высшая сила, спасает своим присутствием в литургическом священнодействии. Лишь в заключение статьи, резюмируя молитву Амвросия Медиоланского и выявляя свою веру, владыка называет «целью святой Евхаристии... не только исправление внешней жизни христианина, но полное перерождение его природы»⁶⁸.

⁶³ Приход, зараженный единоверием // УЕВ. 1915. № 9. С. 382.

⁶⁴ Святительский призыв к старообрядцам // ЗЛ. 1917. №4. С. 90.

⁶⁵ Три архиерейские литургии по древнему чину // УЕВ. 1917. №2. С. 52–54.

⁶⁶ О святом причащении Христовых Таин // Христианская мысль. 1917. №2. С. 18–53; То же: УЕВ. 1917. №5–6. С. 133–161.

⁶⁷ О святом причащении Христовых Таин // Христианская мысль. 1917. №2. С. 24, 23.

⁶⁸ О святом причащении Христовых Таин // Христианская мысль. 1917. №2. С. 34–35.

Следует обратить внимание на почти полное отрицание здесь богословских знаний. «Дело спасения не в словах и не в формулах» – это действительно так, однако христианство, как религия насквозь историческая и опирающаяся на авторитет, не может игнорировать определенный комплекс канонов, лежащий в его основе. Статья, вдохновленная полемикой со старообрядцами и современным официальным богословием, в дискуссионном запале отмечает духовную и воспитательную силу обряда. Владыка здесь увлекся и не сумел установить той грани, которая отделяет «обрядоверие», переходящее в волхование, от опоры на предание и традицию.

Еп. Андрей сам вспоминает разговор со своим духовным наставником в начале своего пастырского служения, когда молодой иеромонах высказывал свою веру. Казанский архиепископ Владимир (Петров) тогда ответил ему: «Вы так говорите по милости Божией и по благодати Св. Духа, только вы еще не успели отчетливо выразить их себе в словах»⁶⁹. В дальнейшем еп. Андрей сформулировал *для себя* ощущение литургии и свою статью закончил так: «Да дарует же Господь всем православным христианам силы благодатные через св. Тайны Тела и Крови Христовых быть новою тварию во Христе, иметь сердце чистое и дух правый и не желать и не знать на земле никакой другой радости, никакой другой красоты и счастья, кроме сознания, что Господь спаситель не оставит грешного мира, а всегда жизненно пребывает во тайнах со всеми, Его возлюбившими и по заповеди Его св. Тело и Кровь»⁷⁰. Однако выражая *словами* свою веру для других, владыка сместил акценты в сторону работы самого человека в деле достижения идеала. Нисколько не желая умалить значения нравственной работы человека в деле самосовершенствования, мы, тем не менее, вынуждены вспомнить библейские повествования о рукотворной башне Вавилона и о лестнице Иакова.

Разумеется, в проповедях приходится учитывать уровень подготовки слушателей, но «Христианская мысль» была серьезным богословским журналом. Кроме того: можно ли в угоду популярности изложения упускать основополагающие категории вечных истин?

* * *

Бичуя православную иерархию за подчинение государственной власти, епископ Андрей при этом не слишком последовательно видит все преимущество единоверия перед старообрядцами Белокриницкой иерархии в том, что единоверцы находятся в духовной зависимости от господствующей церкви. Но ведь сам владыка неоднократно утверждал, что официальная иерархия во многих вопросах следует указаниям обер-прокурора Синода, никакого отношения к истинной церковности не имеющего. Эта коллизия тесно переплетается с проблемой признания еп. Андреем старообрядческой Белокриницкой иерархии, которую сам он вплоть до 1917 года именовал «самочинным сборищем». Подобные аттестации, разумеется, препятствовали любым попыткам завязать контакты с этим, организационно наиболее мощным, течением старообрядчества. Более того, в этот период владыка писал не об объединении, а о присоединении старообрядцев к господствующей церкви, которое фактически происходило бы лишь под эгидой того самого Ведомства православного исповедания, вызывавшего у еп. Андрея стойкую антипатию; он писал, что оно «по существу своему антицерковно».

Другим источником наиболее важных противоречий была уверенность владыки в том, что реформы Никона не являются серьезным препятствием для восстановления церковного единства. Подобный взгляд прямо вытекал из теоретических посылок отношения еп. Андрея к церковным канонам и традиции. Он неоднократно подчеркивал, что в богослужении и проповеди первенство принадлежит духу, а не букве закона, тогда как старообрядческая идеология придает и «букве» и «духу» неразрывную равноценную значимость, настаивая на том, что обряд сам по себе несет глубокий внутренний смысл, духовное и воспитательное значение.

⁶⁹ Там же. С. 24.

⁷⁰ О святом причащении Христовых Тайн // Христианская мысль. 1917. №2. С. 35.

Так или иначе, но церковно-общественная деятельность и личное благочестие еп. Андрея, равно как и более чем доброжелательное отношение к древлеправославию вызывали ответные симпатии старообрядцев. Они выделяли владыку из среды православной иерархии, считая его едва ли не единственным носителем истинной церковности в епископате господствующей церкви⁷¹. Старообрядческие публицисты ревностно оберегали симпатичного им архиерея от нападков православных ретроградов, однако с горечью отмечали и его срывы и обидные для старой веры высказывания. Старообрядческая пресса внимательно следила за общественной и литературной деятельностью еп. Андрея, широко перепечатывала его статьи и речи⁷² и призывала своих читателей обратить внимание на те или иные высказывания концептуального характера, неоднократно указывая на неприемлемость для господствующей церкви многих идей и действий владыки и считая, что место ему посреди приверженцев древлего благочестия: «Епископу Андрею лежит прямой путь в старообрядческую Церковь. Ему место среди живых людей, бюрократическая среда загубит его»⁷³.

4

Владыка Андрей прибыл в Уфу 14 февраля 1914 года, и вскоре в неофициальном отделе местных епархиальных ведомостей появилась новая рубрика: «Письма к пастырям Уфимской епархии». Всего этих писем было напечатано 41, позднее письма за 1914 и 1915 годы выходили и отдельными изданиями. Помимо этой рубрики появлялись и иные материалы подобной же направленности: например, беседа владыки с клириками города Бирска, записанная местным священником о. Иоанном Москалевым⁷⁴.

Сам замысел подобных посланий возник под несомненным воздействием статей владыки Антония (Храповицкого) по пастырскому богословию, опубликованных во второй половине 1890-х; одна из них так и называлась – «Письма к пастырям». Разумеется, корни мировоззрения обоих архиереев лежали в основополагающих идеях православия, но столь же очевидно владыка Андрей, следуя наставлениям своего учителя, не ограничивался повторением формы их изложения и существа поднимаемых там проблем. Еп. Антоний считал, что в первые века христианства, когда жизнь общества «протекала под непосредственным видимым воздействием Св. Духа», права пастыря не проявлялись во всей своей силе – в этом не было нужды; сейчас же, «с оскудением религиозно-нравственного одушевления», права и обязанности пастыря неизмеримо выросли и именно на него возложена «обязанность проводника Св. Духа в сознание и сердца людей»⁷⁵.

Подобные воззрения были основополагающими и для еп. Андрея: «Дело пастыря заполнить опустошенную душу святым содержанием», – писал он⁷⁶. Однако владыка видел и иные аспекты приложения усилий священника, обязанного не только духовно окормлять своих прихожан, но и способствовать возрождению всей церковно-общественной жизни на принципах первоначального христианства, то есть воссозданию духовной атмосферы, обеспечивающей «непосредственное воздействие Святого Духа».

Можно, конечно, рассуждать об утопичности подобных проектов, ссылаясь на необратимость исторического процесса. Однако этот процесс и привел Церковь к нынешнему ее состоя-

⁷¹ По следам старообрядчества // СЦ. 1916. №17. С. 391.

⁷² См., напр., СЦ за 1916 год: №23, 49 и другие. Известны экземпляры периодических изданий и брошюр, на которых рукою еп. Андрея указано, что он направляет их в старообрядческие редакции для отзыва.

⁷³ Там же.

⁷⁴ Несколько мыслей из бесед преосвященного Андрея с пастырями в г. Бирске в 1914 г. (По записям священника Иоанна Москалева) // УЕВ. 1914. №20–21.

⁷⁵ Антоний (Храповицкий), митр. Пастырское богословие [репринт – Печоры, 1994]. С. 11.

⁷⁶ О пьянстве и борьбе с ним // УЕВ. 1914. №12. С. 221.

нию, отнюдь не блестящему – особенно если говорить о церковном строе. А что касается «необратимости», то можно вспомнить, например, украинские церковные братства XVII века, когда объединения мирян смогли отстоять православие от наступления католичества, в то время как епископат и значительная часть клира капитулировали перед ним.

Краеугольным камнем возрождающейся приходской жизни, по мнению еп. Андрея, должен стать преображенный, пользующийся доверием прихожан священник. Владыка подвергает анализу терминологию, сложившуюся в русском православии, и пишет о разлагающем воздействии самого определения клира как «духовенства», что гасит, по его мнению, стремление пастырей к самосовершенствованию: «духовенство не делается духовным от того, что оно носит особое «духовное» платье и длинные волосы; не делается мирянин – «духовным» человеком от того, что причисляют [его] к духовенству и дают церковно-гражданские *права*; – нет, но когда он исполняет свои *обязанности*, когда он через церковное служение и постоянный подвиг возвысится до благодатных переживаний, тогда только всякий клирошанин делается духовным одухотворенным существом»⁷⁷. Безусловно, владыка помнит о дарованной священнику благодати, но утверждает, что «очень часто пастырь своим невниманием к добродетельной жизни заглушает в себе благодать – дар, полученный в хиротонии». Священник обязан постоянно помнить, что он «лишь глиняный сосуд, наполненный славой Божией», и «заботиться, чтобы не осквернить эти сосуды греховною скверною а сделать достойным вместить сокровище благодати Христовой»⁷⁸. Пастырь обязан постоянно совершенствоваться нравственно и повышать свой образовательный уровень; владыка, например, рекомендует познакомиться с произведениями Владимира Соловьева, замечая, что «прочсть его – окончить университет». Но и образование необходимо подчинять началам морали: «всякий догмат веры есть непременно догмат благочестия и имеет самое ближайшее отношение к нравственной жизни. На догматах церковных основываются все нравственные требования христианского закона: догматы – это базисы добродетели»⁷⁹. Добродетельная жизнь самого пастыря – основа всей его работы, и приведение паствы к благодатной жизни всецело обуславливается преуспеянием собственной жизни духовного наставника. И отсюда исходит основной принцип служения: «Первым признаком доброго пастыря нужно считать полное нравственное его объединение с приходом, когда пастырь живет горем и радостью своей паствы. Как мать переносит свои радости на детей и птица на птенцов своих, так и священник должен отказаться от личной жизни для паствы – «невесты Христовой», с которой повенчан при получении благодати священства»⁸⁰. И еще: «добрый пастырь всегда умирает для себя, чтобы жить для Господа и чтобы жизнь Христова открылась в нем»⁸¹.

Большое значение придавал владыка внешнему облику священнослужителя и, в частности, запрещал стричь волосы даже дьяконам. Рассуждая о воспитательной функции обряда, еп. Андрей уделял пристальное внимание церковному пению. Так, 28 декабря в уфимской «Крестовой» церкви он произнес проповедь, позднее опубликованную под названием «О древнерусском пении». Владыка вменил в обязанность пастырям наладить в своих храмах пение, ибо оно должно «воспитывать в нас святое чувство, которое спасло святых отцов и всех наших ранее нас живших братьев наших: оно должно объединять нас, делать нас одною церковною семьею». Требуя удаления из храмов «концертного пения», владыка настаивал: «Святые звуки должны не услаждать, не увеселять молящихся, но содействовать их молитвенному настроению». Пример духовного и нравственного воздействия строго соблюдаемых устава и обряда, храмового

⁷⁷ О духовности духовенства // УЕВ. 1916. №21. С. 694

⁷⁸ Несколько мыслей из бесед преосвященного Андрея с пастырями в г. Бирске в 1914 г. С. 730.

⁷⁹ Там же. С. 235.

⁸⁰ Там же. С. 368.

⁸¹ Несколько мыслей из бесед преосвященного Андрея с пастырями в г. Бирске в 1914 г. С. 373.

пения в частности, владыка видит в старообрядцах, которые «сохранили свою жизнь по старому укладу... донесли неизменными старинный церковный устав до наших дней. А этот устав сохраняет всю жизнь старообрядцев, почти не затронутую современными беспорядками»⁸².

Священники постоянно слышали святительское напоминание о проповеди, причем владыка Андрей указывал, что нет необходимости в особой подготовке к ней: достаточно вдохновляться Св. Писанием и молитвой, и слова тогда придут сами. Но при этом следует твердо помнить, что «душу грешную и будит и укрепляет не слово, а чувство»⁸³. Еп. Андрей предостерегает пастырей, напоминая о трудности их служения, но и ободряет: «Мы должны нести свой крест: имея перед собой Святой Крест Господа Спасителя... все испытания в жизни пастыря: неблагодарность паствы, вражда родных, противодействия властей, козни и помехи от сотрудников и др. предречены Спасителем. Пастырю нужно всегда помнить, что чем больше ему внешних помех, тем больше Бог поможет ему»⁸⁴.

Владыку иногда упрекали в некоей «приземленности» его проповеди, в частом обращении к «земным» проблемам. Но он, словно отвечая таким критикам, постоянно напоминал, что понятие «религия» (дословно – «связь») означает не только объединение людей между собой, но и их союз с Богом: «Любовь пастыря к пастве это великий крест, так как и эта любовь связывает его с землей, как бы притягивает к земле, и много нужно усилий, чтобы вознести [любовь] на небо, сделать исключительно благодатною»⁸⁵. Священное писание, молитва – вот те силы, которые вдохновляют и укрепляют священнослужителя, утверждает еп. Андрей, причем он ставит молитву выше самопожертвования, тем самым вновь утверждая, что пастырь, духовный наставник, обязан быть вдохновителем строительства общественной жизни русского народа на принципах православия.

В своей речи при наречении во епископа архимандрит Андрей, определяя задачи своего архиерейского служения, подчеркнул общность интересов православия и России: «Верую и твердо убежден я, что как выросла св. Русь около Церкви Православной, так и воссоздать ее может только ее родное православие. Когда православный русский народ окружит тесным кольцом своих архипастырей и объединится с ними – когда обновится православная Русь, тогда возвратится мир и радость всей нашей общественной жизни во всей ее совокупности»⁸⁶. Главная ответственность, говорил будущий епископ, лежит на современной иерархии, которая, осененная дарованной ей Церковью благодатью, возглавит обновление русской церковно-общественной жизни. Однако усилий одних только пастырей недостаточно, и они должны призвать себе в помощь все церковные силы, опереться на поддержку мирян. Обращаясь к епископам, присутствовавшим при его наречении, архим. Андрей просил их молиться за него и оказывать поддержку в делах, суть которых определил так: «Будущий Собор Всероссийский и немедленное, так сказать, воцерковление русского народа, то есть развитие в нем сознательной церковности всеми средствами, – вот к чему я призываю служить, – так я понимаю свое дальнейшее служение Церкви Божией»⁸⁷.

Просматривая сообщения епархиальных ведомостей о конкретных делах владыки, можно видеть, какой колоссальной работоспособностью обладал еп. Андрей. Но важнейшую свою задачу он видел в организации истинно пастырского служения руководимого им духовенства. С этой целью владыка регулярно инспектировал самые отдаленные уголки своей епархии, давая наставления клиру и демонстрируя образцы служения литургии и произнесения

⁸² О древнерусском церковном пении // Слово. 28 декабря 1917 г. С. 694–695.

⁸³ О времени говения и исповеди. // УЕВ. 1915. №2. С. 59.

⁸⁴ Несколько мыслей из бесед преосвященного Андрея с пастырями в г. Бирске в 1914 г. С. 374.

⁸⁵ Несколько мыслей из бесед преосвященного Андрея с пастырями в г. Бирске в 1914 г. С. 373.

⁸⁶ Речь архимандрита Андрея, произнесенная им 3 окт. 1907 г. при его наречении во еп. Мамадышского, викария Казанской епархии // Известия по Казанской епархии (далее – ИПКЕ). 1907. №42. С. 1307.

⁸⁷ Там же. С. 1308.

проповеди. По отзывам современников, архиерейские служения еп. Андрея наполняли храм атмосферой истинной духовности, вызывая религиозный восторг, слезы умиления и счастья у прихожан и духовенства. Медвежьи углы, ни разу не выдавшие архиерейских служб, получали импульс возрождения церковно-общественной жизни. В личных и коллективных беседах с пастырями владыка направлял их работу, наказывая нерадивых и поощряя деятельных.

Вдохновляющим активностью духовенства фактором стало требование владыки об участии клира в миссионерских организациях: Обществе св. Гурия в Казани, Православном палестинском обществе, Восточно-русском культурно-просветительном обществе в Уфе, задачами которых было распространение православия среди мусульман и язычников и укрепление благочестия в православных общинах. Миссионерская деятельность, которой владыка посвятил себя с самого начала пастырского служения, вообще занимала значительное место в его жизни. Как личность он пользовался уважением и авторитетом среди иноверцев и своими проповедями достигал большого успеха в деле распространения православия в их среде. За сравнительно короткие сроки его усилиями были созданы Трехсвятительский крещено-татарский мужской скит и Покровская крещено-татарская женская община⁸⁸, открыты многочисленные приходы. Свое обращение к православию неопиты связывали с личностью еп. Андрея – для них он был воплощением христианского подвижничества. «Он один из архиереев отстаивал национальные интересы загнанных народностей – чуваш, черемис, вотяков и т.д. Он был и есть любимец низшего, бедного, загнанного люда. Казань и Уфа, где он служил, в самых бедных слоях населения помнят его добрую, ласковую, отзывчивую душу; беженцы Западного края одеты были только им», – напоминал новым властям в 1924 году знавший владыку по Казани протоиерей Транквиллин Земляничский⁸⁹.

Владыка уделял особое внимание новокрещеным приходам, до мелочей разрабатывал рекомендации их наставникам, способствовал широкой публикации богослужебной литературы на языках народов Урала и Поволжья. Особенно настойчиво он требовал, чтобы храмовая служба велась на языке большинства прихожан или, по меньшей мере, «на двух языках попеременно»⁹⁰. Примечательно, что соответствующее распоряжение было одним из первых актов владыки по вступлении его на уфимскую кафедру. Позднее, на заседании шестого отдела Предсоборного совета «по вопросу о допущении малорусского, русского и других народных языков в богослужение», состоявшемся 10 июля 1917 года, «Андрей, еп. Уфимский, указал на большую религиозность татар, которая объясняется имеющимся у них татарским текстом некоторых церковных книг, добавив, что *понятность богослужения способствует возвращению сектантов*. Он, преосвящ. Андрей, *при чтении канона допускает перестановку слов и пояснения*»⁹¹.

⁸⁸ Основаны: первый в 1905 г., в 1911 г. получил статус монастыря, находился близ деревни Малое Некрасово Лаишевского уезда Казанской губернии; вторая в 1908 г. в Мамадышском уезде Казанской губернии. Об их разорении см.: Журавский А.В. Насильственная секуляризация монастырских хозяйств в национальных республиках Поволжья в 1917–1919 годах // Исторический вестник [Воронеж]. 2001. № 1 (12).

⁸⁹ Новые материалы о преследованиях за веру в Советской России: опросные листы и карточки арестованных, письма заключенных и их родственников (по материалам Политического Красного Креста) / Сост. И.И. Осипова // Церковно-исторический вестник. 1999. № 2–3. С. 93; как вспоминал епископ Василий (Докторов), когда «в Казани был погром евреев», то «духовенство по распоряжению епископа Андрея Ухтомского ходило по Казани с иконами и портретами государя и старалось, где это было возможно, предотвратить погром. Я также ходил по Казани с иконами, будучи диаконом». Публикатор этого свидетельства уточняет, что «скорее всего, это было не распоряжение, а инициатива владыки Андрея, ведь будучи третьим викарием Казанской епархии, едва ли он мог “распоряжаться”. Кроме того, если указанное событие относится к 1905 году, то в это время он еще и не был в архиерейском сане. Но то, что именно архимандрит Андрей это делал и был инициатором, – несомненно. В Казани и в Казанской епархии он имел огромный авторитет как искренний пастырь и миссионер (Священномученики Сергей, епископ Нарвский, Василий, епископ Каргопольский, Иларион, епископ Поречский. Тайное служение исосифлян. Жизнеописания и документы / Сост. Л.Е.Сикорская. М., 2009. С. 182).

⁹⁰ Распоряжение в Уфимскую духовную консисторию // УЕВ. 1914. №7. С. 69.

⁹¹ Материалы Предсоборного совета о Богослужебном языке // ГАРФ. Ф. 3431. № 581. Лл. 87–91.

Замечательным фактом архипастырского служения было глубокое преобразование церковно-общественной жизни Сухумской епархии, проведенное еп. Андреем за два с небольшим года. Сразу же после своего появления там он, в частности, создал первый молитвенный дом в селе Псху, после революции почти 15 лет служившем главным оплотом монахов-имяславцев⁹². В антирелигиозной литературе об этом повествовалось так: «...В 1911 году первый поп, который пробрался на Псху, был епископ Андрей или, иначе, князь Андрей Ухтомский. Был, говорят, большой ханжа и замечательный оратор. Закатывал псхусцам сногшибательные проповеди о спасении души человеческой... и основал, впервые на Псху, очаг спасения заблудших грешников. Сейчас князь Андрей в каком-то ленинградском учреждении, на правах равноправного гражданина и советского служащего, исчисляет статистические таблицы»⁹³.

Важнейшим проводником своих идей владыка считал печатное слово. Количество его статей и выступлений в светской и церковной прессе исчисляется многими сотнями, а географически – они издавались почти по всей стране. Немало и отдельно изданных книг, брошюр и оттисков статей. Еп. Андрей основал первый церковный орган в Сухумской епархии – «Сотрудник Закавказской миссии» (1912–1916), его детищами были также газета «Дус» (на татарском языке в русской транскрипции), казанский еженедельник «Сотрудник Братства святителя Гурия» (1909–1911), «Заволжский летописец» в Уфе.

Многочисленные отзывы о деятельности владыки в Казани, Сухуми, Уфе говорят о любви и уважении, которыми он пользовался в самых различных слоях как русского, так и инородческого православного населения. Даже в конце 1920-х в одной из своих повестей бывший уфимец, писатель Борис Четвериков не без теплоты и сочувствия вспоминает об еп. Андрее. Школьный инспектор своими придирками довел гимназиста до самоубийства; общественность взволнована и возмущена, но встал вопрос, где хоронить юношу: по строгим правилам – только вне ограды кладбища. Губернатор отправился к владыке:

«Местный архиерей был строгих правил, у прихожан он пользовался уважением еще и потому, что был из рода князей Ухтомских и принятие духовного сана было связано у него с какой-то личной драмой... Архиерей сочувственно выслушал губернатора. – Неверие разъедает наше общество... Упадок нравственности... – сетовал он. – Так как же нам быть, владыка? – Я бессилён! – развел руками архиерей. – Но... я могу ничего не знать... Представьте, например, что я в отъезде... Единственно, могу обещать, что священник, который совершит отпевание, не будет наказан... И Алфеева похоронили со всеми церемониями, какие полагались»⁹⁴.

А вот несколько выдержек из выступлений на проводах еп. Андрея в Новороссийске, когда владыка покидал сухумскую кафедру:

«Преосвященный на всех местах своего служения сумел стяжать любовь своей паствы, не только народной, но и любовь интеллигентного и высшего общества. Здесь оказали свое влияние не только воспитание и культурность... но и истинно миссионерский дар – то проникновение, церковно-мистическое настроение и ласка душевная, которые так пленяют сердца верующие и обремененные духовными страданиями и мучительными поисками благодатной веры»⁹⁵.

А вот слова человека, сумевшего прочувствовать сущность работы владыки, охватывающей все стороны человеческой жизни. Напомним, что это 1913 год – русское общество уже пережило подъем 1905-го, уже наступило разочарование как в революционных идеях, так и

⁹² Подробнее см.: *Флоренский П.А.* Переписка с М.А. Новоселовым. Томск, 1998. С. 238–240.

⁹³ *Половиев И.* Страна Псху. Очерки. Сухум, 1931. С. 34 (на момент выхода книги еп. Андрей находился в Ярославском политизоляторе, а отнюдь не «исчислял статистические таблицы в каком-то ленинградском учреждении»; в этом сообщении, похоже, сказалось смутное представление автора о занятиях его брата-физиолога; особо стоит отметить приложенную к книге подробную карту имяславческих скитов в Абхазии).

⁹⁴ *Четвериков Б.Д.* Уфимские зори. Уфа, 1977. С. 148.

⁹⁵ Проводы преосвященного Андрея, епископа Сухумского (корреспонденция из Новороссийска) // УЕВ. 1914. №3. С. 37.

в способности власти дать новые импульсы общественной жизни России. Когда обострены «взаимоотношения между различными группами и классами населения, в высшей степени трудно найти способы и средства, объединяющие, связывающие разрозненные и разобщенные элементы общества; то, что трудно, не по силам и невозможно преодолеть ни современной философии, ни государству, ни целым обществам и учреждениям, Вы сумели отчасти постичь, разрешить своей искренней, прямолинейной, проникнутой глубокой верою учения Христа, деятельностью: Ваша личность, благотворно действующая на всех, Ваша способность понимать людей и подходить к ним с любовью привлекла к Вам совершенно различные круги общества, которые, сталкиваясь между собою симпатиею к Вам, объединялись и сближались духовно»⁹⁶; «Владыка-миссионер всюду вносил мир, благоволение и религиозное пробуждение в духовно-заснувшие души своей бедной паствы»⁹⁷.

Знаменательна и реакция уфимского земства на просьбу владыки оказать финансовую поддержку церковно-приходским школам. В предыдущие годы земцы отказывались делать это, но призыв еп. Андрея к единению земства и Церкви в деле воспитания подрастающего поколения был расценен общественными деятелями как «редкое явление, едва ли не единственное в России со времен введения земства»⁹⁸. Личность владыки, «настолько привлекательная и снискавшая такую глубокую симпатию среди местного общества», произвела на земцев большое впечатление. Они высказали удовлетворение тем, что в столь тяжелое время епархию возглавил именно такой человек, и в надежде на дальнейшую плодотворную работу земство «ассигновало требуемую сумму в личное распоряжение епископа»; так же поступили златоустовское, стерлитамакское и другие земства⁹⁹.

⁹⁶ Там же. С. 38.

⁹⁷ Там же. С. 37.

⁹⁸ Мнение Уфимских земцев о церковных делах (на основании речей в уездных земских собраниях 1914 г.). Уфа, 1915. С. 7.

⁹⁹ Там же. С. 11.

Глава третья

Церковь и государство. Новые условия

Революция не стала для еп. Андрея неожиданностью. О невозможности дальнейшего существования царского режима в том виде, в каком он явил себя в XX веке, владыка писал задолго до 1917 года. В духе славянофильского учения он оценивал царскую власть не как привилегию на господство, а как исполнение обязанностей и тягот управления, возложенных на династию Романовых русским народом. Однако режим не сумел удержаться на высоте поставленных перед ним задач, погряз в беспринципности и безнравственности: «Самодержавие русских царей выродилось сначала в самовластие, а потом в явное своевластие, превосходившее все вероятия»¹⁰⁰. Непонимание экономических и политических интересов страны, игнорирование духовных запросов русского общества, падение авторитета двора вызвали, по мнению владыки, бурю революции и гибель деспотизма.

Идея православия, лежавшая в основе знаменитой уваровской формулы, оказалась отнесенной на задний план и потому не смогла исполнить своей миссии духовного и нравственного воспитания народа. Произошла полная дискредитация самих понятий Церкви и клира. Приходское духовенство превратилось в требоисправителей, а высшие иерархи – в государственных чиновников, недоступных ни мирянам, ни низшему клиру. Роскошные выезды архиереев в сопровождении полицейского исправника в близлежащие от епархиального центра приходы не могли удовлетворить религиозные запросы масс, отдаленные приходы часто вообще не подозревали о существовании архиереев. Результатом, подводит итог еп. Андрей, стало массовое обезверивание православного народа, которое отразилось в разгуле анархии и росте популярности крайних партий. Авторитет клира, лишенный поддержки полицейских мер, оказался дутым. Более того, враждебность к старому режиму распространилось и на саму Церковь как составную часть ненавистной государственной машины.

Показательно, что в своем «Апокалипсисе нашего времени» В.В. Розанов видит в «Андрее Уфимском» вообще единственного («Да и всё») в Церкви искреннего носителя тех убеждений, о которых после Февраля заговорило вдруг большинство духовенства: «и стали вопиять, глаголать и сочинять, что “Церковь Христова и всегда была, в сущности, социалистической”, и что особенно она уж никогда не была монархической, а вот только Петр Великий “принудил нас лгать” ... Попам лишь непонятно, что Церковь разбилась еще ужаснее, чем царство»¹⁰¹.

Еп. Андрей, приветствуя Февральскую революцию как акт ликвидации всеохватывающего давления самодержавия на церковную жизнь, призвал в первую очередь к ее обновлению и возрождению, тем самым ставя в вину самой Церкви факт ее разложения. Вновь актуализируется главный лозунг деятельности владыки – активизация церковно-общественной работы на уровне православного прихода, что должно стать основой строительства новой России. Обновление Церкви с привнесением через это нравственных и духовных начал в революционный процесс – такова для еп. Андрея альтернатива лозунгам смерти и разрушения. Владыка не верит в способность людей, ставших во главе революционной власти, придать верное направление строительству новой жизни, так как и психология их возвращена в порочных условиях общества, лишённого нравственных начал, и сами новые вожди формулируют свои идеи, игнорируя нравственные принципы веры. Поэтому владыка и призывает воздерживаться от скоро-

¹⁰⁰ Государственная Дума и Св. Синод // ЗЛ. 1916. №1. С. 138.

¹⁰¹ Розанов В.В. Рассыпанное царство // Розанов В.В. Собрание сочинений. [Т. 12]. М., 2000. С. 6. (Упоминания вл. Андрея в публицистике Розанова, довольно внимательно следившего за его деятельностью, – вообще весьма интересная самостоятельная тема.)

палительных решений и действий: «Главное, только дайте себе твердое обещание не делать никому зла, даже словом никого не оскорбить»¹⁰².

4 марта 1917 года владыка отправляется в Петроград, чтобы лично увидеть рождение нового строя, затем едет в Двинск и Ригу, в прифронтовую полосу, служит и проповедует в войсках. Общее настроение народной массы производит на него удручающее впечатление: владыку страшит всеобщее обезверивание и озлобление. Углубление революции ведет к царству анархии, предупреждает еп. Андрей, а возглавившее ее безответственные элементы, выдвигая благородные и многообещающие лозунги, способны повести за собой политически неграмотные массы. Революция, взломав хрупкие препоны внешней мощи власти, вскрыла язвы российской жизни, ее духовную опустошенность и отсутствие нравственных начал. На фоне подобной оценки событий владыка вновь напоминает, что социальную революцию необходимо начинать с человеческой личности, с ее нравственного воспитания в рамках возрожденного прихода (а инородцев – на началах монотеистических религий).

При этом еп. Андрей не отрицает и необходимости создания в стране благоприятной общеполитической обстановки, которая будет способствовать свободной деятельности людей на ниве духовного строительства. Церковь, убежден владыка, должна быть безусловно освобождена от опеки государственного аппарата; в то же время недопустимо понимать отделение Церкви от государства как ограничение нравственного воздействия православия на все стороны общественной жизни. Поэтому еп. Андрей поначалу активно включается в работу верховных органов новой церковной власти.

14 апреля его назначают членом нового состава Синода¹⁰³, 6 мая избирают председателем учрежденного «при Святейшем Синоде для обсуждения вопросов, касающихся единоверия и старообрядчества», Совета Всероссийских Съездов православных старообрядцев¹⁰⁴, он участвует в работе Предсоборного совета; но уже на Поместном соборе 1917–1918 годов мы не заметим обычно свойственной владыке активности. Сказывается разочарование в высшей иерархии, не способной, по его мнению, к самостоятельному организационному творчеству в новых, созданных Февральской революцией условиях.

Подобным же образом трансформируется и отношение владыки к интеллигенции; принадлежавшие к ней партийные вожди, чьи теории формировались в атмосфере «богоборческого самодержавного деспотизма», не сумели привнести вечных нравственных начал в свои закостенелые политические схемы.

По ходу развития революционного процесса владыка все более склоняется к работе по организации общественной жизни «снизу». Поэтому он горячо отзывается на деятельность и новоорганизованного крестьянского союза «Освобождение земли», и рабочей христианско-социальной партии, и возглавляемого А.Д. Самариним Союза православных приходов.

Еп. Андрей мало касается теоретических построений той или иной партии, для него важны совершаемые под их влиянием действия. Поэтому владыка наказывает своей пастве не выступать с митинговыми речами и сам не делает этого, за исключением осуждения актов насилия и нетерпимости и призывов к любви, миру и конструктивной работе.

В это время владыка становится товарищем председателя крестьянского союза. Как правящий архиерей он занят теперь прежде всего организацией церковно-общественной жизни Уфимской епархии и работой по объединению всего православного населения (как прихожан господствующей церкви, так и старообрядцев всех согласий). Он все сильнее склоняется к идее епархиальной автономии в условиях бурных революционных потрясений.

¹⁰² Моей Уфимской пастве (Обращение 7 марта 1917 г.) // УЕВ. 1917. №5–6. С. 135.

¹⁰³ Бабкин М.А. Духовенство Русской православной церкви и свержение монархии (начало XX в. – конец 1917 г.). М., 2007. С. 182.

¹⁰⁴ Зимица Н.П. Жизнеописание священномученика Симона. С. 19, 189.

Тем не менее владыка не перестает чувствовать себя архиереем Православной российской церкви. Оставаясь главным ходатаем за право единоверцев иметь собственных епископов, еп. Андрей, отказавшись от порученного ему Синодом председательствования, все же фактически руководит 2-м всероссийским съездом православных старообрядцев (единоверцев) в Нижнем Новгороде (23–29 июля). На съезде была высказана идея организовать 7–8 единоверческих епархий (по числу замышлявшихся тогда для всей русской Церкви митрополичьих округов), учредить сан пребывающего в Москве единоверческого архиепископа и создать Совет Всероссийских единоверческих Съездов (по образцу существовавшего у белокриницких старообрядцев Совета Съездов). Кандидатом в архиепископы всех единоверцев был намечен Антоний (Храповицкий), на петроградскую единоверческую кафедру – еп. Анастасий (по всей видимости, Анастасий (Александров), тогда еп. Ямбургский), на нижегородскую – выпускник Казанской духовной академии еп. Прокопий (Титов), тогда еп. Елисаветградский, на казанскую – еп. Угличский Иосиф (Петровых) либо архимандрит (впоследствии епископ) Афанасий (Малинин), на киевскую – профессор Киевской духовной академии «о. Владимир Прилуцкий»¹⁰⁵. Но все эти планы остались нереализованными.

Как мы увидим, позднее с благословения патриарха Тихона и митр. Антония (Храповицкого) владыка Андрей попытается окормлять старообрядческое согласие беглопоповцев. Наиболее же ярким проявлением этой стороны его деятельности станут шаги по пути воссоединения со старообрядцами, приемлющими священство Белокриницкой иерархии.

1

Весной 1917 года в Уфе был принят ряд документов, целью которых было активизировать церковно-общественную жизнь и укрепить в народе сознание нравственно-религиозной значимости православия. Идеи, лежащие в основе этих документов, еп. Андрей вынашивал уже давно. Преобразование на волне революционного подъема высшего церковного управления лишь оживило работу уфимских единомышленников владыки – как среди духовенства, так и из числа мирян.

В первую очередь был утвержден «Устав Союза уфимского духовенства по организации приходской жизни», который должен был лечь в основу деятельности местного клира по организации «действительного объединения между собой всех членов Церкви, начиная с прихода»¹⁰⁶. Залог успеха этого разработчики Устава видят в таких отношениях Церкви и государства, которые соответствовали бы самостоятельности и свободе первой. В 18 статьях Устава определяются задачи клира и намечаются конкретные мероприятия по возрождению церковно-общественной жизни «на основе всеобъемлющей истины Христовой, согласно началам апостольского и вселенского христианства применительно к требованиям обновленного государственного строя»¹⁰⁷.

25 апреля созывается экстренный съезд духовенства Уфимской епархии. Владыка Андрей выступил на нем с речью и тут же отправился в Петроград на сессию Синода. По всей видимости, он целиком полагался на своих единомышленников в среде местного клира; кроме того, к этому времени по его просьбе Синод утвердил должность уфимского викарного епи-

¹⁰⁵ См.: Нижегородский церковно-общественный вестник. 1917. №17, С. 196; №19. С. 236; №23. С. 299–300; реплику старообрядцев см.: Под чужим именем // СЦ. 1917. №32–33. С. 570–572. «О. Владимир» – явная опечатка; речь, видимо, шла о профессоре Василии Дмитриевиче Прилуцком, см. о нем: *Сове Б.* «Русский Гоар» и его школа // Богословские труды. Сб. 4. М., 1968; *Сове Б.В.* Проблема исправления богослужебных книг в России в XIX–XX веках // Богословские труды. Сб. 5 М., 1970.

¹⁰⁶ Устав Союза Уфимского духовенства по организации приходской жизни // УЕВ. 1917. №7–8. С. 218.

¹⁰⁷ Устав Союза Уфимского духовенства... С. 218.

скопа, которую 28 мая занял с титулом епископа Златоустовского прежний руководитель епархиальной миссии архимандрит Николай (Ипатов).

На съезде был разработан проект устава «Союза уфимского духовенства нравственной и материальной взаимопомощи», а 30 апреля был принят проект «Устава православных приходов Уфимской епархии».

Возрождение прихода было одной из животрепещущих проблем русской Церкви на протяжении XIX века и в предреволюционные годы. Особое звучание эта проблема обрела после революции 1905 года, когда, казалось, появилась возможность непосредственно заняться преобразованиями в жизни Церкви. От академических богословов до теоретиков революционной борьбы – все писали о приходе. Сотни появившихся статей, книг и брошюр рассуждали об этом, выискивая прецеденты в истории Церкви¹⁰⁸. На Предсоборном совещании был в основном разработан проект нового приходского устава, представленный на рассмотрение Собора 1917–1918 годов.

Еп. Андрей считал приходскую реформу вопросом первостепенной важности. К церковной истории он подходил с социологическими определениями и представлял развитие Церкви как смену демократических, аристократических и монархических форм устройства. Для своих построений владыка избрал первый вариант, требуя максимальной активности и значимости прихожан на всех уровнях: от местного объединения до масштабов всероссийского объединения приходских советов. По его мнению, в этом и состоит возвращение к исконным началам первых семи веков русского православия.

Уфимский проект приходского устава состоял из трех разделов и двадцати параграфов. Здесь определялись задачи, юридический статус, внутренняя структура прихода, обязанности и права его членов, объединяющихся с целью «наилучшего устройства религиозно-нравственной, культурно-просветительной и общественно-экономической жизни»¹⁰⁹. Проект устанавливал такое построение приходской жизни, где высшим органом является приходское собрание, членами которого являются причт и все прихожане старше 18 лет без различия пола. Собрание решает важнейшие вопросы и избирает приходской совет, члены которого, в свою очередь, распределяют между собой обязанности и выбирают из своей среды председателя. Выборными являются и все должности, занимаемые клиром. В этическом и финансовом отношении клир контролируется приходским обществом. Вся деятельность прихода направлена на подъем нравственного, общеобразовательного и материального уровня его членов, что должно было стать основой устройства православной Церкви как единого целого и благотворно повлиять на становление государственно-общественной жизни новой России.

Некоторое умаление роли священника в общественных делах, прослеживаемое в «Уставе приходов», в значительной степени восстанавливается в «Уставе Союза духовенства». Сформулированный в рамках православной традиции, уфимский проект приходского устава в коренных своих положениях не рознится с принятым Поместным собором приходским Уставом 1918 года. В то же время широкая автономия приходской жизни контрастирует с тенденциями централизации, присущими Соборному уставу, и в первую очередь в вопросе выборности духовенства и его полномочий. Кроме того, в уфимском проекте почти не отражена роль церковного старосты, который, по Соборному уставу, является в своем приходе опорой епархиального архиерея и благочинного. Все это определенно указывает на различие между ориентациями на возрождение церковной жизни «снизу» и «сверху».

Достаточно сопоставить параллельные места обоих уставов:

¹⁰⁸ См., в частности: *Преображенский Н.В.* Периодическая печать по вопросу о приходской реформе. СПб., 1908.

¹⁰⁹ Проект Устава православных приходов в Уфимской епархии // УЕВ. 1917. №9–10. Приложение 2-е. С. 6.

Проект Устава православных приходов Уфимской епархии ¹	Определение Св. Собора о православном приходе ²
<p>1. Православный приход есть общество прихожан, совместно со своим причтом под сенью приходского храма действующее в целях наилучшего устройства религиозно-правственной, культурно-просветительной и общественно-экономической жизни; а также дел благотворения в приходе.</p>	<p>1. Приходом называется общество православных христиан, состоящее из клира и мирян, пребывающих на определенной местности и объединенных при храме, составляющее часть епархии и находящееся в каноническом управлении своего Архиепископа, под руководством поставленного последним священника-настоятеля.</p> <p>2. Назначение прихода состоит в том, чтобы православные христиане, объединенные верой во Христа, молитвами, таинствами, христианским учением и церковною дисциплиною, содействовали друг другу в достижении спасения через христианское просвещение, добрую жизнь и дело христианского благотворения и имели попечение о нуждах своего храма, а также о нуждах общепархиальных и общецерковных Российской и Вселенской Церкви.</p>
<p>8. [В основном соответствует пунктам 56 и 80 Соборного устава, однако с формулировкой.] Приход охраняет своих членов от инославной, шовинной и сектантской пропаганды.</p>	<p>80 <...> е) ограждать православную веру от противоречащих в приход противорелигиозных, раскольничьих и сектантских лжеучений.</p>
<p>9. Все члены причта избираются общим приходским собранием из лиц канонически правоспособных как по своему образованию, так и по своим нравственным</p>	<p>15. Избрание и назначение на священно- и церковно-служительские должности принадлежит епархиальному Архиепископу, который при этом принимает во внимание</p>

и служебным качествам. Епархиальный совет ведет список таких лиц и публикует его в епархиальных органах печати; но приход не лишается права избирать из лиц канонически правоспособных и не вошедших в список, но хорошо известных приходу.

10. Приходские священники, как и прочие члены причта, поставляются к определенному приходу и без особенной необходимости не должны переходить в другой приход. Не может также переводить их с одного места на другое без их желания и без ведома прихода и епархиальная власть. Удаление церковно-священнослужителей может быть лишь по разборе жалобы прихожан на церковном суде.

11. Состав причта каждого прихода определяется соглашением епархиальной власти с общим собранием прихода.

13. Для управления делами приходом организуются общие приходские собрания и советы: общее собрание, как орган распорядительный, и совет, как орган исполнительный.

14. В состав общего собрания входят члены причта и все члены прихода, достиг

и кандидатов, о которых ходатайствует Приходское собрание.

16. Члены причта могут быть перемещаемы и увольняемы со своих мест только по суду или по собственному желанию.

18. Настоятель прихода и прочие священники вместе с другими членами приходского причта ответственны пред Богом и своим Архиепископом за благосостояние прихода со стороны религиозной нравственности, духовного просвещения и нравственного преуспеяния его.

17. Обязанности членов причта, при исполнении ими своих священно- и церковно-служительских должностей, определяются церковными правилами и руководственными распоряжениями высшей церковной власти.

27. Управление приходскими делами совершается, под руководством епархиального Архиепископа, настоятелем прихода, совместно с другими членами причта и церковным старостой и при участии прихожан.

28. Совместная деятельность клира и прихожан в управлении приходскими делами осуществляется через Приходское Собрание и Приходской Совет.

44. Право участия в Приходском Собрании с решающим голосом имеют все

шие 18 лет... На каждое общее Собрание избирается особый председатель; председатель совета избирается советом из своей среды на весь срок полномочий совета.

15. К ведению общих собраний относятся: избрание членов причта, церковных старост и всех должностных лиц в приходе, а также представителей от прихода в окружные, уездные и епархиальные учреждения общественных организаций; приход ведает все финансовые дела... и ведает дела, обозначенные в параграфе 8 сего устава [*т.е. фактически контролирует и определяет всю жизнь прихода и деятельность совета*]. Собрание считается состоявшимся и определение его обязательным, если на нем присутствуют не менее 2/3 его членов. Вторичные собрания законны при всяком числе собравшихся. Дела решаются простым большинством голосов.

16. Приходской совет собирается ежемесячно и по мере надобности. Он: а) приводит в исполнение все постановления общих собраний; б) заведует всеми приходскими суммами...

члены причта и прихожане обоого пола, достигшие 25-летнего возраста.

54. На Приходском Собрании председательствует настоятель прихода или заменяющий его священник.

75. В Приходском Совете председательствует настоятель приходского храма, по своему положению, как духовный руководитель прихода.

48. Дела, не обозначенные в объявлении о созыве Собрания, во всяком случае не могут быть рассматриваемы без согласия Приходского Совета (Собрания).

55. Приходским собраниям принадлежит обсуждение и решение всех приходских дел и вопросов, распоряжение приходским капиталом и имуществом, надзор через доверенных и избранных лиц, членов Приходского Совета и попечителей — за всеми приходскими учреждениями, установление самообложений.

50. Приходское собрание считается действительным, если, кроме настоятеля, на собрание явилось не менее 1/10 части полноправных прихожан; когда же предметом обсуждения на собрании является указание кандидата на свободное место в составе причта или выборы члена Приходского Совета, а также решение вопросов о самообложении и вообще денежных дел, для действительности собрания требуется не менее половины полноправных прихожан.

80. На членов Приходского Совета возлагаются обязанности: а) помогать во всем своему председателю — священнику и духовному отцу, в исполнении пастырского долга и вести, по общему соглашению Совета, порученные им дела...

1 Проект Устава православных приходов в Уфимской епархии... Приложение 2-е. С. 2–10.

2 Приходской Устав. Определение Священного Собора Православной российской церкви о православном приходе 7 (20) апреля 1918 г. // Священный Собор Православной российской церкви. Собрание постановлений и определений. Вып. III, приложение к «Деяниям» второе. М., 1918. С. 13–41.

Таким образом, уфимский Устав документально закрепил теоретическую разработку еп. Андреем проблем православного прихода в самый канун великих потрясений. Здесь нет скру-

пулезной детализации, так что по объему уфимский Устав значительно уступает Соборному, но тем самым он и много доступнее для клира и мирян, способен служить своего рода руководством к действию – к возрождению самостоятельного прихода, где нет классовых и национальных разграничений, а есть союз верующих, объединенных любовью и делом обустройства своей жизни. «Церковь есть общество, а без своей собственной жизни оно, конечно, мертво»¹¹⁰ – вот главный и непреходящий постулат еп. Андрея.

Революционные события не могли не сказаться на терминологии владыки. Мало того, он считал, что разрушительным идеям социализма, преломленным через большевистскую терминологию, необходимо противопоставить идею христианского социализма, в основе которой лежит задача воссоздания прихода как «народной социалистической единицы»¹¹¹. В то время, когда государство разваливается, а церковно-приходская жизнь почти отсутствует, «церковь, как храм, интересуется каких-нибудь старушек... сама церковная молитва обратилась теперь только в служение молебнов и панихидок, а сколько-нибудь литургийно-общественного настроения совсем нигде нисколько не заметно»¹¹².

Восстановление церковной жизни виделось еп. Андрею как альтернатива политическому социализму, крайнее проявление которого владыка видел в большевизме с его исключительно разрушительными тенденциями; и это будет осуществление самого глубокого, самого народного социализма – «истинного социализма духа»¹¹³. Однако владыка постоянно и настойчиво убеждает клир воздерживаться от политических страстей, не превращать церковную кафедру в трибуну митингов, но, напротив, противопоставить всеобщей ненависти культурную работу во имя торжества христианской любви. В этой работе должны объединить свои усилия лучшие представители православного духовенства и интеллигенции.

По мере разрастания катастрофы голос еп. Андрея обретает все более трагические ноты: необходимо немедленно обустраивать приходскую жизнь, уединяться в ней и выстоять, спасти остатки благочестия и нравственности в эпоху всеобщего разрушения. Нужно как можно быстрее обособиться, воздвигнуть ограду вокруг своего прихода, чтобы уберечься от растлевающего воздействия современных событий, устроив местную автономию, основу которой составят нравственное воспитание и самостоятельная хозяйственная жизнь.

Владыка дает конкретные рекомендации: немедленно переписать прихожан, утвердить местные уставы (на основе устава, принятого Ильинским приходом Уфы) и организовать хозяйственные кооперативы¹¹⁴. Священники обязаны возглавить эту работу, а если кто из них чувствует свою неспособность к ней, то должен добровольно сложить свои обязанности, передав бразды правления в руки достойных мирян вплоть до избрания нового пастыря.

Здесь сказывается сильное воздействие примера организационного и идейного устройства старообрядческих общин, в свою очередь продолжающих приходские традиции Московской Руси.

Еп. Андрей глубоко осознает необходимость материальной базы для успеха подобного предприятия и призывает, во-первых, к добровольным пожертвованиям и, во-вторых, – самое

¹¹⁰ Народ должен быть хозяином своего счастья. Речь, произнесенная еп. Андреем в общем собрании Восточно-русского общества 18 августа 1918 года // ЗЛ. 1918. №13. С. 401.

¹¹¹ Деятельность Восточно-русского культурно-просветительного общества (Воззвание 10 января 1918 г.) // ЗЛ. 1918. №1. С. 11.

¹¹² Вполне преступная бездеятельность // ЗЛ. 1917. №19.

¹¹³ Деятельность Восточно-русского культурно-просветительного общества // ЗЛ. 1918. №1. С. 9.

¹¹⁴ 1 июля 1918 г. владыка обратился с особым словом к прихожанам железнодорожной церкви Уфы, создавшим церковный кооператив: «В вашем приходе открылся первый кооператив, первый союз взаимопомощи; впервые церковная любовь проявляется в заботе об экономической жизни нуждающейся братии. Сегодня мы осуществляем великий завет св. церковных дьяконов, данный церковному обществу: «пещись о столах», т.е. заботиться о всех несчастных и бедных, никогда не покидать их, чтобы церковное общество разрослось в целое древо, в святую семью из всего народа вместе с духовенством» (ЗЛ. 1918. № 9. С. 263).

главное – к устройству кооперативных коммерческих предприятий. В «Заволжском летописце» появляются соответствующие статьи, в которых разрабатываются вопросы приходского хозяйства; здесь же владыка помещает свою заметку «О дьяконском служении св. Церкви», со ссылкой на древнюю традицию напоминая в ней, что главной обязанностью младшего клира наряду со чтением Священного Писания являлось руководство хозяйственной жизнью приходской общины¹¹⁵.

Тем самым, по мнению владыки, церковные приходы должны стать теми бастионами, внутри которых сохранится и укрепится здоровое зерно православной жизни, способное в благоприятный момент дать ростки возрождения Церкви и России.

2

Владыка сочувственно воспринял революционные события Февраля 1917 го, увидев в них прежде всего возможность для освобождения Церкви от государственной опеки и для строительства новой духовной жизни. Однако он был далек от восторгов и глубоко сознавал, что главная причина почти полного отсутствия церковной жизни в России состоит в том, что иерархия едва ли не безропотно превратилась в покорную служанку мирской власти и «служение Божией правде подменено служением правде царской, а потом и смирение перед неправдою царскою было объявлено добродетелью»¹¹⁶.

В тот период владыка почти не высказывал оригинальных идей: подобные же утверждения были на устах значительной части духовной и светской православной интеллигенции. Но еп. Андрей был церковным политиком, то есть агитатором и деятелем; именно поэтому, применяя ораторские приемы, намеренно стгущая краски, он пытался заставить своих слушателей заглянуть вглубь той пропасти, в которую падала православная Церковь. А ужаснувшись, нравственно переродиться, возродиться к новой жизни. Оригинальность работы еп. Андрея заключается в том, что он стремился сделать общим достоянием идеи, выработанные православной мыслью, превратив их в руководство к действию. Неоднократно заявляя, что Церковь стоит на гибельном краю, владыка вдохновляется мыслью, что она еще жива благодаря присутствию отдельных истинных служителей православия, благотворному влиянию старообрядчества и, главное, благодаря тому, что «управляет русскую Церковь святитель Николай Чудотворец, и поэтому мы, несмотря на синод и обер-прокуроров, не потеряли веры»¹¹⁷. Именно эти уверенность и надежда придавали владыке сил в его трудах, позволяли вскрывать язвы и бороться с чуждыми православию идеями.

Еп. Андрей считает, что Церковь, связав себя с государственной властью, под ее воздействием преобразовала собственные институты по образу и подобию того же государства: «на Моисеевом седалище сидели не духовные вожди народа, а губернаторы»¹¹⁸, в подчинении у которых находились духовные чиновники, лишённые возможности (даже если бы пожелали) нести духовные начала в жизнь русского общества. На протяжении веков идеи «цезаропапизма» отравляли церковный организм и наконец привели его к почти полному разложению. Под колокольный звон, заглушавший истинное пасторское служение, духовенство и интеллигенция вещали о «народе-богоносце», принимая за данность то, что достигается лишь длительной и самоотверженной работой. Культивировалась слепая вера, а отправление мирянами религиозных обрядов приравнивалось к изъявлению гражданской лояльности. Но события Февральской революции воочию показали, что «вся религиозность русского человека была

¹¹⁵ О дьяконском служении св. Церкви // ЗЛ. 1918. №7. С. 209–211.

¹¹⁶ Вполне преступная бездеятельность // ЗЛ. 1917. №19.

¹¹⁷ Речь Преосв. Еп. Андрея о взаимоотношениях Церкви и государства, произнесенная 6 августа 1917 г. на собрании духовенства и мирян в здании епархиального училища в Уфе // ЗЛ. 1917. №16. С. 429.

¹¹⁸ Современные церковные настроения // ЗЛ. 1917. №21. С. 590.

вполне бессознательна, что христианство коснулось души русского народа очень слабо, что идеализация народа нашего как какого-то аскета – решительно ни на чем не основана»¹¹⁹. Триединая формула «православие, самодержавие и народность» оказалась мыльным пузырем: православный народ отказался стать на защиту самодержавия. Владыка убежден: разрушив церковное общество, самодержавие тем самым лишило массы нравственного влияния той силы, которая единственно способна быть идеологической опорой русской жизни.

Революция, уничтожившая царский деспотизм, открыла широкие возможности для развертывания церковной деятельности. Однако плевелы петровских реформ пустили в среде русского общества глубокие корни и ядом цезаропапизма парализовали нравственное самосознание духовенства и мирян. Временное правительство, в лице революционного обер-прокурора оказавшееся, по определению еп. Андрея, достойным преемником победоносцевского ведомства, поставило проблему антиномии Церкви и государства на старую почву. Под видом революционных преобразований в новообразованном Синоде насаждались принципы подчинения Церкви политическим задачам новой власти.

Обер-прокурор В.Н. Львов самолично решал важнейшие вопросы, игнорируя мнение духовенства (что можно было предвидеть, зная о настроениях Львова в тот период, когда он возглавлял Церковную комиссию в Государственной думе); тот же Львов, посетив Рогожское кладбище, «обнаружил при разговоре с епископом Александром [Богатенковым] свое круглое незнание старообрядчества и старообрядческих вопросов и даже общецерковных вопросов»¹²⁰.

Обо всем этом писал еп. Андрей, высказывались на Поместном соборе протопресвитеры Шавельский и Любимов. В частности, вопреки призывам духовенства, у приходов были отобраны школы, которым отводилась ведущая роль в деле обновления церковной жизни. Новый глава Ведомства православного исповедания принимал решения, явно противоречащие канонам, а в своей работе опирался именно на те круги, которые еще недавно верой и правдой служили самодержавному цезаропапизму, а теперь были готовы служить новой власти: принцип всеобъемлющего подчинения Церкви государственной власти с поразительным постоянством брался на вооружение различными политическими силами, независимо от классовых перегородок.

Именно так оценивает еп. Андрей угнетенное положение Церкви, и борьба всевозможных политических теорий не могла поколебать его выводов о том, что все носители этих теорий стремятся поставить православие на службу своим партийным лозунгам. Этот принцип владыка определял как «цезаропапизм наизнанку» и раскрывал как охлократию всех цветов, вне зависимости от образовательного и имущественного ценза.

Привычное к подчинению духовенство почти беспрекословно подчинялось любому командному окрику светских властей: силы воинствующей Церкви были подорваны расколом XVII века, и наиболее деятельная ее часть направила все свои усилия на укрепление и сохранение древней традиции под ударами российской инквизиции. Высшие иерархи давно уже превратились в церковных магнатов, а рядовое духовенство привыкло автоматически следовать рекомендациям «Церковного вестника», бывшего «барометром», «флюгером» синодально-самодержавной политики. Деятельность клира строго ограничивалась внутрискрамным исправлением треб. Произошла «атрофия нравственного чувства»¹²¹, и когда указующий флюгер исчез вместе с царизмом, духовенство в растерянности опустило руки, ибо за два века разучилось самостоятельно мыслить и действовать. Вместе с самодержавием, которые было одновременно и идолом клира, и его охраной, был с корнем вырван и авторитет церковной

¹¹⁹ Народ должен быть хозяином своего счастья. Речь, произнесенная еп. Андреем в Общем собрании Восточно-русского общества 18 августа 1918 г. // ЗЛ. 1918. №13. С. 392.

¹²⁰ [Мельников Ф.Е.]. О примирении новообрядцев с древлеправославною Церковью // СЦ. 1917. №34–35. С. 593.

¹²¹ Современные церковные настроения // ЗЛ. 1917. №21. С. 595.

власти; народная ненависть, разбуженная революцией, обрушилась на православные святыни. Наступило время воздаяния за преступное сотрудничество с деспотизмом.

Яркой иллюстрацией раскола между клиром и массой верующих послужили дебаты на Поместном соборе по поводу признания полномочий священника В.И. Востокова как депутата от мирян Уфимской епархии. Этот единственный случай избрания иерея мирянами был многими не понят: большинство Отдела личного состава Собора признало выборы недействительными¹²². Но Собор, тем не менее, нашел в себе силы утвердить священника в правах депутата и тем самым высказался в поддержку линии еп. Андрея, направленной на укрепление единства клира и мирян. Профессор церковного права Н.Д. Кузнецов отметил, что «если миряне дают представительство клирику, то это явление нужно приветствовать, особенно в России, где в настоящее время большое разъединение между членами церковного общества»¹²³. Дискуссия на 18-м заседании Собора стала внушительной демонстрацией успехов деятельности владыки Андрея в своей епархии.

В статье «Современные церковные нестроения», написанной в сентябре 1917 года, владыка дает меткие характеристики трем направлениям церковной жизни, которые зародились давно, но в дни революции обнажили свое естество. Содержание статьи и поныне настолько актуально, что создается впечатление, будто еп. Андрей рисует обстановку, сложившуюся в Русской православной церкви к концу XX века.

Первое направление – церковно-монархическое. Это наиболее сильная и сплоченная партия бывших читателей «Колокола» (редактор В.М. Скворцов) и «Церковно-общественного вестника» (редактор М.А. Остроумов), стремящаяся оставить Церковь на прежних позициях беспрекословного служения светской власти и не допустить развития церковно-общественной жизни. Эта группа продолжает распространять яд государственной антицерковности, который «долго еще будет держаться в мыслях и чувствах людей, по недоразумению считающих себя церковными деятелями»¹²⁴.

Второе течение – церковный оппортунизм, который владыка характеризует как лень в области мысли и инстинкт самосохранения в области чувств. Эта группа более всего ненавистна еп. Андрею в силу ее бесхребетности, болотного застоя, засасывающего всякое проявление чистого духа возрождения и устройства истинной церковности: «Здесь люди стремятся только к наибольшей приспособляемости... Нужно им только то, что называется – «чтобы и волки были сыты и овцы целы». Поэтому волчьи аппетиты тут не отрицаются и не осуждаются. И это направление квазицерковной жизни готово мириться решительно со всем! Только бы все было мирно и тихо: чтобы все было, по крайней мере, снаружи шито-крыто, хотя бы изнутри церковной жизни все было преисполнено всяких гадов»¹²⁵. Ради сохранения внешней оболочки Церкви эти люди готовы пожертвовать духовным содержанием православной истины. Но вера держится не дипломатами, а мучениками.

Наконец, третье направление – обновленческое, как называет его еп. Андрей: истинно церковное. В характеристике этого течения ярко проявляются два аспекта: внутреннее возрождение Церкви и нравственное ее воздействие на общественную жизнь и государство. Необходимо возрождение молитвенного, жертвенного настроения в Церкви, глубокое, из сердца исходящее служение высшим истинам. В первую очередь – коренная реформа прихода, епархиального и высшего церковного управления на основе верности канонам и соборности. Важным предприятием в этом направлении призвано стать полное и искреннее примирение со старообрядчеством и дарование собственной иерархии единоверцам. Одновременно с устро-

¹²² Деяния. Кн. II, вып. 1. (Деяние 18-е). Пг., 1918. С. 40.

¹²³ Там же. С. 44.

¹²⁴ Современные церковные нестроения // ЗЛ. 1917. №21. С. 591.

¹²⁵ Там же. С. 291–292.

ением внутренних проблем в ограде Церкви необходимо нести церковность и соборность в формирование народной жизни России, привносить христианские начала во все направления развития страны.

Безусловно, разные эпохи и разные условия, но в основе одно – работа пастырей и глубокое осознание ими своей ответственности.

Еп. Андрей утверждал, что группа таких церковных «обновленцев» была немногочисленна и этим объясняется тот факт, что Поместный собор не смог решить кардинальных проблем церковного строительства. Владыка прямо называет большинство членов Собора «глухими, слепыми и немymi», пропустившими мимо себя величайшие события в истории России. Собор почти не реагировал на политические и общественные перипетии, ограничившись платоническими обращениями к различным властям и углубясь в решение второстепенных вопросов¹²⁶.

В частной корреспонденции владыка высказывался даже резко. Уже из Омска он писал А.А. Золотареву:

«Ах, как мне хотелось бы... поработать над созданием моей уфимской христианской ассоциации! – Ведь мы уже старики теперь, – вот бы вместе начать святое дело – христианизации жизни. – А от Собора 1917 г. я совсем отрекся, – это соборище было очень глупое. – И та благочестивая просвирия, которая ныне возглавляет нас, – пока <нрзбр.> для Сибири ничего не сделала»¹²⁷.

Тот же Золотарев заметил, что владыка неизменно «считал делом первейшей необходимости укрепление прихода, создание по образцу англиканской Церкви сильных христианских ячеек-общин вокруг св<оего> приходского храма. Возрождение прихода это была его излюбленная идея, к<оторую> он всячески стремился обосновать и “защитить” при начавшемся оживленном обмене мнений в церковной среде и печати в связи с ожиданием будущего Церковного Собора. На Соборе епископ Андрей занял даже св<ое> собственное место, создал св<ую> собственную партию, суть к<оторой> сводилась к немногим ясно и четко поставленным положениям: во 1, возможно скорее восстановить и утвердить патриаршество в Русской церкви, во 2, сейчас же возвратиться к себе домой на места, ибо и малая атомная единица Церкви приход и большая ее составляющая сила епархия во время океанской качки современной требует себе надежных защитников св<оего> дела и опытных кормчих. Чувствовали глубокий завещанный от предков исторический опыт в его словах, когда он торопился втолковать Собору, к<оторый> в лице многих и многих св<оих> участников готов был сосредоточиться на текущих церковно-общественных делах вроде конкр. бытовой русского православного духовенства комиссии»¹²⁸.

Алексей Ухтомский, который тоже был делегатом Поместного собора, представляя единомышленников (во время его работы оба брата жили вместе в московском Сретенском монастыре), так оценивал его ход: «Самое главное, на мой взгляд, что должен был сделать Собор, – это восстановление и утверждение народно-соборного начала в Церкви – того самого, которое дает силы старообрядческим общинам и которое было обругано и изгнано господствующей церковью при Никоне. На Соборе оказались довольно крупные силы – из мирян по преимуществу, – ратовавшие за это... Но официальные заправилы церкви, с владыками и миссионерами во главе, отнюдь не расположены что-либо изменять в отношении церковного народа; наоборот, спасение видится ими все еще в обеспечении и монополизировании власти у иерархий; слышатся чьи-то католические мотивы – которых так боялись старые славянофилы, – что

¹²⁶ Об архиереях глухих, немых, слепых // ЗЛ. 1918. №7. С. 202–209.

¹²⁷ РГАЛИ. Ф. 218. Оп. 1. Ед. хр. 129. Лл. 11–11об. (составителем описи ошибочно принято за письмо «диакона Михайлова», чей обратный адрес указан на письме – это, кстати, омский протоиерей М.Д. Михайлов, впоследствии знаменитый певец).

¹²⁸ Золотарев А.А. Campo Santo – кладбище моей памяти // РГАЛИ. Ф. 218. Оп. 1. Ед. хр. 15. Л. 85об.

иерархи и есть исключительно “поучающая церковь”, тогда как народу остается только слушать, чему его учат попы и архиереи... И это говорится у нас, в русской церкви, где лучший богослов был светский человек – А.С. Хомяков»¹²⁹.

Еп. Андрей считал единственным воистину великим актом Собора избрание патриарха, необходимость которого он постоянно утверждал на страницах печатных изданий и в своих проповедях. В его представлении патриарх русской Церкви, являясь первым епископом среди равных и будучи ответственным перед Собором, призван олицетворять единство православия, его соборность и внутреннюю самостоятельность.

Идея патриаршества противопоставлялась традиции управления Церковью посредством государственного чиновничества в лице обер-прокурора бессловесно-послушного Синода. В статье «Нужен ли нам патриарх?», опубликованной в ноябре 1917 года, еп. Андрей отстаивает собственное представление о функциях будущего предстоятеля и возражает противникам патриаршества, видевшим в избрании первосвященника дань самодержавным традициям, нарушающим принцип соборности православия. Главную задачу патриарха владыка Андрей определяет как нравственный надзор над всей церковной жизнью путем свободы патриаршей проповеди и патриаршего обличения, право на которые дается подвигом личной жизни. «Патриарх будет только председателем будущего церковного управления, – считал владыка, – но с обязательством личной нравственной ответственности за все, что совершается в церкви за время его управления»¹³⁰. Таким образом, «патриарх будет иметь прежде всего не великие права, а великую обязанность: в своей любви и попечении содержать все души христиан православных»¹³¹. По мнению владыки Андрея, патриарх должен быть гарантом принципа автономии, лежащего в основе возрождения церковной жизни.

Еп. Андрей рисует четкую структуру новой церковной организации, свободной от всякого воздействия светской власти. Синод с патриархом во главе – ответственный перед Собором – регулирует деятельность епархий. Система епархиального управления при этом подвергается глубоким преобразованиям, в первую очередь резко – на порядок – увеличивается количество епископов (соответственно и количество епархий)¹³². Регулярные епархиальные съезды духовенства и мирян обсуждают и принимают решения по всем внутренним проблемам. Параллельно иерархическому управлению организуются имеющие большой вес приходские союзы, воссоздаваемые снизу доверху с целью наиболее полного и плодотворного вовлечения прихожан в церковно-общественную и хозяйственную активность приходов. Приходы должны стать моральной и материальной опорой всей церковной жизни страны, альтернативой тогдашним разрушительным тенденциям.

Материальная независимость Церкви от государства – важнейшая предпосылка свободного строительства приходской жизни. Владыка был твердо уверен в необходимости отказа от 40-миллионной подачки государства, закабальной развитию церковной общественности, и создания «общегосударственного денежного церковного фонда»¹³³ из пожертвований прихожан и поступлений от приходских кооперативных хозяйств.

Таким образом, еп. Андрей видит в принципах патриаршества и автономии основу возрождения Церкви, не оставляя никаких точек соприкосновения ее с государственным аппаратом.

¹²⁹ Ухтомский А.А. Интуиция совести. С. 121.

¹³⁰ Нужен ли нам патриарх? // ЗЛ. 1917. №22. С. 629.

¹³¹ Речь Преосв. Еп. Андрея о взаимоотношениях Церкви и государства, произнесенная 6 августа 1917 г. на собрании духовенства и мирян в здании епархиального училища в Уфе // ЗЛ. 1917. №16. С. 433.

¹³² Слово, произнесенное Преосвященным Андреем, епископом Уфимским, в Соборе 25 апреля 1917 г. // ЗЛ. 1917. №15. С. 400.

¹³³ Речь Преосв. Еп. Андрея о взаимоотношениях Церкви и государства, произнесенная 6 августа 1917 г. // ЗЛ. 1917. №16. С. 431.

Принцип автономии явно вел к провозглашению отделения Церкви от государства, но потребовалось время, чтобы владыка смог открыто высказать эту идею.

В беседе с главой правительства в мае 1917 года, а в августе и в открытом письме А.Ф. Керенскому еп. Андрей подчеркивает, что «отделение Церкви от государства не страшно для Церкви, но для государства страшно его собственное отделение от Церкви»¹³⁴, подразумевая под этим невозможность строить общественную жизнь, игнорируя нравственное воздействие православия. В этом письме владыка еще рассчитывал на свои рекомендации представителю власти, призывая опереться в деле возрождения государства на здоровые силы общества, «понимающие религиозную психологию народных масс»¹³⁵.

Однако последующее развитие событий вновь продемонстрировало нежелание и неспособность политических деятелей отказаться от своих узкогрупповых догм и вести страну по пути нравственного возрождения. В речах пришедших к власти чуткое сердце владыки улавливает звуки возведения стен новой тюрьмы для веры. Поэтому он высказывается за прекращение всяких контактов с государственными органами провозглашенной в сентябре Российской республики, будучи твердо убежден в невозможности достичь на этом пути положительных результатов.

Это отчетливо прослеживается в выступлениях еп. Андрея на Поместном соборе, где он оказывался в почти полном одиночестве при обсуждении основных вопросов. Владыка резко выступил против апелляции Собора к Временному правительству после принятия закона об изъятии школ из ведения церковных приходов: «Я считаю ошибочными все наши обращения в Петроград с покорнейшими просьбами то о Законе Божьем, то о школах. Нет основания думать, что эти просьбы будут удовлетворены, и тогда мы останемся с одними красноречивыми словами, не имеющими практического значения для жизни»¹³⁶. Когда в Уфимской епархии приходские школы перевели в ведение Министерства просвещения, владыка Андрей незамедлительно распорядился организовать при приходах новые школы. Идентичное постановление было принято и на Соборе.

Еп. Андрей поддержал профессора С.Н. Булгакова в вопросе о посылке членов Собора в Предпарламент: «Я противник вмешательства Церкви в политику... Мы должны обращать свой голос не вверх – в Петроград, а вниз – к народу»¹³⁷. Игнорировать антицерковные распоряжения государственной власти, не компрометировать себя сотрудничеством с политиками, в какие бы одежды те ни рядились, а апеллировать непосредственно к массам – вот принцип, которым все последовательнее начинает руководствоваться владыка.

Наконец, он прямо назвал себя сторонником отделения Церкви от государства. Произошло это 17 декабря 1917 года на заседании правления приходских советов церковью города Уфы¹³⁸.

Политические партии всех оттенков полностью дискредитировали себя как строители новых форм жизни, а посему «народ должен быть хозяином своего счастья» – такую идею выдвинул владыка в своей речи в августе 1918 года¹³⁹. Необходимо организовывать общественную и государственную жизнь с прихода, укрепляя малые единицы, – и тем самым создавать фундамент будущего общества. Задача Церкви в этом процессе – нравственное воздействие, распространение благотворных идей взаимной любви и сотрудничества. В итоге, считает еп.

¹³⁴ Открытое письмо министру-председателю А.Ф. Керенскому // УЕВ. 1917. №15–16. С. 433.

¹³⁵ Там же.

¹³⁶ Деяния. Кн. II, Вып. 1. С. 133.

¹³⁷ Там же.

¹³⁸ О борьбе с современным умопомешательством. Речь, произнесенная 17 декабря 1917 г. в собрании правления приходских советов в г. Уфе // ЗЛ. 1917. №24. С. 688.

¹³⁹ Народ должен быть хозяином своего счастья // ЗЛ. 1918. №13. С. 391–402.

Андрей, это приведет к «гармоничному претворению Государства в Церковь для достижения высших и вечных целей»¹⁴⁰.

3

С первых дней революции еп. Андрей провозгласил: наконец появилась реальная возможность избавиться от тягчайшего позора, гнетущего православное русское общество на протяжении двух с половиной веков, – от раскола Церкви. Цезаропапизм пал, следовательно, исчезло главное препятствие на пути достижения единства.

Старообрядчество, считает владыка, явилось следствием самодержавной политики, и именно гражданская власть осуществляла гонения, в которых Церковь неповинна. Владыка утверждал, что проклятия Собора 1667 года и последующие церковные постановления направлены против раздорствующих, а не против старых обрядов и книг как таковых: «старообрядчество создано самодурством императора Петра. Патриарх Никон наделал ошибок, но заблуждался честно в своей ревности о Церкви и о ее славе, а Петр Великий своею неслыханной жестокостью окончательно оттолкнул старообрядцев от Церкви»¹⁴¹. Ныне же, надеялся владыка, Церковь должна забыть старые обиды и разногласия и воссоединиться именем Христа.

Однако насколько исторична такая концепция еп. Андрея и возможно ли было ее практически осуществить?

В первую очередь вызывает сомнение освещение исторических фактов. Владыка пишет, будто клятвы 1667 года «были наложены только на церковных раздорников, а не на самые обряды»¹⁴². Но неправомерность подобной точки зрения к тому времени была однозначно выяснена исторической наукой. В частности, владыка еще в 1914 году читал разработавшее этот вопрос исследование Н.Ф. Каптерева «Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович». Тем более явным диссонансом звучит призыв владыки к тому, что господствующая Церковь все-таки обязана соборно снять эти клятвы. Немаловажны и вовсе не упоминаемые еп. Андреем никоновское «Изъяснение» 1653 года, клятва антиохийского патриарха Макария 1656 года, соборное постановление 1666 года против приверженцев древлего православия. Наконец, явная натяжка и мнение о том, будто гонения на старообрядцев осуществляли гражданские, а не церковные власти. Соборные постановления 1666–1667 годов, распоряжения патриарха Иоакима, сочинения канонизированного господствующей церковью Димитрия Ростовского и многих других иерархов прямо говорили о «телесном озлоблении», и истории известно множество фактов жесточайших преследований со стороны господствующей церкви и инспирируемых ею правительственных органов. Довольно часто государственная администрация даже пыталась унять не в меру ревностных деятелей русской инквизиции¹⁴³.

Одной из важнейших причин векового раздора еп. Андрей справедливо считает цезаропапизм. Насильственные методы изменения обрядов и правки богослужебных книг, примененные Никоном и царем, шли вразрез с традициями русского православия. И в дальнейшем правительственная опека давила на внутреннюю жизнь Церкви; сам еп. Андрей неоднократно писал, сколь пагубно применение подобных методов для церковного организма. Так можно ли было говорить об объединении старообрядцев с пораженной всеми этими недугами структурой?

¹⁴⁰ Речь Преосв. Еп. Андрея о взаимоотношениях Церкви и государства, произнесенная 6 августа 1917 г. // ЗЛ. 1917. №16. С. 436.

¹⁴¹ Нравственный смысл современных великих событий // УЕВ. 1917. №5–6. С. 140.

¹⁴² Открытое письмо старообрядческим епископам Белокриницкой иерархии // СЦ. 1917. №45–47. С. 743.

¹⁴³ См., напр.: Покровский Н.Н. Антифеодальный протест урало-сибирских крестьян-старообрядцев в XVIII в. Новосибирск, 1974. С. 261, 291, 307 и др.

Правда, владыка считал, что именно старообрядчество излечит православную церковь, но последняя, в основной массе своих представителей, была иного мнения. Искренность намерений владыки не вызвала сомнений у старообрядцев: «Мы знаем уфимского епископа Андрея как искреннего церковника, но он одинок среди своих собратьев, он, к несчастью, – исключение», – писал старообрядческий публицист И.А. Кириллов, автор знаменитой «Правды старой веры»¹⁴⁴.

И это действительно было так. Выступления и шаги владыки, направленные на достижение единения, подвергались грубым нападкам, его прямо объявляли впадшим в ересь. «Московские ведомости», выражая настроение определенных кругов господствующей церкви, занимались безудержными оскорблениями, не гнушаясь даже фальсификациями и прямой ложью¹⁴⁵.

О настроениях в господствующей церкви можно судить по тому, что Синод вынес на рассмотрение Поместного собора законопроекты «О клятвах патриарха Никона и Московских Соборов 1666–1667 гг.» и «О иерархии белокриницкой-старообрядческой и старокатолической»¹⁴⁶, однако никаких решений по этим вопросам принято не было, а в определении «О единоверии» Поместный собор вновь призвал ко всесторонней борьбе с «расколом»¹⁴⁷.

Разумеется, трудно установить ту грань, что разделяет верность канонам от впадения в буквоедство и «обрядоверия» под именем православной службы. Однако полное игнорирование обрядовых и вероисповедных различий, вероятно, неприемлемо ни для одной, ни для другой стороны. Христианство – религия, опирающаяся на авторитеты, и для каждого верующего существует определенная категория бесспорных истин. Без четкого определения границ духовного фундамента не может быть единства, и даже весьма далекий от ортодоксального православия философ Н.Ф. Федоров отмечал: «Какое значение может иметь примирение только в догмате без примирения в обряде и жизни? Примирение в мысли, т.е. в мнении, не есть ли мнимое?.. Примирение в догмате, без примирения в обряде, без усвоения – того обряда, который есть верное выражение догмата, не будет ли единомыслием без единодушия, которое не может остаться внутренним, а требует внутреннего выражения? Как возможно внутреннее согласие при внешнем противоречии?.. вера состоит в единстве догмата, обряда и жизни, т.е. в цельности»¹⁴⁸.

Владыка же считал все это делом третьестепенным и просто предложил от себя лично, не имея на это полномочий от Синода, устроить два встречных крестных хода, господствующей церкви и старообрядческой: «на Красной площади все участники обоих крестных ходов падают в землю друг другу и взаимно испрашивают друг у друга прощение за вольные и невольные двухвековые прегрешения... А потом мудрость объединенной иерархии должна на общих соборах (может быть, на многих) через общие молитвы объединить все стадо церковное и в обряде»¹⁴⁹. Только глубокой вере и любви можно приписать столь наивный¹⁵⁰ план уничтожения пропасти многовекового раздора.

¹⁴⁴ СЦ. 1917. №45–47. С. 744.

¹⁴⁵ См.: Московские ведомости. 1917. №№185, 206, 209 и др.; перепечатку этих материалов см.: «Мирное» настроение // СЦ. 1917. №36. С. 614.

¹⁴⁶ Предисловие, документы и материалы к созыву и деятельности Предсоборного совета и Собора // Деяния. Кн. I, вып. I. Пг., 1918. С. 36.

¹⁴⁷ О единоверии. Определение Священного Собора православной российской церкви от 22 февраля (7 марта) 1918 г. Собрание определений и постановлений. Вып. II, приложение к «Деяниям» второе. М., 1918. С. 5.

¹⁴⁸ Федоров Н.Ф. Проект соединения церквей // Федоров Н.Ф. Философия общего дела. Том I. Верный, 1907. С. 457.

¹⁴⁹ Открытое письмо старообрядческим епископам Белокриницкой иерархии // СЦ. 1917. №45–47. С. 744.

¹⁵⁰ Ср. с точкой зрения П.А. Флоренского, сформулированной в его «Записке о старообрядчестве» (1923): «Отделение старообрядцев от Греко-Российской Православной Церкви было бедствием; самое упорство и ожесточенность борьбы со старообрядчеством свидетельствуют о сознании той боли, какую церковное тело ощущало от этой операции. В старообрядчестве Греко-Российская Церковь утратила одно из существеннейших направлений своей жизни («разделений», по Апостолу

Одной из важнейших проблем во взаимоотношениях церковей был вопрос о статусе Белокриницкой иерархии старообрядцев. В статье, написанной в 1916 году, а появившейся в феврале 1917 года, еп. Андрей определяет эту иерархию как лишенное благодати «самочинное сборище»¹⁵¹; правда, это единственное столь резкое выражение у владыки, тем более что в каноническом праве «самочинное сборище» – менее жесткая (и вообще наименьшая) степень церковных разногласий, нежели «раскол», которым традиционно объявлялось старообрядчество¹⁵².

Так или иначе, после революции еп. Андрей высказывается за признание иерархии, начало которой положил митр. Амвросий. В обоснование своего мнения владыка приводит 1-е правило св. Василия Великого и 68-е правило Карфагенского собора: в случаях, когда каноничность иерарха вызывает сомнение, ради любви и спасения душ человеческих можно принимать его в Церковь в сущем сани¹⁵³. И хотя для господствующей церкви это был большой шаг вперед, подобное решение вряд ли могло удовлетворить старообрядчество.

Владыка, впрочем, не ограничивался теоретической разработкой проблемы и предпринимал практические шаги в этом направлении.

31 мая 1917 года он в сопровождении епископа Угличского Иосифа (Петровых) – будущего вдохновителя «иосифлянского» движения, единоверческого протоиерея Семена Шлева (который в скором времени под именем Симон станет первым единоверческим епископом в России) и председателя московской единоверческой общины Я.М. Пашкова посетил Рогожское кладбище, где встретился с епископами Белокриницкой иерархии. Им было передано датированное 28 мая Обращение Совета Всероссийских съездов православных старообрядцев (единоверцев)¹⁵⁴, руководимого еп. Андреем. Состоялась и беседа по теоретическим и практическим вопросам взаимоотношений господствующей церкви и старообрядчества.

В связи со множеством инсинуаций, появившихся после этого в прессе, владыка выступил со статьей, где рассказал об этом визите и о своем отношении к расколу русского православия¹⁵⁵. Статья вызвала новую волну травли с обвинениями в самоволии и еретических мыслях. Одновременно обращение единоверцев (из 7 пунктов) было напечатано в журнале «Слово Церкви» в сопровождении постатейных комментариев¹⁵⁶. В августе появился ответ старообрядческих епископов, в котором прямо говорилось о невозможности примирения на данном этапе¹⁵⁷.

Единоверцы, находящиеся в иерархическом подчинении господствующей церкви, считали себя промежуточным звеном между старообрядчеством и никонианским православием (с введением веротерпимости после 1905 года они стали именовать себя «православными ста-

[I Кор. 11, 19]), и, вследствие борьбы со старообрядцами, представители Православной Церкви вынуждены были замалчивать положения, необходимые в составе здорового церковного мышления, замалчивать их отчасти потому, что их выдвигали старообрядцы. Но и для старообрядчества отделение от общего русла церковной жизни было губительно. Не говоря уже об основном вопросе, сознававшемся старообрядчеством крайне болезненно (священство, таинство), отмечаю создавшуюся в старообрядчестве привычку к обороне, в результате чего была постепенно утрачена способность жизненно и творчески пользоваться обороняемыми благами... Совершенно необходимо, чтобы сомнение в благодатности австрийского священства было преодолено, и притом преодолено до конца, а не обойдено с помощью рассуждений или распоряжений» (*Флоренский П.А., священник. Сочинения в четырех томах. Т. 2. М., 1996. С. 560, 563.*)

¹⁵¹ О святом причащении Христовых Таин // Христианская мысль. 1917. №2. С. 18.

¹⁵² Соответственно существуют три чина присоединения отступников: присоединение по третьему чину (через покаяние) из «самочинного сборища (парасинагоги)», по второму чину (через миропомазание) – из «раскола» («перемазывание», в обиходной терминологии) и по первому чину (через крещение, обычно повторное – «перекрещивание») – из «ереси».

¹⁵³ В Восточно-русском культурно-просветительском обществе // ЗЛ. 1917. С. 299.

¹⁵⁴ Полный текст: *Зимина Н.П.* Жизнеописание священномученика Симона. С. 378–380.

¹⁵⁵ На Рогожском кладбище // УЕВ. 1917. №12–13. С. 308–310.

¹⁵⁶ Шаг к сближению // СЦ. 1917. №28. С. 509–511; Обращение единоверцев // Там же. С. 511–512.

¹⁵⁷ Ответ на обращение единоверцев. Совету Всероссийских съездов единоверцев, 22 августа 1917 г. // СЦ. 1917. №36. С. 609–610.

рообрядцами»¹⁵⁸). Единоверцы и взяли на себя труд попытаться достичь соглашения. Важную роль в этих действиях играл еп. Андрей, который был председателем Совета Всероссийских съездов православных старообрядцев (единоверцев) в Нижнем Новгороде и считался одним из потенциальных кандидатов в единоверческие архиереи. Поэтому владыка и передал 31 мая единоверческое послание епископам Белокриницкой иерархии.

Редакционный разбор 7 пунктов этого «Обращения» выглядит несколько бледнее в сравнении с ответом старообрядческих иерархов. Авторы «Слова Церкви» занялись в основном разбором отдельных тезисов, толкованием случайных выражений и порой слишком «осовременивают» глубинные проблемы. Архиерейский же ответ дает тщательно мотивированный анализ сущности разногласий и определяет четкую позицию старообрядчества в вопросе о церковном единстве, не поддаваясь конъюнктурным позывам текущего момента.

Старообрядческие епископы пишут, что иерархия господствующей церкви, в нынешнем ее положении, не может считаться православной и, согласно каноническим нормам, является еретической во втором чине. В том состоянии, в котором пребывает нынешняя господствующая церковь, отмечают епископы, не может быть и речи об объединении. Такой опыт уже проводится более ста лет (имеется в виду единоверие), а результаты его плачевны: единоверие не только не внесло дух истинной церковности в господствующую церковь, но и само в значительной степени утратило древлеправославный облик.

Поэтому церковное единение в настоящее время «неосуществимо и даже вредно для чистоты древлего благочестия»¹⁵⁹. Сама идея единства русского православия не отвергается белокриницкими архиереями, однако они считают условием ее осуществления положение, при котором «обе Церкви, новообрядческая и старообрядческая, не будут ни в чем различаться».

И далее следуют конкретные пожелания: необходимо, чтобы последователи реформ Никона при участии восточных патриархов соборно отвергли и осудили клятвы и злохуления, произнесенные на святоотеческие предания и обычаи и на православных христиан, придерживающихся оных; чтобы никониане раскаялись и испросили прощения – как за эти клятвы и злохуления, так и за все бесчеловечные мучения, каким они и их предки подвергали держателей святоотеческих преданий; чтобы они всецело восстановили каноничность своей церкви и устроили ее в таком виде, в каком пребывала древлерусская Церковь до разделения... Без всего же этого, при настоящем антиканоническом положении и расстройстве церкви господствующей, когда попираются священные каноны, презираются святоотеческие предания и древлецерковные обычаи, не исполняется богослужебный чин – даже по новообрядческим книгам и уставам – служба совершается с пропусками, какими-то отрывками, с антицерковным концертным пением, когда нет в церкви единообразия и благочиния, – говорить «о единстве нас с вами и с господствующей церковью нам кажется преждевременным и бесполезным». Заканчивается «Ответ» пожеланием и уверенностью в том, что в конце концов солнце правды и истины, мира и любви «воссияет среди верных сынов Руси святой»¹⁶⁰.

Можно заметить, что старообрядческие архиереи высказываются о господствующей церкви почти в таких же выражениях, какими обвинял ее сам еп. Андрей на протяжении предшествующего десятилетия. Однако выводы совершенно различны. Владыка Андрей считает, что духовное возрождение господствующей церкви может быть достигнуто своеобразной «прививкой» ей старообрядчества. Но ведь много лет сам владыка призывал к внутреннему исправ-

¹⁵⁸ См.: Первый Всероссийский съезд православных старообрядцев (единоверцев). СПб., 1912. (В Российской государственной библиотеке под шифром У 363/107 хранится экземпляр этой книги, от имени «священника С. Шлеева» поднесенный Николаю II и находившийся в библиотеке Зимнего дворца; царь вряд ли ее раскрывал, так как многие страницы до середины 1990-х оставались неразрезанными.)

¹⁵⁹ Ответ на обращение единоверцев. Совету Всероссийских съездов единоверцев, 22 августа 1917 г. // СЦ. 1917. №36. С. 610.

¹⁶⁰ Там же.

лению, к напряженной работе восстановления духа церковности и прекрасно сознавал, что для этого нужны подвиг и длительный период времени, а не приобретение истины «на стороне». Старообрядческие архиереи поэтому и предложили господствующей церкви тяжкую дорогу исправления через внутреннее преобразование с опорой на авторитет Св. Писания, каноны, святоотеческое предание, подчеркивая, что процесс этот облегчается самим фактом существования старообрядческой церкви, являющейся зримым примером служения истине.

После опубликования «Ответа» еп. Андрей написал «Открытое письмо к старообрядческим епископам Белокриницкой иерархии», где высказал сожаление по поводу столь резкого, как ему показалось, ответа. Именно здесь он описал свой план единения на Красной площади. Редакция «Слова Церкви» поместила это письмо и свои комментарии к нему¹⁶¹. В дальнейшем старообрядческие публицисты не раз возвращались к этой теме, а в редакцию поступали многочисленные отклики рядовых последователей древлеправославия – два таких письма были опубликованы в 1918 году в первом номере журнала «Голос Церкви», ставшего преемником «Слова Церкви»¹⁶².

4

На протяжении революционных месяцев еп. Андрей находился в гуще событий и неоднократно высказывал свое отношение к ним. Наиболее полное выражение его взгляды получили в двух речах, произнесенных летом 1918 года, когда многочисленные политические теории получили свое конкретное воплощение. Это речь «Народ должен быть хозяином своего счастья», произнесенная 19 августа на общем собрании Восточно-русского культурно-просветительного общества, и «Речь-слово, сказанное епископом Андреем перед открытием Государственного совещания в Уфе» 26 августа (по старому стилю) на площади перед кафедральным собором.

Владыка считает революционный 1917 год закономерным исходом самодержавного управления Россией. Русское общество охвачено смертельными болезнями вследствие полной потери нравственно-религиозного чувства; в этих болезнях несомненно повинна самодержавная власть Санкт-Петербурга. Власть стала нехристианской: она перестала считать себя обязанной всегда быть на службе людям и перешла незаметно в некое властвование, в целую систему начальствования. Власть стала каким-то идолом, которому нужно было кланяться и служить, в чем заключалась вся гражданская добродетель. Нравственная ценность власти вовсе не принималась во внимание, – а именно самая власть считалась чем-то «самодовлеющим и дающим оценку всяким ценностям»¹⁶³. Церковная иерархия культивировала подобные мысли и чувства в народе, вследствие чего в обществе царили, с одной стороны, грубый деспотизм, а с другой – рабское подчинение с осознанием своего холопского положения. Эта атмосфера поддерживалась и в приходских школах, и в университетах. В учебных заведениях господствовали принципы западного духовного начала, и в результате, считает владыка, русская интеллигенция совершенно чужда национальному самосознанию, почему и русской ее называть нельзя. «Обе революции были достойным плодом достойной власти и поэтому были вполне законны»¹⁶⁴, – говорил владыка.

Революция внушала надежды на обновление, но у ее штурвала оказались люди, воспитанные в духе российского деспотизма и ставшие его достойными продолжателями: «Ленин только

¹⁶¹ Открытое письмо к старообрядческим епископам Белокриницкой иерархии // СЦ. 1917. №45–47. С. 743–744; [комментарии редакции] // Там же. С. 744–746. ср.: ЗЛ. 1917. №22. С. 631–633.

¹⁶² Отклики на «открытое письмо» еп. Андрея Уфимского // Голос Церкви. 1918. №1. С. 32–37.

¹⁶³ Народ должен быть хозяином своего счастья. Речь, произнесенная еп. Андреем в общем собрании Восточно-русского общества 18 августа 1918 года // ЗЛ. 1918. №13. С. 395–396.

¹⁶⁴ Там же. С. 394.

использовал тот горючий материал, который представляла из себя наша молодежь, а честь воспитания этих негодников, разрушивших наше отечество, – принадлежит бесспорно нашей приходской школе¹⁶⁵. Интеллигенция и возглавленная ею революция продолжили линию противопоставления себя народу, и наиболее ярко это проявилось в церковной политике новых властей. «Нерусские люди смешали неосторожно иерархию («попов») с Церковью и еще более неосторожно провели «отделение Церкви от государства», сделав наше государство принципиально безыдейным; нужно было только отделить церковную организацию от государственной опеки, а фактически отделили государство от нравственных принципов»¹⁶⁶.

Под «нерусскими людьми» владыка Андрей подразумевает не только еврейский элемент, а в первую очередь именно «псевдорусскую» интеллигенцию. Он горячо выступает против усыпляющих утверждений о том, будто русский народ «сглазили», и призывает всех осознать свою вину, ибо без покаяния нет исправления: «...русский “богоносец” еще более удивил всех, когда обнаружилось, что вся религиозность русского человека была вполне бессознательная, что христианство коснулось души русского народа очень слабо, что идеализация народа нашего как какого-то аскета – решительно ни на чем не основана. Это было в некотором отношении – самое ужасное открытие! ... В защиту русского народа пытаются говорить, что его сбили с толку евреи, что народ обманут своими вожаками. Плохое извинение. Хорош же народ и хороша его религиозная христианская настроенность, что любой проходимец – пролетарий всех стран – может его «сбить с толку»... Одно из двух: или этого самого «толку» у русского народа мало, или его религиозность слишком слаба. В народе слишком долго культивировали «слепую веру» – вернее, слепоту в вере, и последствия этой слепоты теперь для всех видны»¹⁶⁷.

Именно интеллигенция, считает еп. Андрей, вначале во главе с Керенским провозгласила отделение Церкви от народа, а затем, ведомая Лениным, вдохновила темную массу на разгром Церкви: «Оба эти интеллигента, и Керенский, и Ленин, не знают, что такое Церковь, и наделали крупных ошибок... Они социалисты, но не русские люди; вот корень их ошибок и ошибок революции! Наша революция была в высокой степени либеральна, но оказалась очень мало народна! Ее руководители до сих пор не понимают русского народа, потому что не знают его мировоззрения»¹⁶⁸.

Вскрывая причины и сущность революционной бури, владыка Андрей рассматривает ее лишь с позиции нравственных начал. Глубоко разрабатывая этот аспект, он оставляет без внимания политические и экономические проблемы. Разумеется, это и не входило в его задачи, но столь ограниченное освещение насущных вопросов не могло удовлетворить народные массы, к которым обращался владыка. Его оценка событий была бы совершенно верна, будь верной и всеобъемлющей его историческая философия. Но его определение причин революции страдает односторонностью, хотя владыка и противопоставлял разрушающему характеру движения детально разработанную систему мероприятий, включавшую как духовные, так и политико-экономические элементы.

* * *

Первые столкновения с социалистическим движением произошли у еп. Андрея уже весной 1917 года. Газета уфимских социал-демократов обвинила его в пристрастии к монархизму, сославшись на то, что архиерей, прежде усердно молившийся за самодержавную власть, не делает того же при революционном правительстве. Тогда владыка предложил редакции газеты самой составить молитву, в которой можно было бы провозгласить «многая лета» Времен-

¹⁶⁵ Там же.

¹⁶⁶ Народ должен быть хозяином своего счастья. С. 395.

¹⁶⁷ Там же. С. 392.

¹⁶⁸ Там же. С. 395.

ному правительству¹⁶⁹. Однако основания для претензий редакции действительно были: Синод в своем определении от 6 марта действительно рекомендовал пастырям служить литургию «С совершением многолетия Богохранимой Державе Российской и Благоверному Временному Правительству ея»¹⁷⁰.

Пока в первые месяцы революции в социалистическом движении преобладали сравнительно умеренные силы, владыка стремился наладить с ними контакты и подчеркивал: «Социалисты взяли у нашей первоначальной апостольской Церкви ее святой учение об общине, братстве, равенстве... и ушли с этим учением от нас в сторону»¹⁷¹. Социалистам, отмечал еп. Андрей, не хватает чувства любви, и потому в основу своей теории и практики они поставили идола классовой борьбы, что на российской почве открыло «свободу хулиганству»¹⁷².

Задача православия состоит в том, чтобы научить социалистов истинному социализму духа, внести в их учение нравственное начало. Это будет тем легче сделать, надеялся владыка, чем быстрее все осознают, что в недрах русского народного духа зреют семена врожденного социализма и что Россия уже имеет опыт социалистического устройства – старообрядческую общину: «это социализм, но здоровый, основанный на взаимном доверии, это святая общественность, которую благословляет св. Церковь»¹⁷³.

Однако в ноябре 1917 года сравнительно спокойные рассуждения сменяются исполненными страсти речами: «Родина наша, весь русский народ, сбитый с толку, переживает ныне последние недели своего бытия. Кончается одна страница русской истории и начинается страшная другая...»¹⁷⁴

Первое время владыка видел в большевистском перевороте лишь заговор германского генштаба. Всевозможные инсинуации о характере революционного движения и ораторский пыл, неизменно сказывавшийся даже в письменных выступлениях еп. Андрея, уводили его в сторону от реальных фактов: здесь фигурируют и «пломбированный вагон», и миллионные фонды на содержание тысяч агитаторов, и 60 тысяч переодетых в русские шинели немцев, расстреливающих в Петрограде русский народ, и многое другое. Осенью–зимой 1917 года эти заблуждения были массовыми. И лишь ужасом перед закабалением России можно объяснить столь несвойственный владыке призыв к насилию: «Теперь немцы голыми руками заберут у нас богопротивный Петроград и все города вплоть до Москвы. Одна Украина и южная Русь с казаками поняли истинную опасность от немцев и предательство по отношению к России со стороны продажных русских предателей и изменников, и на юге все вооружаются»¹⁷⁵. Владыка вызывает в памяти своих слушателей и читателей образы Смутного времени и призывает к борьбе с немецко-еврейским заговором, чьим орудием считает большевизм. «Еще недавно в газетах вы могли прочитать мнение честного и умного революционера Бурцева о том, что у нас теперь происходит. А теперь Бурцев сидит в тюрьме. Немцы вместо войск напустили на Россию только одного нашего симбирского помещика Ленина, а Ленин окружил себя явными предателями – разными бронштейнами, хамкесами и нахамкесами, которые и разрушают Россию... В 1612 году Троицко-Сергиевскую лавру осаждали не одни поляки – среди осаждавших

¹⁶⁹ О непрекращающейся на меня клевете // ЗЛ. 1917. №9. С. 249.

¹⁷⁰ Херсонские епархиальные ведомости. 1917. №5. С. 63; Российское духовенство и свержение монархии в 1917 году. (Материалы и архивные документы по истории Русской православной церкви) / Сост. М.А. Бабкин. М., 2006. С. 23.

¹⁷¹ Слово, произнесенное Пресвященным Андреем, епископом Уфимским, в соборе 25 апреля 1917 г. // ЗЛ. 1917. №15. С. 309.

¹⁷² Вполне преступная бездеятельность // ЗЛ. 1917. №19. С. 589.

¹⁷³ О борьбе с современным умопомешательством. Речь, произнесенная 17 декабря 1917 г. в собрании Правления приходских советов в г. Уфе // ЗЛ. 1917. №24. С. 689.

¹⁷⁴ Ответ уфимцам и всей моей братии // ЗЛ. 1917. №22. С. 619–620.

¹⁷⁵ О борьбе с современным умопомешательством... // ЗЛ. 1917. №24. С. 690.

было три четверти русской сволочи... В настоящее время эта банда носит кличку большевиков. Большевизм – это болезнь духа, социализм брюха, это служение мамоне»¹⁷⁶.

В дальнейшем тон вновь трансформируется. Владыка по-прежнему враждебен «углублению революции», но, войдя в непосредственное соприкосновение с Советской властью, меняет акценты. 11 января 1918 года еп. Андрей вопреки протестам присутствующих допустил двух большевиков на заседание Восточно-русского общества, вынеся оттуда впечатление, что это – совершенно русские люди, честно заблуждающиеся и потому ведомые преступною рукой – «и Бог знает, кто в этом виноват, они или мы, оставившие их одних, без церковного попечения». В речи на этом заседании владыка выразил уверенность в возможности исправления большевиков и призвал интеллигенцию оказать им всестороннюю поддержку¹⁷⁷.

13 января еп. Андрей сам отправился в Уфимский Совет рабочих депутатов. Он был поражен, увидев там (как сам вспоминал) настоящих праведников, всецело преданных идее устроения царства Божия на земле. Но искренность и самоотдача, на взгляд владыки, сочетались в большевистских деятелях с приверженностью к жесточайшим методам воплощения своих идеалов. Еп. Андрей констатирует: это вполне русские люди, действующие в соответствии с традициями русской жизни, взращенными в глубинах старого мира; апостолы мира нового ведомы преступной рукой, но в силах православия вернуть их на путь любви и истинного социализма. Владыка наставляет своих прихожан, но одновременно обращаясь и к большевикам: «Избегайте всякой ссоры, всякой вражды. Не сердись, если твой ближний не послушает тебя. Зная, что его правда так же дорога ему, как твоя правда – тебе, научитесь понимать друг друга и прощать друг другу несогласия во взглядах»¹⁷⁸.

Владыка отдает должное благородству намерений большевиков, но режим их для него неприемлем. В статье, написанной в мае 1918 года, когда многое уже прояснилось, он резко высказался против большевизма. Советская власть, на взгляд еп. Андрея, вновь утверждает деспотизм как форму государственного управления. Эта власть направлена против народа и его Церкви. Она не способна установить порядок в стране и сохранить целостность российского государства. Владыка пускается в теоретические рассуждения о сущности государственного устройства, находя, что «народную власть может именоваться тогда, когда она полезна для народа»¹⁷⁹. Создается впечатление, будто еп. Андрей склоняется здесь к такому идеалу общественного устройства, когда стоящие у власти «лучшие люди» раздадут счастье народным массам, не обращая внимания на массу реальных примеров воплощения подобных идеалов и не сознавая, что настало время массовых движений и уже невозможно, как он предлагает, «отгородиться от толпы». Однако следующий тезис владыки убеждает, что речь в данном случае идет не о политической системе: «Нужны народные Советы, но переустроенные на новых началах... нужна какая-то другая власть, очень сильная, которой сейчас нет, которая имела бы целью спасти и эти народные Советы и весь русский народ»¹⁸⁰.

В своей речи перед открытием Государственного совещания из числа членов Учредительного собрания, которое состоялось в Уфе, владыка конкретизирует эти свои построения, ссылаясь на Судей Израилевых, которые вели народ по пути духовного обновления и национального возрождения; и ныне для спасения отечества нужно «одно честное, прекрасное, патриотическое имя, нужен вдохновенный вождь, сильный делом и словом... который бы воплотил в себе и воскресил нашу несчастную родину»¹⁸¹. И такой человек в глазах владыки явно

¹⁷⁶ Деятельность Восточно-русского культурно-просветительного общества (Воззвание от 10 января 1918 г.) // ЗЛ. 1918. №1. С. 8.

¹⁷⁷ См.: Об уфимских большевиках // ЗЛ. 1918. №1 С. 15–18.

¹⁷⁸ Зелинская А. Епископ Андрей в Совете рабочих и солдатских депутатов // ЗЛ. 1918. №1. С. 21.

¹⁷⁹ О власти императорской и «советской» // ЗЛ. 1918. №7. С. 194.

¹⁸⁰ Там же. С. 196.

¹⁸¹ Речь-слово, сказанное еп. Андреем перед открытием Государственного совещания в Уфе 26 августа 1918 г. на площади

не был носителем какой бы то ни было политической доктрины, ибо политический деятель едва ли способен возглавить власть, о которой мечтает еп. Андрей: «которая в себе носила бы нравственное право напомнить другим, что мир общественный основывается на исполнении самых простых заповедей: «не укради» и «не пожелай дома ближнего твоего... ни вола его, ни осла его»¹⁸².

Военный министр уфимской Директории генерал В.Г. Болдырев вспоминал, как владыка обратился к виднейшим участникам Государственного совещания с личными посланиями, где «указывал на значение церкви в деле государственного строительства»¹⁸³. Тем не менее владыка мало доверял политикам и прямо выразил свое нежелание идти на их Совещание, хотя и взывал к ним через своих слушателей на площади перед собором: «Ныне не время классовой борьбы (будь она проклята во веки веков), а время святого самоотверженного строительства государственной жизни. Ничего нельзя вырастить на началах борьбы и злобы, – эти начала сами в себе носят начала разложения. Нет! Только любовь и взаимные уступки могут быть надежным фундаментом общественного строя»¹⁸⁴.

Примечательно пожелание, высказанное еп. Андреем в той же речи. Он настаивает, чтобы избранные народом члены Учредительного собрания начали возрождение России именно с Уфы и, укрепившись здесь, продолжили общерусское дело в масштабах страны. Подобное пожелание, выраженное пока еще в слабой форме, в дальнейшем приобретет в деятельности самого владыки мощное звучание.

перед кафедральным собором // ЗЛ. 1918. №13. С. 390.

¹⁸² Там же. С. 389.

¹⁸³ Как должны жить наши православные христиане. Программа, рассмотренная Московским Рев. Трибуналом в деле еп. Андрея // Материалы по Андреевскому расколу / Собрание А.М.[архиепископа (с 1962 г. – митрополита) Мануила (Лемешевского)]. Куйбышев, 1961, 144 стр. машинописи (далее – Материалы), №9.

¹⁸⁴ Речь-слово, сказанное еп. Андреем перед открытием Государственного совещания в Уфе... // ЗЛ. 1918. №13. С. 390.

Глава четвертая «Вы управляете теперь своими епархиями самостоятельно...»

1

Осенью 1918 года декретом Совнаркома была учреждена Чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией на Чехословацком фронте. Ее председатель М.И. Лацис в первом номере журнала «Красный террор» опубликовал статью под тем же названием, в которой определил свое понимание задачи комиссии:

«Мы уже не боремся против отдельных личностей, мы уничтожаем буржуазию как класс. Это должны учесть все сотрудники Чрезвычайных комиссий и все Советские работники, из которых многие взяли на себя роль плакальщиков и ходатаев.

Не ищите в деле обвинительных улик о том, восстал ли он против Совета оружием или словом. Первым долгом вы должны его спросить, какого он происхождения, какое у него образование и какова его профессия. Вот эти вопросы должны разрешить судьбу обвиняемого.

В этом смысл и суть Красного террора...»¹⁸⁵.

Приказ по ЧК фронта за №9, определявший отношение к духовенству, был не менее категоричен: «подвергать расстрелу каждого из них несмотря на его сан, кто дерзнет выступить словом или делом против Советской власти»¹⁸⁶.

Подобные теории и приказы действовали в Поволжье и на Урале. Однако еп. Андрей к моменту вступления Красной армии в Уфу (30 января 1919 года) находился уже за Уралом, так как еще до колчаковского переворота, в период уфимского Государственного совещания, в Томске был созван съезд, в котором приняли участие церковные иерархи и представители мирян заволжских и сибирских епархий¹⁸⁷.

Затем, уже в Омске, состоялся Сибирский Поместный собор, постановивший: «Впредь до соединения и восстановления отношений с Патриархом, учреждается временное Высшее Церковное Управление, заседающее в месте резиденции Правительства под председательством местного Епархиального епископа»¹⁸⁸.

Из архиереев в это временное Высшее церковное управление (ВВЦУ) были избраны архиеп. Симбирский Вениамин (Муратовский) и еп. Уфимский Андрей. После колчаковского переворота 18 ноября 1918 года, свергнувшего правительство членов Учредительного собрания, председателем ВВЦУ автоматически стал еп. Омский Сильвестр (Ольшевский).

В советской литературе прочно закрепились характеристики еп. Андрея как «видного деятеля колчаковщины», «колчаковского прислужника», «героя колчаковских банд». Однако большинство их либо голословны, либо опираются на высказывания владыки времен весны–осени 1918 года, когда Колчак еще не числился Верховным правителем. Единственная заслуживающая внимания статья еп. Андрея из числа инкриминированных ему выступлений относится к первым дням 1919 года: тогда он повторил свои опасения захвата России немцами

¹⁸⁵ Лацис М.И. Красный террор // Красный террор (Казань). 1918. №1. С. 2.

¹⁸⁶ Приказ №9 по ЧК Чехословацкого фронта // Там же. С. 11.

¹⁸⁷ Фигуровский И.В. Томское церковное совещание и отношение к нему церковного и светского общества. 1–20 ноября 1918 г. // Енисейские епархиальные ведомости. 1919. №1–2. С. 1–7. Ср.: «Во время занятия Уфы красными епископ Андрей эвакуировался в Златоустовский уезд» (Церковная жизнь в Уфимской епархии // Тобольские епархиальные ведомости. 1919. №1. Часть неофициальная. С. 215–216.

¹⁸⁸ Его преосвященству преосвященнейшему еп. Андрею, 1926 г., апреля 7 дня // Материалы, №32.

и назначил двухнедельный пост: «может быть, за наше покаяние Господь спасет нас и наш прегрешивший перед Ним народ»¹⁸⁹.

Но хотя авторы противоцерковных брошюр не испытывали недостатка в фактическом материале, подтверждавшем антисоветскую деятельность церковных служителей, ни одного доказательства обвинений еп. Андрея в призывах к войне и насилию в период 1919 – начала 1920 годов здесь нет.

В атеистической литературе сложилось совершенно фантастическое представление о так называемых «полках Иисуса и Богородицы», создание которых приписывалось еп. Андрею. Миф о боевых частях монахов и священников сложился задним числом (кстати сказать, христианскому духовенству категорически воспрещено владеть оружием¹⁹⁰). А в 1919 году советский журнал писал о таких полках как обычных военных формированиях, отличавшихся лишь нашитым на мундиры восьмиконечным крестом: «Солдаты этих полков, как описывают очевидцы, наряжены в особую форму с изображением креста. Впереди полков идут (неизвестно, добровольно или в порядке мобилизации) с пением молитв и лесом хоругвей облаченные в ризы и стихари служители культов. Состоят эти полки из наиболее темных, фанатично настроенных солдат колчаковской армии»¹⁹¹. Таким образом, это была лишь попытка белых пропагандистов объединить под одним знаменем приверженцев старой и новой веры. Церковная печать того времени не преминула бы осветить боевые действия клира, однако из нее мы узнаем только о чисто проповеднических группах, которыми руководил лично омский архиеп. Сильвестр.

В качестве доказательства активной антисоветской и антипатриотической деятельности Сибирского ВВЦУ атеистическая литература любила цитировать его послание руководителям христианской церкви с обвинениями Советской власти и призывом оказать поддержку Церкви в борьбе с атеистическим правительством. Это послание подписано всеми членами ВВЦУ, за исключением еп. Андрея.

Многочисленные факты свидетельствуют о разгуле террора в колчаковских войсках и в тылу. Наиболее яркие и документированные воспоминания такого рода принадлежат одному из руководителей Красной армии в Сибири и на Дальнем Востоке, автору песни «По долинам и по взгорьям» П.С. Парфенову (Алтайскому). Колчаковские карательные органы почти не видели разницы между большевиками и другими социалистическими партиями, с ненавистью относились к кадетам, видя в них главных виновников революции. Подавлялась всякая оппозиция, откуда бы она ни исходила. За любые выступления против колчаковского режима уничтожались активисты всех партий левее октябристов. Солдаты и офицеры расстреливались за малейшее проявление недовольства. В марте 1919 года в колчаковской «Сводке сведений по контрразведке» констатировалось: «Социалисты-революционеры в блоке с большевиками. Соорганизованы объединенные боевые дружины по Сибирской железной дороге и в крупных центрах... Идет усиленная совместная работа по организации предстоящей весной вооруженного выступления и всеобщей забастовки». Еп. Андрей никак не мог быть сторонником вооруженных восстаний, однако карательные органы белых были обязаны помнить о том, что совсем недавно владыка высказывал надежды на совместную работу с эсерами в деле организации сельских приходских общин. Еще в годы Первой мировой войны еп. Андрей держался образа мыслей, близкого линии либеральной газеты «Утро России» – органа прогрессистов, стоявших в то время на крайнем левом фланге среди лояльных режиму партий.

Колчак конфликтовал с чехословацкими частями, которым владыка поначалу симпатизировал: «...Бог спас нашу Родину! Явились родные наши братья чехи и словаки для того,

¹⁸⁹ Последнее средство // Известия ВЦИК. 1919. 4 февраля. С. 2.

¹⁹⁰ 83-е апостольское правило; 7-е правило Четвертого (Халкидонского) Вселенского Собора.

¹⁹¹ Иисусовы полки // Революция и церковь. 1919. №1. С. 20–21.

чтобы спасти нас от страшного немецкого порабощения и полного духовного падения и раз-
вращения народа. Мы, русские люди, должны благословить Промысл Божий, который при-
вел к нам в Россию благородных братьев наших – чехов, лучших представителей славянской
семьи»¹⁹².

Наконец, при достаточно очевидном отрицательном отношении владыки к российскому
самодержавию, особенно к последнему императору, он явно не мог сочувствовать насаждав-
шемуся в заметной части белого движения культу Романовых. Между тем в антирелигиозной
литературе речь еп. Андрея перед открытием Государственного совещания в Уфе недобросо-
вестно истолковывалась как призыв к восстановлению на престоле династии Романовых в лице
великого князя Михаила.

С учетом всего вышеизложенного абсурдна и формулировка обвинительного заключе-
ния по делу патриарха Тихона, характеризующая еп. Андрея как «черносотенного церков-
ного деятеля... набрасывающего из-за фронта целую программу деятельности «тихоновцев»
внутри России. Глубоко проникнутый идеями борьбы с Советской властью, особенно укрепив-
шимися в нем, несомненно, под влиянием его участия в «соборных» работах бывшего Патри-
арха *Тихона*, епископ Уфимский *Андрей*, член Сибирского Соборного совещания 1918–1919
гг., бывший заведующий духовенством армии Колчака и деятельнейший сподвижник черного
адмирала по формированию «крестовых дружин» и «проповеднических отрядов», в своих чер-
носотенных листках, кощунственно присвоивших себе название «За родную землю», откоро-
венно выбалтывает за рубежом Советской России планы «тихоновцев»... В своей статье №4
журнала «Народ-хозяин» от 5 октября 1918 г. *Ухтомский* спрашивает: «Возможен ли блок
приходских советов с социалистами-революционерами», и отвечает: «должен оговориться, что
эта партия для меня из остальных самая близкая... Теперь церковно-приходские советы и пар-
тия социалистов-революционеров должны составлять *единое неразрывное целое*... Что каса-
ется русских социал-демократов... то они, вероятно, скоро убедятся, что Церковь для них мать
родная, а не враг, что Церковь открывает для них свои объятия и что радость человеческая
имеет основание не в классовой борьбе, а в братской взаимопомощи...» Но и внутри России
программа *Ухтомского* не осталась только на бумаге... *внутри страны* специально «церков-
ная» часть программы кн. *Ухтомского* была полностью проведена в жизнь *тихоновцами*»¹⁹³.

Зная только о взглядах еп. Андрея и методах его работы, можно утверждать, что он не
был апологетом гражданской войны, и верить его словам о серьезных разногласиях с «Вер-
ховным правителем России»¹⁹⁴. Но известны и документы, подтверждающие, что и при Кол-
чаке владыка руководствовался теми же принципами, которые за двенадцать лет до этого про-
возгласил при наречении его во епископа: «когда устроятся дела церковные, умиротворится
смятенный дух народный, когда православный русский народ окружит тесным кольцом своих
архипастырей и объединится с ними, – когда обновится православная Русь, тогда возвратится
мир и радость всей нашей общественной жизни во всей ее совокупности»¹⁹⁵.

О том же говорил еп. Андрей и в дни братоубийственной войны: «С кем могут блоки-
роваться приходские советы? Может ли быть блок приходских советов с кадетами? – Невоз-
можно... Возможен ли блок приходских советов с социал-революционерами? Должен огово-
риться, что эта партия для меня из всех самая близкая. Церковно-приходские советы и партия
с. р. должны составлять единое неразрывное целое... Что касается русских социал-демократов,
то они, вероятно, скоро убедятся, что Церковь для них – родная мать, а не враг, что Церковь
открывает для них свои объятия и что радость человеческая имеет основание не в классовой

¹⁹² Уфимский церковно-народный голос. 1918. № 523–525. С. 4–5.

¹⁹³ Обвинительное заключение по делу граждан: Беллавина Василия Ивановича, Феноменова Никандра Григорьевича... по 62 и 119 ст. ст. Уголовного Кодекса. М., 1923 (*Цит. по:* Акты святейшего Тихона... С. 236–237, 239).

¹⁹⁴ Процесс бывшего князя Ухтомского // Правда. 1922. 12 июля. С. 6.

¹⁹⁵ Речь архимандрита Андрея, произнесенная им 3 окт. 1907 г. при его наречении во еп. Мамадышского. С. 1307.

борьбе, а в братской взаимопомощи...»¹⁹⁶. Один из наиболее плодовитых «антирелигиозников» прокомментировал эти слова так: «В лице Ухтомского церковь высказалась за создание союзов от черносотенцев до меньшевиков включительно, и эта желтая коалиция в союзе с иностранными оккупантами по плану мракобесов противопоставлялась советской власти»¹⁹⁷.

Формально числясь руководителем духовенства 3-й армии Колчака, владыка продолжал исполнять свой пастырский долг, настойчиво призывая к укреплению церковной жизни. В отчете об итогах Сибирского Поместного собора содержится призыв распространять и приводить в жизнь принятый всероссийским Собором 1917–1918 годов приходской устав: «Организовывать приходские союзы, учитывая их влияние на население, составляющее оплот всякой государственности в смысле участия этих союзов в политической и общественной жизни обновленного государства»¹⁹⁸.

Подобные идеи были чужды режиму Колчака, и постановление Сибирского собора не могло вызвать понимания у лидеров белых на востоке страны. Протоколы Собора свидетельствуют, что эти идеи были приняты им под непосредственным влиянием еп. Андрея: «Что такие союзы могут оказать действительно большое влияние, показывает результат городских выборов в Уфе, где приходы провели 30 гласных из 102», – читаем мы далее¹⁹⁹.

Итак, в ходе очередной попытки чисто политического решения проблем страны еп. Андрей продолжает свою работу, твердо убежденный в примате духовного начала в жизни общества.

2

Крах белых в Сибири застал владыку в Новониколаевске (ныне Новосибирск), где он и был арестован советскими властями вместе с несколькими другими архиереями²⁰⁰. Все они были обвинены в разжигании классово-ненависти, пособничестве белым и антисоветской пропаганде.

3 августа 1920 г. Отдел юстиции Сибирского революционного комитета сообщал Уфимской губчека, что «бывший епископ Уфимский Андрей вместе с другими бывшими епископами предается суду Сибирского Чрезвычайного Ревтрибунала»²⁰¹.

В омской тюрьме еп. Андрей написал «целое большое сочинение “Церковный катехизис”», большей частью посвященное «идеальной республике», как он ее понимал: «Писал я это сочинение по многим побуждениям. И главное из них – это научить православных христиан подлинной церковной жизни, церковной республике. ...Спасибо начальнику Омской Чеки, который разрешил мне это писание. Однако при моих перевозках меня по Москве, Уфе, Ташкенте, Асхабаде, я свой катехизис потерял...»²⁰²

Осенью 1920 года еп. Андрей, еп. Симбирский Вениамин и викарий Уфимской епархии еп. Златоустовский Николай (Ипатов) выступили с совместным заявлением: «Мы не способны ни по характеру нашей церковной деятельности, ни по личным нашим наклонностям ни к какой противоправительственной ни явной, ни тем более тайной агитации и к существующей

¹⁹⁶ Кандидов Б.П. Церковь и шпионаж: О некоторых фактах контрреволюционной и шпионской деятельности религиозных организаций. М., 1940. С. 29.

¹⁹⁷ Там же. С. 30.

¹⁹⁸ Итоги Сибирского поместного Собора // Енисейские епархиальные ведомости. 1919. №3. С. 32.

¹⁹⁹ Там же. С. 33.

²⁰⁰ Вероятно, в этой группе был арестован и архиеп. Омский Сильвестр (Ольшевский), скончавшийся в заключении в Омске 26 февраля 1920 г. См.: Акты святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти, 1917–1943 / Сост. М.Е. Губонин. М., 1994. С. 896–897.

²⁰¹ Нежский А.И. С. 240 (ГАРФ. Ф. 353. Оп. 2. Д. 712. Л. 199).

²⁰² «Исповедь» 1928 г. Цит. по: Нежский А.И. С. 242–243.

власти относимся вполне лояльно, почему и обращаемся с просьбой о нашем освобождении и прекращении наших дел»²⁰³. Тут же сообщалось, что владыка Андрей подал и особое заявление, в котором «раскаивается в прежних нападках на Советскую власть за ее декрет об отделении церкви от государства и заявляет, что, наоборот, он приветствует параграф 13 Советской Конституции, что он будет всегда стремиться к такой свободе церкви и что поэтому, считая единственно правильным такое решение вопроса, готов содействовать Советской власти в ее работе по отделению церкви от государства»²⁰⁴. Автор журнальной статьи именует это заявление владыки «лицемерным», однако, памятуя о длительной борьбе еп. Андрея за автономию православия в рамках российской государственности, нельзя согласиться с подобной оценкой и заподозрить владыку в трусости или подлоге.

Так или иначе, на основании этого заявления дело владыки было прекращено:

Я, заведующий Отделом Юстиции Сибирского Революционного Комитета Александр Григорьевич Гойхбарг, рассмотрев заявление содержащегося под стражей в Омском доме лишения свободы Епископа Уфимского Андрея, ПОСТАНОВЛЯЮ:

Принимая во внимание заявление обвиняемого в участии в Колчаковском высшем церковном управлении и в военной службе у правительства Колчака Епископа Уфимского Андрея о том, что он не только не будет заниматься никакой ни явной, ни тайной агитацией против Советской власти, что он будет относиться к ней вполне лояльно, но и приветствует § 13 Конституции Советской об отделении церкви от государства и готов в этом отношении ей содействовать, разъясняя верующим все недоумения, связанные с этим параграфом Конституции, – дело по обвинениям Епископа Уфимского АНДРЕЯ, указанным выше, прекратить, из-под стражи его освободить и направить в Уфу с тем, чтобы там он находился под надзором самих верующих, которые в случае нарушения им принятых на себя обязательств будут отвечать как его соучастники. Подлинный подписал Заведующий отделом Юстиции Сибревкома А. Гойхбарг. 1920 г. Ноября 4 дня²⁰⁵.

Владыка был освобожден из-под стражи после десятимесячного заключения, всего же под следствием Омской ЧК он числился с 28 декабря 1919 года по 24 октября 1920 года²⁰⁶.

Окончательное разрешение этого дела состоялось 3 декабря 1920 года в Сибирском революционном трибунале, где еп. Андрей изложил свои взгляды на взаимоотношения церкви с советским государством; по его утверждению, его точка зрения нашла положительный отклик у членов трибунала²⁰⁷. Но хотя дело было прекращено, Омгубчека еще раз арестовывала его 3 марта 1921 г.²⁰⁸. Затем предполагалось направить его в Уфу «с тем, чтобы он там находился под надзором своих верующих, которые в случае нарушения принятых на себя обязательств, будут отвечать как соучастники»²⁰⁹.

Покидая Уфу, еп. Андрей оставил паству на попечение своего давнишнего сотрудника, крупнейшего единоверческого деятеля – еп. Симона (Шлеёва), с апреля—мая 1920 года²¹⁰

²⁰³ Дело беглых архиереев // Революция и церковь. 1920. №9–12. С. 55.

²⁰⁴ Дело беглых архиереев... С. 55–56.

²⁰⁵ *Нежный А.И.* С. 240 (ГАРФ. Ф. 353. Оп. 2. Д. 712. Л. 200).

²⁰⁶ ЦГИА Республики Башкирия. Ф. Р-1252. Оп. 1. Д. 527. Л. 187. См.: *Зимина Н.П.* Жизнеописание священномученика Симона... С. 277, 399, прим. 29.

²⁰⁷ Письмо в редакцию. Во имя правды // Правда. 1922. 10 августа. С. 5.

²⁰⁸ *Нежный А.И.* С. 242 (ГАРФ. Ф. 353. Оп. 2. Д. 712. Лл. 203, 215, 217).

²⁰⁹ Дело беглых архиереев // Революция и церковь. 1920. №9–12. С. 56.

²¹⁰ *Зимина Н.П.* Жизнеописание священномученика Симона. С. 246. Официальное постановление № 167 о выдаче «путе-

фактически замещавшего владыку, как «управляющий Уфимской епархией» окормляя всех, и новообрядцев, и единоверцев.

Однако в ночь с 18 на 19 августа 1921 года еп. Симон был убит двумя выстрелами из револьвера возле своей резиденции на южной окраине Уфы²¹¹. Горожане сочли это мстью чекистов за недавнюю гибель их сотрудника, «и хотя следствие показало, что в убийстве виновата шайка грабителей, церковники распустили провокационный слух... провокация затухла, когда милиция задержала убийц еп. Симона в Самаре. В Уфе были выставлены фотоснимки задержанных и... узлы с вещами, взятыми грабителями в доме убитого епископа»²¹².

Однако основания для «провокационного слуха» и серьезных волнений в городе были: в первом сообщении официальной газеты подчеркивалось, что налицо «убийство ради убийства» (а не грабежа), поскольку еп. Симон был «живым воплощением отделения церкви от государства» и выступал за «мирные отношения власти и духовенства»; и тут же был сделан действительно провокационный намек на сторонников владыки Андрея, придерживающегося абсолютно тех же взглядов: «Черный князь церкви, правая рука Колчака – еп. Андрей оставил после себя значительное число своих сторонников... Сан еп. Симона, имевшего значительное влияние на прихожан, был предметом борьбы за кафедру и влияние. Поскольку Симон был тверд в своем убеждении и поведении, станет ясно, какой смысл имело для реакционеров стремление “убрать его”»²¹³.

Однако православные остались при другом мнении: еп. Симон доныне чтится ими как священномученик, убитый безбожной властью²¹⁴.

А в 1921 году внимание патриарха Тихона все более занимали события в Сибири, где группа клириков во главе с будущим обновленческим «митрополитом всея Сибири», «ярко-красным» обновленцем Петром (Блиновым) и священниками Макарием Тороповым и Авдентовым-Солодиловым шумно провозгласила необходимость создания Сибирской Советской православной церкви²¹⁵.

На этот опасный участок и был назначен владыка Андрей с наименованием архиепископом Томским²¹⁶. Реально в управление Томской епархией владыка не вступил, поскольку следствие по его делу продолжалось, однако его имя фигурирует в официальной чреде ее архипастырей с пометой «1921–1921»²¹⁷.

вого пособия... Епископу Охтенскому Симону, командированному для временного управления Уфимской епархией», датировано 3 мая (там же). Ср.: Святитель уфимской земли // Уфимские епархиальные ведомости. 1995. №4–5. С. 7; Акты святейшего Тихона... С. 896–897, 993 (где без ссылок на источники значит, что еп. Симон стал единоверческим епископом Уфимским еще в 1918 г.).

²¹¹ О. Местная жизнь: Убийство еп. Симона // Известия Уфимского губернского комитета РКП(б). 1921. №188(642). 23 августа. С. 2.

²¹² Тарасов И.Д., Деденко В.П. Дмитрий Михайлович Чудинов. (Биографический очерк). Уфа, 1969. С. 38.

²¹³ О. Местная жизнь: Убийство еп. Симона.

²¹⁴ Подробнее см.: Зимина Н.П. Жизнеописание священномученика Симона. С. 273–312.

²¹⁵ Левитин [Краснов-Левитин] А.Э., Шавров В.М. Очерки по истории русской церковной смуты. М., 1996. С. 345; Ярославский Е. По Сибири: Внутреннее обозрение // Сибирские огни. 1922. №3. С. 142.

²¹⁶ Акты святейшего Тихона... С. 179. Сам указ патриарха о назначении владыки на томскую кафедру никогда не публиковался, более того, неизвестна и точная его дата – по формулировке современных официальных историков Московской патриархии, он датируется «скорее всего, *концом* 1921 года» (Зимина Н.П. Жизнеописание священномученика Симона. С. 324), новейшая официальная датировка его формального пребывания на томской кафедре – «11.1921 – 18.06 (01.07) 1924» (История иерархии Русской православной церкви. С. 596). Но даже недоброжелатели владыки Андрея прямо писали, что «по распоряжению патриарха Тихона в 1921 году» он стал именно «архиепископом Томским ... сам еп. Андрей писал в 1922 году в Томск св-ященнику» М. Хитровскому, что он от кафедры Томской никогда не отказывался и даже, находясь в Москве в 1922 году, просил еп. Иоанна Давлекановского из Уфы управлять Томской епархией. Да и архимандрита Климента посвятил во епископа Томской епархии, 3 сент. 1925 г., как это видно из доклада Климента своему церковному начальству от 15 сент. того же года. Да и духовенство Томской епархии поминало его за богослужением как епископа Томского» (Константиновский В., протоиерей. Православие и епископ Андрей, бывший князь Ухтомский. Уфа, 1926. С. 14–15). Ср.: Православная энциклопедия. Т. 2. М., 2001. С. 360–365.

²¹⁷ Акты святейшего Тихона... С. 950.

Еще 25 июня 1921-го Секретный отдел ВЧК, ведавший политическим сыском, телеграфировал из Москвы в Уфимскую губчека: «Уфимский епископ Андрей зпт бывший князь Ухтомский зпт назначен Тихоном членом синода зпт примите меры собиране обвинительного материала о его работе Колчаком зпт которых пустите в разработку тчк 25/6 – 21. НачСО ЧК САМСОНОВ». Председатель Уфимской губчека С.Т. Галкин наложил на телеграмму резолюцию: «Т.т. Чудинову, Баташеву, Пальгову: Материал собрать в кратчайший срок вполне исчерпывающий личность Андрея как сподвижника Колчака». 19 августа 1921 года Президиум Уфгубчека направил в Москву в ВЧК «дело №1831 об Уфимском епископе Андрее на распоряжение»²¹⁸.

Вскоре владыка был этапирован на Лубянку. Согласно документам, в Москву его доставили только 5 ноября 1921 года, на 11 ноября он содержался в 18-й камере 3-го коридора²¹⁹. Где он находился с марта по октябрь (в Омске, Уфе или где-либо еще²²⁰), из документов не видно.

В регистрационных книгах Бутырской тюрьмы «Уфимский Андрей (Епископ)» вообще значится арестованным 28 февраля 1921 года (где арестован, не указано) и по состоянию на лето 1922 года содержащимся в 16-й общей камере²²¹.

В графе «особые замечания» датированного 11 ноября 1921 года «Опросного листа заключенного» владыка собственноручно записал:

Мое преступление состоит в том, что я в церкви проповедь сказал, что слово крестьянин происходит от слова христианин, а слово литургия филологически значит республика. Поэтому я продолжаю считать мой 3-месячный арест досадным недоразумением. – Я считаю нужным сказать, что я просил у Сибирского Революционного Комитета утверждения Устава Союза Ревнителй Свободы религиозной пропаганды без различия исповеданий. Сиб. Рев. Ком оказал мне исключительное доверие и утвердил мне этот прекрасный Союз для деятельности по всей Сибири, а не только по гор. Омску, как я просил. Я стоял в январе—феврале 1921 г. на точке зрения Влад<имира> Дм<итриевича> Бонч-Бруевича, который в сентябре с.г. начал устраивать инославные религиозные коммуны (Прошу устроить мне свидание с Бонч-Бруевичем, Пречист. бульвар, Наркомзем); на той же точке зрения стоит и Уфимский Губ-Исп-Ком, который весной 1920 г. утвердил Устав Союза Приходских Советов. – В этих двух Союзах можно прекрасно трудиться в создании религиозных коммун на почве этического социализма. Но Ом-Губ-ЧК моим арестом все разрушила; впрочем, представитель этой ЧК лично мне 16 апр. сказал, что я ни в чем не «виноват», что он «завтра меня освободит»... В Омской тюремной больнице, заразившись цынгой на почве постоянного недоедания, я все-таки написал новый православный катехизис (вместо

²¹⁸ *Нежский А.И.* С. 243 (ГАРФ. Ф. 353. Оп. 2. Д. 712. Л. 2, 218, 244.

²¹⁹ Опросный лист заключенного А.А. Ухтомского (пп. 19, 2). См. прим. 220.

²²⁰ Ср. уверенное «В заключении в тюрьме г. Омска» (За Христа пострадавшие: Гонения на русскую православную Церковь, 1917–1945: Биографический справочник. Книга первая («А»–«К») / Гл. ред. прот. В.Воробьев. М., 1997. С. 85); «В Уф у Владыка вернулся [после 1919 г.] только в ноябре 1922 года. О его освобождении властями летом 1921 года речи не шло» (*Зимина Н.П.* Жизнеописание священномученика Симона. С. 277).

²²¹ Список арестованных, содержащихся в Бутырской тюрьме и числящихся за Московским Ревтрибуналом с 1-го по 15-ое июля [1922 г.] включительно // ЦГАМО. Ф. 4613. Оп. 2. Д. 110. Л. 85об; Список арестованных, содержащихся в Бутырской тюрьме и числящихся за Московским Ревтрибуналом с 20/VII по 2/VIII [1922 г.] включительно // Там же. Л. 148об. Те м самым утверждение о будто бы имевшем место временном освобождении («22 февраля 1922 епископ Андрей был освобожден и вернулся в Омск. 24 февраля 1923 вновь арестован в Омске, привезен для следствия в Москву и помещен в Бутырскую тюрьму. В марте 1923 приговорен к 3 годам ссылки в Среднюю Азию» (*Осипова И.И.* «Сквозь огонь мучений и воды слёз...». С. 244; Обречены по рождению... По документам фондов: Политического Красного Креста, 1918–1922; Помощь политзаключенным, 1922–1937. СПб., 2004. С. 192), известные нам документы опровергают.

Филаретовского), выясняющий принципы христианского социализма. Прошу Красный Крест принять эту брошюрку и издать ее или в пользу голодающих, или для усиления собственного фонда. А мне прошу помочь – чем возможно. Мое освобождение – это элементарное требование справедливости.

Андрей, Епископ Уфимский²²²

Многолетняя корреспондентка его брата Алексея, Варвара Александровна Платонова, писала, что камера еп. Андрея находилась в так называемом 6-м коридоре Бутырки, где содержались подследственные с затяжными болезнями, поэтому там и топили, и кормили лучше, а главное – разрешали церковные службы, так что владыка мог причащаться, «отчего был бесконечно счастлив»²²³. В ноябре 1921 года Алексей Ухтомский пишет В.А. Платоновой о владыке: «Что его поместили в Бутырке, это и хорошо и худо: хорошо в том отношении, что там содержание несравненно свободнее и человечнее, чем на Лубянке; худо в том, что помещают туда затяжных узников... следствие которых почему-нибудь затягивается и отлагается до дополнительных данных. Это так для арестованных, числящихся за ВЧК...» В этом же письме характерная деталь: посылая В.А. Платоновой «маленький гостинец» (спирт «для йода», сгущенное молоко и шоколад), А.А. Ухтомский просит ее «оставить все это у себя... посылать это Владыке Андрею совершенно бесполезно, – он не притронется ни к чему и все раздаст»²²⁴.

В начале июля 1922 года В.А. Платонова сообщит А.А. Ухтомскому: «Про владыку нового только то, что у него переменялся следователь, который чинил нам опрос в Бутырках... теперь дело взял некий Есипов, начальник следственной комиссии, он... в принципе ничего не имеет против освобождения владыки»²²⁵. Речь идет о начальнике следственной части Московского ревтрибунала Николае Васильевиче Эсипове; в архивном фонде ревтрибунала сейчас сохранилось лишь упоминание дела «№2811» по обвинению некоего «Ухтомского в контрреволюции»²²⁶ – и именно ли еп. Андрея, мы не знаем.

12 июля 1922 года в судебном отделе главной газеты страны появилась статья «Процесс бывшего князя Ухтомского». Время было выбрано явно не случайно: только что закончился громкий процесс эсеровской партии, вынесший суровые приговоры, так что в газете были выделены слова еп. Андрея (вероятно, времен Гражданской войны: «*партия эсеров является наиболее близким и приемлемым для меня политическим толком*»). Здесь же указывалось, что «при деле находятся несколько благодарственных писем, посланных эсером Авксентьевым бывш. князю Ухтомскому». В статье владыке инкриминировалась враждебная пропаганда против советской власти и агитация за вступление в белые войска; впрочем, приведены и показания еп. Андрея на допросе о том, что он «не является противником Советской власти, которую дважды признавал. Работа при Колчаке не была контрреволюционна, и с самим Колчаком он неоднократно имел расхождения»²²⁷. Тем не менее дело владыки явно увязывалось с недавним процессом эсеров, и исход его мог оказаться самым тяжким.

Однако 22 июля 1922 года еп. Андрея освободили из заключения²²⁸ по суду, и Алексей Ухтомский сообщал в письме к своему учителю, физиологу Н.Е. Введенскому, что по освобождении его брат «... в первое время поселился у своих почитателей... Через несколько дней в нем

²²² ГАРФ. Ф. 8419. Оп. 1. Д. 260. Л. 95. Цит. по: *Осипова И.И.* «Сквозь огонь мучений и воды слёз...». С. 244.

²²³ *Кузьмичев И.С.* «День ожидаемого огня»: Вехи духовной биографии А.А. Ухтомского в его переписке с В.А. Платоновой // *Ухтомский А.А.* Заслуженный собеседник: Этика, религия, наука. Рыбинск, 1997. С. 510–511.

²²⁴ *Ухтомский А.А.* Интуиция совести: Письма, записные книжки, заметки на полях. СПб., 1996. С. 162–163.

²²⁵ *Ухтомский А.А.* Заслуженный собеседник. С. 511.

²²⁶ Описание секретных дел №5 Московского ревтрибунала, 1922 год // ЦГАМО. Ф. 4613. Оп. 2. Д. 237. Л. 7.

²²⁷ Процесс бывшего князя Ухтомского // *Правда*. 1922. 12 июля. С. 6.

²²⁸ Это сразу же стало известно и в кругах русской эмиграции. См.: «*Прекращение дела еп. Андрея*. Рассматривавшееся в распределительном отделении ревтрибунала дело б. епископа Андрея (князя Ухтомского), за отсутствием улики, прекращено» (Руль (Берлин). 1922. №519. 15(2) августа. С. 3).

заговорил «зуд» к общественной деятельности – стал разъезжать по Москве, разыскивать своих знакомых «деятелей», столкнулся со многими «живоцерковниками», в т.ч. с Львовым, бывшим обер-прокурором Синода при Керенском... Душа и надорванная нервная система брата не выдержала и, приблизительно недели через полторы по освобождению, он душевно занемог. Началось бредовое помешательство, затем буйные припадки. Теперь он помещен в частную лечебницу, – требующую, между прочим, бешеных расходов. По общим признакам, у меня есть надежда, что брат еще поправится. Но есть серьезная опасность в значительной ослабленности сердца...»²²⁹. Есть сведения, что эта частная больница находилась в Рогожско-Симоновском районе; доподлинно известно, что еп. Андрей быстро поправился, но его брат опасался, что после арестов Н.О. Лосского, Л.П. Карсавина, П.А. Сорокина и других профессоров (готовилась их высылка) присущее владыке «полубессознательное стремление уклонительства от выполнения и подчинения «правилам» может повлечь для брата новые беды»²³⁰. У Алексея Алексеевича были основания для подобных опасений: он сам незадолго до этого (в ноябре 1920 года) был арестован в Рыбинске ярославскими чекистами, отправлен на Лубянку и лишь 29 января 1921 года освобожден «за недоказанность его участия в контрреволюционной организации», будто бы благодаря личному вмешательству Дзержинского (документальных подтверждений чему нет)²³¹. Вопреки легенде, на Лубянке братья Ухтомские тогда не встречались – они разминулись всего на месяц...

Так или иначе, 8 августа 1922 года в отделе хроники «Правды» появилось сообщение: «На распределительном заседании Московского Ревтрибунала постановлено за недостатком улики прекратить дело бывш. князя Ухтомского (Архиерея Андрея)»²³². Вслед за этим в центральном органе РКП(б) можно было прочесть открытое письмо самого владыки, где среди прочего говорилось:

Считаю мое освобождение Московским Трибуналом актом глубокого великодушия по отношению ко мне и государственной мудрости.

Ныне уфимские проекты, удостоенные апробации Сибирского рев. трибунала 3 декабря 1920 года, да будут нормой русской религиозно-общественной жизни и христиан, и евреев, и мусульман на территории РСФСР. Бывший князь Ухтомский, а ныне епископ Уфимский Андрей²³³.

Однако столь неожиданный поворот вряд ли случаен на фоне тех событий, которые разворачивались тогда в русской церковной жизни. Как мы знаем из писем Алексея Ухтомского²³⁴, его брат вышел из тюрьмы 22 июля, однако «Правда» сообщила об этом лишь спустя две с лишним недели, а открытое письмо владыки опубликовала только 10 августа. Именно в эти дни (с 6 по 12 августа) в Москве заседал Первый Всероссийский съезд группы «Живая Церковь»²³⁵, чьи организаторы намеревались «плыть на корабле Советской государственности». Разумеется, подразделение ГПУ, ведавшее церковными делами (им руководил Е.А. Тучков, имевший ироническое прозвание «Евгений, митрополит Лубянский»), знало о реформаторских идеях владыки Андрея в предреволюционные годы и могло рассчитывать подключить его к новой волне обновленчества. В эпоху, когда торжествовал лозунг «кто не за нас, тот против нас», мало кто

²²⁹ Ухтомский А.А. Интуиция совести. С. 508.

²³⁰ Там же.

²³¹ Там же. С. 509–510; «Просим освободить из тюремного заключения»: Письма в защиту репрессированных. М., 1998. С. 45–46.

²³² Прекращение дела Ухтомского // Правда. 1922. 8 августа. С. 5.

²³³ Письмо в редакцию. Во имя правды // Правда. 1922. 10 августа. С. 5.

²³⁴ Ухтомский А.А. Интуиция совести. С. 508.

²³⁵ Левитин [Краснов-Левитин] А.Э., Шавров В.М. Очерки по истории русской церковной смуты. М., 1996. С. 121. Оби-ходное ироническое название этого обновленческого течения – «живицы».

обращал внимание на оттенки теоретических построений. Идеолог обновленческого движения Б.В. Титлинов определял его задачи следующим образом: «Своими социальными лозунгами обновленная Церковь делает очередную попытку религии сохранить свое влияние на человеческие умы, попытку мирно овладеть социалистическим движением, чтобы избежать для Церкви положения изолированности в строящемся социалистическом обществе»²³⁶.

Еп. Андрей представлял себе задачи религии и церкви иначе. Ему была глубоко чужда идея «новой» попытки облагодетельствовать человечество, пойдя «на соблазн великого инквизитора, который требовал отказа от истины во имя счастья людей»²³⁷. Резко отрицательное отношение владыки к «Живой Церкви» и последующим филиациям обновленческого движения можно было предвидеть, так как по принципиальным вопросам церковной политики их позиции радикально различались: во-первых, это проблема взаимоотношений с государственной властью, во-вторых, влияние мирян на дела Церкви (начисто отрицаемое, например, В.Д. Красницким). Категорически неприемлемы для еп. Андрея были и практические новшества обновленцев (санкционировать которые был вправе лишь Вселенский Собор): второбрачие клира, женатый епископат, отношение к мощам и т.п.

Позднее владыка выпустил цикл из десяти рукописных посланий «Об обновленчестве»²³⁸, а в своем письме от 17 мая 1923 года осудит решения и саму законность «Собора» обновленцев, именовавшегося ими «Вторым Поместным Собором Православной Российской Церкви»:

ОБ АНТОНИНОВЩИНЕ ГОСПОДСТВУЮЩЕЙ ЦЕРКВИ

Братие! Русские Люди! Хочу вам сказать слово правды об Антониновской новой иерархии и наших блудных попах, которые разрешили себе второбрачие.

Помните. Это учинил епископ Антонин на Московском Соборе 1923 года, который можно назвать только «Московский разбойнический собор», потому что на этом Соборе не было Духа Божия, не было правды Христовой. Этот разбойнический собор учинил и утвердил новую иерархию Российской Церкви, которая теперь и начала господствовать над православной братией.

Эта новая Антониновская иерархия гораздо ниже в каноническом отношении, чем иерархия Амвросиевская старообрядческая. Старообрядцы жертвовали жизнью, чтобы отыскать и купить себе иерархию, а Антониновцы продали правду Христову, чтобы получить себе господство и власть творить беззаконие. Помните это, братие, и прокляните новый раскол русской Церкви и усмирите ваших попов, чтобы они вспомнили об истинном служении Господу с Единой Соборной Церковью Христовой²³⁹.

Тон письма суров и трагичен, выводы категоричны; но обстановка этого и требовала: традиция патриаршей власти не могла вновь укорениться в среде русского православия за несколько лет, к тому же носитель сана первоиерарха содержался под арестом, и русские архиереи большей частью шли тогда на поклон к обновленцам, а меньшей – отмалчивались, выживая. Эта атмосфера разрядилась, лишь когда патриарх летом 1923 года получил возможность обратиться к своей пастве с тех же позиций, что и еп. Андрей. Обновленцев в своем послании от 28 июня патриарх Тихон определил так:

²³⁶ Титлинов Б.В. Смысл обновленческого движения в истории. Самара, 1926. С. 4.

²³⁷ Бердяев Н.А. Философская истина и интеллигентская правда // Вехи: Из глубины. М., 1991. С. 17.

²³⁸ Их текста нам обнаружить не удалось.

²³⁹ Об Антониновщине господствующей церкви // Материалы, №34.

Прежде всего это выгоды, чины, награды. Не согласных с ними стараются устранить, создают себе должности, титулы, называют себя небывалыми митрополитами всея России, архипресвитерами всея России, из викарных поспешают в архиепископы... И пусть бы дело ограничивалось названиями. Нет, оно идет дальше и серьезнее. Вводится женатый епископат, второбрачие духовенства, вопреки постановлениям Трулльского Собора... причем возражающие против лишаются слова. Будем уповать, что и у нас, как говорится в послании Восточных Патриархов, «хранитель благочестия есть тело церковное, т.е. народ», который не признает таких постановлений бывшего Собора²⁴⁰.

Итак, предстоятель русской Церкви, «решительно» осудив «всякое посягательство на Советскую власть, откуда бы оно ни исходило»²⁴¹, в то же время апеллировал к народным массам как главному хранителю истинного благочестия.

Отвергнув путь обновленчества, еп. Андрей продолжал действовать, опираясь на свой опыт и следуя рекомендациям священноначалия.

Еще 20 ноября 1920 года патриарх Тихон совместно с Синодом и Высшим церковным советом принял следующее постановление:

...§2. В случае, если епархия, вследствие передвижения фронта, изменения государственной границы и т.п., окажется вне всякого общения с Высшим Церковным Управлением, или само Высшее Церковное Управление почему-то прекратит свою деятельность, епархиальный архиерей немедленно входит в сношение с архиереями соседних епархий на предмет организации высшей инстанции церковной власти для нескольких епархий, находящихся в одинаковых условиях...

§4. В случае невозможности установить сношения с Архиереями соседних епархий, и впредь до организации Высшей Церковной Власти, епархиальный архиерей воспринимает на себя всю полноту власти, предоставленной ему канонами...

§5. В случае, если положение вещей, указанное в § 2 и 4, примет характер длительный или даже постоянный, в особенности при невозможности для архиерея пользоваться содействием органов епархиального управления, наиболее целесообразной (в смысле учреждения церковного порядка) мерой представляется разделение епархии на несколько местных епархий, для чего Архиерей:

а) представляет Преосвященным своим викариям, пользующимся ныне, согласно Наказу, правами полусамостоятельных, все права епархиальных архиереев, с организацией при них управления, применительно к местным условиям и возможностям;

б) учреждает по соборному суждению с прочими архиереями епархии, по возможности во всех значительных городах своей епархии новые архиерейские кафедры с правами полусамостоятельных или самостоятельных;

²⁴⁰ Архипастырям, пастырям и пасомым православной Церкви Российской [послание патриарха Тихона от 15(28) июня 1923 г.]// Известия ВЦИК. 1923. 4 июля. С. 2; см. также: Акты святейшего Тихона... С. 284.

²⁴¹ Акты святейшего Тихона... С. 285.

в) разделенная указанным в §5 образом епархия образует из себя во главе с архиереем главного епархиального города церковный округ, который и вступает в управление местными церковными делами, согласно канонам²⁴².

6 мая 1922 года в газете «Известия» появилось сообщение о том, что патриарх Тихон взят под стражу (домашний арест) в Донском монастыре, а 16 мая предстоятель русской Церкви составил письмо митрополиту Ярославскому Агафангелу (Преображенскому), которым назначал его главой Высшего церковного управления вплоть до нового Собора и рекомендовал немедленно прибыть в Москву и взять церковное управление в свои руки²⁴³. Однако митр. Агафангел в столицу допущен не был и обратился к русским епископам с заявлением, где, в частности, писал: «...Возлюбленные о Господе Преосвященные Архипастыри! Лишенные на время высшего руководства, вы управляете теперь своими епархиями самостоятельно, сообразуясь с Писанием, церковными канонами и обычным церковным правом, по совести и архиерейской присяге, впредь до восстановления Высшей Церковной власти. Окончательно вершите дела, по которым испрашивали прежде разрешения Св. Синода, а в сомнительных случаях обращайтесь к нашему смирению... 5(18) июня 1922 г. №214. Заместитель Святейшего Патриарха Агафангел, Божию милостию митрополит Ярославский»²⁴⁴.

Тем самым 18 мая 1922 года в соответствии с патриаршим и синодским постановлением осени 1920 года в русской Церкви был провозглашен принцип епархиальной автокефалии.

Однако в массе своей русские архиереи не были готовы к этому, поскольку над ними тяготели совершенно иные принципы церковного управления, насаждавшиеся в России в течение двух предыдущих веков. В нескольких районах страны были предприняты попытки обустроить самостоятельное епархиальное управление, но чаще всего не получали успеха вследствие как инертности клира, так и «параллельной» активности обновленцев, тесно сотрудничавших с властями²⁴⁵.

Еп. Андрей решительно принялся за дело, строго выполняя постановление патриарха и четко следуя всем его рекомендациям. В частности, еп. Сергей (Дружинин) показал на допросе в ОГПУ, что патриарх Тихон с террасы своей кельи в Донском монастыре кричал архиеп. Андрею: «Владыко, посвящай больше архиереев!»²⁴⁶

3

4 ноября 1922 года²⁴⁷ владыка прибыл в Уфу, и в течение месяца под его руководством был поставлен целый ряд викарных архиереев для основных районов Уфимской епархии.

17 ноября настоятель уфимского Успенского монастыря архим. Трофим (Якобчук) был хиротонисан владыкой Андреем и еп. Николаем (Ипатовым) во епископа Бирского, викария

²⁴² [Постановление №362 Святейшего Патриарха Тихона и соединенного присутствия Священного Синода и Высшего Церковного Совета о мероприятиях на случай прекращения своих церковно-административных функций, от 7(20) ноября 1920 г.] // Цит. по: *Регельсон Л.Л.* Трагедия русской Церкви, 1917–1945. Париж, 1977. С. 269–270; «Акты святейшего Тихона...» (С. 169) дают сильно сокращенный вариант.

²⁴³ Акты святейшего Тихона... С. 214.

²⁴⁴ Там же. С. 220–221.

²⁴⁵ См.: *Иоани (Снычев), митр.* Церковные расколы в русской Церкви 20-х и 30-х годов XX столетия – григорианский, ярославский, иосифлянский, викторианский и другие, их особенности и история. Изд. второе, доп. Сортавала, 1993.

²⁴⁶ *Осипова И.И.* «Сквозь огонь мучений и воды слёз...». С. 10. Еп. Лука (Войно-Ясенецкий) в своих показаниях, данных 18 июня 1923 г. в Ташкенте, описывает тот же эпизод несколько иначе: «Вопрос: Что Вы знаете о свидании епископа Андрея Уфимского с патриархом Тихоном? Ответ: По словам епископа Андрея, он был очень ранним утром в Донском монастыре и его внимание привлекли две женщины, низко кому-то кланявшиеся; подняв глаза, он увидел выглядывавшего в форточку окна патриарха, которому кланялись женщины. Патриарх его тотчас узнал и спросил: «Владыка, Вы как здесь?» Затем быстро сказал: «Назначаю Вас епископом Томским и поручаю ставить как можно больше епископов по Вашему усмотрению» и закрыл форточку» (*Лисичкин В.А.* Крестный путь святителя Луки. Подлинные документы из архивов КГБ. М., 2001. С. 96, 99–102).

²⁴⁷ *Зимина Н.П.* Жизнеописание священномученика Симона. С. 269, 277.

Уфимской епархии. На следующий день во епископа Стерлитамакского ими же был поставлен служивший в Никольской церкви (позднее соборе²⁴⁸) архимандрит Марк (Боголюбов), а во епископа Старо-Уфимского – незадолго до этого постриженный в монахи с именем Аввакум местный учитель физики Григорий Антонович Боровков; некоторое время он продолжал преподавать в 1-й уфимской трудовой школе, приходя на уроки в иноческом облачении. 29 ноября (по старому стилю)²⁴⁹ епископы Андрей и Николай совместно с новопоставленными уфимскими vikариями совершили хиротонию давнишнего сотрудника еп. Андрея – настоятеля Никольской церкви о. Виктора Алексеевича Пояркова. О. Виктор долгое время был активным помощником владыки, работал в епархиальных ведомостях, писал статьи для «Заволжского летописца»; теперь с именем Иоанн он стал епископом Давлекановским – еще одним vikарием Уфимской епархии.

В ноябре 1922 года прошел епархиальный съезд, избравший епархиальное управление, в которое вошли новопоставленные vikарии и еп. Златоустовский Николай (Ипатов). Новая епархиальная власть немедленно принялась проводить в жизнь идеи Уфимского братства, одновременно борясь с «живцами».

Уфимские сторонники обновленчества всполошились и решили начать ответные действия. Их орган «Церковный рассвет» кратко описал события тех дней: 14 ноября 1922 года в присутствии тогдашнего уполномоченного Высшего церковного управления (узурпированного группой «Живая церковь» во главе с В.Д. Красницким) протоиерея В. Лобанова «состоялось экстренное вследствие приезда и деятельности в Уфе бывшего Уфимского еп. Андрея собрание градо-уфимского духовенства. На этом собрании, по всестороннем обсуждении вопроса об отношении к ВЦУ, духовенство г. Уфы постановило: ... признать ВЦУ»²⁵⁰. Затем было создано экстренное епархиальное собрание (14–18 декабря), на котором *условно* признал ВЦУ 31 делегат, не признали – 29 делегатов, и это при целенаправленном отборе в качестве делегатов на съезд сторонников «Живой церкви»²⁵¹.

Обновленцы в Уфе действовали теми же методами, что и их единомышленники в столицах. Первым делом они обратили внимание властей Башкирской АССР на «контрреволюционную» деятельность еп. Андрея и его сотрудников, инспирировав в местной газете «Власть труда» статью «Церковные дела-делишки». Осведомители от обновленчества сообщали:

«Высшее церковное управление предписало Уфимскому епархиальному управлению командировать от Уфимского епархиального управления на съезд в Москву, имеющий открыться 25 декабря нов. ст. 1922 г. Таковым был избран и послан член Уф. Епарх. упр. о. Михаил Севастьянов. На днях епархиальное управление получило от него телеграмму следующего содержания: “Положение В.Ц.У. прочно. В состав его входят представители всех трех групп на равных правах. В.Ц.У. признается всеми епархиями. Всероссийский церковный собор

²⁴⁸ В 1924 г. прежний кафедральный собор Уфы был захвачен обновленцами, и кафедра «тихоновцев» переместилась в Никольскую церковь (на углу улиц Пушкина и Аксакова), ставшую кафедральным Никольским собором; настоятелем этого храма в 1919–1932 годах был о. В.А. Поярков (с 1922 г. епископ Иоанн). Никольский собор закрыт в ноябре 1933 г., снесен в 1939 г. См.: Дорога к храму (История религиозных заведений города Уфы) / Васильева О.В., Латыпова В.В. и др. Уфа, 1993. С. 29–30.

²⁴⁹ История иерархии Русской православной церкви. С. 682. Согласно заключению Секретно-оперативной части Башкирского отделения ОГПУ от 5 марта 1923 г., «Гражд. БОРОВКОВ Григорий Антонович, 30 лет, происходящий из мещан г. УФЫ, окончивший в 1917 г. Физико-Математический Факультет Казанского Университета, с 1918 г. будучи преподавателем в Коммерческом училище, в 1919 г. в апреле м-це Еп. Андреем (быв. князем Ухтомским) был посвящен в сан дьякона, а затем осенью 1922 г. при поездке в г. Москву в качестве защитника Еп. Андрея принял там монашество и сан игумена, в бытность в декабре м-це того же года в г. УФЕ Еп. Андрея, последним был посвящен в сан Епископа, за весь указанный период по день ареста – 30 декабря 1922 г. гр-н БОРОВКОВ, будучи служителем религиозного культа, продолжал занимать должность преподавателя в 2-й Советской школе 2-й ступени, тем самым нарушая конституцию РСФСР. Кроме того, гр-н БОРОВКОВ с Еп. Андреем являлся активным вдохновителем разного рода церковных организаций Андреевского толка, еще до приезда Еп. Андрея в г. УФУ, стараясь через посредство этих организаций подготовить почву автокефальной церкви».

²⁵⁰ Церковный рассвет (Уфа). 1923. №1–2. С. 9–10.

²⁵¹ Там же. С. 12.

будет в мае 1923 года. Число представителей на него от каждой епархии еще выясняется. Все хиротонисанные еп. Андреем и его ставленниками так называемые «Уфимские епископы» вместе с еп. Андреем будут судимы вышеуказанным собором. В связи с этим автономная церковь в Уфимской епархии недопустима»²⁵².

Обновленческий журнал «Церковный рассвет» заявил, что «статья по существу правильная», и перепечатал фальшивку священника Севастьянова

Таким образом, предпринимались попытки ошельмовать еп. Андрея в глазах властей и указать клиру и мирянам на «антигосударственную» сущность деятельности владыки. Когда же клевета и травля не достигали ожидавшегося результата, уфимские обновленцы шли обычным для «церковных реформаторов» путем – прямыми доносами.

Когда был неожиданно арестован уфимский благочинный протоиерей Виктор Нарциссов, лидеры обновленцев незамедлительно уволили его «за агитацию против ВЦУ и в связи с его арестом»²⁵³, грубо поправ церковные каноны и постановление Собора 1917–1918 годов, запрещавшее обращаться к гражданским властям при решении внутрицерковных споров.

В противовес еп. Андрею обновленческое ВЦУ утвердило епископом Уфимским вдового протоиерея Скорбященской Новокладбищенской церкви²⁵⁴ Николая Федоровича Орлова, продолжив многолетнюю чехарду перестановок обновленческих «архиереев» в Уфимской епархии.

Обстановка в Уфе была напряженная: экономические трудности сплетались с остро стоящим национальным вопросом, ибо мусульманские националисты боролись за выселение из Башкирии всех «инородцев»²⁵⁵. Одновременно власть вела широкое наступление на духовенство, развернув антирелигиозную пропаганду. Местный журнал, методично печатавший противцерковные статьи, встретил владыку публикацией поэмы Сергея Городецкого «Исповедь», где в числе прочего священник поучал старуху:

*Ты, я вижу, коммунистка,
Кайся, кайся поскорей.
Бог не пустит к раю близко
Краснобесья дочерей*²⁵⁶.

И именно в такой момент в Башкирскую республику возвращается прежний правящий архиерей, пользующийся всеобщим почитанием, и выступает с программой организации церковной жизни. Это та же разработанная «Уфимским братством» программа «Как должны жить наши православные христиане», которую рассматривал Московский революционный трибунал. Вторая ее часть касается принципов сосуществования Церкви и атеистического государства, первая же носит более «прикладной» характер:

1. Нужно всех православных христиан, верующих во единую, святую, соборную, апостольскую Церковь и сознательно признающих свои обеты св. крещения, переписать в приходскую книгу, а неверующим сказать «оглашенные, изыдите».

²⁵² Церковный рассвет (Уфа). 1923. №1–2. С. 19.

²⁵³ Там же. №2–3. С. 24.

²⁵⁴ Находилась на Ново-Ивановском кладбище (Оренбургская ул.), закрыта после 1933 г., снесена. См.: Дорога к храму (История религиозных заведений города Уфы) С. 40–41.

²⁵⁵ См., напр.: Югов А. Страшный суд. М., 1973 (Роман-газета. №8). С. 114.

²⁵⁶ Городецкий С.М. Исповедь (Поэма) // Пахарь (Уфа). 1920/1921. №3. С. 30.

2. Все записавшиеся в приходскую книгу являются полноправными прихожанами и составляют приходское собрание, т.е. приход как церковно-культурно-экономическую единицу.

3. Приходское собрание избирает из своего состава приходской совет как свой исполнительный орган.

4. Председателем приходского совета должен быть выборный мирянин (в крайнем случае священник), равно и весь приходской причт должен быть избран приходским собранием с указанием священных канонов.

5. Приходским имуществом должен распоряжаться и им целесообразно пользоваться приходской совет.

6. Приходское собрание имеет нижеследующие обязанности, а приходской совет может иметь следующие отделы:

а) отдел попечения о храме (председатель);

б) отдел хозяйственной и приходской кооперации (Лк. 6, 10–20); (1 Кор. 16,1–2; 2 Кор. 8). Постановление подлинного диаконства (Дн. 6, 1–6);

в) отдел семейно-воспитательный; воспитание в семье и школе (Мр. 28, 15–21; 1 Тим. 3, 4–5);

г) отдел заведования приходской благотворительности по преимуществу чрез приходских диаконов, богадельнями, приютами, больницами и т.п.;

д) отдел служебно-дисциплинарный;

е) отдел общекультурно-просветительный.

7. Приходские советы могут объединяться в советы окружные, уездные, епархиальные. Епархиальный союз приходских советов (непременно выборный) составляет епархиальное собрание, которое является хозяином церковной епархиальной жизни...

Общие принципы православной церковной жизни

1. Общий труд на общую пользу (литургия – республика).

2. Экономика есть этика, т.е. должна быть проникнута этическими началами (учение прор. Исайи о торговле 23, 18).

3. Отделение Церкви от государства и борьба с клерикализмом, как административным произволом иерархии (1 Петр. 5, 3).

4. Цель общественной государственной жизни должна заключаться не во всестороннем развитии и воспитании личности, а в правде (совести) и красоте (образ Божий).

5. Цель жизни православных приходских деятелей заключается в том, чтобы через церковное единение славянства идти к единению вселенской Церкви на будущем VIII Вселенском Соборе.

6. Христиане, твердо уповая, что Господь сам хранит свою Церковь, должны защищать свободу исполнения всякой религии, свободу слова, печати (Иерем. 3), собраний и союзов.

Христиане защищают полное право равенства и братства людей и народов и потому должны защищать свободу равного, всеобщего, тайного и прямого голосования вместе с равноправием женщины (Деяние 21, 3).

Православные христиане, зная, что в церковном учении заключается всеобъемлющая истина, должны уклоняться от участия в жизни политиканствующих, враждующих между собой партий»²⁵⁷.

²⁵⁷ Как должны жить наши православные христиане: Программа, рассмотренная Московским Рев. Трибуналом в деле еп.

В эпоху массовых социальных сдвигов, когда изменялся даже язык и трансформировались многие ранее привычные понятия, в обращении как к верующим, так и в особенности к власти приходилось искать новые формулировки, чтобы высказать старые истины. Однако в то время подобные попытки часто приводили к утере главного, того, что не должно видоизменяться в пространстве и во времени.

Именно последнее произошло, например, с созданной в 1922 году в Москве «Свободной трудовой Церковью». По словам современников, ее руководители А.Ф. Святогор-Агиенко, Ф.И. Жилкин²⁵⁸, иеромонах Иоанникий (Смирнов), стремясь к живому делу, к активному участию в изменении мира, «совершенно вычеркивают из христианства благодатно-мистическую стихию, отчего оно становится беспредметным и превращается в простой придаток к коммунизму», забывая, что «нет и не может быть «бездельной веры» – она деятельна, если она истинна»²⁵⁹.

«Уфимское братство», действуя в лоне русской Церкви и оставаясь верным канонам православия, провозглашает принципы церковно-общественной жизни прихода, какими они виделись в условиях Советской России 1920-х, и цель этой жизни, состоящую «в правде (совести) и красоте (образ Божий)», в том, чтобы «через церковное единение славянства идти к единению вселенской Церкви на будущем VIII Вселенском Соборе». Программа «Уфимского братства» строго указывала на недопустимость вмешательства в политическую деятельность.

Однако еп. Андрею не выпало возможности развернуть работу в своей епархии: 9 декабря 1922 года²⁶⁰ в Уфе он был вновь арестован. Таким образом, власть расценила идеи «Уфимского братства» как программу антисоветской борьбы.

Авторы небольшой брошюры, изданной спустя четыре десятилетия, донесли до нас рассказ очевидца об аресте владыки:

Годы ничему не научили матерого врага Советской власти. Вернувшись в Уфу, Ухтомский пытался каждую церковь превратить в оплот контрреволюции. Уфимские чекисты пристально наблюдали за деятельностью епископа. Они собрали полновесный материал о его антисоветских выступлениях, о том, что он – глава, вокруг которого собираются все недруги Советской власти. Становилось ясно: арест Ухтомского неизбежен. Получена телеграмма из Москвы: «Проведите тщательную операцию с арестом епископа Андрея князя Ухтомского». В кабинете собираются все оперативные работники Губчека. Был тщательно разработан план операции. Исходили из того, что вечером на квартире епископа соберутся многие из высоких духовных лиц, наиболее влиятельные из бывших купцов, торговцев... Вечером все участники операции заняли свои места вокруг резиденции епископа. Наблюдают, как сюда прибывают все новые и новые гости. Начальник отдела И.В. Полянский с группой чекистов входит в зал. За длинным столом со всякой снедью и питьем внушительное общество. Чекисты просят всех остаться на местах. Предъявляют ордер на арест и обыск... Епископ встает из-за

Андрея // Материалы, №34.

²⁵⁸ См. о них, в частности: Отчетный доклад Антирелигиозной комиссии ЦК РКП(б) в Политбюро... 1 января 1923 г. // Архивы Кремля: Политбюро и Церкви, 1922–1925 гг. Кн. 1. М. – Новосибирск, 1997. С. 353; О проделанной работе по церковникам и сектам в прошлом 1923 году: отчетный доклад начальника 6 отделения Секретного отдела ОГПУ Е.А. Тучкова заместителю председателя ОГПУ В.Р. Менжинскому, 27 февраля 1924 г. // Там же. Кн. 2. С. 404–405 (здесь руководство «свободно-трудовой церкви» прямо названо «разным сбродом»); *Кривошеева Н.А.* «Всцело приспособление к духу времени» // Вестник ПСТГУ. 2009. Вып. II:2 (31). С. 29–40.

²⁵⁹ *Левитин [Краснов-Левитин] А.Э., Шавров В.М.* Очерки по истории русской церковной смуты. М., 1996. С. 242.

²⁶⁰ *Зимина Н.П.* Жизнеописание священномученика Симона. С. 277.

стола последним. А через несколько дней Ухтомский под охраной уфимских чекистов был доставлен в Москву²⁶¹.

Так владыка Андрей вновь оказался «в узах», арестованный при явном содействии обновленцев; 24 февраля 1923 года его приговорят к трехлетней ссылке²⁶².

Сторонники обновленцев вели непрерывную борьбу со ставленниками владыки. Так, газета «Власть труда» в ноябре 1923 года поместит статью некоего «случайно второй год проживающего в г. Уфе Алексея П. Правдина, который охарактеризовал себя «знатоком Св. Писания и вообще церковных законов». Этот борец за чистоту православия, опираясь исключительно на сплетни и клевету, перемежавшиеся со ссылками на каноны, обвинил уфимских епископов в самочинии и расколе, отказав им в праве руководить паствой. Правдин прямо указывает, что епископы Иоанн, Марк, Трофим и Аввакум «действуют под флагом патриарха Тихона»²⁶³. Это был явный донос властям: во время пребывания патриарха Тихона под домашним арестом (май 1922 года – июнь 1923 года) был издан (18 августа 1922 года) декрет ВЦИК, грозивший активным «тихоновцам» передачей их дел в «Особую комиссию Н.К.В.Д. для высылки их в административном порядке на 3 года в лагерь принудительных работ»²⁶⁴.

Подобные цели преследовал и безымянный автор той же газеты, который 24 ноября 1923 года посетовал на существование трудовых коммун в бывших уфимском Благовещенском и в бирском в «Кустиках»²⁶⁵ (близ села Уса-Степановка Бирского уезда) монастырях, где принимают «попов и архиереев Тихоновского согласия, т.е. контрреволюционного направления»; доброжелатель, вполне сознавая единство взглядов обновленцев и государственных органов в этой сфере, советует: поскольку обновленческий Собор 1923 года «признал недопустимым пребывания монастырей в городах, то давно пора обратить на это внимание и Соввласти»²⁶⁶.

Игнорируя распоряжения законного священноначалия русской Церкви, обновленцы обвиняли уфимских епископов в самочинной автокефалии и сильно раздражались, когда те, опять же с благословения патриарха, апеллировали в разрешении церковно-общественных проблем к народной массе. Обновленцы писали: «Не увлекайтесь тем, что за Вами идет народ; это темная масса, хотя и верующая, но не могущая разобраться в переживаемых Русскою Церковью событиях, способная идти за всяким оригиналом, лишь бы он только удовлетворял волнующую ее совесть!»²⁶⁷ Но уфимские епископы действовали в русле распоряжений законного и авторитетного руководства Церкви и опирались на активность своей паствы, высокомерно относимой обновленцами к «темной массе», без которой невозможно устроить правильно функционирующую церковно-общественную жизнь, тем более в то время.

В Златоустовском викариатстве развил бурную деятельность еп. Николай (Ипатов) – давний (хиротонисан в мае 1917 года²⁶⁸) ставленник владыки Андрея и деятельный его помощник в предшествующие годы. В самом начале обновленческого движения еп. Николай признал было обновленческое ВЦУ «как административный орган, в надежде на его непоколебимое православие», и даже числился первым (формально по ноябрь 1922 года) архиереем обнов-

²⁶¹ Тарасов И.Д., Деденко В.П. Дмитрий Михайлович Чудинов (Биографический очерк). С. 33–34.

²⁶² Оситова И.И. «Сквозь огонь мучений и воды слез...». С. 279.

²⁶³ Открытое письмо епископам Иоанну (Пояркову), Марку, Трофиму и Аввакуму // Власть труда. 1923. 11 ноября; Материалы, №7.

²⁶⁴ Разъяснение Петроградского губернского Прокурора тов. Азовского о поминовении в церквях Тихона; От Новгородского губернского Прокурора // Вестник Священного Синода [обновленческого]. 1923. №1. С. 5–6.

²⁶⁵ См. о нем: *Серафим (Кузнецов), игумен*. Георгиевский женский монастырь, именуемый «Святые кустики», в Уфимской епархии, Бирском уезде. Кунгур, 1913.

²⁶⁶ Под флагом артелей // Власть труда. 1923. 24 ноября; Материалы, №8.

²⁶⁷ Обращение Успенского церковно-приходского совета г. Уфы к еп. Иоанну Давлекановскому от 28 июня 1924 г. // Материалы, №11.

²⁶⁸ История иерархии Русской православной церкви. С. 742.

ленческой Уфимской епархии²⁶⁹. Однако уже осенью 1922 года еп. Николай рассылал письма, «много повредившие обновленческому делу в Уфимской епархии», – жаловался «Церковный рассвет»²⁷⁰. В своих посланиях златоустовский викарий указывал, что уфимские приходы всей своей работой с 1914 года подготовлены к самостоятельной деятельности и ныне готовы встать на защиту православия от напора обновленчества и иных враждебных сил. Излагая свои взгляды на строительство церковной жизни в новых условиях, владыка Николай фактически резюмирует идеи еп. Андрея и делает из них практические выводы в свете провозглашения епархиальной автокефалии:

«Жизнь епархии я представляю в таком виде – самоуправляющиеся церковные приходы во главе с приходскими советами объединяются в обще-епархиальном Союзе Приходов, возглавляемом союзным правлением (или советом) под руководством епископа. При епископе может быть самостоятельный церковно-административный орган управления. Для Златоуста это не новость. Здесь с 1917 года так именно устроилась и идет церковная жизнь. Вот и вся схема епархиальной жизни. Епископ, клир (духовенство) и миряне. Автономная (самостоятельная) церковная организация. Епископ и Епархия, единомысленные во взглядах, сумеют войти друг с другом в общение... Если же не все златоустовские приходы будут согласны со мной, то я могу остаться только с теми приходами, которые пожелают иметь меня своим епископом»²⁷¹.

В другом письме владыка Николай отмечал: «Религиозные церковные вопросы – дело совести каждого человека. Я по своей совести высказал отношение к ВЦУ... Если кто в Златоусте окажется согласным со мною – пусть прямо мне и скажет об этом. Тогда мы, единомышленники, обсудим все и дальнейшие вопросы касательно нашей церковной жизни. Это самый простой и естественный путь без всякого шума, без лишних разговоров. Но зато это и самый верный и прочный путь, ибо воистину является делом совести каждого отдельного христианина, свободным и личным его волеизъявлением»²⁷².

Активно включился в работу и еп. Иоанн (Поярков), плодотворно трудившийся под руководством владыки Андрея в предшествующие годы. Еще в 1917 году он изложил в «Заволжском летописце» свои взгляды на сущность приходской реформы.

И в 1924 году в своем обращении к пастырям и мирянам еп. Иоанн опирался именно на эти идеи: «настал час испытания и подвига нашего... есть ли в вас Христос? Где вера ваша? Если вы не наши, то идите скорее ко врагам, а мы сплотимся и будем работать. *В чем работа?* Первое, что надо сделать: восстановить порядок, дисциплину, ответственность. Не признающий нашей дисциплины (канонов) есть внутренний враг, вреднейший внешнего, долой из нашей среды – живи вне своими законами. Не бойтесь малое стадо, только бы вы ходили по истине, только бы вы были Христовы»; далее следует подробное изложение обязанностей пастырей и общинного руководства, а в разделе «О подготовке церковного общества» еп. Иоанн поясняет, что «постоянная обработка общественного мнения должна раскрывать Евангельские начала в приложении их не только к будущей, но и к настоящей земной жизни», чтобы уже сейчас «на практике осуществлять задания Евангелия... Все эти задачи может разрешить пастырь только, а общество церковное вместе с ним», ибо от проведения в жизнь евангельских заветов «самим обществом зависит самое существование Церкви в будущем. Даже для слабо верующих будет не все равно, будет ли Церковь через пятьдесят лет только кучкою молящихся или

²⁶⁹ Акты святейшего Тихона... С. 952.

²⁷⁰ К ликвидации инцидента с еп. Николаем Златоустовским // Церковный рассвет. 1923. №3–4. С. 23.

²⁷¹ Еп. Николай (Ипатов). Письмо от 10(23) декабря 1922 г. (машинопись).

²⁷² Еп. Николай (Ипатов). Письмо от 16(29) ноября 1922 г. (машинопись).

организацией с общепольными заданиями, осуществляющую в условиях культурного быта животворящие заветы Христа. К делу пастыри, к делу верующие!»²⁷³

Освобожденный из заключения в июне 1923 года патриарх Тихон одобрил деятельность уфимских епископов во главе с владыкой Андреем и утвердил все совершенные ими хиротонии.

К тому времени еп. Андрей вновь был вдали от Уфы.

4

Интересы и работа владыки не замыкались рамками Уфимской автокефальной епархии, он не переставал чувствовать себя архипастырем Православной российской церкви. Характерной иллюстрацией позиции еп. Андрея стало его деятельное участие в событиях на северо-западе страны.

Воскресенский монастырь (известный также как Макарьевская пустынь) Новгородской епархии, расположенный в 20 километрах от станции Любань, во главе со своим настоятелем архим. Кириллом (Васильевым) стойко сопротивлялся всеокрушающему в епархии обновленчеству. Однако в среде братии в конце 1922 года нашлось два монаха, которых не удовлетворяло даже истовое и строгое православие настоятеля: они обвинили архим. Кирилла в тайном пристрастии к обновленческому расколу. Пламенные споры сотрясали стены обители до тех пор, пока в дело не вмешался викарий (а фактически – канонический руководитель) Петроградской автокефалии еп. Петергофский Николай (Ярушевич), оправдавший архимандрита и наказавший «мятежных фанатиков-монахов запрещением в служении»²⁷⁴. Еще до революции архим. Кирилл пользовался всероссийской известностью; среди его почитателей был и владыка Андрей. Так как еп. Николай (Ярушевич) был вскоре арестован и сослан, а Макарьевская пустынь была единственным очагом «тихоновщины» в охваченной обновленчеством Новгородской епархии, важно было придать ей больший авторитет в глазах верующих. Владыка Андрей предложил архим. Кириллу стать епископом и весной 1923 года совместно с епископом Михеем (Алексеевым) «бывшим Уфимским», пребывавшим тогда на покое в Оптиной пустыни²⁷⁵, и епископом Ижевским Стефаном (Бехом) тайно хиротонисал его в епископа Любанского, викария Новгородской епархии.

Правильность этой хиротонии можно было бы назвать сомнительной – и впоследствии владыка Андрей за аналогичные же действия неоднократно подвергался нареканиям и прямым осуждениям со стороны многих. Во-первых, хиротонию совершали «посторонние» для данной епархии архиереи; во-вторых, произвольно учреждалось новое викариатство; в-третьих, тайные поставления не были в обычае русского православия. Тем не менее, по свидетельству архиеп. Симферопольского Луки (Войно-Ясенецкого), патриарх Тихон при проверке хиротонии, совершенной еп. Андреем и другими епископами, признал ее законной и правильной.

Столь же решительно еп. Андрей вмешался в церковные дела Средней Азии, куда был сослан после 24 февраля 1923 года. Некоторые сведения об этом содержатся в мемуарах архиеп. Луки²⁷⁶, где события 1923 года описаны так:

... Из Ашхабада в Ташкент был переведен... ссыльный Преосвященный Андрей Уфимский (князь Ухтомский). Незадолго до своего ареста и ссылки в Среднюю Азию он был в Москве, и Патриарх Тихон, находившийся под

²⁷³ Иоанн (Полярков), еп. Благодичному, пастырям и общинам 5 округа Уфимского кантона Послание о церковных делах, 9 апреля 1924 г. //Материалы, №13.

²⁷⁴ Левитин [Краснов-Левитин] А.Э., Шавров В.М. Очерки по истории русской церковной смуты. С. 161.

²⁷⁵ История иерархии Русской православной церкви. С. 233, 730.

²⁷⁶ Лука (Войно-Ясенецкий), архиеп. «Я полюбил страдание...»: мемуары. М., 1999.

домашним арестом, дал ему право избирать кандидатов для возведения в сан епископа и тайным образом рукополагать их.

Приехав в Ташкент, Преосвященный Андрей одобрил избрание меня кандидатом на посвящение во епископа собором Туркестанского духовенства и тайно постриг меня в монашество в моей спальне. Он говорил мне, что хотел дать мне имя целителя Пантелеимона, но когда побывал на Литургии, совершенной мною, и услышал мою проповедь, то нашел, что мне гораздо более подходит имя апостола-евангелиста, врача и иконописца Луки.

Преосвященный Андрей направил меня в таджикский город Пенджикент, отстоявший за 90 верст от Самарканда. В Пенджикенте жили два ссыльных епископа: Даниил Болховский и Василий Суздальский²⁷⁷; епископ Андрей передал им через меня письмо с просьбой совершить надо мною архиерейскую хиротонию...

Архиереем я стал 18/31 мая 1923 года... Когда сообщили об этой хиротонии Святейшему Патриарху Тихону, то он, ни на минуту не задумываясь, утвердил и признал ее законной.

На воскресенье, 21 мая, день памяти равноапостольных Константина и Елены, я назначил свою первую архиерейскую службу. Преосвященный Иннокентий уже уехал. Все священники кафедрального собора разбежались как крысы с тонущего корабля, и свою первую воскресную всенощную и Литургию я мог служить только с одним протоиереем Михаилом Андреевым.

На моей первой службе в алтаре присутствовал Преосвященный Андрей Уфимский; он волновался, что я не сумею служить без ошибок. Но, по милости Божией, ошибок не было.

Патриарх действительно был удовлетворен поставлением во епископы – «в момент, когда вся православная иерархия была под угрозой» – профессора-хирурга В.Ф. Войно-Ясенецкого, особенно с учетом той опасности, которую представляло собой наступление среднеазиатских обновленцев на православную иерархию. Поэтому после того как новопоставленный еп. Лука был арестован (вместе с еп. Андреем²⁷⁸), а затем вызван в Москву, патриарх Тихон в Сергиев день, 18 июля 1923 года, отслужил вместе с ним литургию²⁷⁹.

Вернувшись вскоре в Ташкент, еп. Лука посвятил себя делу духовного и физического врачевания; пациенты этого действительно великого хирурга считали, что он обладает чудодейственной силой исцеления (сам владыка Лука был того же мнения). Косвенным свидетельством значимости его хиротонии стали позднейшие сетования обновленческого «Апологета-Благовестника» Александра Введенского в докладе «По Средней Азии» (18 сентября 1927 года): «В Ташкенте долгое время пребывали староцерковнические епископы. Там побывали Андрей Ухтомский, Арсений б. Новгородский, Никандр Феноменов и др. Я нарочно обращаю ваше внимание на это, потому что это делало наше положение не особенно легким»; дальнейшую часть своего Введенский посвятил по преимуществу описанию пастырского служения и противообновленческой деятельности еп. Луки – «нынешнего идейного вождя «староцерковников» в Средней Азии».

²⁷⁷ «Еп. Брянский Даниил (Троицкий) и еп. Суздальский Василий (Зуммер)» (примечание на полях рукописи).

²⁷⁸ Еп. Лука, еп. Андрей и прот. М.М. Андреев были арестованы 10 июня 1923 г. 2 июля, по завершении следствия, «принимая во внимание из политических соображений слушание дела гласным порядком нежелательным», чекистами было решено «настоящее дело передать в Комиссию НКВД для утверждения срока высылки гр. Ясенецкому-Войно на два года в г. Хиву без права выезда, Михаилу Андрееву на два года в г. Турткуль без права выезда, Ухтомскому оставить прежнее наказание отбывание 3-годовой ссылки, избрав местом отбывания ссылки г. Чимкент» (*Лисичкин В.А.* Крестный путь святителя Луки. Подлинные документы из архивов КГБ. С. 92, 108–109).

²⁷⁹ *Левитин [Краснов-Левитин] А.Э., Шавров В.М.* Очерки по истории русской церковной смуты. М., 1996. С. 320.

Владыка Андрей вел себя вполне самостоятельно, мотивируя это необходимостью в сложившихся обстоятельствах, опорой на святоотеческое предание и на решения Поместного собора 1917–1918 годов. Так, например, известное 59-е правило Карфагенского собора, позволяющее обращаться к государственной власти в случае, если какой-либо из епископов вторгнется в чужую епархию и произведет там беспорядок, на Поместном соборе было несколько ревизовано: в определении «О мероприятиях по прекращению нестроений в церковной жизни» от 6(19) апреля 1918 года говорится о «некоторых епископах, клириках, монашествующих и мирянах, непокоряющихся и противящихся церковной власти и обращающихся в делах церковных к враждебному Церкви гражданскому начальству и навлекающих через то на Церковь, ее служителей, ее чад и достояние многоразличные беды»²⁸⁰. И хотя в пунктах этого определения речь идет о неподчинении и доносах на высшую церковную власть и на свое непосредственное церковное руководство, из него совершенно явственно вытекает недопустимость для верующих обращаться за разрешением своих внутренних вопросов к властям претерпящим с их аппаратом насилия.

Именно под данное соборное определение подпадают действия ташкентских обновленцев, чьими интригами еп. Лука вскоре после своей первой архиерейской литургии был ненадолго арестован вместе с еп. Андреем (начало июня 1923 года); тем самым, как отмечал владыка Андрей²⁸¹, ташкентская кафедра расчищалась для живоцерковника Николая Коблова. Освобожденный из-под ареста, владыка Андрей был переведен в ссылку в туркменский поселок Теджент.

Насколько известно²⁸², в ноябре 1923 года владыка Андрей вновь арестовывается в Тедженте, в апреле 1924 года находился в камере №7 теджентского отдела ГПУ, с 5 ноября по 14 ноября 1924 года содержался в тюрьме в Ташкенте, а в *середине ноября 1924 года вывозился в Москву*, откуда был возвращен в ссылку в Туркестан.

К этому моменту относится совершенно фантастическая, видимо, интерпретация А.А. Золотарева: «Годы развития и внедрения в русскую историю Социальной Революции епископ Андрей жил в ссылке в Средней Азии, причем ему на миг улыбнулась его манящая к себе звезда возрождения в духе святоотеческого прошлого и нашей современной Русской Церкви. Он был вызван в Москву, и ему предложено было возглавить Русскую Церковь. Епископ Андрей после долгих бесед и внутреннего колебания согласился, выставив со св<оей> стороны два условия: независимость церковного прихода (он – юридическое лицо, владеет храмом, организует христ. попечительство и т.д.) и во 2, полная свобода православной христианской проповеди. Соглашение не состоялось. Еп. Андрей вернулся к себе в Среднюю Азию и, хорошенько не помню, чуть ли в это же самое время (или незадолго перед этим) испытал целый ряд огорчений от столь же неудачных переговоров с нашими староверами»²⁸³.

²⁸⁰ Священный Собор Православной российской Церкви. Собрание постановлений и определений. Вып. III, приложение к «Деяниям» второе. М., 1918.

²⁸¹ Что может помешать развитию приходской жизни. Алма-Ата, 1933 (авторская рукопись в 7 машинописных страниц).

²⁸² Как гласит заявление «приемной дочери епископа Андрея» Александры Евграфовны Романовой (1896 – ?; сестра милосердия, затем фельдшер в Казани; к 1928 г. уже была монахиней) в Общество помощи политическим заключенным от 22 ноября 1924 г., «по Постановлению Коллегии ГПУ от 1923 г. 24 февраля Епископ Андрей УХТОМСКИЙ был выслан в Туркестан в г. Ташкент на 3 года. По приезде в Ташкент 24 мая 1923 г. он пробыл на свободе 1,5 недели, а потом был арестован, под арестом пробыл 1 м. + 1 неделю и выслан в г. Теджен Туркменской области, в Тедженте он был после 3-х месячного пребывания на свободе опять арестован и направлен вторично в г. Ташкент. В Ташкенте он содержался под арестом с 5/XI-1923 по 14/XI-1924. 14 ноября 1924 г. он телеграммой от Моск. ГПУ был затребован в Москву, куда и прибыл 17 ноября с. г. и был с вокзала направлен в ГПУ. Ташкентское ГПУ и Туркменский Прокурор на вопрос, за что арестован Еп. Андрей УХТОМСКИЙ, отвечали, что обвинений ему политических нет, но под стражею содержится по “особым соображениям”. Прошу Вас выяснить дальнейшую судьбу Еп. Андрея УХТОМСКОГО. Неделю тому назад родная сестра Еп. Андрея М.А. ДМИТРИЕВА обращалась к т. Смидовичу, и он ей ответил, что Еп. Андрей освобожден, а между тем вот уже пять дней, как он сидит в Москве в ГПУ». (ГАРФ. Ф. 8419. Оп. I. Д. 43. Л. 68; опубл.: Церковно-исторический вестник. 1999. №2–3. С. 94).

²⁸³ Золотарев А.А. Campo Santo – кладбище моей памяти // РГАЛИ. Ф. 218. Оп. 1. Ед. хр. 15. Лл. 86–86об.

Докладывая об итогах 1923 года, 6-е («церковное») отделение Секретного отдела ОГПУ констатировало: «В Туркменской области существует исключительно тихоновская община, идейно вдохновляемая <так> адм<инистративно> ссыльным епископом Ухтомским и архимандритом Вениамином Троицким²⁸⁴, влияние которых даже не выходило из пределов области. Об обновленческом движении как церковные советы так и прихожане имели весьма слабые превратные понятие <так>, так напр. среди них царило убеждение, что «живцы» войдя <так> в богослужение музыку (гармони, балалайки и т.п.)»²⁸⁵.

Но очень скоро влияние «ссыльного епископа» выйдет далеко за пределы Туркмении. Подчеркнем, что все действия владыки Андрея в этот и последующие периоды следует неизменно рассматривать в свете одного из определявших тогда жизнь Церкви обстоятельств: реального или потенциального «отсутствия патриарха на свободе» (формулировка еп. Николая (Ярушевича)) и необходимости проводить в жизнь постановления патриарха Тихона и митр. Агафангела об автокефалии. Эти постановления определили всю последующую линию деятельности еп. Андрея, направленную на возрождение и организацию церковно-общественной жизни всюду, куда его забрасывали интересы высокой государственной политики.

Но основное внимание еп. Андрей уделял Уфимской епархии, границы которой в основном совпадали с образованной в 1919 году Башкирской автономной Советской республикой. Многочисленные собрания клира и мирян различных административных округов Башкирии подтверждали избрание владыки уфимским архипастырем, несмотря на его ссылку, и просили у него поставления новых епископов.

Тем временем обстановка в среде уфимских епископов резко изменилась. Давление обновленчества, процесс кардинала Цепляка, в котором видели генеральную репетицию суда над патриархом Тихоном, опасение дальнейших репрессий вынудили еп. Николая (Ипатова) прекратить борьбу с обновленчеством. Хотя «церковные реформаторы» и заявили, что отныне еп. Николай присоединился к ним, его опубликованное заявление выглядело как нейтральный призыв к церковному миру. Еп. Бирского Трофима (Якобчука) патриарх после своего освобождения из-под ареста счел необходимым перевести временно управляющим Оренбургской епархией (август—декабрь 1923 года), а затем поставить на сызранскую кафедру.

Но наиболее важное значение имела трансформация еп. Иоанна (Пояркова). Хотя временно управляющим Уфимской епархией его назначил 13 августа (31 июля по ст. ст.) 1923 года патриарх Тихон²⁸⁶, уже 29 ноября 1924 года в газете «Власть труда» появилось открытое письмо еп. Иоанна:

По заповедям святых Апостолов всякая душа властям предрержащим да повинуется не только за страх, но и за совесть, а моя совесть подсказывает мне быть сторонником Сов. власти, ибо ее цели и заботы о людских взаимоотношениях направлены к церковному благу.

Поэтому я раз навсегда отмежевываюсь от всяких контрреволюционных течений и действий, направленных во вред Сов. власти, в том числе отхожу от реакционного политического тихоновского течения, с которым порываю всякую связь. Моему примеру прошу последовать Уфимское духовенство²⁸⁷.

²⁸⁴ Затем епископ. Его биографию см.: *Зимина Н.П.* Викарии Уфимской епархии 1920-х годов: свя-щенномученик еп. Вениамин (Троицкий; 1901–1937).

²⁸⁵ Информационная сводка <6 отделения СО ОГПУ> о состоянии православных церковников по С.С.С.Р. на 1 января 1924 года <неправленный машинописный черновик> // Архивы Кремля: Политбюро и Церковь, 1922–1925 гг. Кн. 2. М. – Новосибирск, 1998. С. 382.

²⁸⁶ Акты святейшего Тихона... С. 292.

²⁸⁷ *Иоанн (Поярков), еп.* Письмо в редакцию // Власть труда. 1924. 29 ноября; Материалы, №15.

Вскоре последовали и непосредственные наставления клиру и мирянам: «Ориентация в деле церковного управления на Патриарха Тихона не одобряется. «Блюдите как опасно ходите»... не избирать лиц, кои имеют за собой темное прошлое и недружелюбно настроены к Сов. власти и которые из себя представляют оплот реакции. Также не выбирайте лиц, за которыми имеется подозрение со стороны власти и к которым власти не питают никакого доверия. Все эти лица, хотя бы они и были искренно преданы Церкви, своим присутствием в правлении принесут громадный ущерб церковному делу, ибо все эти люди представляют из себя реакционное тихоновское течение... Необходимо в состав правления выбирать таких лиц, которые... ни в прошлом, ни в настоящем не были замешаны в неблагоприятных поступках и действиях, каковые не одобряются Соввластью»²⁸⁸.

Как будто само существование Церкви и ее деятельность властью одобрены...

Еп. Иоанн перешел ту грань, которую установил патриарх Тихон и принял для себя владыка Андрей: лояльное отношение к новому государству в надежде на мирное сосуществование с ним. Хотя сам этот план был тогда утопичным в силу нежелания государства принять его, он способствовал сохранению чистоты идеи; позиция же еп. Иоанна стала началом пути к ликвидации церковной независимости.

Новый управляющий Уфимской епархией отныне и не надеялся на благословение своего прежнего наставника, более того – стремился отмежеваться от владыки, поначалу не называя имен, но вполне определенно указывая, что «утраивает опасность послушание голосу прежних доброжелательных корабельщиков, пытающихся нами командовать по старой памяти с дальних судов или прибрежных скал при неверном угле зрения»; и выходило, будто одна у Церкви осталась надежда – сам еп. Иоанн: «Если я, многогрешный, изменю святому православию, стоя у кормила Церкви Уфимской, грозит ей конечная опасность и гибель»²⁸⁹.

За год до появления этих посланий еп. Андрей также усомнился в правильности действий первосвященника, однако реакция его была иной и в ином он призывал искать опору:

«Верьте только Единому Безгрешному Господу Спасителю во святом Евангелии и ищите Его в своей чистой совести. Чистая совесть Бога узрит», – призывал владыка в своем письме о «новых церковных нестроениях», адресованном «всем – везде... православным христианам». Оно появилось в тот кратковременный период, когда патриарх попытался установить контакты с обновленцами.

19 мая 1924 года под давлением ОГПУ патриарх предложил Синоду «обсудить вопрос о включении... протопресвитера В. Красницкого... в состав образуемого Высшего Церковного Совета»; 21 мая на своем заседании Синод постановил включить в Высший церковный совет и Красницкого, и еще пятерых членов группы «Живая церковь»²⁹⁰. По позднейшей оценке, это «майское соглашение» явилось платой, которую требовал Тучков за «прекращение дела гр. Белавина» и за разрешение организовать Высшее церковное управление» и «епархиальные советы по местам»²⁹¹.

Против «майского соглашения» выступила непримиримая, отвергавшая любые компромиссы с обновленцами «даниловская оппозиция» во главе с архиеп. Феодором (Поздеевским). Но главное было в том, что еще более «решительно выступил народ, который, по слову известной символической книги, является “стражем православия”. Слишком были свежи в памяти у всех злодеяния Красницкого: аресты, доносы, предательства, зловещие речи во время суда над митрополитом Вениамином, чтобы простые люди могли признать Красницкого руководителем церкви... Народ не допускал его по-прежнему в храмы... Настроение в Москве было таково,

²⁸⁸ Иоанн (Поярков), еп. Благодичному 5 округа Уфимского кантона Циркуляр // Материалы, №14.

²⁸⁹ Иоанн (Поярков), еп. Послание Уфимской пастве, 5 октября 1925 года // Материалы, №17.

²⁹⁰ Акты святейшего Тихона... С. 317–319.

²⁹¹ Левитин [Краснов-Левитин] А.Э., Шавров В.М. Очерки по истории русской церковной смуты. С. 386–387.

что патриарх так и не решился ни разу допустить Красницкого к священнослужению... Со всех концов России патриарх получал негодующие письма»²⁹².

Владыка Андрей также незамедлительно отозвался письмом о «новых нестроениях», призывая свою паству молиться, «чтобы наш Патриарх Тихон по своей доверчивости не наделал ошибок. Будьте осторожны против его ошибок. Молитесь за него, но предупредите его, что за его ошибками христиане не пойдут»²⁹³.

И вскоре патриарх изменил свое решение, наложив 26 июня 1924 года резолюцию, которой аннулировал майские соглашения, возбудившие «тревогу и опасения, о чем свидетельствуют многочисленные заявления архипастырей, пастырей и мирян»²⁹⁴. Среди этих архипастырей был и владыка Андрей, еще в период волнений, в которые были ввергнуты массы верующих колебаниями первосвятителя, убеждавший паству: «Помните: Глава Святой Церкви Христовой – сам Иисус Христос, а не папа Римский и не Патр. Московский... Поэтому архиереи, раздирающие Церковь Христову своими греховными страстями, только погрешают перед Господом... Мы же, христиане, должны беречься, как заповедал нам Господь наш (Мрк. 13, 22), чтобы не впасть в соблазн... Поэтому пресвитеров и епископов из Москвы не принимайте, а избирайте себе тех, кто вам известен доброю жизнью и светлым разумом. Итак все испытывайте, хорошего держитесь. Удерживайтесь от всякого зла (1 Сол. [Фес.] 5, 21), исполните эту заповедь ап. Павла, и она сохранит вас от всяких ошибок»²⁹⁵.

Уфимская паства откликнулась на призыв своего владыки. Рукописные воспоминания схиархиепископа Петра (Ладыгина) хотя и носят в известной степени легендарный характер, но дают представление об обстановке, царившей в то время в Уфимской епархии. После долгой жизни на Афоне будущий владыка Петр принял там монашеский постриг с именем Питирим и был послан в 1910 году настоятелем афонского Андреевского подворья в Одессе в сане архимандрита. Сосланный в 1923 году после закрытия подворья и ареста в Уфу, поселился там в лесу в устроенном им скиту близ хутора Петровск. Побеседовав с еп. Иоанном (Поярковым), архимандрит Питирим остался не удовлетворенным его деятельностью и был особо возмущен непоминанием патриарха за богослужением. Владыка Петр вспоминал, как к нему явились «монахиня Мария, Михаил Панченко, Кузьма Панченко, церковный староста, миссионер Афанасий Чеменев и дают мне письмо архиепископа Андрея. Он пишет: “Привезите мне кого-нибудь из монашествующих, и я вам поставлю епископа. Они рассказали, что около 3000 человек не ходят в эту церковь, где служат священники еп. Иоанна, которые не поминают Патриарха Тихона”»²⁹⁶.

Тут же были намечены три кандидата в архиереи и был вытянут жребий, который пал на архим. Питирима. Он отправился в Теджент вместе с еще двумя кандидатами, избранными в других районах Уфимской епархии, – настоятелем единоверческого монастыря близ г. Сатка игуменом Руфином (Бреховым)²⁹⁷ и архимандритом Антонием (Миловидовым), до пострижения в монахи – благочинным единоверческих церквей и монастырей Уфимской епархии

²⁹² *Левитин [Краснов-Левитин] А.Э., Шавров В.М.* Очерки по истории русской церковной смуты. С. 391.

²⁹³ *Всем-везде. Письмо к православным христианам о новых церковных нестроениях, июнь 1924 г.* // Материалы, №22.

²⁹⁴ Резолюция №523 Святейшего Патриарха Тихона о прекращении организации при нем Высшего Церковного Управления, положенная на адресе Елисаветградского духовенства, 26 июня (9 июля) 1924 г. // Акты святейшего Тихона... С. 325–326.

²⁹⁵ *Всем-везде. Письмо к православным христианам о новых церковных нестроениях, июнь 1924 г.*

²⁹⁶ *Петр (Ладыгин), схиархиеп.* Краткое описание биографии меня недостойного архиепископа Петра Ладыгина (Конец 1940-х, 150 стр. машинописи).

²⁹⁷ По официальным данным, уже с 1923 г. архим. Руфин находился в ссылке в Средней Азии (*Осипова И.И.* «Сквозь огонь мучений и воды слёз...». С. 254.), в них же он назван единоверческим игуменом (по всей видимости, он был игуменом Воскресенского единоверческого монастыря близ Кусинского завода в б. Златоустовском уезде); согласно другим источникам, к моменту выдвижения его кандидатуры в архиереи Руфин еще был простым иноком. См. также: *Зимина Н.П.* Жизнеописание священномученика Симона. С. 402, прим. 38.

(1912–1921), делегатом 2-го Всероссийского съезда православных старообрядцев (единоверцев) и Поместного собора 1917–1918 годов.

В мае 1925 года в туркменском городке Теджент у самой границы с Персией прошли епископские хиротонии: архим. Антоний был поставлен во епископа Усть-Катавского (19 (6 по ст. ст.) мая), игумен Руфин (20 (7) мая) – во епископа Саткинского, архим. Питирим (21 (8) мая) – во еп. Нижегородского²⁹⁸. «Нижегородский» в этом титуле относится не к Нижнему Новгороду, а к Нижегородке²⁹⁹ – предместью Уфы, расположенная в котором Крестовоздвиженская церковь считалась кафедральным храмом этих викариев Уфимской епархии.

Вместе с владыкой Андреем эти хиротонии совершил еп. Нижнетагильский Лев (Черепанов), с 1923 года находившийся в среднеазиатской ссылке.

Подобными действиями владыка Андрей укреплял позиции своих сторонников в Уфимской епархии, содействовал возрождению церковно-приходской жизни и сопротивлению обновленчеству. Колеблющимся иерархам, подобным еп. Иоанну, он противопоставлял «близких к народу и нужных для народа руководителей»; обосновывая свои действия, ссылаясь на церковную историю: «Замечательно, что блаженный Августин считал, что на каждые 50–60 верст нужен отдельный епископ; а в Карфагенской церкви были 450 епископов на таком пространстве, которое имело в России только семь епископов. Святые отцы заботились тогда об удобствах паствы, а не о собственных правах и обеспечениях»³⁰⁰.

5

Старообрядчество и никонианское православие отделены друг от друга не разницей в канонах и догматах веры. Между ними существует различие в обрядах, четкая регламентация которых не зафиксирована ни в апостольском, ни в святоотеческом преданиях. Трехвековое разделение двух этих направлений русского православия прежде всего было вызвано принципиальными разногласиями, возникшими как следствие развития общественно-политических взглядов, кодифицированных в своего рода «нормативных актах», каковыми являются основы восточнохристианского канонического права. Суть разногласий и взаимных претензий последователей старого и нового обряда вкратце сводится к следующему.

Нововведения в обряды и книжные исправления не были чем-либо необычным для русского православия середины XVII века – книжная «справа» и унификация богослужения происходили задолго до этого и благословлялись высшими иерархами русской Церкви, которые по сей день почитаются ревнителями древнего благочестия. Старообрядческий протест был главным образом вызван абсолютно безграмотным подходом к подобному акту и диктаторскими методами его проведения, которыми руководствовался патриарх Никон³⁰¹.

Другим, и не менее важным обстоятельством, вызвавшим сопротивление старообрядческих вождей, было активное вмешательство государственной власти в разрешение чисто религиозных вопросов. Разумеется, воздействие государства на жизнь православия в значитель-

²⁹⁸ Уточняем даты из-за смешения церковного и гражданского летоисчисления в различных источниках. См., напр.: Акты святейшего Тихона... С. 963, 989, 988; *Осипова И.И.* «Сквозь огонь мучений и воды слёз...». С. 254, 268, 265.

²⁹⁹ В литературе встречаются также написания «Нижегородск», «Нижегородка», «Нижний городок», но на топографических картах фигурирует именно «Нижегородка».

³⁰⁰ Случайные заметки (18 машинописных страниц).

³⁰¹ См., в частности: *Каптерев Н.Ф.* Суждение Большого Московского Собора 1667 года о власти царской и патриаршей (К вопросу о преобразовании высшего церковного управления Петром Великим) // Богословский вестник. 1892. Август. С. 171–190 отдела II; *Голубинский Е.Е.* К нашей полемике со старообрядцами. Изд. 2-е, испр. и доп. М., 1905; *Каптерев Н.Ф.* Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович. Т. 1–2. Сергиев посад, 1909–1912 (репринт – М., 1996); *Зельковский С.А.* Русское старообрядчество. М., 2006; *Успенский Н.Д.* Коллизии двух богословий в исправлении русских богослужебных книг в XVII веке // Богословские труды. 1975. Сб. 13. С. 148–171; *Кутузов Б.П.* Церковная реформа XVII века, ее истинные причины и цели. Ч. 1–2. Рига, 1992; *Паскаль П.* Протопоп Аввакум и начало раскола. М., 2010; *Рябушинский В.П.* Старообрядчество и русское религиозное чувство М., 2010; и др.

ной степени ощущалось и в прежние времена. Однако в середине XVII века этот нажим со стороны светской власти пришелся именно на тот период истории русской Церкви, когда в ней широко разворачивалась деятельность по возрождению церковно-общественной жизни. Откровенное использование Никоном и его преемниками методов и орудий светского насилия в сфере духовной жизни очень скоро привело к тому, что самодержавие уже безо всякого стеснения принялось подчинять христианскую идеологию нуждам и задачам государственной политики. Это приняло столь уродливые формы, что старообрядцы стали в итоге последовательными сторонниками идеи абсолютной независимости Церкви от властей предрешающих. В общественно-политической области старообрядческий протест выразился в резко негативном отношении к самому факту «единого фронта» государственного и церковно-иерархического диктата, что привело старообрядчество к абсолютизации убеждения относительно недопустимости вмешательства государственных органов во внутрицерковную жизнь.

Тем самым в начале XX века старообрядчество могло только приветствовать акт новой власти об отделении Церкви от государства, однако вкладывало в это понятие несколько иной смысл, нежели атеистическая власть: в первую очередь речь шла об отделении государства от Церкви, тогда как последняя оставляла за собой прерогативу вмешательства в общественную жизнь посредством влияния не на политический организм власти, а на общественную и духовную жизнь народа.

Официальная точка зрения на старообрядчество со середины XVIII века начала постепенно меняться, и к началу XX столетия возобладало мнение о том, что по своему внутреннему каноническому содержанию старообрядчество не отличается от идеологии господствующей церкви. Неоднократно (в 1765, 1800, 1866, 1918 годах) представители господствующей церкви заявляли, что сами по себе старые обряды и богослужебная практика принципиально не разнятся с принятыми господствующей церковью и ведут к вечному спасению. Синодальное определение 1886 года, например, подтверждало позицию ряда новообрядческих иерархов, согласно которой «в храмах православных и единоверческих призывается един Господь, исповедуется едина вера, совершается едино крещение, приносится едина умилолюбивая бескровная жертва Христова, приемлется едино пречистое тело и кровь животворящая; словом, и там, и здесь одно и то же и одинаково все то, что живет и питает человека»³⁰².

Однако уже в последующих словах господствующая церковь формулировала свое основное различие со старообрядчеством (не с единоверием). Ставя знак равенства между старым и новым обрядами, архиереи оговаривают: «Сила единоверия заключается только в союзе с православной Церковью... без этого союза нет единоверия, а будет опять раскол»³⁰³. Тем самым православность старообрядческой традиции признавалась лишь при условии иерархического подчинения ее ревнителей официальной господствующей церкви.

Примерно такова же точка зрения на старый обряд гораздо более авторитетной инстанции господствующей церкви – Поместного собора, чье определение от 22 февраля 1918 года гласило:

«Единоверцы суть чада Единой Святой Соборной и Апостольской Церкви, кои с благословения Поместной Церкви, при единстве веры и управления, совершают церковные чинопоследования по Богослужебным книгам, изданным при Пяти первых Русских Патриархах, – при строгом сохранении древнерусского бытового уклада... употребляемые единоверцами при богослужении книги и обряды тоже православны»³⁰⁴.

³⁰² Определение Св. Синода №2899 о Постановлении бывшего в Казани собрания православных архиереев // Православное обозрение. 1886. Т. II. Май–июнь. С. 385.

³⁰³ Там же. С. 386.

³⁰⁴ О единоверии. Определение Священного Собора Православной российской Церкви, 22 февраля (7 марта) 1918 г. // Священный Собор Православной российской Церкви. Собрание постановлений и определений. Вып. II, приложение к «Деяниям» второе. М., 1918. С. 4.

Но ведь и старообрядцы пользовались теми же самыми богослужебными книгами, совершали те же обряды и хранили тот же уклад. Даже те из них, кто лишь теоретически (а не фактически) признают наличие церковной иерархии (беспоповцы), отказывая своим духовным пастырям в праве считаться клиром, догматически не отрицают земную иерархию (в отличие от сектантов), но скорбят о ее отсутствии.

Тем самым основным камнем преткновения для господствующей церкви было отсутствие (с ее точки зрения) у старообрядцев церковной дисциплины. Старообрядчество не желало подчиняться ее иерархии и существовать лишь «с благословения Поместной Церкви».

Даже не будь различия в обрядности, старообрядчество в принципе не могло бы пойти навстречу господствующей церкви, не желая признать каноничность методов двухвекового синодского управления церковью, корнями уходящего к патриарху Никону и царю Петру. Даже искренние апологеты господствующей церкви, бескорыстные ревнители православия, не находили доброго слова в оправдание такой практики управления Церковью, когда во главе ее стоял правительственный чиновник в должности обер-прокурора.

Не случайно стоило верующему историку русской Церкви дойти в своем повествовании до времени Петра, как его творческий пыл угасал, и донныне фундаментальных работ по истории православия в XVIII–XIX веках практически нет.

Все это в результате привело к неспособности клира господствующей церкви организовать жизнь русского общества на христианских началах.

Как же могло относиться старообрядчество к подобной ситуации?

* * *

Развитие политических событий в России начала XX века непосредственно сказалось на жизни русского православия, и одним из результатов стало то, что вопрос о церковной дисциплине по отношению к единому российскому православному центру сам собою временно отпал.

Имя патриаршего местоблюстителя, державшееся в тайне от властей, оставалось неизвестным и для большинства верующих, даже из среды высших иерархов. Принципы избрания местоблюстителя патриаршего престола четко зафиксированы в определении Поместного собора от 28 июля (10 августа) 1918 года: «3. В соединенном присутствии, под председательством того же старейшего иерарха, члены Священного Синода и Высшего Церковного Совета тайным голосованием избирают Местоблюстителя из среды присутствующих членов Священного Синода: причем избранным считается получивший более половины избирательных голосов»³⁰⁵. Должность эта была внове, а клирики хорошо помнили, что 76-е Апостольское правило и 23-е правило Антиохийского собора³⁰⁶ строго осуждают передачу церковной власти по заве-

³⁰⁵ О Местоблюстителе Патриаршего престола. Определение Священного Собора от 28 июля (10 августа) 1918 г. // Священный Собор Православной российской Церкви. Собрание постановлений и определений. Вып. IV, приложение к «Деяниям» второе. М., 1918. С. 7.

³⁰⁶ 76 апостольское правило: «Не подобает епископу, из угождения брату, или сыну, или иному сроднику, поставлять в достоинство епископа, кого хочет. Ибо не есть праведно творить наследников епископства, и собственность Божию давать в дар человеческому пристрастию. Не должно Церковь Божию под власть наследников поставлять. Если же кто сие сотворит: поставлен да будет недействительно, сам же отлучением наказан да будет»; толкование Зонары: «Архиерейскую власть должно почитать даром благодати Святого Духа. И так каким же образом будет кто передавать благодать Духа другому как наследство из угождения ему? Посему епископам не дозволено, в церквах, подчиненных им, на свое место поставлять других, по их желанию. Ибо те, которые не имеют права оставлять кому захотят имущество, приобретенное во время епископства, (кроме имущества, перешедшего к ним по наследству от родственников, как говорит тридцать второе (31-е) правило карфагенского собора), каким образом будут передавать самое епископство другим, как бы оставляя их наследниками пастырской власти и управления имуществами бедных, и по человеческой страсти, то есть по дружбе или родственной любви отдавая в дар то, что посвящено Богу? Итак, если кто сделает чтонибудь такое; то, по силе правила, и сделанное не действительно и сделавший подлежит отлучению; ибо постановлено, что епископы поставляются соборами. И двадцать третье правило Антиохийского собора говорит: «епископу не позволяется, хотя бы и при конце жизни был, поставлять другого в приемника себе». Это запрещено и израильтянам, ибо Моисею ставили в вину то, что он Аарона и его сынов произвел в священство; и если бы Бог не

щанию, произведенную патриархом Тихоном. Поэтому местоблюститель митр. Петр (Полянский), сравнительно недавно (осенью 1920 года) ставший архиереем, а вскоре после кончины патриарха арестованный, не был признан значительной частью духовенства по неведению патриаршего завещания или из недоверия к способности митр. Петра встать у руля управления.

Владыка Андрей также остался на своих прежних позициях, предполагая и дальше идти по пути автокефалии вплоть до созыва настоящего (канонически законного) Собора, полномочного составить новое высшее церковное управление.

И именно в качестве правящего архиерея, архиепископа автокефальной «областной Церкви автономной Башкирской республики» владыка Андрей вступил в контакт с представителями беглопоповского старообрядческого согласия, продолжая линию, одобренную в 1917 году его духовником митр. Антонием (Храповицким) и патриархом Тихоном.

6

В 1927 году, находясь в Уфе, еп. Андрей написал первую часть воспоминаний «История моего старообрядчества», где подробно осветил события августа 1925 года, когда он молитвенно соединился со старообрядцами-беглопоповцами. Помимо этого в нашем распоряжении есть протоколы расследования, предпринятого по инициативе митр. Агафангела (Преображенского) съездом духовенства и мирян Башкирии, проходившим в Уфе под председательством еп. Аввакума (Боровкова) в 1927 году. Все эти материалы позволяют воссоздать достаточно полную картину событий августа–сентября 1925 года.

В августе еп. Андрей приехал из Теджента в Асхабад (Ашхабад). Здесь, чуть не в единственном месте, свободном от обновленцев, в молитвенном доме игумена Матфея собирались «староцерковники». Именно в этой моленной произошло событие, вменявшееся владыке Андрею как «уклонение в беглопоповский старообрядческий раскол». В нему обратился духовный руководитель асхабадских старообрядцев-беглопоповцев архим. Климент (Логвинов), показав рекомендации и поручения многочисленных беглопоповских приходов из разных концов России, поручавших архимандриту поиски архиерея.

В 1917 году представитель московских беглопоповцев Л.А. Молехонов уже предлагал владыке стать их епископом, и он после консультаций со своим духовником митр. Антонием (Храповицким) и с патриархом Тихоном дал на это согласие при условии, что останется и правящим архиереем Уфимской епархии. Накануне митр. Антоний уже высказался за признание старообрядческой Белокриницкой иерархии, что было беспрецедентным по решительности; другим шагом к единению различных ветвей русского православия и было в глазах патриарха

утвердил за ними священство знаменами, может быть они и лишены были бы оно»; толкование Аристана: «Епископ, пред кончиною своею, не поставляет епископа вместо себя. Правилами постановлено, чтобы тот, кто имеет быть рукоположен на епископство, был поставляем епископами епархии. А чтобы епископ пред кончиною поставлял вместо себя другого – этим вводится наследственное право, тогда как церковь Божию никто не должен отдавать наследнику»; толкование Вальсамона: «Настоящее правило определяет, что епископ не имеет права поставять вместо себя на епископство своего родственника и предлагать благодать Духа как какое нибудь человеческое наследство. Хиротонию, таким образом учиненную оно объявляет недействительною, а епископа отлучает. А скажи, что хотя бы епископ передал епископство и не родственнику своему, а чужому, должно быть тоже самое; ибо установлено, чтобы епископы были поставляемы соборами. Посему-то и покойный славный митрополит филиппопольский, когда отказывался от своей митрополии под тем условием, если святой собор митрополитом Филиппополя вместо его поставит эконома его, не был удовлетворен, но получил такой ответ: если имущество, приобретенное епископом после хиротонии из церковных доходов, он не может дарить, или передать, кому хочет; тем паче епископство. Читай карфагенского собора правило 32-е (31-е) и Антиохийского – 23-е, в котором говорится: «епископу не позволяется, хотя бы и при конце жизни был, поставлять другого в преемника себе»; Кормчая: «Епископ, умирая, епископа в себе место не может поставити». 23 правило Антиохийского поместного собора: «Епископу не позволяется, вместо себя, поставляти другого, в преемника себе, хотя бы он был и при конце жизни; аще же что таковое соделано будет: то поставление да будет недействительно. Но да соблюдается постановление церковное, определяющее, что епископа должно поставляти не инако, разве с собором и по суду епископов, имеющих власть произвести достойнаго, по кончине преставляшагося».

и митр. Антония поставление владыки Андрея беглопоповским архиереем. Однако начинавшаяся Гражданская война надолго отодвинула эти планы.

Известно, что архимандрит Климент прежде принадлежал к господствующей церкви (ранняя его биография³⁰⁷ совершенно не изучена, однако остается надежда проследить ее хотя бы по епархиальной периодике), а в 1920-х был тесно связан с единоверческим движением; насколько известно, именно он вместе со священноиноком Пансофием (Ивлевым)³⁰⁸ уже в 1923 году возобновил от имени беглопоповцев переговоры с владыкой Андреем.

И ныне, в 1925 году, еп. Андрей не видел препятствий к тому, чтобы приложить усилия для уврачевания раскола, третий век раздиравшего русское православие. Были продуманы и определены все процедуры воссоединения бывшей господствующей церкви в лице еп. Андрея и беглопоповцев в лице архим. Климента. Главным актом было таинство миропомазания, которое владыка совершил сам над собою; в составленных владыкой «Исповедании веры» и «Анафеме» формулировались разногласия, вызвавшие некогда раскол русского православия и чуждые ему по существу.

Обновленческий журнал сообщал два года спустя о подробностях: «Относительно “миропомазания” еп. Андрея известно следующее. По донесению архим. Климента, еп. Андрей долго не соглашался на второй чин (т.е. миропомазание) и согласился только после упорных бесед, или требования Климента, основанного на 95 правиле VI Вселенского Собора... Клименту же перед миропомазанием он заявил следующее: “Не ваша рука возлагается на меня, а рука того патриарха, который освятил ваше древнее миро: когда вы прочитаете оглашение, а я прочитаю ереси и исповедание веры до миропомазания, то я уже становлюсь вашим епископом и могу с вами общаться в молитве, а раз я ваш, значит священник не может помазать епископа”»³⁰⁹.

25 августа 1925 года молитвенный дом был окроплен св. водой (поскольку во внебогослужбное время служил жильем для игумена Матфея – а как утверждали недоброжелатели, чтобы переосвятить дом после никониан), еп. Андрей исповедовался у игумена и прочел свое «Исповедание веры». О дальнейшем сообщает «Акт воссоединения», опубликованный обновленцами в составе той же подборки полемических материалов:

«В лето от Рождества Христова 1925 августа 28-го дня в молитвенном доме Асхабадской старообрядческой общины во имя святителя Николая, Мирликийского чудотворца, члены этой общины во главе со своим епископом Андреем, Архиепископом Томским, и настоятелем общины игуменом Матфеем воссоединились в молитвенном общении с древлеправославными общинами Саратовскими, Семипалатинскими, Забайкальскими и других мест. Представитель этих общин о. архимандрит Климент Логвинов предъявил необходимые к тому полномочия. Так, Божиим промыслом состоялось воссоединение доселе дьявольским ухищрением разрозненных частей единой ризы Христовой, Его Пречистого Тела Святой Церкви. Воссоединение последовало с соблюдением всех церковных правил по заповеди Христа Спасителя Святых

³⁰⁷ Согласно устному преданию, монашествовал в Курской епархии. В 1911 г. в сане иеромонаха за «самовольную отлучку и самоуправство по монастырю» был прислан из Лебедянского Троицкого монастыря Тамбовской епархии (ныне Липецкая обл.) в Александров-Невский монастырь Кирсановского уезда (Государственный архив Тамбовской области. Ф. 181. Оп. 1. Д. 2175. Л. 1745), затем перешел к беглопоповцам, в связи с чем в 1913 г. был официально лишен сана (см.: *Левин О.Ю.* Кирсановский Новый Александров-Невский мужской монастырь. Машинопись. Тамбов, 2003 – www.grad-kirsanov.ru/article.php?id=a_n_mon).

³⁰⁸ В миру Павел Яковлевич Ивлиев, родился в 1881 г. в семье, принадлежавшей к господствующей церкви. В 1895 г. принял иноческий постриг в Чудовом монастыре в Кремле с наречением имени Пансофий. В 1911 рукоположен в иеромонахи, однако после ссоры с московским митрополитом Владимиром (Богоявленским) удалился в родной город Николаевск (ныне Пугачев), где в 1912 г. присоединился к беглопоповцам. Участвовал в Саратовском соборе 1924 г., создавшем в этом согласии трехчинную иерархию. С 1925 г. архимандрит, председатель «комиссии по приисканию епископов». 18 сентября 1929 г. рукоположен в епископский сан. Впоследствии неоднократно арестовывался, скончался 21 декабря 1937 г. в лагере в Новоивановске Новосибирской обл.

³⁰⁹ *Белоликов В.З.* Староцерковники и старообрядцы (Материалы для истории разложения староцерковничества) // Вестник Священного Синода [обновленческого]. 1927. №9–10 (22–23). С. 27–28.

Апостолов, Святых Отцов и Седьми Вселенских и Девяти Поместных Соборов; при этом еп. Андрей произнес от своего имени и всех, кто с ним последовать желает, свое исповедание веры по-древнему с соответствующим отречением от ересей... Свою готовность служить неизменно Соборной Апостольской Церкви епископ Андрей запечатлел сам себя святым миром, вместе с тем просит архимандрита Климента и в его лице всех древлеправославных христиан, помочь ему в трудах по приведению жизни православных к единению в древнецерковном ее благоустройстве, ибо ныне все христиане должны иметь попечение о друге по слову великого Апостола: “Всем был вся, да всяко некие спасу” (1 Кор. ст. 9³¹⁰). После всего Архимандритом Климентом была Епископу Андрею сказана краткая речь такого содержания: Ваше преосвященство, Преосвященный Архипастырь, лично от себя и от всего нашего старообрядчества прошу Вас хранить учение и заветы Христа Спасителя, Священное Писание и Предание Св. Отцов, прошу Вас, Владыко Святой, принять нас под свое покровительство и вести нас грешных истинным путем в горний Иерусалим в царствие небесное, как Христос сказал: Добрый пастырь полагает душу свою за овцы и иные овцы, которые не от двора сего и тии вам привести Христу по слову Его: “Едино стадо и Един пастырь”»³¹¹.

«Акт воссоединения» был, вероятно, составлен архим. Климентом для предоставления комиссии старообрядцев на утверждение и, возможно, уже при его публикации в обновленческом журнале в его тексте были допущены неточности. Но само «Исповедание веры» еп. Андрея вполне отвечает его точке зрения на важнейшие проблемы развития православия в период после патриарха Никона и в особенности после реформ Петра I. Обновленческий журнал утверждал, будто «епископ Андрей не разбирается настоящим образом ни в «никонианстве», ни в обновленческом движении, поскольку видит в них только политические явления, без углубления в их церковную идеологию». Однако владыка и не ставил перед собою цели определять здесь сущность православной Церкви и ее учения, не собирался произносить Символ веры, ибо не менял его.

Еп. Андрей лишь осудил под именем «никонианства» те явления церковно-общественной жизни русского православия, которые привели к его сращиванию с государственным аппаратом (и в дальнейшем он будет именовать «никонианством» соответствующие идеи и действия). Кроме того, владыка повторил не раз и прежде определявшееся мнение о спасительности старого обряда, однако безо всяких оговорок относительно необходимости подчиняться при этом верховному церковному управлению (оно, по убеждению владыки, на данный момент вовсе отсутствовало).

ИСПОВЕДАНИЕ ВЕРЫ ЕПИСКОПОМ АНДРЕЕМ

Я, Епископ Андрей, Единой Святой Соборной Апостольской Церкви посвященный в сан епископа в 1907 г. 4-го октября при Св. мощах Казанских Святителей Гурия, Варсонофия и в день их памяти ныне испытывая гонения от господствующей иерархии за свободу Церкви Христианской, исповедую перед Св. Церковью, что Патриарх Никон своим мудрствованием нарушивший жизнь Соборной Церкви любовью ее, тем положил начало расколу русской Церкви, по ошибке Патриарха Никона утвердился тот русский цезаропапизм, который со времен Патриарха Никона подтачивал все корни русской церковной жизни и, наконец, вполне выразился в образовании так называемой «Живой Церкви», ныне господствующей иерархии, нарушающей все церковные каноны. А я хотя и грешный и недостойный епископ, но ни к какой господствующей иерархии не причислял себя по милости Божией

³¹⁰ Ошибочно вместо «9 Кор. ст. 22».

³¹¹ Белоликов В.З. Староцерковники и старообрядцы (Материалы для истории разложения староцерковничества) // Вестник Священного Синода [обновленческого]. 1927. №9–10 (22–23). С. 27–28.

и всегда помнил заповедь Св. Апостола Петра «Пасите стадо Божие, не господствуя над наследием Божиим». Зная это, Уфимские единоверцы еще в 1919 г. в январе м-це избрали меня в единоверческого старообрядческого епископа Саткинского³¹², с этого времени я уже состою Старообрядческим епископом и когда Живая Церковь стала господствовать над народом Божиим, нарушая церковные каноны, то я немедленно без колебаний от нее отрекся. Ныне, скорбя всей душой о великих бедах Церкви, готов отдать себя всецело на служение древлеправославным христианам – старообрядческим общинам для приведения всего русского разрозненного стада Христова. Сего ради аз, епископ Андрей, от вышеписанные Никонианские глаголемые ереси отрицаюся как от ереси цезаропапистов, создавших Живую Церковь, ибо принадлежу к истинно православной вере Единыя, Соборная и Апостольския Церкви древних христиан.

Прежде всего отвращаюся и отрицаюся всякого неподобного мудрования, глаголю еще: все еретицы на Седьми Вселенских и Поместных Соборах отвергнутые Святыми отцами да будут анафема.

ДА БУДУТ АНАФЕМА

Все возмутившие древне вселенские православные церкви и учиняющиеся виновниками расколов и раздоров в своих тяжких грехах, да получают от Господа облегчение на Его Страшном Суде от мук им уготованных.

Но все отвергающие ныне Апостольские и Святоотеческие Предания, содержимые древлеправославною Церковью Вселенскою, да будут анафема.

Не крестящиеся в три погружения во имя Отца и Сына и Святого Духа да будут анафема.

Порицающие двоеперстное сложение для крестного знамения, именуя оное арианством, да будут анафема.

Порицающие восьмиконечный крест Христов Брынским раскольничеством – анафема.

Отрицающие Преложение священнодействуемой просфоры в Тело и Кровь Христову, на ней же изображения трисоставленный крест Христов с написанием «Се Агнец Божии, вземляй грехи всего мира» – да будут анафема.

Отрицающие уставы церковные творить земные поклоны на молитвах св. поста да будут анафема.

Учащие вопреки правил Св. Апостол и Богоносн. Отцов в посты ясти мясо да будут анафема³¹³.

Как явствует из этого текста, анафемствованию подвергаются лишь порицающие обрядовую традицию древлего православия, восходящую ко времени до церковного разделения.

Ввиду отсутствия единого центра русской Церкви (по мнению еп. Андрея) владыка взял на себя смелость развить ранее принятые ею постановления относительно старообрядчества. Так как вопрос о подчинении тому или иному высшему церковному управлению для владыки отпал, а сам еп. Андрей являл собою высшую власть автокефальной православной церкви в

³¹² «Преосвященный Епископ Уфимский и Мензелинский Андрей, склоняясь на усердные просьбы Саткинских Православных Старообрядцев, 2 Февраля [ст. ст.] 1919 года принял на себя временно обязанности Епископа Саткинского» (Наше Возрождение (Златоуст). 1919. № 2 (24 марта / 6 апреля) С. 1–3). Об этом избрании (с оставлением за еп. Андреем и уфимской новообрядческой кафедры) также сообщал В.З. Белоликов. См.: Вестник Священного Синода. 1927. №9–10 (22–23). С. 28.

³¹³ Вестник Священного Синода. 1927. №9–10(22–23). Стр. 28.

Башкирской АССР, то, опираясь на свои канонические права и авторитет, он пошел на единение с беглопоповцами.

Не следует видеть в этом переход архиерея в старообрядчество (подобный присоединению других епископов, например, к обновленчеству). В своем «Исповедании веры» еп. Андрей произнес обычное «кredo» православного христианина, лишь особо подчеркнув свое осуждение тех, кто порицает старые обряды: ведь то, что эти обряды не противны православию, в предшествующие годы неоднократно подтверждалось самой прежде господствующей церковью. Даже обвиняя патриарха Никона в «ошибках» и «мудрованиях», владыка осудил лишь те стороны его деятельности, которые именует «цезаропапизмом», подточившим «все корни русской церковной жизни» и ныне грозящим гибелью всей церковной организации.

Еп. Андрей не перешел в 1925 году в старообрядчество – он попытался совершить акт молитвенного воссоединения с православными христианами, сохранившими чистоту веры в буре событий, ибо был убежден, что обновление русского православия возможно лишь при опоре на принципы, которыми руководствуются в своей церковно-общественной жизни ревнители древнего благочестия.

7

Одним из первых отозвавшихся на акт 1925 года был митрополит Нижегородский Сергей (Страгородский), который в письме от 13/26 февраля 1926 года определил, что «православному нужно держаться от всего того подальше, помня, что многие пути кажутся человеку правильными, но конец их – погибель»³¹⁴.

Однако уже в своем ответе прихожанам уфимской Симеоновской церкви митр. Сергей объявил: «13/26 апреля 1926 года Епископ Андрей за общение с беглопоповцами и принятие от них помазания миром, за незаконные хиротонии подвергнут Патриаршим Местоблюстителем запрещению. Его дело будет предметом особого суждения православных архиереев ... блюдите, како опасно ходите»³¹⁵.

Здесь следует остановиться, дабы напомнить о датах и событиях.

Еще 7 апреля 1925 года скончался патриарх Тихон. 23 ноября (6 декабря по ст. ст.) 1925 года местоблюститель патриаршего престола митр. Петр (Полянский), предчувствуя свой арест (последовавший уже 9 декабря), издает «Завещательное распоряжение... о передаче высшей церковной власти в Православной Русской Церкви, в случае невозможности Ему дальнейшего возглавления Церкви»³¹⁶, которым определил себе преемников со званием «Заместителя Местоблюстителя» в следующей последовательности: митр. Нижегородский Сергей (Страгородский), экзарх Украины митр. Михаил (Ермаков), архиеп. Ростовский Иосиф (Петровых). Уже 19 января (1 февраля ст. ст.) 1926 года, пребывая под арестом, митр. Петр издал т.н. «Условную резолюцию...»; поскольку все трое перечисленных архиереев по разным и независящим от них причинам не смогли приступить к исполнению обязанностей заместителя местоблюстителя, этой своей резолюцией митр. Петр возлагал обязанности патриаршего местоблюстителя на «коллегию из 3-х архипастырей», в числе которых был архиеп. Екатеринбургский Григорий (Яцковский)³¹⁷. Последний и возглавил «коллегию», известную как Временный Высший Церковный Совет (ВВЦС). Тем самым «с образованием коллегии и с передачей ей прав управления, падали или аннулировались сами собой права митр. Сергия и права двух других

³¹⁴ Сергей (Страгородский), митр. Выписка из письма митр. Сергия от 13/26 февраля 1926 года по делу еп. Андрея // Материалы, №29.

³¹⁵ Сергей (Страгородский), митр. Резолюция митр. Сергия на прошение прихожан // Материалы, №26.

³¹⁶ Акты святейшего Тихона... С. 422.

³¹⁷ Там же. С. 436–437.

иерархов, ранее с ним назначенных»³¹⁸. Хоть и с некоторыми оговорками, теперь можно было считать, что митр. Петр передал свои полномочия ВВЦУ.

Однако 5 (18) апреля 1926 года вернувшийся из четырехлетней ссылки митр. Ярославский Агафангел (Преображенский), второй по очереди из числа назначенных еще патриархом Тихоном (в январе 1925 года³¹⁹) местоблюстителей патриаршего престола, обратился ко всей Церкви с посланием, где объявил о своем вступлении «в управление Православной Российской Церковью»³²⁰. Существенно и то, что старшинство по хиротонии давало митр. Агафангелу право на созыв Синода и Высшего церковного совета для выборов местоблюстителя патриаршего престола³²¹.

9 (22) мая митр. Петр отменяет свою резолюцию от 19 января (1 февраля), объявляя о ликвидации созданной им было «коллегии»³²², и в новом послании просит митр. Агафангела принять на себя обязанности местоблюстителя³²³.

Как выглядит на этом фоне ответ митр. Сергия прихожанам Симеоновской церкви, составленный в апреле–мае 1926 года? От должности местоблюстителя он был уже отрешен и заново на нее не поставлен. Какого «Патриаршего Местоблюстителя» он имел в виду и почему опущено имя? Как стало известно позднее, митр. Агафангел, узнав об ашхабадских событиях 1925 года, не желал делать скоропалительных выводов. Митр. Петр был склонен к крутым мерам в период, когда он фактически окормлял Церковь. Но мог ли он пойти на столь крайние действия, как запрещение уважаемого паствой еп. Андрея, находясь в изоляции, вдали от событий – и после собственного признания в совершении многих ошибок в силу того, что, «лишенный возможности наблюдать непосредственно церковную жизнь... питался всевозможными искусственными вестями, исключительно горькими и тяжелыми. С глубоким прискорбием слышал я о будто бы последовавшей вслед за моим арестом большой церковной разрухе»³²⁴. Но существовало ли в действительности «запрещение» еп. Андрея митр. Петром или нет, благодаря многочисленным письмам митр. Сергия такое мнение широко распространилось и не могло не смущать клир и мирян.

Уфимская паства владыки Андрея немедленно предприняла шаги для выяснения обстоятельств дела. Копии постановления митр. Петра не получали ни сам еп. Андрей, ни уфимское епархиальное управление, ни тамошние противники владыки (хотя им бы и карты в руки...). По утверждению митр. Сергия, постановление «возможно, затерялось в дороге». Когда же один из мирян Уфимской епархии обратился в канцелярию Синода с просьбой показать оригинал, то после долгих поисков ему объявили об отсутствии его в архивах. Подобный же ответ получил там в 1927 году еп. Усть-Катавский Антоний (Миловидов). Наконец, уже в 1934 году сам владыка в ответ на свой запрос получил из Синода справку за №1799 от 27 октября 1932 года, где сообщалось об отсутствии в синодских архивах дел как о его отстранении от управления епархией, так и о его запрещении.

Характерно и то, что очень осведомленный В.З. Белоликов, главный обновленческий эксперт по старообрядчеству и «староцерковничеству», с удовольствием оповещавший в обновленческом «Вестнике Священного Синода» обо всех церковных раздорах, нигде не приводит текста запрещения и даже не упоминает его.

³¹⁸ Иоанн (Снычев), митр. Церковные расколы в русской Церкви 20-х и 30-х годов XX столетия... С. 39.

³¹⁹ Акты святейшего Тихона... С. 413.

³²⁰ Там же. С. 451–453.

³²¹ О Местоблюстителе Патриаршего престола. Определение Священного Собора от 28 июля (10 августа) 1918 г. // Священный Собор Православной российской Церкви. Собрание постановлений и определений. Вып. IV, приложение к «Деяниям» второе. М., 1918. С. 8.

³²² Акты святейшего Тихона... С. 456.

³²³ Там же. С. 463–464.

³²⁴ Там же. С. 492.

Само собой, что запрещение, известное лишь по предположениям о его существовании, вряд ли могло иметь каноническую силу; все это лишний раз подтверждало, что налицо условия, предвиденные в патриаршем постановлении от 7 (20) ноября 1920 года, а именно невозможность общения епархий с Высшим церковным управлением (вдобавок обладавшим сомнительной канонической правоспособностью).

Исходя из вышеизложенного, можно уверенно счесть запрещение еп. Андрея митр. Петром мифом. Однако митр. Сергей в своих дальнейших акциях против владыки опирался именно на эту легенду. Совокупность выдвинутых им обвинений сконцентрирована в «Обращении» к прихожанам Симеоновской церкви от 16 (29) августа 1926 года, где, называя владыку «по жизни безукоризненным человеком, строгим аскетом и самоотверженным пастырем», митр. Сергей тем не менее призывает наказать еп. Андрея за «измену православию»³²⁵.

Возложив на себя власть заместителя патриаршего местоблюстителя (объем которой нигде канонически не определялся), митр. Сергей запугивает и наносит новые удары. Уведомив о «запрещении» еп. Андрея, он принимается на своего непосредственного противника – митр. Агафангела, которому фактически передал свою должность местоблюстителя митр. Петр: в письме от 10 (23) мая 1926 года митр. Сергей убеждает ярославского владыку отказаться от «незаконных притязаний на местоблюстительство» и не просто грозит, а с полной уверенностью в своей силе заявляет, что в случае неподчинения устранил его от управления Ярославской епархией³²⁶. Не дождавшись ответа и форсируя события, заместитель местоблюстителя на следующий же день предлагает временно управляющему Московской Патриаршей областью еп. Алексию (Готовцеву) «решить, достаточно ли одного устранения от управления епархией или в виду тяжести нарушения канонов и размеров произведенного соблазна, наложить на митрополита Агафангела запрещение в священнослужении вплоть до решения его дела судом архиереев»³²⁷.

Казалось бы, и в деле еп. Андрея, и в конфликте с митр. Агафангелом можно было сослаться на чрезвычайные обстоятельства и необходимость решительных мер в столь опасное для Церкви время (именно на такой путь ранее встали обновленцы). Однако патриарх Тихон еще в своем воззвании от 15 (28) июня 1923 года высказался против подобной практики, создающей соблазнительные прецеденты: «В 16-м правиле Двухкратного Константинопольского Собора говорится: «По причине случающихся в Церкви Божией распрей и смятений необходимо и сие определить: отнюдь да не поставляется Епископ в той Церкви, которой предстоятель жив еще и пребывает в своем достоинстве, разве сам добровольно отречется от епископства. То надлежит прежде привести к концу законное исследование вины, за которую он имеет удален быть, и тогда уже, по его низложению, возвести на епископство другого, вместо него». А у нас просто устранили и назначали других, часто вместо выборных»³²⁸.

Поместный Собор 1917–1918 годов, говоря об одном из наиболее предосудительных проступков архиереев, категорично определил: «Епископ, противящийся высшей церковной власти и обращающийся за содействием к власти гражданской, запрещается в священнослужении с преданием церковному суду»³²⁹.

³²⁵ *Сергий (Страгородский), митр.* Благочестивым прихожанам Симеоновской церкви г. Уфы и прочим единомышленным с ними почитателям еп. Андрея, 16/29 августа 1926 г. // *Константиновский В., протоиерей.* Православие и епископ Андрей, бывший князь Ухтомский. С. 34–35 (эта брошюра была издана тиражом в 2000 экз. в типографии «Октябрьский натиск» Башкирского центрального совета народного хозяйства).

³²⁶ Акты святейшего Тихона... С. 466–467.

³²⁷ Там же. С. 469.

³²⁸ Там же. С. 284.

³²⁹ О мероприятиях к прекращению нестроений в церковной жизни. Определение Священного Собора, 6 (19) апреля 1918 г. // Священный Собор Православной российской Церкви. Собрание постановлений и определений. Вып. III, приложение к «Деяниям» второе. М., 1918. С. 58.

Поэтому митр. Сергей всеми доступными средствами и добивался дисциплины в ограде церковной. Мы никоим образом не склонны винить его в использовании тех же методов общения с властями предрезающими, к каким прибегали обновленцы, но объективно осуждение любого клирика со стороны этого заместителя местоблюстителя неизбежно завершалось вмешательством гражданским властей, не зная чего владыка Сергей никак не мог.

Митр. Сергей смело шел на такие акции, которые не осмеливался провести даже все-ильный некогда Синод даже при прямой поддержке Распутина. Директор Департамента полиции С.П. Белецкий свидетельствовал, что резкие выступления владыки Андрея против Григория Распутина, равно как и его активность по организации приходской жизни в Уфимской епархии, вызвали недовольство митр. Питирима (Окнова) и кружка А.А. Вырубовой, любимой фрейлины императрицы: «И был поднят вопрос об устранении его от епархиального управления. Вопрос этот не получил дальнейшего осуществления единственно из-за боязни раскола, который мог бы последовать после удаления на покой еп. Андрея, так как св. Синод опасался как публичных выступлений со стороны самого владыки с объяснением причин его ухода, так и поддержки прессы, весьма благожелательно относившейся к деятельности еп. Андрея»³³⁰.

Митр. Сергей мог не бояться ни первого, ни второго и без тени стеснения шел против еп. Андрея или митр. Агафангела, вполне сознавая, что этим несомненно усугубляет развал и нестроения в русской Церкви. Как ни стремился заместитель местоблюстителя обосновать свои действия ссылками на каноны, существовало опиравшееся на те же канонические правила послание патриарха Тихона, в котором первосвятитель назвал «неправильным по форме и существу» вынесенный ему приговор обновленческого Собора 1923 года, пояснив: «По Апостольскому правилу 74-му епископ зовется на суд епископами, если он не послушает, зовется вторично через посылаемых к нему двух епископов, если опять не послушает, зовется в третий раз через двух и, когда не явится, Собор произносит о нем решение, и он да не мнится выходу имети, бегая от суда. А меня не только не звали на суд, а даже не извещали о предстоящем суде, без чего формально и приговор не имеет силы и значения»³³¹.

Можно сказать, что запрещение есть мера предварительная, досудебная – именно так, кстати, и утверждал относительно дела еп. Андрея митр. Сергей. Проблема даже в том, было ли вообще наложено запрещение на владыку Андрея и кем именно было; коль скоро это мера предсудебная, то где же суд? Почему он так и не состоялся, чтобы выяснить обстоятельства дела еп. Андрея и вынести законный и компетентный приговор?

Так или иначе, но сам митр. Сергей владыку Андрея не запрещал. Документов о запрещении, исходящих от митр. Петра, не существовало³³². Следовательно, и запрещения еп. Андрея в пастырском служении не было.

8

Поместный собор 1917–1918 годов строго постановил, что запрещение архиерея возможно лишь по приговору высшего церковного суда, в то время как права патриарха (а тем более его местоблюстителя, не говоря уже о не предусмотренной никакими соборными постановлениями должности «заместителя местоблюстителя») определил следующим образом: патриарх «дает архиереям братские советы как относительно личной их жизни, так и относительно

³³⁰ Падение царского режима. По материалам чрезвычайной комиссии Временного правительства... С. 289.

³³¹ Акты святейшего Тихона... С. 283.

³³² Между тем современные комментаторы по-прежнему ссылаются на «запрещение митр. Петром» в 1925 г. как на непреодолимый факт, не приводя никаких доказательств своей убежденности. См.: Архивы Кремля: Политбюро и Церковь, 1922–1925 гг. Кн. 2. С. 524.

исполнения ими архипастырского долга; в случае их невнимания к его советам, предлагает о том Священному Синоду»³³³.

Однако митр. Сергей начал вводить в церковную жизнь принципы, имевшие, по оценке историков, «гибельные последствия»: «1. Применение канонического понятия «первый епископ» к иерарху, так или иначе сосредоточившему в своих руках фактическое управление церковными делами (например, «по преемству» власти); 2. Усвоение этому иерарху права на перемещение и запрещение архиереев»³³⁴.

Высокая профессиональная компетенция митр. Сергея – одного из авторитетнейших богословов – каким-то образом слилась с усвоенными им принципами синодального управления церковью. Митр. Сергей с 1911 года был членом Синода и принимал активное участие в его деятельности. Характерен случай, когда по рекомендации Распутина Синод рассматривал вопрос об архиерейской хиротонии архим. Варнавы (Накропина) и председательствовавший архиеп. Антоний (Храповицкий) заявил, что ежели Царское Село пожелает, то мы и черного борова в архиереи поставим. Это высказывание не раз и с превеликим удовольствием цитировали антирелигиозные авторы, однако упуская важное обстоятельство: как раз тогда одиозная кандидатура была провалена, а одобрение этой хиротонии (свою первую, каргопольскую кафедру Варнава займет 28 августа 1911 года) последовало на другом заседании Синода, в отсутствие архиеп. Антония и именно под председательством митр. Сергея.

И в дальнейшем митр. Сергей шел по пути соглашательства со властью во всех ее проявлениях: отказавшись было войти в 1917 году в Синод, организованный обер-прокурором В. Львовым, – вошел в него; одним из первых вступил в «Живую церковь», сочтя ее одобренной государством, – а затем покинул ее; наконец, взойдя на престол первого из иерархов русского православия, принес с собою груз принципов и методов синодального (то есть под началом светского чиновника) управления. «Именно эта идеология, уподобляющая Церковь бюрократическому ведомству или армейскому подразделению, была подхвачена митр. Сергием и одобрена значительной частью русского епископата, далеко еще не свободного от синодальных традиций»³³⁵.

Именно под воздействием этой традиции образовались многочисленные группы типа «Живой церкви», СОДАЦ, григорианского ВВЦУ, Сибирской церкви и т.п. Попытки найти канонический выход из подобного положения привели затем к созданию иосифлянкой, мечёвской, ярославской и иных церковных группировок. Организационно русская Церковь была раздроблена как вследствие внутренних раздоров, так и внешнего давления на нее. Обновленчество стало наиболее полным воплощением идеи подчинения Церкви государственному аппарату, заявив устами своего Благовестника-Апологета о намерении «плыть на корабле советской государственности». Разумеется, его поддержка со стороны в корне антирелигиозной власти не была безоговорочной, однако ее покровительство на первых порах позволяло видеть в обновленцах новую «господствующую церковь». Раздор, вносимый ими, вел к развалу всей церковной организации, а путь на атеизацию, избранный советской властью, в значительной степени расчищался именно обновленцами, их провокациями и наветами. И если в прежние времена самодержавие хотя бы изредка пыталось умерить пыл фискалов от клира, даже при Николае I призывая ограничить борьбу с религиозным инакомыслием доведением «токмо до сведения своего духовного начальства, не преследуя их доносами гражданскому правительству»³³⁶, то новая власть приветствовала подобную практику: обновленческий Синод в своих обращениях

³³³ О правах и обязанностях Святейшего Патриарха Московского и всея России. Определение Священного Собора, 8 декабря 1917 г. // Священный Собор Православной российской Церкви. Собрание постановлений и определений. Вып. I, приложение к «Деяниям» второе. М., 1918. С. 5.

³³⁴ *Регельсон Л.Л.* Трагедия русской Церкви. С. 106.

³³⁵ Там же. С. 107.

³³⁶ Высочайшее повеление 4 апреля 1837 года // Собрание постановлений по части раскола. СПб., 1875. С. 205.

к правительству называл патриарха «тяжким преступником, нарушающим мир церковный, но и с точки зрения государственной, ТИХОН является социально вредным..., так как около ТИХОНА объединяются все контрреволюционные силы страны от монархистов до меньшевиков»³³⁷ и публично призывал власть ликвидировать «тихоновщину» как «последнее гнездо контрреволюции»³³⁸. И власть незамедлительно реагировала:

*Крепка рабочая рука:
Тих Тихон – ибо есть ЧеКа*³³⁹, —

возвещал Сергей Городецкий. Помимо репрессий, по всей стране разворачивалась масштабная антирелигиозная пропаганда. Читателя буквально забрасывают литературой, разоблачавшей в первую очередь те пороки Церкви, которые на протяжении последних лет бичевал (разумеется, по иным мотивам) владыка Андрей. Организованная властью пропаганда была по наиболее уязвимой стороне церкви: высмеивались стяжательство и меркантилизм духовенства, моральная нечистоплотность и иные общечеловеческие пороки с акцентом именно на их носителей из среды клира.

Но стержнем атеистической агитации было обвинение бывшей господствующей церкви в тесной связи с аппаратом самодержавия, Временного правительства и с белым движением. Обновленцы смело подключились к этой кампании, резолюциями своего «Собора» подливая масла в огонь противоцерковной пропаганды: «Патриарх Тихон продолжает контрреволюционную деятельность. Он делается вождем и знаменем всех противников Советской власти. Он вводит Церковь в контрреволюционную борьбу»³⁴⁰. Обновленцы постоянно подчеркивают тезис «несть власти аще не от Бога», вкладывая в него совершенно иной смысл: рабского подчинения эту власть имущим.

Фактически делу разгрома церковной организации служила и политика митр. Сергия, прекрасно сознававшего, что вслед за его осуждением того или иного священнослужителя следовали арест, суд, ссылка... Подобная практика привела к почти полной ликвидации православного клира; Синод же, возглавляемый митр. Сергием, дождался своего фактического признания лишь в годы войны по конъюнктурным соображениям властей. К тому времени осталось всего четыре правящих епископа, находившихся в столицах под бдительным приглядом, в то время как остальные из сохранивших свободу были отстранены от своих кафедр и обитали неведомо где.

9

Часть уфимских епископов не удовлетворились распространявшимися слухами о запрещении владыки Андрея и постарались выяснить правду. Еп. Нижегородский Питирим (Ладыгин) отправился в Ярославль к митр. Агафангелу, а еп. Усть-Катавский Антоний (Миловидов) – непосредственно в Синод митр. Сергия. Ярославский архиерей уверил еп. Питирима, что считает поведение владыки Андрея безупречным, но для более полного выяснения обстоятельств дела предложил провести официальное расследование трем любым епископам. Епископ же Антоний, допущенный до архива сергианского Синода, безуспешно пытался обнаружить какие-либо документы, удостоверяющие факт запрещения еп. Андрея митрополитами

³³⁷ Акты святейшего Тихона... С. 348.

³³⁸ Обращение к Правительству СССР Пленума Св. Синода (27–31 января 1925 г.) // Вестник Священного Синода [обновленческого]. 1925. №1. С. ??.

³³⁹ Городецкий С.М. *Крепка рабочая рука...* (Подпись под карикатурой) // *Революция и церковь: Стенная газета (М.). 1921. №2.*

³⁴⁰ Цит. по: *Левитин [Краснов-Левитин] А.Э., Шавров В.М. Очерки по истории русской церковной смуты. С. 281.*

Сергием или Петром. Никаких документов там не нашлось, и еп. Антонию ответили, что «вероятно митр. Петр только попугать хотел еп. Андрея»³⁴¹.

В результате проведенного по рекомендации митр. Агафангела расследования тремя архиереями Уфимской епархии – Аввакумом, Питиримом и Антонием – 3 февраля 1927 года был принят «Акт» из шести пунктов, заключение которого гласило: «Мы нашли, как и было сказано выше, обвинения преосв. Андрея совершенно неосновательными, а потому и постановили принять все меры к прекращению клеветы на архиепископа Андрея».

Противоположную позицию заняли некоторые из архиереев, поставленных владыкой Андреем в начале 1920-х. Они удовлетворились посланием митр. Сергия и теперь пытались помешать еп. Андрею активно участвовать в жизни Уфимской епархии. К ним примкнула и значительная часть клира.

Как объяснить подобную позицию большинства епархиального духовенства? Многое определяли личные качества людей, но следует иметь в виду и объективные причины тяжелого положения в Уфе.

В 1918 году покинула епархию и ушла на восток треть духовенства – и лишь немногие вернулись в свои приходы с окончанием Гражданской войны. В результате действий властей и политики обновленцев резко сократилось число практикующих священников, прежде всего за счет наиболее активных организаторов церковной жизни. Закрывались храмы (в одной только Уфе было закрыто 14 церквей), половина приходов епархии была ликвидирована, а в оставшихся служили в основном склонные к конформизму клирики.

В самой Уфе движение против владыки Андрея возглавил еп. Иоанн, в августе 1923 года указом патриарха назначенный временно управляющим епархией³⁴², но почти сразу же, как мы видели, от патриарха отмежевавшийся.

Прежний (фактически с марта 1921 года³⁴³) уфимский епископ Борис (Шипулин), которого митр. Сергей вознамерился вернуть на эту кафедру, инициировал составление обширной филиппики против еп. Андрея, автором которой значится настоятель Успенского храма протоиерей Виктор Степанович Константиновский. Характерно, что незадолго до этого еп. Бориса сочувственно цитировала «Правда» (в расширенном юбилейном номере от 7 ноября 1924 года): «гр. Шептулин» (ошибочное написание фамилии) обратился во ВЦИК с письмом, в котором окончательно «отмежевался от патриарха Тихона, указывая, что последний, даже после своего раскаяния, возможно помимо своей воли, еще и поныне возглавляет часть верующих, объединенных тайными контрреволюционными вожделениями»³⁴⁴.

Доноситель «Шептулин» пишет о. Виктору Константиновскому письмо, в котором подробно излагает план статьи, «изобличающей» еп. Андрея³⁴⁵. И вскоре в Уфе выходит целая брошюра протоиерея «Православие и епископ Андрей, бывший князь Ухтомский». Современники рассказывали, что еще в 1914 году новопоставленный уфимский архипастырь, простояв в Успенском храме на службе в простой монашеской одежде, сделал о. Виктору³⁴⁶ замечание за небрежное ведение литургии; тот, вероятно, и это запомнил, и княжеский титул упомянул...

³⁴¹ История моего старообрядчества. Тетрадь вторая. Алма-Ата, 28 февраля 1933 года; Приложение: К тем, кто не шутит правдою (отречение от катаскопов). 4 ноября 1932 года (авторская рукопись в 32 тетрадных листа).

³⁴² Акты святейшего Тихона... С. 292.

³⁴³ История иерархии Русской православной церкви. С. 612.

³⁴⁴ Покаяние епископа Бориса // Правда. 1924. 7 ноября. С. 8; Власть труда (Уфа). 1924. 18 ноября.

³⁴⁵ Письмо архиепископа Бориса протоиерею Уфимской Успенской церкви Виктору Константиновскому, 2 августа/20 июля 1926 г. // Материалы, №18.

³⁴⁶ Впрочем, и о. Виктора 20 ноября 1937 г. арестуют, 30 ноября – осудят, 10 декабря – расстреляют (За Христа пострадавшие: Гонения на русскую православную Церковь. С. 612).

Все смешалось: предательство, низменная злопамятность, трусость, клевета – с искренним, надеемся, желанием любой ценой сохранить уфимские храмы. Кто возьмется сегодня однозначно оценить такое поведение?

Но в результате всей этой кампании на владыку Андрея и его приверженцев обрушился целый шквал постановлений: уфимские архиереи, следовавшие еп. Иоанну (Пояркову), 16 марта 1926 года вынесли постановление, которое по сути дискредитирует их самих и в свете всей совокупности фактов выглядит просто смехотворно:

1. СЛУШАЛИ: вопрос о поставлениях, совершенных епископом Андреем после смерти Патриарха, для Уфимской и Златоустовской епархий.

Поставления во епископов архимандритов – ПИТИРИМА, АНТОНИЯ Миловидова, иеромонаха РУФИНА и некоего неизвестного НИКОНА, совершенные епископом АНДРЕЕМ, никакую необходимость не вызывались и представляют собою вторжение самочинное, неканоническое в епархии, теперь ему не подведомые: Уфимскую, единоверческую Саткинскую и Златоустовскую. Епископ АНДРЕЙ с конца 1921 года не числится епископом Уфимским по распоряжению Патриаршему, подтвержденному Местоблюстителем Патриаршим в июне 1925 г.

2. Вопрос о мерах к пресечению неканонических действий ставленников епископа АНДРЕЯ, причиняющих явный вред епархиям, в его ведении ныне не находящимся.

ПОСТАНОВИЛИ: Хиротонисанные во епископов вышеуказанные лица, как принявшие епископскую хиротонию

1) без ведома Первосвятителя Русской Православной Церкви и вопреки согласия его,

2) без ведома своих епархиальных епископов Уфимского и Златоустовского и

3) чрез руковоложение архиереев, никакого канонического отношения к епархиям, им в сие время не подведомым, не имеющих (разумеются епископы: бывший Уфимский и после Томский АНДРЕЙ (Ухтомский) и Н.-Тагильский ЛЕВ (Черепанов), проживавшие в Полторацке (Асхабаде)

через самое принятие хиротонии вышли из молитвенного и канонического общения со своими епархиальными епископами Уфимским и Златоустовским и за это подлежат отрешению от исполнения пастырских обязанностей в тех приходах, где они состояли на службе и запрещению в священнослужении, и настоящим запрещаются в священнослужении.

Приходские общины о сем постановлении подлежат извещению с предложением не иметь никакого общения ни с новохиротонисанными епископами, ни со священно-церковно-служителями, ими рукоположенными, или от них получившими назначение. Запрещения сих епископов в священнослужении остаются в силе впредь до решения этого дела более компетентной церковной инстанцией.

Считаем необходимым поставить в известность о настоящих постановлениях наших всех архипастырей, могущих иметь отношение к настоящему делу.

К сему подписуемся:

ИОАНН, еп. Давлекановский, управляющий Уфимской епархией

СЕРАФИМ, епископ Аскинский – Уфим. епархии

ВЕНИАМИН, епископ Байкинский – Уфим. епархии

НИКОЛАЙ, епископ Златоустовский»³⁴⁷

Воистину «не ведают что творят»: еп. Николай, например, не так давно (в ноябре 1922 года³⁴⁸) ушел из обновленчества – и уже взялся обвинять в неканоничных поступках своего недавнего наставника, совершившего над ним хиротонию. Но еще более странно смотрятся подписи первых трех архипастырей: ведь этим актом они фактически объявили запрещение самим себе, ибо их хиротонии можно счесть недействительным по всем трем вышеприведенным пунктам (именно так и поступили обновленцы). И Иоанн, и Серафим, и Вениамин были поставлены во епископы уже *после* формального назначения владыки Андрея на томскую кафедру и хиротонисаны без ведома патриарха, являвшего тогда высшую власть в церкви³⁴⁹.

На этом уфимские епископы не остановились и, смешав в одном ряду обновленцев с верными еп. Андрею клириками, купно запретили их в служении, а мирян, состоящих с ними в общении, 2 июня 1926 года «исключили от общения православных обществ, окормляемых православными епископами»³⁵⁰. К этому постановлению добавил свою подпись еще и епископ Белебеевский Петр (Савельев), до лета 1924 года обновленец³⁵¹.

Помимо епископов, свое отношение к владыке Андрею высказал ряд младших клириков, призвавших к его изоляции от верующих. К этому времени умение организовывать собрания и единодушное принятие резолюций уже стало всеобщим достоянием. Наряду с прочими постановлениями, «пастырско-мирянское собрание градо-Уфимских церквей» обвинило владыку в том, что он «неоднократно высказывал предостережение принимать в Уфу епископов только после отрицательного их отношения к Святой Православной Церкви Христовой», и предложило ему ответить на ряд грубых и безграмотных вопросов, составленных таким образом, словно они обращены к защитнику зловернейшей ереси³⁵².

³⁴⁷ Пимен Уральский. По дебрям Уральской тихоновщины» // Уральские церковные ведомости [обновленческие (Свердловск)]. 1927. №6. С. 6–10 (сопровождается комментарием: «Мы нарочно дословно напечатали выдержку из протокола дабы «ведали потомки православных» как 16 марта 1926 г. четыре «истинно-православных» епископа осудили шестерых «истинно-православных»... Осудили заочно, не выслушав обвиняемых. Удивительно ли, что осужденные не признают такого суда и в свою очередь осуждают своих судей в нарушении канонов, считают виновными в самочинстве? Одного епископа, по канонам, должен судить собор из 12 епископов, а здесь четверо разделились с шестеркою. И ведь, представьте, большинство Уфимских «истинно-православных» на стороне Иоанна Давлекановского и его трех сотоварищей... Четыре архиерея осуждают шестерых, разгуливающих по г. Уфе и кантонам Республики совершенно свободно... А судьи кто? Кто, например, этот Николай Златоустовский? Он теперь подписывается под протоколом, в котором изложено, что еп. Андрей с конца 1921 г. не числится епископом Уфимским, а потому все его рукоположения для епархий, в его ведении не находящихся, самочинны и неканоничны... А не он ли, Николай Златоустовский, помогал в ноябре месяце 1922 г. этому самому Андрею Ухтомскому в ударном порядке производить хиротонии епископов для Уфимской епархии... с конца 1921 года не подведомой Андрею?... Уфимские архипастыри не ограничились одним совещанием 16 марта: с 31 мая по 4 июня 1926 года в том же г. Уфе они имели новое совещание, на котором присутствовала та же строгая четверка и еще Петр еп. Белебеевский. Вот выписка из протокола заседания 2 июня: ... «Миряне же, принимающие таинства от еп. Андрея, или его священнослужителей и имеющие с ним церковно-каноническое общение в силу нижеприведенной резолюции митрополита Сергия, с указанием 10-го апост. правила, своими поступками дают основание к суждению об исключении их от общения православных обществ, окормляемых православными епископами... Православные общины уклонившиеся в обновленчество или к еп. Андрею, снимаются с учета епархии»).

³⁴⁸ Акты святейшего Тихона... С. 983.

³⁴⁹ Митрополит же Сергий в своем «Деянии» от 16(29) марта 1928 г. вовсе поставил в один ряд еп. Андрея и еп. Иоанна, рукополагавших «в свое время без ведома и благословения Святейшего Патриарха» других епископов, принятых затем «милостию, снисхождением и любовью почившего Святейшего Патриарха Тихона» (Акты святейшего Тихона... С. 588).

³⁵⁰ Выписка из протокола №4 областного совещания епископов, бывшего в г. Уфе с 31 мая по 4 июня 1926 г. // Материалы, №44.

³⁵¹ Акты святейшего Тихона... С. 988.

³⁵² Его преосвященству преосвященнейшему еп. Андрею, 1926 г., апреля 7 дня // Материалы, №32.

10

Послание митр. Сергия, брошюра Виктора Константиновского, многочисленные писания духовенства, возглавляемого епископом Давлекановским, вносили раздор в среду мирян и клира Уфимской епархии, явившись фактически пособничеством внешнего давления на Церковь. Причем пособничеством именно в тот период, когда в Башкирии широко развернулась атеистическая пропаганда и местный «Башкирский крокодил» вещал:

*Было раньше много попов,
Больше, чем кровожадных клопов.
А теперь на каждого попа
Приходится по 33 клопа³⁵³.*

Можно, разумеется, лишь предполагать, что имел в виду автор: истребление духовенства или нашествие домашних насекомых на уфимских обывателей, однако местная пресса с удовольствием помещала подобные материалы.

В официальной газете, например, под заголовком «Андрей Ухтомский» священник В. Воронцов подробно пересказывал сплетни о взаимоотношениях владыки со старообрядцами и об его осуждении митр. Сергием и частью уфимского духовенства; в частности, со ссылкой на будто бы виденные на столе у еп. Климента (Логвинова) письма сообщалось о намерении владыки Андрея перейти в Белокриницкую иерархию с частью беглопоповцев и вместе со всей Уфимской епархией³⁵⁴. Власти охотно тиражировали любые сведения, свидетельствовавшие о развале православной организации, используя их для своей кампании по профанации Церкви.

Однако идейные споры разрешаются в совершенно иных плоскостях, а Церковь в данный период помимо извечных принципов своей жизнедеятельности обладала еще и имевшими каноническую силу определениями путей своего сохранения и возрождения: постановлением патриарха 1920 года и актом митр. Агафангела 1922 года о немедленном применении принципа епархиальной автокефалии³⁵⁵. Эти решения могли бы послужить руководством к действию повсеместно, если бы не многовековая отравленность большинства клира идеологией неразрывной связи церковного управления с государственной политикой.

Однако попытки претворения принципа епархиальной автокефалии в жизнь были, лучше других изучены деятельность епископов Николая (Ярушевича) и Алексия (Симанского) в Петрограде, архиереев в Калуге, Харькове, Ростове, Царицыне в начале 1920-х; позднее – идейная автономия соловецких епископов; в конце 1920-х к самоуправлению перешли Воткинская и часть Вятской епархии³⁵⁶, сложились группы Ярославских епископов, движение митр. Иосифа (Петровых), оппозиция митр. Кирилла (Смирнова); и таких примеров становится известно все более³⁵⁷.

³⁵³ Башкирский крокодил (Уфа). 1926. №3. С. 7.

³⁵⁴ У церковников. Андрей Ухтомский (Что о нем говорят старообрядцы) // Красная Башкирия (далее – КБ). 1926. 16 октября; Материалы, №27.

³⁵⁵ Регельсон Л.Л. Трагедия русской Церкви... С. 269–270; Акты святейшего Тихона... С. 219–221.

³⁵⁶ Причем в Вятской епархии к январю 1928 г. имело хождение «письмо Андрея Уфимского, где митрополит Сергей и Синод именуются богоотступниками»; местные сторонники митр. Сергия в ответ обличали «всю ложь и неправду этого богоотступника Андрея Уфимского, который теперь, после раскола, перешел к евангелистам. Не знаю, как прихожане вразумились» (Акты святейшего Тихона... С. 568).

³⁵⁷ Классическим в этом смысле остается исследование покойного митр. Санкт-Петербургского и Ладожского Иоанна «Церковные расколы в русской Церкви 20-х и 30-х годов XX столетия – григорианский, ярославский, иосифлянский, викторианский и другие, их особенности и история».

Неизменно ощущая себя сыном русской Церкви, владыка Андрей уделял внимание прежде всего Уфимской епархии, где он действительно был способен сделать многое, поведя за собой массу верующих по пути сохранения остатков церковности. Для владыки, вполне осознававшего закономерность появления новой власти, не были приемлемы громкие фразы о готовности «плыть на корабле советской государственности», ни даже исполненное искренней веры убеждение обновленца А.И. Боярского³⁵⁸ в том, что «Церкви незачем плыть на чем бы то ни было корабле, когда она может ходить по водам». Еп. Андрей твердо следовал догмату о том, что Церковь стоит на камне, заложенном ее Основателем, и искал способы сохранить ее в создавшихся условиях.

«Церковь держится не дипломатами, а мучениками», – гласит традиция; и мученический венец в те годы обрели многие. Однако существовал и иной путь, указанный патриархом Тихоном еще летом 1918 года в ответе на экзальтированную речь протоиерея Н.С. Рудницкого, председателя правления братства православных приходов:

Я слышал сейчас, что братство объединяет людей, готовых на подвиги исповедничества, мученичества, готовых на смерть. Русский человек вообще умеет умирать, а жить и действовать он не умеет. Задача братства не в том столько, чтобы воодушевлять на мучения и смерть, но и наставлять, как надо жить, указать, чем должны руководствоваться миряне, чтобы Церковь Божия возрастала и крепла. Наше упование – это жизнь, а не смерть и могила³⁵⁹.

Владыка Андрей был готов к мученичеству и в конце концов был приведен к этому подвигу. Но пока имел силы и возможность работать, делал всё, чтобы воздвигнуть ограду вокруг Церкви, сколь бы малой эта церковь ни казалась по своим «физическим» размерам.

Срок ссылки владыки Андрея истекал весной 1926 года. Находившийся в Асхабаде же митр. Арсений (Стадницкий) писал одному из своих корреспондентов, что еп. Андрей «в начале февраля, за исполнением курорта лечения, выбывает, неизвестно куда; вероятно, в свою бывшую Уфимскую епархию, но не к православным, а к беглопоповцам»³⁶⁰. Однако события развернулись иначе.

В конце 1926 года ему разрешили вернуться в Уфу. В дневнике шестнадцатилетней девушки первые дни пребывания владыки в городе описаны так: «... Народ ищет его и благоговееет перед ним, и все прихожане разных церквей зовут его к себе, а духовенство его не приглашает. Много слухов – не знаю чему верить. Говорят, что когда он пришел в церковь как простой прихожанин, священник вышел из церкви. И все это велел сделать, кажется, еп. Иоанн. Конечно, утверждать нельзя, ничего не известно, но мне кажется, что еп. Андрей не виновен и с удовольствием будет служить в любой церкви, если его пригласят, – но он войдет только миром. Ему приходилось уже два раза служить в простом доме, но так как стекается слишком много народа, служить так теперь совсем невозможно... Много слухов, догадок, рассуждений, и где правда, неизвестно. И до сих пор неизвестно, почему Иоанн и воспитанник еп. Андрея о. Николай Буткин уже трое суток не идут к еп. Андрею с приветствием. Он так долго страдал в тюрьме, так давно не был в Уфе, неужели он не заслужил уважения?! Не может быть!»³⁶¹

Относительно о. Николая известно, что в это время он выпускал открытые «Письма», в которых рассуждал о необходимости «возрождения в Церкви соборности и церковной дисциплины» при соблюдении выдержки: на его взгляд, «еп. Андрей не хотел ждать», а потому «его

³⁵⁸ Помимо прочего – дед актера Михаила Боярского.

³⁵⁹ Цит. по: Левитин [Краснов-Левитин] А.Э., Шафров В.М. Очерки по истории русской церковной смуты. С. 46.

³⁶⁰ Цит. по: Константиновский В., протоиерей. Православие и епископ Андрей, бывший князь Ухтомский. С. 20.

³⁶¹ Малецкая Л.П. Дневник (рукопись).

путь – не наш путь и не путь Церкви»³⁶². Но дождался о. Николай точно такого же конца, что и еп. Андрей, пережив своего учителя лишь на два с лишним месяца³⁶³.

А тогда владыка поселился в рабочем квартале близ железнодорожных мастерских, в небольшом флигельке под номером 64 на Самарской улице, неподалеку от Симеоновской (во имя св. праведного Симеона Верхотурского) церкви.

Другая современница тех событий вспоминала: «Было какое-то странное паломничество, весь город волновался, и к нему в течение многих дней выстраивались огромные очереди. И я пошла к нему... Потом он служил в Симеоновской церкви, и служил так, что мы будто бы возносились в небо и не хотели опускаться!»³⁶⁴ Подобные отзывы о службах еп. Андрея автору этих строк приходилось слышать от всех без исключения бывших на них: так говорили школьная учительница, бывшая гимназистка, профессор-физиолог и почти всё уже забывшая 85-летняя монахиня. Н.Ю. Фиолетова, знавшая владыку по Ташкенту, вспоминала: «Очень живой, искренний, тяжело переживавший недуги Церкви, он вызывал большую симпатию к себе»³⁶⁵.

Но власть насторожилась. Были запрещены все общие приходские собрания, и потому большая часть духовенства, лояльная еп. Иоанну, не пускала владыку Андрея в храмы. Правда, оба архиерея наконец встретились – на Пасху. Еп. Иоанн, по сообщению священника-очевидца, воздал «иудино лобзание», и они разошлись: «конечно, ни о каком примирении речи быть не может»³⁶⁶.

17 мая 1927 года в Симеоновской церкви должно было состояться торжественное поднятие колоколов. Прихожане пригласили еп. Андрея присутствовать на празднике, но предварительно (по его же настоянию) обратились с письмом к митр. Сергию с просьбой разрешить участие владыки Андрея. На это заместитель местоблюстителя ответил:

13/16 апреля 1926 года епископ Андрей за общение с беглопоповцами и принятие от них помазания миром, за незаконные хиротонии подвергнут патриаршим Местоблюстителем запрещению. Его дело будет предметом особого суждения православных архиереев. А потому все вступающие в общение с еп. Андреем, принимающие от него таинства и благословение, подлежат 10 правилу святых апостолов³⁶⁷. Итак, блюдите, како опасно ходите.

Митрополит СЕРГИЙ³⁶⁸.

Тем не менее еп. Андрей присутствовал на радостном празднике симеоновских прихожан, а через семь дней, 24 мая 1927 года, в Неделю о слепорожденном говорил проповедь: «... Я – ваш епископ, вы знаете меня с 1914 года. За это время все мы пережили события, всколыхнувшие и перевернувшие всю нашу жизнь. Нельзя, конечно, сказать, что не осталось камня

³⁶² Буткин Николай, прот. Третье письмо: Никонианство и ересь цезаропапизма // Материалы, №28.

³⁶³ Арестован 1 августа 1937 г., осужден 21 ноября, расстрелян 28 ноября 1937 г. (За Христа пострадавшие: Гонения на русскую православную Церковь. С. 200).

³⁶⁴ Острцова Р.П. О епископе Андрее (записано 21 февраля 1979 г.).

³⁶⁵ Фиолетова Н.Ю. История одной жизни // Минувшее: Исторический альманах. Вып. 9. М., 1992. С. 68 (отметим, что многие детали в этих мемуарах переданы ошибочно: например, беглопоповцы в ашхабадском эпизоде названы здесь «единоверцами», а события после 1926 г. переданы так: «Из Ташкента еп. Андрей уехал в Уфу, где уже был епископ, поставленный м. Сергием. Произошел раскол. Пылкий и неосторожный Андрей, выступавший с горячими проповедями в своем уфимском храме, недолго пробыл на свободе. Он снова был репрессирован и, протомившись в тюрьме, скончался не выходя на свободу». – *Там же*. С. 68–69).

³⁶⁶ Письмо протоиерея дякону Венедикту Ивановичу // Материалы, №23.

³⁶⁷ «Если кто с отлученным от общения церковного помолится, хотя бы то было в доме: таковой да будет отлучен». Зонара комментирует 10 апостольское правило так: «Отлучаемые, конечно, за грехи отлучаются. Посему никто не должен иметь общения с ними. Ибо общение показывало бы презрение к отлучившему, или лучше обвинение, будто неправильно отлучил...»

³⁶⁸ Сергий (Страгородский), митр. Резолюция митр. Сергия на прошение прихожан // Материалы, №26.

на камне. Нет, все камни остались камнями, но души человеческие изменились до полной неузнаваемости. Конечно, изменился и я, нынешний, многое во мне изменилось... Епископом я проповедовал Господа Спасителя и Его св. Евангелие. Я проповедовал только о душевном спасении человека, о церковном устройении моей паствы. Вот какое было содержание моих проповедей. Я говорил, что только сознательное воцерковление может изменить нашу жизнь. Так я говорил в 1914 году, так я по этой программе и строил жизнь церковную. Так я говорил и в 1926 году, и так я стремился служить св. Церкви. Сейчас нам, верующим людям, нужна правда, нужна проповедь о правде, нужны дела, соответствующие этой проповеди. Вот о чем я говорю. Вот чего я желаю и о чем молюсь... Вчера, совершенно неожиданно, я получил известие, что я Местоблюстителем Патриаршего Престола подвергнут запрещению в священнослужении... Решите сами, кому и для чего нужно мое молчание, кому и для чего нужно мое отсутствие в делах церковных? Решите, по чьей воле я запрещен в священнослужении, чья рука руководит этими делами? ... У блаж. Феофилакта я прочитал следующие благодатные слова: «все мы, которые духовно крестились, во Христа крестились. А кто крестился, тот после всего подвергнется и искушению. Может быть, за Христа его поведут пред цари и правители..., посему нужно быть твердыми и непреклонно стоять в исповедании, не отрекаясь из страха, но если понадобится стать с отлученными и изгнанными из синагоги, по сказанному: *будете ненавидимы всеми за имя Мое и изгонят вас из синагог...* Если люди, враждующие против истины, и выгонят исповедника ее, то найдет его Сам Господь, и когда он врагами будет обещен, тогда от Христа будет особенно почтен познанием и основательнейшею верою». Так блаженный Феофилакт заканчивает свое толкование на сегодняшнее евангельское чтение. Этими словами закончу и я, грешный, в назидание ваше и свое. И только еще раз прошу, не забудьте меня в ваших молитвах, чтобы Господь дал мне сил и самому быть зрячим и другим дать силы не сидеть в жизненной тьме»³⁶⁹.

Владыка изложил перед паствой свою точку зрения на развитие церковной жизни. Убежденность в правильности избранной позиции у него была, но еп. Андрей искал моральной поддержки у мирян как истинных хранителей православия. Архипастырь хотел быть уверенным в том, что пасомые пойдут вслед за ним по пути возрождения православной церковности. Кроме того, владыка сознавал, что сам процесс обсуждения и выяснения обстоятельств его собственного дела и вообще анализ положения, сложившегося в Церкви, активизируют народ церковный и помогут людям сознательно идти по предлагаемому пути.

Симеоновские прихожане с доверием отнеслись к своему пастырю, и на заседании приходского совета Градо-Уфимской Симеоновской церкви 7 июня (25 мая) было определено, что за отсутствием в стране «единого церковного центра», когда «есть отдельные, спорящие о правах иерархии, которые или друг друга запретили или грозят запрещением», каноничность запрещения еп. Андрея весьма сомнительна, тем более что неизвестно, кем и когда оно было объявлено. Далее в том же протоколе №30 отмечено, что «неканонических, т.е. не вызванных необходимостью хиротоний он не совершал», общение же с беглопоповцами оценено как «факт, имеющий глубокое церковное значение»; тем самым владыка Андрей «от Церкви Православной никогда не уходил и никуда от нее не уйдет»³⁷⁰.

Владыка служил в Симеоновском храме – небольшой деревянной церкви на окраине Уфы, в Александро-Невском храме бывшего Благовещенского женского монастыря (а теперь «трудовой коммуны»). С радостью принимали его в Воздвиженской церкви в Дубках – районе города близ реки Белой. Прихожане и духовенство многих районов Башкирии просили навестить их, а многие церкви приходилось «делить» между сторонниками владыки Андрея и

³⁶⁹ Из слова в неделю о слепорожденном // Материалы, №45.

³⁷⁰ Из протокола №30 заседания Приходского Совета Градо-Уфимской Симеоновской церкви 7 июня (25 мая) 1926 г. // Материалы, №46.

приверженцами еп. Иоанна. Первых последователи митр. Сергия немедленно запрещали, но нам не приходилось слышать, чтобы такими же методами действовал еп. Андрей. Он твердо держался той линии, что является епископом тех, кто его признает. С ними он молился, с ними работал.

Были созданы комиссии для определения материального положения семей верующих, нуждающимся оказывалась поддержка из специально созданного фонда. Едва ли эти средства были велики, но сам факт заботы внушал надежду, воспитывал людей и укреплял их веру. При храмах были устроены общественные столовые, где по воскресеньям раздавались благотворительные обеды; на кухне работали прихожанки, а за столом прислуживали молодые девушки, они же занимались перепиской и распространением проповедей и посланий владыки³⁷¹. Сохранились имена некоторых членов этого сестричества: Нюра Васильева³⁷², Ольга Петровна Якина (Ромодановская)³⁷³, Нина Филонова, Неля Соловьева, Оля Антипина³⁷⁴, Нина Звездина.

Башкирская пресса довольно долго уделяла антирелигиозной пропаганде мало внимания. Но активизация церковной жизни в республике заставила власти заняться этим запущенным участком работы. Хотя устав уфимского Союза воинствующих безбожников был принят в январе 1927 года, квалифицированных кадров не хватало: так, 15 апреля газете «Красная Башкирия» пришлось отказать старообрядческому священноинику Аввакуму (Старкову) в участии в ранее обещанном диспуте на тему о существовании Христа³⁷⁵. Но уже через день за дело взялся сам и.о. редактора М. Верхоторский, выступив с большой статьей «Претендент на пат-

³⁷¹ Согласно обвинительному заключению Секретного отдела Башкирского отделения ОГПУ от 28 января 1928 г., «с ведома БОРОВКОВА Григория Антоновича: а) отпечатана неким гр-ном УФИМЦЕВЫМ Николаем Ивановичем нелегальным путем на стеклографе проповедь епископа Андрея “о единстве христовой церкви” в виде брошюры в нескольких тысячах экземпляров; б) гр-нами РОМАНОВОЙ А.Е. и ЧАЛКИНОЙ Валентиной Петровной, ФОМИНОЙ М.А., ЕВГРАФОВОЙ А.А. и АНТИПИНОЙ Е.А. производится – первыми двумя систематическое массовое размножение рукописным путем и распространение проповедей и писем епископа Андрея, в числе которых имеются проповеди и письма антисоветского направления, а последними – продажа таковых в Семеновской церкви по определенно установленной цене ... от 30 до 50 коп. за брошюру. В числе распространяемых и продаваемых были проповеди и письма явно антисоветского направления, как например письма 1) о правде труда, о производительном кооперативе, 2) “о свободе без равенства и равенстве без братства” и 3) о деятельном братстве и новом катехизисе ... Все вышепоименованные лица данной своей деятельностью преследовали основной целью пропаганду и популяризацию церковной идеи епископа Андрея... Преступление УФИМЦЕВА Николая Ивановича и ИВАНОВА Алексея Семеновича заключается в том, что последние в корыстных целях решили отпечатать нелегальным путем на стеклографе проповедь епископа Андрея “3 слова о единстве христовой церкви”. Для этой цели УФИМЦЕВ купил названную проповедь за 25 коп. в Семеновской церкви, а Иванов А. размножал в количестве 100 экз. на стеклографе Уфимского дома предварительного заключения, где в то время ИВАНОВ отбывал срок своего заключения... Обвин. БОРОВКОВ, чтобы компрометировать в глазах верующей массы руководителей противных церковных ориентаций, вел агитацию, что последние пользуются известного рода покровительством со стороны гражданской власти, как например: БОРОВКОВ в 1-х числах декабря 1927 г., повстречавшись на улице с некой ОСТАФЬЕВОЙ Надеждой Ивановной, на заданный последней ему вопрос “когда окончится церковное разделение”, ответил ей, что “церковная группировка, к которой ОСТАФЬЕВА принадлежит (Сергиевская), находится под красным флагом и стоит на пути к гибели ... По личной инициативе БОРОВКОВА был создан в гор. Уфе с 3 по 5/П-27 г. нелегальный собор епископов “Андреевской” группировки, на котором был им организован собор Уфимских епископов как постоянно действующий орган в деле церковного управления “Андреевской” группировки... Ведение агитации о том, что гражданская власть покровительствует некоторым церковным группировкам, отрицает. Но тем не менее со своей стороны считает, что такое покровительство существует, ссылаясь на то, что обновлен. пользуются правом свободного издания церковной литературы, а тихоновцы – нет. Таким образом он допускает, что сказал в шутку ОСТАФЬЕВОЙ о нахождении группировки, к которой она принадлежит под красным флагом и на пути к гибели... свидетельница МОТОВИЛОВА Ольга Петровна показывает, что она сама лично в июле месяце 1927 г., купив в Семеновской церкви нужную для ее знакомой одну проповедь за 50 коп., деньги за купленную проповедь ни в какую кружку для бедных не клала, а таковые положила на поднос специально для этой цели предназначенный, стоявший возле корзинки с проповедями».

³⁷² В 1928 г. арестована в Уфе и отправлена в казанскую тюрьму; осуждена на 3 года ссылки в Ташкент по статье 58–10 (За Христа пострадавшие: Гонения на русскую православную Церковь ... Книга первая. С. 229).

³⁷³ Примерно в мае 1930 г. сослана в Ташкент сроком на три года за переписывание и распространение проповедей вл. Андрея.

³⁷⁴ В 1928 г. арестована в Уфе и отправлена в казанскую тюрьму; осуждена на 3 года ссылки по статье 58–10 (За Христа пострадавшие: Гонения на русскую православную Церковь ... Книга первая. С. 92); с февраля 1930 г. жила в Казани на положении административно-ссылной, последовала еп. Нектарию (Трезвинскому), возглавлявшему казанских «иосифлян» (*Шкаровский М.В.* Иосифлянство: течение в Русской православной церкви. СПб., 1999. С. 58, 64).

³⁷⁵ КБ. 1927. 15 апреля. С. 4.

риарший престол. Мечты и карьера кн. Ухтомского», из которой видна очень хорошая информированность автора относительно перипетий судьбы и идейной эволюции владыки на всем протяжении его пастырского служения. Характерно, что автор прекрасно понимал, какой вред наносят Церкви раздоры и расколы: «... Пускай. Чем больше эти отцы будут грызть друг друга, тем лучше. Их грызня лучшая агитация против всякой религии. Верующие трудящиеся скорее поймут сущность вероучений. Ложь и дурман»³⁷⁶.

24 апреля в день Пасхи вся третья полоса «Красной Башкирии» была заполнена «разоблачениями» и атеистической пропагандой (прежде они в таких количествах здесь не появлялись); на второй полосе било тревогу заглавие «Поповщина оживилась»³⁷⁷.

Такое оживление было для властей нетерпимым. Похоже, они информировали столицу. В день Святого Духа – 13 июня 1927 года – владыка в последний раз отслужил в Уфе раннюю обедню и отправился на вокзал – его вызвали в Москву, в ОГПУ. Предприимчивое железнодорожное начальство на этот день повысило цену перронных билетов в десять раз (с гривенника до рубля), но платформы, вокзал и привокзальная площадь были заполнены массой верующих³⁷⁸.

После краткого пребывания на свободе в Москве владыка был арестован (по всей видимости, содержали его в Бутырской тюрьме). 17 июня его уже допрашивали на Лубянке, куда он явился сам. В «Анкете для арестованных и задержанных с зачислением за О.Г.П.У.» в графе «кем арестован» его рукой записано: «Сам пришел на Лубянку, 2, без ордера – ни на минуту не

³⁷⁶ *Верхоторский М.* Претендент на патриарший престол. Мечты и карьера кн. Ухтомского // КБ. 1927. 17 апреля. С. 3.

³⁷⁷ Поповщина оживилась (Заметки антирелигиозника) // КБ. 1927. 24 апреля. С. 2.

³⁷⁸ Об этом событии вспоминала схигумения Сергия (ее рассказ записан после 1995 г., см.: www.histor-ipt-kt.org/vosp.html): «Я ходила, конечно, с молодых лет в Церковь. В Уфе сорок церквей было. Много видела и епископов разных, но как-то после встречи с архиепископом Андреем, в миру князем Ухтомским, вся моя жизнь переменялась: я полностью обратилась ко Господу. Мне было двадцать два года тогда. Я слышала, как говорят, с каким восторгом: “Владыка приезжает в Уфу”. И я тоже выразила желание большое повидать владыку. Я почему-то опоздала к началу. Уже церковь была полна народу, и в ограде был народ. Пришла, тихонько пробралась, встала в уголок. И смотрю, – как раз Херувимскую тогда пели, – владыка стоит с распростертыми руками. Я не могу глаз оторвать от него. И других я видела, но это было что-то необыкновенное такое: я чувствовала, что он молится, а душа его прямо вся в Боге. И вот я смотрю, смотрю, за каждым движением его слежу. И вот, когда он вышел благословлять всех, – а ведь, сколько народу было, – его взгляд встретился прямо с моим взглядом, совсем неожиданно для меня. Я очень удивилась и почувствовала сразу какое-то горение, словно огнем обожгло сердце мое. Это длилось несколько мгновений, я не знаю сколько, но знаю, что очень немного времени было все это. Он благословил, ушел в алтарь. А я стою, молюсь и вот чувствую, что-то со мной случилось, как будто мне что-то понятно стало, раньше не так это было понятно. Я стою, прямо-таки ноги мои к полу приросли. Кончилась литургия, стал народ ко кресту подходить. Священник держит крест, а владыка стоит рядом и благословляет. Люди идут-идут, а я не могу, не могу подойти никак. Уж е народу немного осталось, и я подхожу под благословение. И такой у него какой-то орлиный взгляд, посмотрел так на меня серьезно, благословил, пожал мне руки: “Христос с тобою, чадо мое”. Меня прямо-таки всю потрясло даже от таких слов. Ну, я прошла дальше, встала в сторону. Стали все уходить, и он вышел из храма. Народ был так рад, что он вернулся. Уфа очень любила его. И даже за оградой был народ, не уходили, ждали, пока он выйдет. Не знаю, что такое со мной происходило, но я вдруг поняла: почему это Христос на землю приходил, почему все стремится к Нему, мне как-то стало понятно все. Пришла домой, – я с родителями жила, – и как в тумане на все смотрю. Взяла Евангелие, стала читать. Раньше я брала Новый Завет, и надо мне было нудить себя, чтобы что-то прочитывать. А тут, когда я начала читать, что-то такое по-другому я поняла, как будто сердце у меня открылось. И я прочитала подряд, не за один раз, но я всех четырех Евангелистов прочитала, и у меня все больше и больше глаза открывались. Владыка служил только в трех церквях, а остальные церкви были уже “подписанные”, и он в них не служил. Где он служил, туда и народ шел. В других церквях никого нет, десяток старушечек и все. А у нас в Симеоновской церкви полно народу. И если в другом месте служил, мы все туда бегали. Тогда не было трамваев в Уфе, так мы пешком ходили все. Проповеди, конечно, хорошие говорил. Все были в восторге. И, где бы он ни был, меня ничего не могло удержать, я всегда ходила к нему. В двадцать шестом году он приехал, а в двадцать седьмом его арестовали. Арестовали в Духов день. Помню: раннюю литургию отслужил он, и повезли его на станцию. Люди, знаете, все плакали: было так тяжело расставаться. А я, – словно сердце у меня вырвали, – я места себе не находила нигде. Вот его привезли на пролеточке на станцию. Несколько мужчин окружили его, удерживая людей. А народ хватает, целует рясу. Он идет, благословляет, благословляет всех. Вышли на перрон, – там стоял московский поезд, – и сразу его провели в вагон. Близко уже нельзя было никому подойти. И стояли все, смотрели. Народу было... Слезы капали у всех. Тут поезд тронулся. Владыка стоит в тамбуре, благословляет. Сначала поезд тихо-тихо стал удаляться, потом быстрее, и он платочек взял, и уже не видно ничего, только платочек видно было. И все, увезли нашего владыку. И с тех пор мы его не видели. Это было в двадцать седьмом году, ему было тогда пятьдесят пять лет. Собрались на вечерню. Начали молиться, стали все на колени. И заплакали все, сначала про себя, а потом общий гул появился. Поплакали-поплакали, но что же делать: увезли и все, не видели больше владыку. И храм у нас остался пустой».

ожидая ареста», в следующей графе «где арестован»– «В комнате 136, на Лубянке, был допрошен немедленно уполномоченным ГПУ. Предъявлено дикое обвинение в борьбе с Советскою властью, тогда как моя деятельность есть защита советских законов. ... Обвинение возведенное на меня, считаю злостною клеветою заинтересованных лиц: продажного духовенства или легкомысленной администрации. Свое дело считаю чрезвычайно важным для общества»³⁷⁹. На допросе 17 июня показывал:

Вопрос: Вы выпускаете какие-нибудь письма принципиального идеологического характера?

Ответ: Да, мною выпущены четыре серии писем такого характера. Каждая серия состоит из 10 писем. Содержание серий следующее: 1) Письма о нравственном значении догматов; 2) Письма о старообрядчестве; 3) Письма о церковно-общественной жизни; 4) Письма о церковном обновлении.

Вопрос: Сколько вы имеете разделяющих ваши убеждения церковных общин и где именно?

Ответ: В городе Уфе у меня 4 общины зарегистрированы. Затем есть общины близ Уфы, около десяти. И есть община в селе Абдушня Самарской губернии. Последняя недавно выразила желание присоединиться ко мне и меня лично еще не знает.

Вопрос: А письма эти, не разрешенные к изданию, кустарным порядком вами распространялись?

Ответ: На вопрос аналогичный в местном Уфимском ОГПУ я уже отвечал. Могу его повторить и здесь. Я не желаю прибегать к помощи каких-либо агентов, а для их распространения использовал безработных, которые получали вознаграждение за переписку. Переписка велась от руки.

Вопрос: У меня есть письмо, на котором значится ваше имя, относящееся – как это видно из надписи – к циклу о церковной общественности. Это действительно письмо ваше, из того цикла, который на нем указан?

Ответ: Вероятно, мое. А там ведь могу и не упомянуть.

[Зачитываются отделы письма: О православии в книге и православии в жизни. Содержание церковной жизни и ее разрушение. О свободе без равенства и о равенстве без братства. О деятельном братстве и о новом катехизисе. О литургии как республике. О церковных символах и смысле их. Нетрудящийся да не ест. О правде, труде, о приходском производительном кооперативе.]

Вопрос: Это ваше письмо?

Ответ: Я почти не сомневаюсь, что это мое, но не отвечаю за опечатки и описки. Хотел бы пробежать его и подписать, если оно мое. ... Да, это мое. Могу подписать. (*Письмо подписывается.*)³⁸⁰

На этот раз дело №47 866 по обвинению гр. Ухтомского Александра Алексеевича (Андрея) по 58 [14] ст. УК вел уполномоченный 6-го (церковного) отделения Секретного отдела ГПУ Казанский. 28 июня он подписал постановление о доказанности преступления: «В последнее время по всему Союзу начали распространяться в большом количестве экземпляров переписанные на машинке и писанные от руки письма «О церковной общественности» еп. Андрея Ухтомского. В этих письмах Ухтомский говорит о крахе социализма, о свободе

³⁷⁹ *Нежский А.И.* С. 249 (ЦА ФСБ. Дело № Н4296. Ухтомский Александр Алексеевич. «Анкета для арестованных...»).

³⁸⁰ *Нежский А.И.* С. 250 (ЦА ФСБ. Дело № Н4296. Допрос 17 июня 1927 г.).

без равенства и равенстве без братства. О необходимости возвращения для Святой Руси к тем общественным порядкам, которые были заведены дедами и прадедами. Что ломать эти порядки – безумно; что новая общественность и государственность, завезенная из Германии, для русского народа гибельна. Безбожная власть инога и не могла создать, по его мнению. Русский народ сам должен спасти себя. Для этой цели он должен объединиться без различия классов и сословий вокруг церковно-приходских советов». 8 июля 1927 года Особое Совещание при коллегии ОГПУ постановило: «5) Ухтомского А.А. (Андрея) выслать через П.П. ОГПУ в Казакстан сроком на 3 года»³⁸¹.

Вскоре Полномочное Представительство ОГПУ по Казакстану сообщило в Москву, что «а/сс [административно-ссылный] Ухтомский Александр (Андрей) Алексеевич прибыл и оставлен для отбытия срока ссылки в городе Кызыл-Орда»³⁸².

Словно вослед ОГПУ еп. Иоанн (Поярков) 10 августа в своем «Циркуляре» осудил тех многочисленных православных, «которые не видят раскола в общении своем с Андреем, бывшим Уфимским епископом. Раскол этот состоит в противлении порядку законного иерархического преемства. Следствие его: дробление Тела Церкви, отмирание целых частей сего Тела. Слышите и разумеите»³⁸³.

³⁸¹ *Нежский А.И.* С. 251 (ЦА ФСБ. Дело № Н4296. Постановление от 28 июня 1927 г.; Выписка из протокола Особого совещания... от 8 июля 1927 г.); тогда же, в июле, «экземпляр документа Андрея Ухтомского под названием «10 писем о христианской общественности»» был передан Я.С. Агранову (на тот момент – начальник Секретного отдела ОГПУ) «для т. Менжинского» – председателя ОГПУ (Там же. С. 260).

³⁸² *Нежский А.И.* Сообщение ПП ОГПУ по Казакстану.

³⁸³ Акты святейшего Тихона... С. 514.

Глава пятая

«И многие из спящих пробудятся...» (Дан. 12, 2)

1

Кульминационным пунктом деятельности последователей владыки Андрея в Уфимской епархии стал Съезд клира и мирян, который прошел 3–6 октября (старого стиля) 1927 года в Симеоновской церкви.

Съезд начал свою работу после вечерни и молебна Николе Чудотворцу. По первому докладу (настоятеля Александро-Невского храма Благовещенского монастыря о. Симеона) была принята резолюция «По вопросу о современных церковных течениях». Вновь образованные центры управления русским православием объявлялись в ней неприемлемыми для верующих Уфимской епархии: обновленчество явно нарушает православную церковность; течение, возглавляемое митр. Сергием и его Синодом, организовано неканонично, само проявляет обновленческие тенденции и основывается на принципе единоличного управления, игнорируя соборность, что в совокупности «служит на разорение Церкви»; ВВЦС во главе с епископами Григорием (Яцковским) и Борисом (Рукиным) также не может считаться строго каноничным и распространяющим свою юрисдикцию на всю русскую Церковь. В резолюции пояснялось, что такое отношение к существующим центрам церковной власти есть следствие «нашего горького опыта, когда нам пришлось быть очевидцами частой смены высших церковных управлений, составляемых то из обновленцев, то из полуобновленцев, то из таких староцерковных деятелей, которые находили для себя возможным работать при всяких церковных веяниях, теряя нравственную стойкость своей личности»³⁸⁴. Не вдаваясь в разбор аргументов той или иной группы архиереев, съезд нашел «целесообразным приступить к устройению местной церковной жизни, памятуя, что каноническое устройство местной церковной жизни скорее приведет нас к церковному Собору, чем наши споры о правах тех или иных иерархов на власть»³⁸⁵.

Мудрость такого решения тем более явственна, если вспомнить о наличии еще нескольких не упомянутых в резолюции съезда идейных и организационных центров; газеты с удовлетворением констатировали: «Рост количества претендентов на так называемое местоблюстительство патриаршего престола за последнее время принял анекдотические размеры. «Престол»-то один, а лиц и церковных учреждений, усевшихся на патриаршее кресло, – уже трое»³⁸⁶. Мало того, именно в эти месяцы поднимается новая волна, вызванная опубликованием в июле 1927 года печально знаменитой «Декларации» митр. Сергия, которую отвергла основная масса православных архипастырей, пастырей и мирян³⁸⁷.

В центре решений уфимского съезда стояла другая декларация, неявным образом противостоящая ей, – «Декларация православных староцерковников», определившая направления работы по обустройству местной приходской жизни на основе признания того, что «всякая община есть “малая церковь”, часть единой Святой Соборной Апостольской Церкви и имеет обязанность устраивать свою церковную жизнь»³⁸⁸.

³⁸⁴ *Цит. по: Агафонов П.П., Бриллиантов М.И.* В церковно-общественный отдел совета Тихвинской старообрядческой общины, членов отдела одного доклад 11/24 октября 1927 г. (машинопись).

³⁸⁵ Там же.

³⁸⁶ Среди церковников. Борьба за власть // Правда. 1926. 1 июня. С. 4.

³⁸⁷ См.: Акты святейшего Тихона... С. 509 и след.

³⁸⁸ Декларация православных староцерковников (*Цит. по: История моего старообрядчества. Тетрадь вторая. Алма-Ата,*

Уфимская «Декларация» приветствует декрет Советской власти об отделении Церкви от государства, надеясь получить от него гарантии независимости православных общин, правовое ограждение «от всякого незаконного вмешательства, откуда бы оно ни происходило», а также от привнесения в Церковь, особенно в среду клира, принципов и методов гражданского управления. Съезд определил целью деятельности приходских общин создание того своеобразного климата, который способствовал бы возвращению духовных начал человеческой жизни. В «Декларации» сформулированы принципы, давно уже разработанные еп. Андреем в области организации верующих в церковную общину как «религиозно-культурно-экономическую единицу, обеспечивающую своим членам полное духовное развитие». «Декларация» открывала возможности для сотрудничества в различных сферах общественной жизни всех направлений христианства, призывая и приглашая их к совместной работе на ниве распространения и воплощения евангельских заповедей. И вновь главным принципом здесь провозглашалась активизация народной религиозной жизни, «церковной народной самодеятельности», «изгнание из жизни всякой духовной лени» и «построение жизни по заповеди ап. Павла: все исследуйте, хорошего держитесь (1 Сол. 5, 21)».

Высказывая свое отношение к проблемам церковной организации, участники съезда апеллируют к опыту первых веков христианства: «Мы считаем, что весь церковный клир, не исключая и епископов, должен быть избираем, как это было в лучшие периоды церковной истории (Дн. 1, 26; 5, 2–3) ... считаем необходимым увеличение числа епископий (епархий), участь в этом отношении у Африканской Церкви времен свящ. муч. Киприана Карфагенского».

Следовательно, здесь вновь делается упор на возвышение роли и авторитета прихожан в решении общецерковных вопросов. Примечательно, что как раз в эти годы (1926–1927) на другом конце страны архиепископ (обновленческий тогда) Могилев-Подольский Лоллий (Юрьевский) обратился к тому же периоду христианской истории, когда Карфагенский собор, проходивший в 254 году под председательством св. Киприана, указал: «Чтобы епископ избирался в присутствии народа, который жизнь всех знает самым полным образом и поведение каждого высмотрел из его обращения»³⁸⁹. Архиеп. Лоллий напоминает и постановление Никейского собора 325 года, согласно которому этот акт включает два момента: собственно избрание народом и «искус», в ходе которого местные епископы «должны были утвердить избрание и рукоположить избранного, удостоверившись в его догматических воззрениях, нравственных качествах и пастырских способностях»³⁹⁰. Архиеп. Лоллий делает основной акцент на епископском «искусе», но ведь и еп. Андрей со своей паствой никогда не отрицали необходимости богословской подготовленности кандидата и его моральных качеств; верующие Уфимской епархии постоянно ощущали над собой силу нравственного авторитета таких подготовленных владыкой Андреем архипастырей, как епископы Антоний (Миловидов), Марк (Боголюбов), Аввакум (Боровков).

Еп. Аввакум выступил на уфимском съезде 1927 года с докладом «О местной церковной жизни», в котором определялись роли прихода и приходского Совета. Съезд принял эти предложения и постановил организовать при каждом из приходских советов подотделы попечения о храме, церковного суда, финансовый, благотворительный. Обосновывая свои решения, съезд неизменно опирается на советское законодательство, тем самым выказывая свою твердую лояльность к существующей государственной власти. Со ссылкой на официальную инструкцию 1923 года, съезд постановил создать местные Советы объединенных приходов, в свою очередь объединенных в епархиальный Союзный Совет, действующий на территории Башкирской республики.

28 февраля 1933 года (авторская рукопись)).

³⁸⁹ Лоллий (Юрьевский), архиеп. Александрия и Египет // Богословские труды. 1978. Вып. 18. С. 176.

³⁹⁰ Лоллий (Юрьевский), архиеп. Александрия и Египет. С. 179.

Приняв постановление «По вопросу о благотворительности и средствах на церковные нужды», съезд перешел к обсуждению вопроса «О епископе Андрее и его отношении к старообрядчеству». Съезд заслушал «Акт» расследования трех уфимских епископов, проведенного с благословения митр. Агафангела, ознакомились подробными показаниями очевидцев ашхабадских событий 1925 года (а также со свидетельствами мирян, специально посетивших Синод митр. Сергия и убедившихся, что там не существует твердого мнения о деятельности еп. Андрея, а разговорам о его запрещении не придается значения) и постановили признать «преосвященного Андрея своим неизменным Уфимским архипастырем... согласно же Патриаршему возведению его в сан Архиепископа... Съезд считает его Архиепископом областной Церкви автономной Башкирской республики».

Постановление заканчивалось призывом ко всем верующим епархии помнить, что «церковное устройство всей нашей жизни – это самое величайшее дело всякого верующего человека. Разрушаются общества, союзы, государства и царства, вспомните страшное разложение и падение Российского Царства и научитесь из этого, насколько важно построить жизнь нашу так, чтобы она оставалась несокрушимой от всяких толчков, – такое построение – это только построение церковное, построение, основанное на подлинных вечных законах св. Евангелия, которые непреложны для всех времен и народов ... Итак, отгоните всякую лень, оставьте все свои личные дела, отдайте ваши силы и самые души ваши на это святое дело, на дело построения жизни на основах апостольских и этим вы исполните ваше назначение здесь на земле, этим вы исполните завет Спасителя и получите от Него радость вечного пребывания с Ним. Ему слава во веки веков. Аминь».

Таким образом, в этих документах отражена попытка организации православной церковной жизни, основные принципы которой неподвластны господствующим в то или иное время политическим идеям.

* * *

Одним из центральных вопросов уфимского съезда была проблема взаимоотношений со старообрядчеством, в первую очередь с представителями Древлеправославной Церкви Христовой (старообрядцев, приемлющих Белокриницкую иерархию)³⁹¹.

Дело в том, что в массе своей беглопоповцы восприняли акт 28 августа 1925 года как попытку присоединения еп. Андрея к их церковному «обществу» и сочли ее неканоничной, так как не был совершен требовавшийся ими чин принятия. Не признали беглопоповцы и архiereйства еп. Климента (Логвинова); тогда тот обратился в московскую белокриницкую Архиепископию с просьбой принять его в Белокриницкую иерархию. По надлежащем рассмотрении эта просьба была удовлетворена. Собор, состоявшийся на Рогожском кладбище 5–14 сентября 1926 года, постановил признать рукоположение Климента епископами Андреем и Руфином Саткинским во епископа Томского, присоединение его к Белокриницкой иерархии, совершенное архиеп. Мелетием (Картушиным) 31 октября 1925 года третьим чином – через покаяние, и решение четырех епископов от 8 декабря 1925 года, постановив «считать его состоящим в числе епископов, поручив временно заведовать приходами Иркутской епархии»³⁹². На следующий год еп. Климент участвовал в очередном белокриницком Соборе как «епископ временно Иркутский»³⁹³.

³⁹¹ Официальное самоназвание белокриницких старообрядцев со середины XIX века вплоть до 1988 года, когда Освященный собор принял новое наименование этой деноминации – Русская православная старообрядческая церковь (РПСЦ).

³⁹² Постановления Собора Святой Древле-православной Церкви Христовой в Москве (старообрядцев, приемлющих Белокриницкую иерархию) с 5 по 14 сентября 1926 г. М., 1927. С. 20.

³⁹³ Постановления Собора Святой Древле-православной Церкви Христовой в Москве (старообрядцев, приемлющих Белокриницкую иерархию) с 5 по 14 сент. н.с. 1927 г. М., 1928. С. 5, 14.

Еп. Климент прибыл на уфимский съезд, чтобы дать показания о состоявшейся в Ашхабаде попытке воссоединения. Сюда приехали и представители Тихвинской старообрядческой общины Москвы – авторитетнейшие белокриницкие деятели-миряне П.П. Агафонов и М.И. Бриллиантов – с целью «войти в официальные сношения с последователями Архиепископа Андрея и возбудить вопрос о мире и объединении обеих церквей, так как Архиепископ Андрей давно уже занят этим вопросом».

Старообрядцы очень строго относятся к принимаемым ими из новообрядческой церкви клирикам, тщательно проверяя, не замечен ли такой священнослужитель в чем-либо предосудительном и не находится ли он под запрещением. Поэтому член Казанской старообрядческой общины города Уфы И.И. Шароватов – участник осеннего Собора 1926 года на Рогожском кладбище – специально явился в августе 1926 года к митр. Сергию и на вопрос, кем именно запрещен владыка Андрей, услышал от заместителя местоблюстителя: «Не то Петром, не то Агафангелом»; письменное подтверждение в Синоде искали в течение сорока минут, но не обнаружили.

Выяснив каноническую правоспособность еп. Андрея, старообрядцы прямо предложили уфимским «староцерковникам» создать комиссию по выработке принципов единения (поначалу на территории Башкирии) «при соблюдении с обеих сторон чинопоследований, предания и обрядов апостольской Церкви». Комиссия из сорока человек была создана, но не успела подготовить необходимые материалы вовремя и продолжила свою работу уже после съезда.

Незадолго до этого среди белокриницкого старообрядчества прошла широкая дискуссия о роли мирян в церковных делах, в которой активно участвовали Агафонов и Бриллиантов, в свое время – члены архиепископского Совета. Результаты дискуссии убеждают, что идеи еп. Андрея и его действия по обустройству церковной жизни встретили бы поддержку в древлеправославной Церкви. Московские старообрядцы с удовлетворением констатируют, что идеи доклада еп. Аввакума на уфимском съезде нисколько не расходятся «с жизнью апостольской Церкви» и «пожеланиями ... нашей св. Церкви», стремящейся к восстановлению «именно этого древнего уклада жизни церковной».

Закончить разрешение проблемы на съезде не успели, и работа в этом направлении продолжалась, но уже в «Декларации» было твердо заявлено: «Мы приглашаем старообрядцев к взаимному единению, чтобы общей молитвой и любовью исправить нашу церковную жизнь»³⁹⁴. В дальнейшем старообрядцы тесно сотрудничали со сторонниками «Декларации». И.И. Шароватов³⁹⁵ стал священноиноком с именем Гермоген и работал под духовным руководством еп. Андрея, уверенного в том, что старообрядцы за Гермогеном пойдут (письмо еп. Андрея от 2 сентября 1928 года). А в письме от 24 августа того же года владыка сообщает, что Б.В. Подвицкий³⁹⁶, характеризуемый как бывший сотрудник дореволюционного журнала «Старообрядче-

³⁹⁴ *Цит. по:* История моего старообрядчества. Тетрадь вторая. Алма-Ата, 28 февраля 1933 года (авторская рукопись). С. 16.

³⁹⁵ Шароватов Иван Иванович, родился в 1895 в д. Гусиха на Иргизе, священник, был арестован в Городце и приговорен к пяти годам ИТЛ.

³⁹⁶ Подвицкий Борис Владимирович (1881–1938). До революции – известный деятель партии эсеров, журналист. Из смоленских потомственных дворян. Окончил Московскую земледельческую школу. В конце 1904 г. вступил в Петербургский боевой отряд Партии социалистов-революционеров, участвовал в подготовке покушений на генерала Д.Ф. Трепова, великого князя Владимира Александровича, министра юстиции Н.В. Муравьева, министра внутренних дел А.Г. Булыгина и его заместителя П.Н. Дурново (упоминается в «Воспоминаниях террориста» Б.В. Савинкова). Неоднократно арестовывался. После революции был избран в Учредительное собрание, на IV съезде ПСР (декабрь 1917 г.) вошел в бюро ЦК ПСР. В 1918 г. активно работал в составе депутатов Учредительного собрания в Уфе и на Урале. Впервые был арестован ВЧК в 1919 г., до конца жизни подвергался систематическим репрессиям (см.: *Кипров И., Илькевич Н.* Дело Бориса Владимировича Подвицкого, или Смоленская террористическая группа Объединенного бюро ПСР, 1937–1938 гг. // *Край Смоленский.* 1994. № 7/8; *Кипров И.А.* Политический террор в провинции: штрихи к портретам видных террористов накануне и в период революции 1905–1907 гг. (На материалах Смоленской губернии) // *Индивидуальный политический террор в России XIX – начало XX в.* Материалы конференции. М., 1996). К 1928 г. – дьякон в городе Сатка, 26 мая 1932 г. приговорен Особым совещанием при Коллегии ОГПУ к высылке в Казахстан (Актюбинск) сроком на три года. 26 января 1938 г. арестован в должности бухгалтера

ская мысль», решил идти в монахи, «и именно в Уфу, потому что только здесь «намечается подлинная церковная работа».

* * *

На уфимском съезде было принято решение об отношении к григорианскому ВВЦС: поскольку данная попытка организовать верховную церковную власть не увенчалась общепризнанным успехом, следует просить григорианских епископов «принять все меры к тому, чтобы в деле церковного строительства перешли на путь подлинной апостольской жизни, в согласии с предложенной нашим Съездом Декларацией, а до тех пор... сохранять выжидательное положение».

15–18 ноября 1927 года в Москве состоялся съезд сторонников ВВЦС, на котором присутствовали уфимские делегаты – еп. Усть-Катавский Антоний (Миловидов) и инокиня Саломия (в миру Александра Ивановна Зелинская, в свое время редактор «Заволжского летописца»³⁹⁷). В числе прочих своих решений этот съезд объявил, что необходимость в автокефалистском движении отпала. Однако уфимские делегаты, в соответствии с рекомендациями своего съезда, заняли выжидательную позицию, твердо заявив, однако, о праве на существование автономной Церкви на территории Уфимской епархии. В опубликованных протоколах

детдома в Гжатске, 9 июня расстрелян. Та к или иначе, основания подозревать вл. Андрея в связях с эсерами действительно существовали. Ср.: «В Сатке ГПУ арестована группа епископа Руфима, занимавшаяся контр-революционной деятельностью и изготовлением всяких «божественных чудес». Арестованы: епископ – бывший кучер князя Ухтомского, «новоиспеченный архимандрит» – бывший портной Александр Агапитов [«Агапитов Александр Павлович, 1883 г.р. Место рождения: Вологодская обл.; русский; образование: начальное; б/п; Священник. Арест: 07.09.1936. Осужд. . Обв. по ст. 58–10, 58–11. Приговор: к лишению свободы на 5 лет. Реаб. 25.05.1989] и дьякон Подвицкий – бывший эсер и пресечена контр-революционная работа группы в златоустовском соборе...» (Арестована группа церковников за контр-революционную работу // Пролетарская мысль (Златоуст). 1928. № 286 (11 декабря). С. 3); «Главный вдохновитель саткинского контрреволюционного дела это епископ Руфин, его помощник Подвицкий, архимандрит Агапитов и приближенца Руфина, монахиня Маринина [«Маринина Анна Ивановна, 1894 г.р. Место рождения: г. Сатки; Домохозяйка; место проживания: г. Сатки. Осужд. 29.03.1929... по ст. 58 п. 10 УК РСФСР за контрреволюционную пропаганду и агитацию. Приговор: лишение права проживания в гг. Москве, Ленинграде, Харькове, Киеве, Одессе, Ростове-на-Дону, на Урале сроком на 3 года»]. Краткая характеристика этих деятелей такова: Руфин на пост епископа попал из конюхов от епископа Андрея князя Ухтомского после того, как последний был арестован и отправлен в ссылку в Кызыл-Орду в Средней Азии. Вновь испеченный епископ Руфин, почти безграмотный, вначале застенчивый, на протяжении целого года «трусил» объявить себя епископом и только через повелительный напор своего хозяина – ссыльного епископа Андрея, с которым Руфин держал связь, решился через год объявить себя епископом. Не теряя связи с ссыльным отцом Андреем, епископ Руфин, под руководством его постепенно начинает входить в права. Для большей плодотворности в работе Руфин приблизил вокруг себя трех, особенно близких лиц, в числе которых одним из главных помощников был эсер, агроном Подвицкий, старый приятель епископа Андрея, который рекомендовал его помощником Руфину. Подвицкий вначале работал дьяконом и через некоторый промежуток времени сразу же оказался лучшим другом и помощником Руфина и чуть ли не кандидатом в епископы. Получив в задании теоретически обосновать андреевское течение, Подвицкий взялся за внушение монашкам о том, как нужно вести контрреволюционную работу среди населения. Вторым, также близким помощником епископа Руфина был бывший портной. В 1925 году – монах, а в 1927 г. – архимандрит Агапитов. Этот почти беспятиминутный епископ был вдохновителем творения чудес. Для того, чтобы привлечь внимание народа, особенно крестьянства, нужно было творить чудеса и через монашек призывать темный крестьянский народ к шествию на поклонение к вновь испеченным святым угодникам. Это нужно было сделать для того, чтобы зашибить деньгу, завоевать темные масс[ы] и в дальнейшем продолжать вести агитацию против советской власти». (В. Под прикрытием «божественных чудес» развивалась контр-революция. // Пролетарская мысль (Златоуст). 1928. № 289 (14 декабря). С. 3); «В саткинской церкви всей работой руководил штаб, члены которого точно распределили между собою обязанности: епископ Руфин играл руководящую роль в антисоветской работе, посвящая в монахи и творя чудеса. У него, как у всякого «приличного» руководителя, был зам. – архимандрит Агапитов. Монашка Маринина, женщина со средним образованием, вела агитацию среди женщин и детей, вербуя первых в монашки и обучая вторых закону божию... В штабе был свой «теоретик», автор контрреволюционных тезисов, планов, воззваний – монах Подвицкий. Церковники устраивали собрания, где ставились инструктивные доклады для так называемых тайных священников. На этих собраниях Подвицкий проповедовал о «насилии коммунистов над верой», о необходимости активного участия церкви в политике. После этих собраний церковный механизм начинал вертеться. Они распространяли слухи о «скорой войне», основываясь на святом писании объявляли, что за горой Афоном стоят большие войска, которые свергнут сов. власть, «этого красного петуха»... Как можно допускать, чтобы были группы по обучению детей закону божию (в Сатке)? Как можно было допускать, чтобы церковники привлекали лакомствами детей в церкви (Сатка), а эти действия кое-где практикуются и сейчас?» (Захаров П. Махровая контрреволюция в «божественных домах» // Пролетарская мысль (Златоуст). 1929. №218 (24 сентября). С. 4).

³⁹⁷ Родилась в 1872 г., 23 марта 1929 г. арестована как «монахиня» и приговорена к ссылке сроком на три года, в 1930 г. жила в Чимкенте.

этого съезда выступлений еп. Антония не зафиксировано (возможно, их и не было); м. Саломия выступила дважды, отметив, что уфимская автокефалия организована с благословения еп. Андрея и согласно пожеланиям верующих епархии, а цель присутствия уфимцев на съезде по сути сугубо ознакомительная³⁹⁸.

В протоколе от 18 ноября, когда делегаты григорианского съезда высказывали свою признательность Советской власти за ее «добрую волю, самоотверженность и умение в исцелении народных страданий и бедствий» и т.д., м. Саломия ограничилась чисто церковными аспектами: «Мы должны быть признательны Гражданской Власти за два величайших благодеяния: 1) отделение Церкви от Государства и 2) предоставление нам возможности выработать идеальную церковную конституцию»³⁹⁹.

В дальнейшем никаких контактов с ВВЦС, похоже, уже не было. Но в марте 1928 года еп. Андрей получил письмо за подписью управляющего делами ВВЦС еп. Бориса (Рукина), где ему предлагалось присоединиться к ВВЦС, предварительно покайсявшись в «Асхабадской ошибке». 11 апреля в своем «Ответе 12 епископам» владыка Андрей написал, что никакой ошибки по отношению к старообрядчеству он за собой не знает, равно как и не признает полномочий ни ВВЦС, ни сергиевского Синода, ни обновленческого: «Все эти цезаропапистические центры я признаю одинаково антиканоническими и одинаково для Церкви вредными»⁴⁰⁰. На этом контакты с григорианами завершились.

2

Уфимские власти не могли допустить активизации сторонников «Декларации» – любая общественная жизнь, опиравшаяся на «чуждую идеологию», подлежала пресечению. Тем более что в Уфе существовали и сторонники еп. Иоанна – последователя терпимого в Москве митр. Сергия. И вот 21 апреля 1928 года жительница Уфы записывает в своем дневнике:

«Владыка Андрей уже давно не в Уфе, его сослали в Туркестан. Многих сослали, еще иных арестовали. Я не хожу в церковь...»⁴⁰¹ Вероятно, аресты происходили именно в апреле, так как в марте все еще заметны следы деятельности тех, кого затем удалят с территории Башкирской республики.

По отрывочным данным – из сохранившихся дневников и писем, газет, архивных документов – можно проследить их дальнейшие судьбы.

Еп. Старо-Уфимский Аввакум (Боровков), главный вдохновитель съезда 1927 года и временно управляющий Уфимской епархией, в 1928 году будет арестован и приговорен к трем годам ссылки, которую отбывал сперва в Челябинске, затем в Ульяновске, не переставая поддерживать связи со своими прихожанами. В 1930 году его вновь арестуют, и на свободу еп. Аввакум более не выйдет; 15 октября 1937 года его расстреляют⁴⁰².

Еп. Бирский Вениамин (Троицкий), заменивший еп. Аввакума после его ареста, прослужит в Уфе до марта 1930 года, когда арестуют и отправят в лагеря и его; выпущенный оттуда по тяжелой болезни, поселится в ссылке в городе Мелекесс и будет расстрелян 16 апреля 1938 года в Куйбышеве⁴⁰³.

³⁹⁸ 2-й Московский съезд староцерковников, признающих Высший временный церковный совет, бывший в Москве в Донском монастыре 15–18 ноября 1927 года. М., 1928. С. 9.

³⁹⁹ Там же. С. 13.

⁴⁰⁰ История моего старообрядчества. Тетрадь вторая. С. 12.

⁴⁰¹ Малецкая Л.П. Дневник за 1926–1928 гг. (рукопись).

⁴⁰² *Зимина Н.П.* Жизнеописание священномученика Симона. С. 396.

⁴⁰³ *Зимина Н.П.* Викарии Уфимской епархии 1920-х годов: священномученик еп. Вениамин (Троицкий; 1901–1937); *Зимина Н.П.* Жизнеописание священномученика Симона. С. 401–402.

Еп. Стерлитамакский Марк (Боголюбов) был сослан на Дальний Восток. Из цикла статей, помещенных в «Красной Башкирии» под заголовком «Союз креста и преступления. О “подвигах” церковников в Стерлитамаке», видно, что в Башкирии он оставил после себя хорошо организованную церковно-приходскую жизнь и целую систему благотворительности и взаимопомощи, вплоть до поддержки узников «исправительных домов». Ярким проявлением принципов, которым следовали сторонники еп. Андрея, стали события вокруг попытки закрыть в Стерлитамаке православный храм: на его защиту выступило большинство горожан и, что стало неожиданностью для властей, в комиссию для ходатайства перед центральной властью вошли лидер местных старообрядцев Парамонов и два мусульманских муллы. Возмущенные газетчики призвали православных отказаться от помощи представителей «чуждых культов», виня во всем владыку Марка: «“Гражданин” с осанистой бородой, сиречь епископ Марк, перекочевавший во Владивосток, не оставляет своим попечением и Стерлитамак. Под руководством этого толстого и начитанного церковника, не лишённого ума и хитрости, подвизаются продавцы религии оптом и в розницу». С 1929 года владыка Марк был епископом Владивостокским, в 1930–1933 годах окормлял Читинскую и Забайкальскую епархию. Кафедры эти занимал, похоже, в соответствии с местами своего вынужденного пребывания, в 1934 году был арестован и 24 марта 1935 года приговорен к расстрелу.

Еп. Усть-Катавский Антоний (Миловидов) занимал кафедру еп. Троицкого (викария Челябинской епархии); 25 апреля 1926 года «уклонился» к старообрядцам-беглопоповцам, в 1927 году принес покаяние и, как ставленник архиереев «старого поставления», принят в сущем сане и вновь назначен епископом Троицким (позднее окормлял епархии Бугульминскую, Красноярскую и Енисейскую, Ачинскую, Омскую, Омскую и Челябинскую⁴⁰⁴; отмечают его особенную любовь к монашествующим, «омчане вспоминают о нем как о кротком и благоговейном пастыре». В 1927 году был арестован в Уфе, отбывал ссылку сперва в Челябинской области, затем в Бугульме, Енисейске, Омске. В октябре 1936 года его арестуют в Омске по обвинению в шпионаже в пользу Японии и 4 октября 1937 года расстреляют⁴⁰⁵.

Изданная спустя два года брошюра уверяет, будто владыка Антоний, будучи в Омске, организовал одновременно в Миасском районе Челябинской области и в Каргопольском районе Курганской области «две контрреволюционные группы духовенства», «посылал директивы, написанные тайнописью... организация имела свой пароль. Эта контрреволюционная банда именovala себя «партией угнетенных христиан», сокращенно «ПУХ». Как и в других подобных случаях, в эту организацию были вовлечены попы, уже ранее судившиеся за контрреволюционную деятельность, а также кулаки. Вот выдержка из письма, полученного одним из членов банды от своего преподобного шефа епископа-бандита Антония: “О. Филимон! Будучи у меня, Вы обещали послужить на пользу патриаршей церкви... Всех вовлеченных в организацию необходимо воспитывать в духе ненависти к советской власти и подготавливать их к выступлению с оружием в руках в случае войны для того, чтобы обеспечить успех нашим освободителям, о которых я говорил с Вами лично...”»⁴⁰⁶

В той же брошюре еп. Саткинский Руфин (Брехов) назван японским шпионом и создателем Уфимской контрреволюционной организации, один из членов которой поведал суду: «Мы ставили своей задачей вооруженное свержение Советской власти и установление в России фашизма; создание контрреволюционных повстанческих групп из числа враждебно настроенных к Советской власти кулаков, бывших белогвардейцев и активных церковников; проведение разрушительной деятельности на предприятиях промышленности и транспорта, а также

⁴⁰⁴ *Боже В.С.* Материалы к истории церковно-религиозной жизни Челябинска. 1917–1937 гг. // Челябинск неизвестный: Краевед. сб. Вып. 2. Челябинск, 1998.

⁴⁰⁵ История иерархии Русской православной церкви. С. 600.

⁴⁰⁶ *Дягилев Д.* Церковники и сектанты на службе контрреволюции. Челябинск, 1939. С. 10–11.

в колхозах и совхозах, путем вредительства и прямого уничтожения государственного имущества»⁴⁰⁷. Владыка Руфин арестовывался в Сатке в 1930 году, вновь был арестован и расстрелян в 1937 году⁴⁰⁸.

Требовалось время – причем время крутое, – чтобы читатель мог поверить подобной «информации». К 1939 году такая пора настала: ведь поверили советские люди, будто все партийные и советские руководители Башкирии расстреляны за то, что хотели оторвать автономную республику от СССР и передать ее Турции.

Но в 1928 году массы к подобному подготовлены еще не были. Поэтому к большинству последователей еп. Андрея тогда применялся декрет ВЦИК от 10 августа 1922 года об административной высылке, позволявший внесудебным порядком ссылать на срок до трех лет лиц, «пребывание коих в данной местности... представляется по их деятельности, прошлому, связи с преступной средой с точки зрения охраны революционного порядка опасным».

Однако еп. Нижегородского Питирима (Ладыгина) и его ближайших сотрудников решили вывести на открытый судебный процесс.

В течение 1928 года газеты Башкирии были полны «разоблачительных» материалов, в партийной, профсоюзной и комсомольской среде проводились дискуссии о налаживании атеистической пропаганды, безрелигиозное воспитание в средней и высшей школе сочти теперь недостаточным – настало время воспитания открыто противорелигиозного. Уже после арестов и высылки весны 1928 года в «Красной Башкирии» появился призыв нового образца:

Нужно дать поповщине по рукам... Кое-что очевидно устарело и в наших взглядах на религию. Мы не можем больше удовлетворяться отведенными рамками свободы для религии. Эти рамки нужно сузить, и сузить очень чувствительно... Этим вопросом партия должна будет заняться в ближайшее время⁴⁰⁹.

9 декабря 1928 года были арестованы еп. Питирим, трое из поставленных им священников и четыре монахини. Власти не знали, что еще 21 апреля 1927 года он принял схиму с именем Петр (после чего никогда не служил в полном архиерейском облачении, надевая лишь малый омофор), и продолжали именовать его Питиримом. Через день газета призвала к «отпору классовому врагу»: «наступлению церковников противопоставим дружное выступление пролетарской общественности»⁴¹⁰.

⁴⁰⁷ Там же. С. 13. Ср.: «Враги рабочего класса все методы используют для борьбы с советской властью. Подчас они так тонко расставляют свои сети, что на первый взгляд темному, некультурному человеку – трудно найти истину. К таким ярым врагам советской власти, но умело и тонко прикрывающимся маской благочестия, относится отец Руфин. Вот, что сообщает нам рабкор из Сатки. О. Руфин считался одним из благочестивых и пристойных служителей саткинского прихода. Авторитет среди прихода он завоевал своим смирением, кротостью и благочестием. Бывали случаи: потребуется повенчать рабочего или окрестить ребенка, сделать «душеотпущение», он в любое время к вашим услугам. Нет денег, а обряд совершить верующему нужно, отец Руфин учитывая материальное положение рабочего, брал самую минимальную плату, а иногда и бесплатно. Этим он показывал, что он до серебра не алчен. Службу он служил всегда против других церквей продолжительней и завершал ее разжигательной проповедью, что, конечно, нравилось верующим. Хотя чувствовалась боль в пояснице от преклонения, но зато выходили из церкви бодрыми, так выражались верующие ветлужского прихода. В быту отец Руфин вел себя очень пристойно, чуть ли не монашеский образ жизни и питал[с]я, как говорят, «акридами и диким медом». Одевание носил ветхое. Словом этот отец духовный совсем непоходил на обыкновенных выхоленных и жирных попов. Дружбу вел всегда только с богобоязненными сестрами – монашенками которые сгруппировались в п[о] следнее время вокруг него в большом количестве. Но под маской носителя религиозного культа о. Руфина скрывалась темная фигура лицемера. Он приютил у себя под крылышком церковного сана, белогвардейского полковника, которого постарался посвятить в сан диакона. И только теперь стало ясно, что отец Руфин церковь превратил в штаб контрреволюционной работы, прикрывая его своим «благочестием» (*Око*. Темная фигура лицемера (Сатка) // Пролетарская мысль (Златоуст). 1928. № 295 (21 декабря). С. 5).

⁴⁰⁸ Васильева И.Л., Зимина Н.П. Дело антисоветского фашистского центра церковников // Ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского богословского института: Материалы 1998 г. М., 1998. С. 216–217.

⁴⁰⁹ Каулин А. В лагере поповщины. О работе религиозных организаций // КБ. 1928. 15 мая. С. 2.

⁴¹⁰ Отпор классовому врагу. Наступлению церковников противопоставим дружное выступление пролетарской общественности // КБ. 1928. 11 декабря.

Однако лишь через четыре месяца «пролетарской общественности» сумели предъявить разоблачения деятельности еп. Питирима и его паствы: их обвиняли в антисоветской деятельности, хранении св. мощей и в молитвах над больными. Цикл из трех статей заканчивался обещанием: «В ближайшее время он и его помощники – священники Лисенко Иван, Панченковы Михаил и Кузьма и монахини Михайлова, Смольникова, Пашко и Сальникова – предстанут перед пролетарским судом»⁴¹¹.

Пока процесс готовился, в той же газете появилась новая рубрика «В поход на поповщину», одной из первых победных репортажей в ней стало сообщение о ликвидации в октябре 1928 года женской коммуны «Святые Кустики», в которой монахини выращивали зерно и картошку⁴¹².

Судебный процесс открылся 20 апреля 1929 года в здании Башглавсуда под председательством главного из судей автономной республики – председателя Башглавсуда Трясоногова. Отчет о нем печатался в семи номерах газеты. Лейтмотив звучал так:

«Все дороги ведут в Рим», т.е. к сподвижнику и другу Колчака – к епископу Андрею, князю Ухтомскому, который находится сейчас там, где и полагается находиться помощнику Колчака⁴¹³.

Суть речей государственного и общественного обвинителей сводилась к тому, что еп. Питирим со сподвижниками изготовляли мощи, изгоняли бесов, «обманывали трудящихся» посредством распространения православной веры и вели антисоветскую пропаганду; еп. Питирим основал в селе Вознесенском Иглинской волости «трудовую коммуну», где монахини обновляли иконы, а деревню Кузнецовка поставленные им священники «сумели обработать так, что превратили чуть ли не в монастырь. Ходили там все в черном... комсомольскую ячейку сумели стереть с лица земли»⁴¹⁴.

За это государственный обвинитель потребовал «изоляции всей этой своры от общества»⁴¹⁵.

Обвинение ссылалось главным образом на показания местного почтальона. Но были приглашены и свидетели защиты, однако «номер, как говорится, не прошел. Эти свидетели за ложные показания были взяты под стражу и оправлены в исправдом» по 95 статье УК⁴¹⁶.

Подсудимые не каялись, а лишь отвергли обвинения в «волховании» и антисоветской агитации. После четырехдневного разбирательства в ночь на 24 апреля был оглашен приговор:

Лодыгин Потапий (епископ Питирим) приговорен к 2 годам лишения свободы с высылкой затем из пределов Башреспублики. Смольникова Марфа к той же мере. Панченко Михаил и Кузьма к заключению под стражу на 1 год 6 месяцев, Лисенко Иван – на один год. Сальникова, Пашко и Михайлова – на шесть месяцев⁴¹⁷.

Дальнейшая судьба еп. Питирима и его сотрудников известна по отрывочным и иногда противоречивым данным. Освободившись из тюрьмы в 1933 году, схиархиепископ Петр некоторое время жил в городе Глазове, с января 1934 года пребывал на покое при своей кафедре в Уфе (по май 1936 года)⁴¹⁸. Затем, фактически перейдя на нелегальное положение, ушел в

⁴¹¹ Абрамович Ал. Чудеса епископа Питирима // КБ. 1929. 15 – 17 марта.

⁴¹² В поход на поповщину // КБ. 1929. 13 апреля (в наши дни восстановлен уже как мужской Успенский Свято-Георгиевский монастырь).

⁴¹³ Преосвященный из Нижегородска // КБ. 1929. 25 апреля. С. 3.

⁴¹⁴ С.Г. Дело епископа Питирима. Показания обвиняемых // КБ. 1929. 23 апреля. С. 3.

⁴¹⁵ С.Г. Дело епископа Питирима // КБ. 1929. 27 апреля. С. 4.

⁴¹⁶ Преосвященный из Нижегородска // КБ. 1929. 25 апреля. С. 3.

⁴¹⁷ Там же.

⁴¹⁸ Как он писал в ноябре 1935 г., «в январе 1934 года я выздоровел и возвратился в Уфу: теперь живу на покое при своей

затвор (насколько известно, в Калуге в 1938–1940 годах), затем находился в Белоречке, а в 1945 году был арестован в Уфе и приговорен к пяти годам ссылки в Среднюю Азию, где ушел в горы. В 1949–1951 годах скрывался в Белоруссии и на Кубани⁴¹⁹. И хотя митр. Мануил (Лемешевский) сообщает в своем словаре следующее: «Скончался 1.10.1950 года. По рассказам игумена Мисаила, умер сидя в кресле с поднятыми руками и благословляющим перстом. Завещал хоронить его без гроба по Афонскому уставу. Епископ Питирим в схиме Петр был творцом Иисусовой молитвы, имел дар слёз и прозорливости. Спал три часа в сутки, а ложился в постель только во время болезни. Живя в затворе, соблюдал полный Афонский устав. Был высокого роста, фигура была прямая. Волосы на голове были белые и длинные», – на деле схиархиепископ Петр умер много позже, в удмуртском городе Глазове 2 июня 1957 года⁴²⁰.

Группа уфимских «андреевцев» – последователей еп. Питирима – продолжала существовать, и главным ее вдохновителем был священник Михаил Панченко. В 1930 году он был вновь арестован (видимо, вместе с еп. Руфином), провел три года в лагере, еще три в ссылке, в 1937 году получил новые три года лагерей. Выйдя наконец на свободу, с 1940 года ходил между Уфой и Белоречком и исполнял требы. Это была, как выражался журнал «Антирелигиозник», «церковь в чемодане». В марте 1948 года он был арестован в Уфе по доносу в тот момент, когда крестил двоих младенцев, и приговорен к 25 годам. Еп. Питирим, вспоминая об о. Михаиле, писал: «Он нес крест за чистоту Церкви»⁴²¹.

Отец Михаил служил таким образом в Уфе и близлежащих поселениях, пока позволяло здоровье (вплоть до начала 1970-х), но даже не заходил в храмы последователей Сергия (Страгородского). В 1930-х подобных «странствующих» или «бродячих» священников было довольно много⁴²².

Таковыми оказались плоды активизации антирелигиозной борьбы в Башкирии. Местная власть замахнулась столь широко, что в Москве были несколько удивлены и предложили померить пыл. Представитель ВЦИК, прибывший в Уфу для обследования советской работы, предупредил на заседании Башкирского обкома партии: «Нельзя было закрывать православные церкви голосами татарских товарищей; были случаи, когда за закрытие русских церквей голосовало татарское население, а за закрытие мечетей – русское. БашЦИК о 19-ти церквях, получив непосредственное указание из Москвы и обкома партии, дает телеграммы немедленно обсудить вопрос о закрытии церквей, организовать комиссии, тщательно проверить, а сам в этом же постановлении закрывает 72 церкви без обсуждения»⁴²³.

Но несмотря на подобные предостережения от «перегибов» урон православным был нанесен значительный. В первую очередь под удар попадали приходы сторонников еп. Андрея. И все-таки к 1932 году идеям владыки следовали прихожане 30 церквей, и еще два прихода (один из них – Крестовоздвиженский в Нижнегородке⁴²⁴) были под омофором Иова (Веселова)⁴²⁵ – ставленника владыки Андрея.

кафедре, в праздники служу раннюю [обедню], здесь наши верующие и правящий епископ Руфин митр. Сергия не признают, у нас автокефалия, до собора мы признаем и подчиняемся м. Петру Крутицкому» (Из жизни Церкви в середине 30-х годов: Письмо схиэпископа Петра // Вестник русского студенческого христианского движения (Париж). 1977. №120. С. 249; Цит. по: Шкаровский М.В. Иосифлянство. С. 146).

⁴¹⁹ Оситова И.И. «Сквозь огонь мучений и воды слёз...». С. 265–266.

⁴²⁰ Там же. С. 266.

⁴²¹ Петр (Ладыгин), схиархиеп. Краткое описание биографии меня недостойного архиепископа Петра Ладыгина. Л. 122.

⁴²² См., напр.: Анвесул В.К. Церковь и гражданская война на Урале. Свердловск, 1937. С. 27; Брат Захарий. Очерки Катакомбной Церкви // Православная Русь. 1948. № 3.

⁴²³ Агеев А. К вопросу о современном положении антирелигиозной работы в Башкирии // Антирелигиозник. 1932. №9. С. 39.

⁴²⁴ ищина Н.П. Викарии Уфимской епархии 1920-х годов.

⁴²⁵ В исследовании по истории иосифлянства этот архиерей назван «Иовом (Гречишкиным)» со ссылкой на первое издание нашей работы (см.: Шкаровский М.В. Иосифлянство. С. 145, 157); между тем наши информаторы говорили именно о еп. Иове (Веселове), которого еп. Андрей нашел на Кавказе 17-летним юношей и 29 апреля 1925 г. поставил в епископы. На

Более того, известен даже один андреевский приход, существовавший в 1929 году вдалеке от Башкирии, в Ленинграде; ему принадлежала часть церкви Алексея Человека Божия на Геслеровском проспекте (закрыта 10 декабря 1932 года и до неузнаваемости перестроена под завод⁴²⁶).

3

Как мы помним, 8 июля 1927 года Особое совещание при Коллегии ОГПУ приговорило еп. Андрея к трем годам ссылки в Кызыл-Орду, в Казахстан. Но и здесь его посещают духовные дети, единомышленники, последователи. Отсюда он наставляет свою паству письмами, проповедями, теоретическими работами, ответами на вопросы. Все это переписывается многочисленными сторонниками владыки и распространяется в Башкирии. Впрочем, как владыка пишет в своем обращении к прокурору Казахстана от 30 октября 1928 года, в Кызыл-Орде, в храме, «местное духовенство публично в моем присутствии меня оскорбляло»⁴²⁷.

4 (17) октября 1928 года – в годовщину своей архиерейской хиротонии – владыка был арестован уполномоченным Секретного отдела полпредства ОГПУ по Казахстану Нелюбовым «за написание и распространение брошюр антисоветского содержания», в частности – письма служившему в Башкирии священнику Алексею Унгвицкому⁴²⁸. Вместе с владыкой арестовали жительницу Кызыл-Орды М.Д. Герасимову, переписывавшую его сочинения. При этом Евдокия Рудницкая, – хозяйка квартиры, на которой он жил, – ссылаясь на плохое здоровье владыки (порок сердца, болезнь почек), просила полпредство оставить владыку дома на поруки. В своем обращении к прокурору Казахстана еп. Андрей настаивал, что частное письмо о «безбожной сифилизации» не может быть сочтено агитацией, ссылаясь на соответствие действующего закона о религиозных общинах своим собственным воззрениям и т.д.:

... Я сам признаю коммунизм идеалом божественной жизни. Коммунизм я оправдываю идеологически историей христианства. Эта мысль заключается как основная в моих письмах о защите Христовой Церкви. Но обоснование коммунизма на безбожии – это для меня представляется самую яркую ошибку, которая совершенно очевидна в нашей повседневной жизни, когда верующие совслужащие потихоньку от власти бегают в церковь, потихоньку крестят своих детей, потихоньку соввласть обкрадывают и

1928 г. упомянут как правящий архиерей Уфимской епархии (История иерархии Русской православной церкви. С. 513). Но, видимо, на самом деле этот викарий носил фамилию Афанасьев: «В литературе часто называется епископ Иов (Гречиш-кин Иоанн Яковлевич), 1895 г. рождения, уроженец Ростовской губ., который якобы был арестован в 1923 г. в Уфе, приговорен к 3 годам ссылки в Среднюю Азию, где в декабре 1924 г. был самим владыкой Андреем рукоположен во епископа... Однако, как удалось установить, такой человек на территории Башкирии репрессиям не подвергался, его имя не встречается ни в материалах переписки религиозных организаций с государственными органами, ни в сохранившихся церковных документах. В то же время обнаружены многочисленные подпадающие сопоставлению данные о другом епископе с именем Иов, который был тесно связан со схиэпископом Петром (Ладыгиным) и являлся, очевидно, участником хиротонии Вениамина (Троицкого), – это епископ Иов (Афанасьев Яков Иванович), который родился в 1888 г. в с. Гречишкино Старобельского уезда Харьковской губ. в крестьянской семье, с молодости жил в различных монастырях Сухумской епархии; 20 января 1928 г. был по благословению высокопреосвященного Андрея рукоположен викариями епископами Нижегородским Питиримом (Ладыгиным) и Саткинским Руфином (Бреховым) в селе Четверто-Петровское [ЦГИА РБ. Ф. Р-168. Оп. 1. Д. 190. Л. 68–69]. По-видимому, тогда же (известно точно, что в январе 1928 г.) епископ Иов постриг епископа Питирима в схиму... [Архив УФСБ РФ по РБ. Д. ВФ-19202. Т. 3. Л. 413 об]. Епископ Иов служил в уфимской Крестовоздвиженской церкви как кафедральной; по документам 1929 г. он проходит с титулом «Уфимский». Епископ Иов был арестован 10 сентября 1930 г. и приговорен к лишению свободы сроком на 8 лет; в лагере он был вновь арестован, приговорен к расстрелу и 15 сентября 1937 г. расстрелян [Данные ГИЦ МВД РФ и ИЦ МВД РБ (исх. № 3/8/6–343 от 13.05.2004)]» (Зимина Н.П. Викарии Уфимской епархии 1920-х годов; Зимина Н.П. Жизнеописание священномученика Симона. С. 402).

⁴²⁶ Шкаровский М.В. Иосифлянство. С. 174.

⁴²⁷ Нежный А.И. С. 255 (ЦА ФСБ. Дело № Н4296. Обращение к прокурору КССР от 30 октября 1928 г.).

⁴²⁸ Унгвицкий Алексей Яковлевич (1874-?), на момент ареста 30 ноября 1929 г. служил в селе Калтыманово Иглинского района Башкирии; 18 января 1930 г. осужден по ст. 58–10 УК РСФСР, дальнейшая судьба неизвестна.

всячески потихоньку ее обманывают. Это великая ложь нашего времени, не обличенная еще литературой.

..Все вышеизложенное дает мне твердую убежденность, что в отношении ко мне не будет допущена излишняя жестокость, и мое дело по обвинению меня по 58 статье будет пересмотрено, и я от этого обвинения буду освобожден.

30 октября 1928 года.

Пишу карандашом. Под арестом чернил не имею⁴²⁹.

Особо нужно сказать об обширном, но опубликованном лишь частично документе, известном как «Исповедь». Она была написана еп. Андреем в ноябре 1928 года в камере Кзыл-Ордынской тюрьмы и формально адресована тому же Нелюбову – но, как резонно предположил А.И. Нежный, «не без тайной надежды, что она будет переправлена на самый верх, в Москву, на Лубянку, а может быть, в Кремль и положит конец охоте, с двадцатого года открытой на него Советской властью»⁴³⁰.

18 января 1929 года то же Особое совещание ОГПУ, выслушав «Дело №47866 по обвинению Ухтомского Александра Алексеевича (Андрея), Герасимовой Марии Дмитриевны по 58/10 ст.УК», постановило: «Ухтомского Александра Алексеевича (Андрея) заключить в места лишения свободы, подведомственные ОГПУ, сроком на 3 года, считая срок с 17.10. 1928 г. Герасимову Марию Дмитриевну приговорить к лишению свободы сроком на 6 месяцев, считая срок с момента вынесения настоящего постановления. Дело сдать в архив»⁴³¹.

Еп. Андрея отправляют в родные места, в Ярославль, где он все три года, до осени 1931 года, содержался в одиночной камере №23 Ярославского политизолятора – печально знаменитой тюрьмы Коровники.

* * *

Написанный в 1928 году, накануне ареста в Кзыл-Орде, и тоже послуживший одной из причин к нему памфлет «О радостях митрополита Сергия» известен лишь в извлечениях. Видевший его оригинал А.И. Нежный описывает его так: «Имеет в начале начертанный рукой епископа крест, дарственную надпись: “Возлюбленной во Христе духовной дочери Иустинии на молитвенную память. Грешный епископ Андрей” и эпитафия: “Церковь есть общество чистых совестей, а где есть сознательная бессовестность и ложь, там нет Святой Церкви”»⁴³². Повод для памфлета дала некая брошюра под названием «Где правда?» (библиографически не идентифицирована) с доказательствами канонической законности первенствующего положения в Церкви митрополита Сергия (Страгородского). Как пишет еп. Андрей, «прочитав эту горячую защиту церковного беззакония, автор этих строк не счел себя вправе молчать и решил сказать фактическую правду о митрополите Сергии, которую перетолковать нельзя и которая красноречивей всех украшений доказывает великий вред для Церкви от митрополита Сергия и всех его единомышленников и последователей». Обыгрывая основной тезис Декларации митрополита Сергия («Ваши радости – наши радости»), еп. Андрей иронизирует:

Эти радости у митрополита Сергия начались давно, с 1905 г., с сентября месяца. Это были бурные дни, когда... честнейшие русские люди во главе с князем Трубецким говорили русскому императору, что жить по немецкой указке нельзя, что Россия теряет терпение от издевательства над ее здравым смыслом. В самый разгар этой борьбы за правду Сергей Трубецкой скончался. Вся честная Россия ахнула от боли. Пригласили на торжественную панихиду

⁴²⁹ Нежный А.И. С. 254–255 (ЦА ФСБ. Дело № Н4296. Обращение к прокурору республики).

⁴³⁰ Нежный А.И. С. 232. «Исповедь» хранится в составе дела № 42968 в ЦА ФСБ.

⁴³¹ Нежный А.И. С. 256.

⁴³² Нежный А.И. С. 279 (ЦА ФСБ. Дело № 42968. Лл. 44–58. Рукопись под названием «О радостях митрополита Сергия»).

над гробом Трубецкого самую светлую личность, известную своей верою, чистотою и любовью, – тогдашнего ректора Санкт-Петербургской духовной академии еп. Сергия... Но он знал, что его радость не у этого гроба, и отказался от служения этой панихиды. И за это дождался своей первой крупной радости: Победоносцев через неделю... назначил его архиепископом Финляндским. Это ли не радость? Эта почетная синекура была куплена только верою, чистотою и любовью! Т.е. благовременным отказом от молитвы о нечестивом конституционалисте Сергее Трубецком⁴³³.

Владыка напоминает о двойственной позиции Сергия, который, будучи с 1906 года членом Предсоборного совещания и одновременно – членом Синода, в первом своем качестве поддерживал проекты, вводившие в церковную жизнь приходскую самодеятельность, а во втором – их отвергал: «Такова его чистота и кротость»⁴³⁴.

В 1911 году председательствовавший тогда в Синоде митрополит Антоний (Вадковский) решительно противостоял попыткам поставить во епископа распутинского протеже Варнаву (Накропина), однако стоило митрополиту заболеть, как замещавший его архиепископ Сергей дал добро, и Варнава стал архиереем: «...Хлыст играл святителями, а архиепископ Финляндский Сергей уже тогда радовался, что хлыст Распутин им доволен. В это время в Синоде рядом с Сергием сидел... остроумный епископ, который так характеризовал деятельность этого Синода: “Мы по распоряжению обер-прокурора готовы черного кабана в архиереи посвящать”»⁴³⁵.

Аресту патриарха Тихона в 1922 году «помогла и содействовала организация недостойнейших священников под названием “Живая церковь”. Они издевательски оболгали Патриарха, выкрали у него канцелярию и пригласили к себе в сотрудники заведомо бессовестных епископов: Антонина и Леонида ... Москва не признавала этого ужасного подлога в замене патриаршего управления. Вся Россия не знала, как оценить совершившееся. А кто оценил? Кто все понял? О, всё тот же неизменный, приятный во всех отношениях, известный верою, любовью и чистотой митрополит Нижегородский Сергей! Он, он всё запутал, всех обманул и признал ВЦУ *единственной* канонической властью в России. И только за ним, за его чистотою потянулись все мелкие сошки духовного звания. «Уж если многоученный Сергей признал каноничность ВЦУ, то чего же рассуждать!?» Так говорили русские простецы. И попали в страшную ловушку, которую устроил всем митрополит Сергей. Он, только он со своим авторитетом ректора Академии утвердил в русской Церкви этот позор “Живой церкви” и обновленчества, когда беззаконие стало признаваться в Церкви законом и когда иудино окаянство стало расцениваться как гражданская добродетель. ...Признавши ВЦУ, Сергей признал все его распоряжения: о низложении Патриарха Тихона, о лишении его сана и монашества и признавал правильными все обвинения против Патриарха»⁴³⁶.

А когда вышедший в 1923 году на свободу патриарх Тихон «всемирно и во всяком смиреннии» принял от митр. Сергия покаяние, мотивы его еп. Андрей комментирует так: «...Здоровый кулак нижегородского крючника был и без канонов достаточным аргументом в пользу признания со стороны митрополита Сергия прав оскорбленного Патриарха»⁴³⁷.

⁴³³ *Нежский А.И.* С. 280–281.

⁴³⁴ Там же. С. 281.

⁴³⁵ Там же.

⁴³⁶ *Нежский А.И.* С. 281–282.

⁴³⁷ Там же. С. 282.

В 1922 году еп. Андрей сидел в Бутырке в одной камере с неким инженером Тяжеловесовым, от которого услышал о таком признании митр. Сергия: «Мне надоело таскаться по тюрьмам! Теперь у меня главный догмат – не сидеть в тюрьме»⁴³⁸.

С тех пор, свидетельствует еп. Андрей, патриарх Тихон окончательно лишил митрополита Сергия своего доверия, а когда в 1925 году почувствовал приближение смерти, то назвал в качестве своих преемников временных – до Собора – трех архиереев: «...Замечательно, что Патриарх Тихон, человек безукоризненно честный, оставил себе преемниками людей, несравненно менее ученых и несравненно менее заслуженных, чем митрополит Сергий, но решительно вычеркнул из числа своих заместителей именно этого многоученого Сергия, ибо вовсе ему не верил»⁴³⁹.

«Петр по своей природной ограниченности оставил после себя около десяти заместителей, из которых первым стоит митр. Агафангел Ярославский (и самый достойнейший), и только изумительная ловкость рук позволила митр. Сергию фактически, почти захватным путем, утвердиться ныне заместителем митр. Петра и добиться первенства в своем собственном Синоде и стать во главе Русской Церкви»⁴⁴⁰.

Сергий стремится «опять влезть в барские хоромы». «И хорошо еще, что никто не послушал этого безумного веления мучителя злочестивого!»⁴⁴¹

«А конец и венец всем его радостям – это его пресловутая Декларация... Эта Декларация не прошла без последствий! Пока митрополит Сергий радовался на свои хитрые планы... в сентябре–октябре 1927 года были закрыты монастыри в Сарове, Дивееве, в Понетаевке, а потом пять монастырей в Казани, в Оренбурге и т.д. и т.д. А сколько храмов обращены в клубы и уничтожены – трудно перечислить. Так дорого оплачиваются в жизни архиерейские радости.

...Какие же выводы мы можем сделать из всех радостей митрополита Сергия? Вот какие. Да, он бесспорно человек ученый и даже неглупый; и тем он опаснее.

Каноническое его пребывание у церковной власти вполне не может быть оправдано.

Нравственно как руководитель духовенства он тоже вполне неприемлем как человек вполне беспринципный.

И последний вывод, ответ на вопрос: где правда?

Этот последний вывод такой: правда там, где нет митрополита Сергия, где нет ничего подобного обновленческому предательству»⁴⁴².

Чем же объяснялась подобная реакция владыки на два важнейших документа, изданных митр. Сергием и касавшихся острейших проблем взаимоотношений русского православия и советского государства?

16 (29) июля 1927 года митр. Сергий и «Временный при нем Патриарший Священный Синод» выпустили «Декларацию» «об отношении Православной Российской Церкви к существующей гражданской власти»⁴⁴³. Митр. Сергий, следуя политике покойного патриарха Тихона, заявил в ней о лояльности Церкви к советской власти и благодарил ее за обещанную легализацию не только церковного, но и «низшего церковного управления: епархиального, уездного и т.д.». Однако в «Декларации» были допущены и некоторые выражения, вызвавшие возмущение и отпор со стороны значительной части епископата, младшего духовенства и мирян: «Многие из них были настолько поражены... содержанием, что решили за лучшее не

⁴³⁸ Там же. С. 282.

⁴³⁹ Там же. С. 283.

⁴⁴⁰ Мазырин А., иерей. Высшие иерархи о преемстве власти в Русской Православной Церкви в 1920-х – 1930-х годах. С. 238–239 (ЦА ФСБ. Д. Р-40748. Л. 46).

⁴⁴¹ Нежский А.И. С. 283.

⁴⁴² Там же.

⁴⁴³ Акты святейшего Тихона... С. 509–513.

задерживать послания у себя и оправили его обратно автору. Почти 90% православных приходов поступили с декларацией по вышеуказанному примеру»⁴⁴⁴.

Так, группа ярославских архипастырей во главе с митр. Агафангелом заявила митр. Сергию: «По Вашей программе начало духовное и Божественное в домостроительстве церковном всецело подчиняется началу мирскому и земному; во главу угла полагается не всемерное попечение об ограждении истинной веры и христианского благочестия, а никому и ничему не нужное угодничество «внешним», не оставляющее места для важного условия устройства внутренней церковной жизни по заветам Христа и Евангелия – свободы, дарованной Церкви Ее Небесным Основателем и присущей самой природе Ее – Церкви»⁴⁴⁵.

Особо подчеркнем, что ни один из известных откликов на «Декларацию» митр. Сергия, отвергающих ее принципы, не имел антисоветской направленности, напротив – все заявляли о лояльности, призывая к мирному сосуществованию Церкви и государства и даже к их сотрудничеству во многих областях общественной жизни. Наиболее характерно ответное послание группы архиереев, находившихся в заключении на Соловецких островах (так называемая «Соловецкая декларация»):

1. Мы одобряем самый факт обращения Высшего Церковного Учреждения к Правительству с заверением о лояльности Церкви в отношении советской власти во всем, что касается гражданского законодательства и управления...

2. Мы вполне искренне принимаем чисто политическую часть послания, а именно:

а) Мы полагаем, что клир и прочие церковные деятели обязаны подчиняться всем законам и правительственным распоряжениям, касающимся гражданского благоустройства государства.

б) Мы полагаем, что тем более они не должны принимать никакого ни прямого, ни косвенного, ни тайного, ни явного участия в заговорах и организациях, имеющих целью ниспровержение существующего порядка и формы правления.

в) Мы считаем совершенно недопустимым обращение Церкви к иноземным правительствам с целью подвигнуть их к вооруженному вмешательству во внутренние дела Союза для политического переворота в нашей стране.

г) Вполне искренне принимая закон, устранивший служителей культа от политической деятельности, мы полагаем, что священнослужитель как в своей открытой церковно-общественной деятельности, так и в интимной области пастырского воздействия, не должен ни одобрять, ни порицать действий Правительства.

3. Но мы не можем принять и одобрить послания в его целом, по следующим соображениям:

а) В абзаце 7-м⁴⁴⁶ мысль о подчинении Церкви гражданским установлениям выражена в такой категорической и безоговорочной форме, которая легко может быть понята в смысле полного сплетения Церкви и государства...

⁴⁴⁴ Иоанин (Снычев), митр. Церковные расколы в русской Церкви 20-х и 30-х годов XX столетия... С. 130.

⁴⁴⁵ Акты святейшего Тихона... С. 573.

⁴⁴⁶ Считая за отдельные абзацы титулование митр. Сергия и его обращение к «преосвященным архипастырям»; в седьмом по этому счету абзаце «Декларации» среди прочего говорится: «Мы хотим быть Православными и в то же время сознавать Советский Союз нашей гражданской родиной, радости и успехи которой – наши радости и успехи, а неудачи – наши неудачи. Всякий удар, направленный в Союз... сознается нами как удар, направленный в нас» (Акты святейшего Тихона... С. 510–512).

б) Послание приносит правительству «всемирную благодарность за внимание к духовным нуждам православного населения». Такого рода выражение благодарности в устах Главы Русской Православной Церкви не может быть искренним и потому не отвечает достоинству Церкви...

г) Послание угрожает исключением из клира Московской Патриархии священнослужителям, ушедшим с эмигрантами, за их политическую деятельность, т.е. налагает церковное наказание за политические выступления, что противоречит постановлению Всероссийского Собора 1917–1918 гг. от 3(16) августа 1918 г., разъяснившего всю каноническую недопустимость подобных кар ...

4. Наконец, мы находим послание Патриаршего Синода неполным, недоговоренным, а потому недостаточным»⁴⁴⁷.

Еп. Андрей увидел в «Декларации» митр. Сергия «квинтэссенцию цезаропапистского хамства», «по глубине своей антицерковности и предательства... нечто выдающееся и необычайно скандальное». В своих мемуарных заметках владыка цитирует письмо к митр. Сергию еп. Ижевского Виктора (Островидова), имевшее широкое хождение (письмо известно во многих списках):

Враг вторично заманил и обольстил вас мыслью об организации Церкви. Но если эта организация покупается такой ценой, что и Церкви Божией как дома благодатного спасения уже не остается, а сам получивший организацию перестает быть тем, чем он был, ибо написано: “Да будет двор его пуст и епископство его да примет ино”, то лучше бы нам не иметь никогда никакой организации! – Что пользы, если мы, сделавшись по благодати Божией храмами святого Духа, стали сами вдруг непотребны, а организацию себе получили? – Нет! Пусть погибнет весь вещественный мир видимый, пусть в наших глазах важнее его будет верная погибель духа, которой подвергается тот, кто представляет такие внешние поводы для греха⁴⁴⁸.

Следующим крупным шагом митр. Сергия по налаживанию связей с государством стали его интервью для советской и иностранной прессы (февраль 1930 года)⁴⁴⁹. В то время как значительная часть архипастырей и пастырей была насильственно изолирована от своей паствы, закрывались и разрушались храмы, попал под запрет даже колокольный звон, митр. Сергей уверял:

Гонения на религию в СССР никогда не было и нет. ... действительно, некоторые церкви закрываются. Но производится это закрытие не по инициативе власти, а по желанию населения, а в иных случаях даже по постановлению самих верующих. ... Репрессии, осуществляемые советским правительством в отношении верующих и священнослужителей, применяются к ним отнюдь не за их религиозные убеждения, а в общем порядке, как и к другим гражданам, за разные противоправительственные деяния. ... Считаю необходимым указать, что нас крайне удивляет недавнее обращение папы Римского против советской власти... Мы считаем излишним и ненужным это выступление..., в котором мы, православные, совершенно не нуждаемся. Мы сами можем защищать нашу Православную Церковь.

⁴⁴⁷ Акты святейшего Тихона... С. 515–516.

⁴⁴⁸ Там же. С. 546.

⁴⁴⁹ Там же. С. 682–689.

Еп. Андрей вспоминал, как это интервью, прочтенное в Ярославском политизоляторе, «нравственно придавило нас, всех арестантов-церковников», став лишним подтверждением мысли, что «Святая соборная Апостольская Церковь – где-то в другом месте, а не около митр. Сергия и не около “его Синода”».

Согласно мемуарам жившего тогда в Париже митр. Евлогия (Георгиевского), «текст большевики дали митрополиту Сергию за неделю до интервью, а потом держали его в изоляции. Перед ним встала дилемма: сказать журналистам, что гонение на Церковь есть, – это значит, что ВСЕ тихоновские епископы будут арестованы, т.е. вся церковная организация погибнет; сказать «гонения нет», – себя обречь на позор лжеца... Митрополит Сергей избрал второе. Его упрекали в недостатке веры в несокрушимость Церкви. Ложью Церковь все равно не спасти. Но что было бы, если бы русская Церковь осталась без епископов, священников, без таинств – этого и не представить... Во всяком случае, не нам, сидящим в безопасности, за пределами досягаемости, судить митрополита Сергия».

Соловецкие архипастыри и еп. Андрей находились в местах достигаемых, более того, специально для них отведенных. Приведем для сравнения краткую сводку сведений о трех однокурсниках владыки Андрея по Московской духовной академии (I курс, 1891–1895 годы, 74 выпускника, считая вместе магистрантов, кандидатов, вольнослушателей и действительных студентов)⁴⁵⁰:

– еп. Трифон (князь Туркестанов) в Первую мировую войну окормлял солдат на передовой, после контузии ушел на покой, с 1918 года жил в Москве, по состоянию здоровья, не проявляя никакой активности и не занимая кафедры, последовательно получил сан архиепископа (1923) и митрополита (1931), мирно скончался, погребен на Введенском кладбище⁴⁵¹;

– архиеп. Пермский Андроник (Никольский) расстрелян 20 июня 1918 года (кстати, именно его иеромонах Андрей сменил в 1897 году в должности инспектора Ардонской миссионерской семинарии)⁴⁵²;

– схимонах Леонид, фамилия нам неизвестна (хотя в списке курса он присутствует) в 1920 году ушел в эмиграцию в Маньчжурию; стосковавшись по родине, в середине 1930-х вернулся и быстро попал в лагерь, где надиктовал соседу по барaku на колымском прииске «Спокойный» (пос. Ягодное) воспоминания, последняя запись в них помечена 24 октября 1951 года⁴⁵³.

Владыка Андрей неизменно подтверждал свою верность принципам, изложенным в уфимской «Декларации» 1927 года, – искренней лояльности к властям предрержащим и развертывании церковно-общественной жизни в строгом соответствии действующему законодательству. В дела Церкви государство вмешиваться не должно; но, считал еп. Андрей, первые 15 лет советской истории показали, что самому государству нового типа не обойтись без поддержки со стороны Церкви и без проповедуемых ею нравственных принципов.

Более того, владыка заявлял, что советскому социализму требуется нравственное оправдание. В письме на имя номинального главы Советского правительства от 23 мая 1933 года он сетует, что уже не раз пытался установить деловые контакты с представителями советской власти, но безуспешно.

Теперь же, когда «коммунисты, разгромившие разными способами другие политические партии и нажившие себе тем вечных врагов, должны непременно найти себе друзей, отыскать их... Советская власть сделает великое для себя дело, если позволит организоваться честным христианским Советам, т.е. советам христианских общин... люди ныне потеряли образ Божий,

⁴⁵⁰ Выпускники Московской духовной академии 1818–1914 гг. // www.petergen.com/bovkalov/duhov/mda.html

⁴⁵¹ Акты святейшего Тихона... С. 900.

⁴⁵² За Христа пострадавшие: Гонения на русскую православную Церковь. С. 87–88.

⁴⁵³ *Леонид, схимонах*. Воспоминания, записанные П.М.В. Колыма, прииск «Спокойный» Северного управления СВИТлагерей (269 рукописных страниц).

явно приобретают образ звериный, теряют всякую совесть... Нужно самым радикальным образом бороться с общественной бессовестностью, с ужасающей дезорганизацией народного духа и его озлоблением... нужно организовать нравственные народные силы»⁴⁵⁴.

Еп. Андрей призывает власть разрешить созыв Собора, целью которого будет «нравственное оправдание социализма»: «Наш русский социализм – это подлинная жизнь, воплощение слова Евангельского в дело христианское; этот социализм Евангельский живет вот уже 1900 лет, несмотря на гонения Неронов и несмотря на лжепокровительство Николаев Романовых. И этот социализм несравненно научнее так называемого научного социализма, ибо захватывает всю жизнь, а не часть ее»⁴⁵⁵.

Это было отнюдь не первое за четверть века обращение владыки к носителям верховной власти в стране. Однако и прежде, и теперь он вряд ли особо рассчитывал на обоюдное понимание, скорее – считал своим нравственным долгом использовать все возможности, не упустить ни единого шанса для воплощения тех идеалов, которые были путеводной звездой его жизни.

Надежда была – владыка был обязан иметь ее, но жизнь меняла обстановку. Идти на непосредственный союз с государством, как попытался митр. Сергей, еп. Андрей не желал, ибо уже давно стало ясно, что на данном этапе новой власти Церковь не нужна ни под каким видом и все мечты об изменении государственной политики в отношении нее беспочвенны.

Владыка был давно готов к такому положению, когда русская Церковь останется вовсе без высшего духовенства, опираясь на уверенное мнение Иоанна Златоуста, которого цитирует в своих заметках «Что может помешать развитию приходской жизни»:

Есть третье зло: когда начальник нехорош. Знаю, что это не малое зло и даже гораздо большее, нежели безначалие, потому что лучше не управляться никем, нежели быть под управлением дурного начальника. В первом случае народ иногда подвергается опасности, а иногда и спасается; в последнем случае – всегда находится в опасности и увлекается в пропасть⁴⁵⁶.

Еп. Андрей пытается выработать такую линию поведения, которая, с одной стороны, не вела бы к конфликту с государством, а с другой стороны, позволяла избежать заискивания перед властями. Однако в тогдашней обстановке эта линия вела, по выражению владыки, «туда, откуда идет верный путь ко спасению для всех честных священнослужителей».

4

В перипетиях мыслей, дел, судьбы еп. Андрея неизменно видны две параллельные линии: возрождение православной церковно-общественной жизни и путь к старообрядчеству. Однако не следует рассматривать их отдельно друг от друга, ибо в старообрядчестве владыка неизменно видел важный для всего православия пример того, как следует реально воплощать христианские заветы. Согласно Лобачевскому, параллельные прямые пересекаются в Бесконечности...

* * *

2 октября 1931 года Особое совещание при Коллегии ОГПУ постановило освободить еп. Андрея с «прикреплением к определенному местожительству на 3 года» и запрещением ему проживать в Сибири, на Урале и в Башкирии.

7 октября владыка был выпущен на свободу и прибыл в Москву, где нашел лишь четыре храма, отвергших предложенный митр. Сергием путь⁴⁵⁷. Еп. Андрей стал молиться в Николь-

⁴⁵⁴ Председателю Сов. нар. кома гражданину Молотову, 23 мая 1933 г. (рукопись, авторская копия).

⁴⁵⁵ Председателю Сов. нар. кома гражданину Молотову, 23 мая 1933 г. (рукопись, авторская копия).

⁴⁵⁶ Что может помешать развитию приходской жизни. Алма-Ата, 1933 (авторская рукопись в 7 машинописных страниц).

⁴⁵⁷ Из показаний по делу еп. Серафима (Звездинского) ясно, о каких именно храмах идет речь: «Вскоре после освобожде-

ской церкви в Подкопаевском переулке, исповедуясь у ее настоятеля иеромонаха Григория (Горюнова)⁴⁵⁸. Но страх перед митр. Сергием и его методами был силен и здесь, так что 6 декабря о. Григорий попросил владыку более не посещать свой храм. Однако и это не помогло сохранить приход: в январе 1932 года все еще остававшиеся священники, «непоминающие митр. Сергия», были запрещены им, а в марте 1932 года, по выражению владыки Андрея, «изъяты из обращения» органами ОГПУ; храм Николы в Подкопае был закрыт к концу 1933 года⁴⁵⁹.

И тогда еп. Андрей идет к рогожским старообрядцам и начинает молиться вместе с ними. А 28 февраля 1932 года в Покровском соборе на Рогожском кладбище к нему впервые подходят под благословение, признав одним из своих архипастырей.

Но вскоре еп. Андрей в который раз оказывается в Бутырке. Арест произошел 14 апреля 1932 года в ходе массовой операции ОГПУ по вскрытию и ликвидации так называемых «филиалов Всесоюзной контрреволюционной церковно-монархической организации “Истинно-Православная церковь” (ИПЦ)». Помимо владыки Андрея, из архиереев в ходе этой операции были арестованы епископы Серафим (Звездинский) и Гавриил (Красновский)⁴⁶⁰. На допросе 1 июня 1932 года еп. Андрей сказал:

«Сущность моих взглядов об устройстве христианской жизни в следующем: первичной ячейкой приходской жизни является община, состоящая из верующих христиан. Эту общину в количественном отношении я считаю столь слабой, что ее деятельность не может не только конкурировать с органами советской власти, но и сколько-нибудь на них влиять. Если государственная власть поможет такой общине организовать себя, то она может ей во многих отношениях помочь.

Община располагает молитвенным домом, имеет кооператив, ведает благотворительностью, заботится об образовании и, главным образом, о воспитании детей, ведет культурно-просветительскую работу и имеет свой дисциплинарный суд.

Эти общины объединяются в союз общин, свободно самоопределяющихся в церковном отношении. Союз общин объединяет и руководит общинами. Эти взгляды я изложил в письменной форме и знакомил с ними, как письменно, так и устно, тех, кто хотели познакомиться со мной и узнать, в чем заключаются мои церковные преступления»⁴⁶¹.

Всего по делу «Московского филиала ИПЦ» с 5 по 28 апреля было арестовано около 60 человек, в том числе 20 представителей духовенства⁴⁶². Как гласило обвинение, предъявленное владыке Андрею, он «развивал теорию о необходимости создания системы христианских общин в противовес советскому государственному устройству и призывал к организации массовых выступлений против соввласти, используя в этих целях закрытие церквей и ставя одновременно задачу построения нелегальных организаций и подпольных церквей»⁴⁶³.

7 июля Особое совещание при Коллегии ОГПУ приговаривает владыку к трем годам ссылки по статьям 58–10 и 58–11⁴⁶⁴, и его отправляют этапом в Казахстан. В этой своей ссылке

ния из политизолятора, с Московской организацией “ИПЦ” связался епископ Андрей Ухтомский, бывавший неоднократно в церкви Никола Б[ольшой] Крест. Одновременно Андрей Ухтомский связался с церквами Сербского подворья [Кира и Иоанна на Солянке], Николы Подкопая и Николы Кленки. Этими церквами руководил еп. Серафим Звездинский, проживающий в г. Меленках» (Все вы в сердце моем: Жизнеописание и духовное наследие священномученика Серафима, епископа Дмитровского / Сост. И.Г. Менькова. М., 2001. С. 515). На самом деле таких храмов было как минимум шесть: помимо упомянутых – также Воздвижения на Воздвиженке и Николы в Котельниках. См.: *Осипова И.И.* «Сквозь огонь мучений и воды слёз...». С. 63.

⁴⁵⁸ *Осипова И.И.* «Сквозь огонь мучений и воды слёз...». С. 63, 342.

⁴⁵⁹ *Шкаровский М.В.* Иосифлянство. С. 75–76.

⁴⁶⁰ *Осипова И.И.* «Сквозь огонь мучений и воды слёз...». С. 27, 64.

⁴⁶¹ Следственное дело Н.И. Звездинского, А.А. Ухтомского и др., хранящееся в ЦА ФСБ. Цит. по: *Осипова И.И.* «Сквозь огонь мучений и воды слёз...». С. 249.

⁴⁶² *Шкаровский М.В.* Иосифлянство. С. 30.

⁴⁶³ *Осипова И.И.* «Сквозь огонь мучений и воды слёз...». С. 77.

⁴⁶⁴ Обвинительное заключение составлено на 21 человека, постановлением Особого совещания при Коллегии ОГПУ от 7 июля 1932 года епископы Гавриил (Красновский) и Арсений (Жадановский), а также В.П. Прошков и В.Н. Максимов приго-

он ведет по-прежнему обширную переписку со своими сотрудниками и почитателями как в Уфе, так и по всей России, дает советы по организации церковно-общественной жизни, неустанно пропагандирует уфимскую «Декларацию» 1927 года. Письма чаще всего носят общественный характер – тогда их переписывают и распространяют из рук в руки. Но и в частных письмах еп. Андрей не только помогает разрешить чисто личные проблемы, но и обучает, наставляет, рекомендует литературу. В письмах к молодежи он разъясняет понятия «христианомия», «кинокрафия», «каноны» и многие другие. Тогда же он составляет свой «Катехизис» и отправляет его в Уфу. Среди прочего владыка рекомендовал своим корреспондентам посещать собрания протестантов-евангелистов, когда там читается и толкуется Св. Писание: это поможет укрепить в себе веру и осознать непреходящее значение Библии.

От своих последователей еп. Андрей требует прежде всего церковного дела, считая понимание христианства как «затворничества и чистого аскетизма» недостаточным и неполным; вот почему он так часто называл имена ветхозаветных пророка Илии и воительницы Деборы, преподобного Сергия Радонежского и патриарха Гермогена. Он убеждал свою паству в том, что человек обязан взять на себя большой подвиг и тогда приблизится к христианскому идеалу: «Ты будешь христианкою – сознательной, твердой, активной... Но молись, и молись, и молись»⁴⁶⁵.

Владыка учит быть осторожным с ветхозаветной историей, ибо «нам, Ново-Заветным христианам, трудно это понять», однако понять и прочувствовать ее нужно: «Ветхозаветные войны были грешные и святые; – святые – благословлялись Богом потому, что это были войны против зла, для истребления зла. Тебе это трудно понять, я понимаю после того, как слышал неповторимые, безмерно отвратительные слова, оскорбляющие Бога, пресв. Богородицу»; владыка пишет это девушке, готовящейся к постригу, напоминая, что «иночество – это только средство для соблюдения себя во святой христианской жизни», только основа, фундамент для борьбы, подобной той, что вели ветхозаветные Судьи: «Дебора не просто божественная. Она именно характерна этим, что имела активный темперамент и активно боролась со злом. Она взяла на себя огромный подвиг очистить свой народ от зла, и Бог помог ей в этом подвиге»⁴⁶⁶

Когда Церкви грозит смертельная опасность, а во внешнем мире господствуют разрушительные идеи, важно противопоставить всему этому свою альтернативу: «Создавать могут и должны только христиане!»⁴⁶⁷.

В годы алма-атинского сидения из-под пера еп. Андрея вышло большое количество теоретических работ о развитии церковной жизни, трудов по церковной истории, предназначенных в первую очередь для его последователей: «Церковное значение перстосложения (при совершении крестного знамения)»⁴⁶⁸, «Русский разбойничий собор 1666–1667 гг.»⁴⁶⁹, «Хорошие разговоры 1906 года», вторую тетрадь собственных воспоминаний «История моего старообрядчества» и многое другое. Владыка составил и распространил «Службу отцу Иоанну Кронштадтскому», написанную к 25-летию со дня его кончины. До наших дней дошли и оригиналы многих его рукописей, и копии, старательно переписанные руками его сотрудников в простые школьные тетрадки: все это находило своих адресатов, читалось и переписывалось.

ворены к трем годам лагерей, епископы Серафим (Звездинский) и Андрей (Ухтомский) – к трем годам ссылки в Казахстан, протоиереи Димитрий Крючков, Александр Ильин в числе пяти обвиняемых – к трем годам ссылки в Западную Сибирь, остальные освобождены из-под стражи с лишением права проживания в 12 населенных пунктах. См.: Шкаровский М.В. Иосифляноство. С. 30.

⁴⁶⁵ Письмо от 27 марта 1932 г.

⁴⁶⁶ Письмо от 17 апреля 1933 г.

⁴⁶⁷ Письмо от февраля 1932 г.

⁴⁶⁸ Около 1933–1934 гг. (авторская рукопись в 18,5 тетрадных листов).

⁴⁶⁹ 1933 (авторская рукопись в 18 машинописных страниц).

Продолжались и контакты с рогожскими старообрядцами. Еще по выходе своем из Ярославского политизолятора владыка узнал о составленном под руководством митр. Сергия «Деянии архипастырей православной св. Церкви в Союзе С.С.Р., возглавляемых Московской Патриархией», отменявшем клятвенные запрещения на старые обряды⁴⁷⁰. Еп. Андрей возрадовался, ибо надеялся, что это «Деяние» положит начало разрушению преград между различными ветвями русского православия: «Хотя ... на каждой его строчке написано глубокое непонимание всего, так называемого, старообрядчества, как явления церковно-культурного, а не только обрядо-молитвенного, – тем не менее я был от него в восторге».

Однако вскоре оказалось, что это доброе начинание митр. Сергия им же и похоронено. «Деяние» 1929 года осталось для него лишь случайным эпизодом текущей работы и не отражало его собственных мыслей: это подтверждает опубликованная митр. Сергием в 1931 году статья, где он называет белокриницкую иерархию «ничтожной и всё, совершаемое ею, безблагодатным и недействительным»⁴⁷¹; такие оценки повторены им и четыре года спустя, причем на этот раз первосвятитель Патриархии не преминул вспомнить еп. Андрея (находившегося тогда в заключении в Ярославле), поиронизировав над его взаимоотношениями со старообрядцами:

Классическим примером попытки друг друга перехитрить при переносе благодати священства из... церкви в раскол является «чин», устроенный в сентябре 1925 г. в Ашхабаде е. Андреем Ухтомским и убежавшим из церкви архим. Климентом. По поручению старообрядцев Климент приехал к е. Андрею приглашать его перейти к ним. Е. Андрей прекрасно знал, что старообрядцы примут его к себе только по второму чину, то есть с отречением от никонианства и чрез миропомазание, и все-таки согласился. Но, отрекаясь от никонианства, он воспользовался софизмом: исправления Никона послужили толчком для церковных реформ Петра I; а на почве последних выросло новое направление в церковной жизни, породившее обновленцев. Следовательно, отречься от обновленчества – значит отречься от никонианства. Помазал себя и миром, но старался думать, что совершает не таинство миропомзания, а простое помазание в знак духовной радости по случаю совершившегося. Климент, которому предстояло получить от е. Андрея хиротонию в архиереи, поспешил закрыть глаза на все эти маленькие неточности. Е. Андрей стал старообрядческим архиереем, а Климент получил хиротонию. Однако старообрядцев такое *qui pro quo* не удовлетворило; они не признали ни Андрея своим, ни Климента архиереем. К таким же, в сущности, ухищрениям нередко прибегают и сами старообрядцы. Например, стараются, чтобы уходящий к ним из Церкви успел, так сказать, перебраться через церковную ограду – пройти чиноприем в старообрядчество – раньше, чем суд церковный наложит на него запрещение или лишение сана. Забывают, что кроме суда внешнего, человеческого есть еще суд Божий, от которого нигде и ничем не укрыться. «Аще сокрыются во аде, то и оттуду рука Моя исторгнет я» (Амос. 9. 2). Да и внешний суд церковный может достичь убежавшего, куда бы он ни убежал: по канонам, убежавший клирик остается клириком прежней епархии и по-прежнему подсуден своему архиерею, равно как и убежавший архиерей – своему кириарху. Присоединение к раскольническому обществу будет не укрытием от суда, а только лишним основанием лишить убежавших

⁴⁷⁰ Именно это «Деяние» (с некоторыми коррективами) легло в основу аналогичного решения Поместного Собора 1971 г. См.: Поместный Собор Русской Православной Церкви 1971 г. М., 1972. С. 101–113, 129–131.

⁴⁷¹ М. Сергий [Сергий (Страгородский), митр.]. Отношение Церкви к отколовшимся обществам // Журнал Московской Патриархии. 1931. №3. С. 5.

сана или, по крайней мере, запретить и признать недействительным все совершенное ими по уходе из Церкви⁴⁷².

«Митрополит Сергей хотел было сделать одно прекрасное дело, да и на это у него не нашлось достаточно ни мужества, ни честности», – прокомментировал еп. Андрей эпизод с «Деянием».

Для него самого это было делом первостепенной важности. Вот почему владыка был столь обрадован, когда 19 сентября 1932 года получил Св. Дары и миро от старообрядческого архиепископа московского и всея России Мелетия (Картушина). В написанном с его благословения письме за подписью протопопы Николы Пронина еп. Андрей уведомлялся об окончательном принятии в молитвенное общение со старообрядцами, приемлющими Белокриницкую иерархию.

Владыка писал: «Моя радость по поводу этого события была и остается беспредельной». Он воспринял этот акт старообрядческого первосвященника как «событие крупной общецерковной важности», способное хотя бы «постепенно и медленно», но послужить возрождению русского православия. Вот почему еп. Андрей немедленно сообщает в Уфу: «Я получил от Господа великую милость... получил Святые Дары от Старообрядческого Белокриницкого духовенства. – Это для меня было вполне неожиданно; и, значит, раскол, как раскол, – идейно кончен! Для этого одного стоило делать революцию».

Он просит своих уфимских корреспондентов: «Скажи это м. Феофании и Ивану Степановичу. – Таким образом – объединение полное! Пусть радуются все, пусть молятся обо мне грешном»⁴⁷³.

Когда владыку спросили об условиях его воссоединения со старообрядцами, он пояснил: «Отвечаю коротко и ясно: БЕЗ ВСЯКИХ УСЛОВИЙ. И это тем более обязывает меня быть безукоризненно честным по отношению к тем, кто поверил моей честности»⁴⁷⁴.

Об отношении старообрядцев к этому воссоединению можно судить уже по самому наличию имени архиепископа Андрея в помянниках 1940-х – 1950-х – там его поминали за упокой в одном ряду с архиереями белокриницкой иерархии. По свидетельству о. Сергия Маслова, такой помянник сохранялся, например, в винницком храме Сошествия Святого Духа со времен еп. Иринарха (Вологжанина)⁴⁷⁵, аналогичная запись имела и в помяннике авторитетной среди рогожских прихожан инокини-схимницы Досифеи (†1988). Оба эти человека – еп. Иринарх и м. Досифея – хорошо знали жизнь старообрядческой Москвы 1930-х.

* * *

Владыка Андрей продолжает работать, верить и надеяться на то, что «усилиями большевиков (хотя и вопреки их желанию) начинает кристаллизовываться подлинно евангельская, убежденная, выстраданная общественная жизнь»⁴⁷⁶. Убежденный, что этот процесс вершится на благо стране, владыка воспринимает свой вызов в Москву в 1934 году с надеждой.

Рассказывают, что какое-то недолгое время он жил при старообрядческой Архиепископии на Рогожском кладбище; очень скоро последовал очередной арест со все той же Бутыркой.

14 мая 1934 года Особое совещание приговорило еп. Андрея по статье 58–10 УК РСФСР к трем годам тюремного заключения в местах лишения свободы, подведомственных ОГПУ, считая срок с 22 апреля 1934 года.

⁴⁷² М. Сергей. Значение апостольского преемства в инославии // Журнал Московской Патриархии. 1935. №23–24. С. 6–7, 11.

⁴⁷³ Письмо от 3 февраля 1933 г.

⁴⁷⁴ Письмо от 27 марта 1933 г.

⁴⁷⁵ В миру – Иван Поликарпович Вологжанин (1886–1973), старообрядческий епископ киевский, винницкий и одесский с 1956 г.

⁴⁷⁶ Председателю Сов. нар. кома гражданину Молотову, 23 мая 1933 г.

Этот срок владыка вновь отбывал в Коровниках⁴⁷⁷. Опубликованы несколько рапортов его надзирателей: «Довожу до Вашего сведения, что на прогулке заключен. УХТОМСКИЙ говорил ОДИНЦОВУ, что в газетах пишут, предлагают Германии вступить в лигу наций и заключить пакт не нападение Советским Союзом, что сама лига скоро развалится и Франция хочет выходить из лиги наций, если лига наций провалится, то Германия с удовольствием вступит и покажет мелким при балтийским Государствам. О чем доношу до Вашего сведения. 7/IV-36 г. БАЛАГАЕВ. Верно: Нач. Канцелярии (Виноградов); «Настоящим доношу Вам, заключенный УХТОМСКИЙ прибыл в нашу тюрьму второй раз, и когда я заполнял на его карточку-формуляр в дежурке он притворился больным, и сам подвинулся к столу ближе, и говорит будьте добры сказать где поп ЛАДОХА куда он отбыл, я ответил что это неотносится к заполнению Вашей карточки и тогда он стал молится. Когда он сидел в камере 138 и увидел проходящего по коридору закл. ПЕПЕЛЯЕВА то в уборной во время оправки он рассказывал СЕРЕБРЯННИКОВУ что во время гр. войны он УХТОМСКИЙ и др. собирали средства для армии ПЕПЕЛЯЕВА и поддерживали его о чем было раньше писано. Были еще такие разговоры что сижу и сам незнаю за что. Собираю сухарики по деревне вот и все за что сижу. На прогулках в праздники как рождество и пасха он обращался ко всем с проздравлением и призывал всех заключенных праздновать великие праздники как-то: НОВОСЕЛОВА, АДЕРКАСА, ЕФРЕМОВА и др. 22/VIII-37 г. Деж. Пом. Нач. АРАПОВ. Верно: Нач. Канцелярии (Виноградов)»⁴⁷⁸.

Место заключения считалось теперь тайной, и официально о судьбе владыки не сообщалось ничего, хотя, видимо, полуофициально и распускалась молва, будто еп. Андрей сослан в Архангельскую область. Однако многие знали и правду. В частности, помнивший владыку еще по Рыбинску А.А. Золотарев уже в 1944 году запишет «для себя»: «В довершение светлого и праведного облика почившего русского иерарха наступила подвижническая полоса долговременного досмертного одиночного заключения. – По слухам он и сидел-то совсем недалеко от Рыбинска в Ярославской крепко «завинченной» политической тюрьме в Коровниках. Так что вместе и вослед за апостолом епископ Андрей мог бы сказать о себе: *течение скончах, веру соблюдох, прочее убо соблюдаемися венец правде*. Да будет так! хочется воскликнуть в сердце своем любящем в Бозе почившего и благодарном его светлой памяти»⁴⁷⁹.

Эту запись Золотарев сделал, когда «в связи с восстановлением патриаршества и учреждением при нем священного Синода, в Рыбинск пришла печальная весть о том, что епископ Андрей умер. Это написал в наш город епископ Казанский Андрей<, > упомянутый в Вестнике Моск. Патриархии среди членов синода<, > на запрос рыбинцев»⁴⁸⁰. Поскольку архиепископ Андрей (Комаров) занимал казанскую кафедру (с 1942 года) лишь по январь 1944-го, можно предположить, что уже тогда была запущена в оборот фиктивная дата смерти еп. Андрея – «1944», позднее фигурировавшая во многих источниках.

На самом деле земной путь владыки закончился много раньше. 4 сентября 1937 года он был расстрелян в Ярославской тюрьме⁴⁸¹.

⁴⁷⁷ Летом 1934 г. на базе упраздненного ОГПУ будет создан НКВД СССР, и к концу 1935 г. все прежние «изоляторы» и «политизоляторы» станут называться тюрьмами. Ныне Коровники официально именуется СИЗО №1 УИН по Ярославской области (учреждение ИЗ 76/1).

⁴⁷⁸ Русская мысль. 26 мая – 1 июня 1994 г. № 4031. С. 17. Вошедшие в эту публикацию документы из «Личного дела з/к А.А. Ухтомского» из архива УФСБ по Ярославской области к 1999 году уже были переданы в Государственный архив Ярославской области (ф. ФС 12078).

⁴⁷⁹ Золотарев А.А. Campo Santo – кладбище моей памяти // РГАЛИ. Ф. 218. Оп. 1. Ед. хр. 15. Л. 86об.

⁴⁸⁰ Там же. Л. 84об.

⁴⁸¹ Где он был погребен, достоверно не известно. Захоронения жертв массовых расстрелов 1937–1938 годов в Ярославской области производились в нескольких местах. Сохранилось и сейчас признано мемориальным кладбищем лишь одно из них, Селифонтово, на 239-м километре шоссе Москва – Ярославль, однако оно появилось едва ли ранее октября 1937 г. Прочие места массовых захоронений на окраине города утеряны, так как их территория застроена цехами Ярославского нефтеперерабатывающего завода.

* * *

Однажды из Алма-Аты владыка Андрей написал одному из своих корреспондентов:

Я ни одного раза не молился о своем освобождении или о чем-либо касающемся своего благополучия. Я боялся такой молитвы, как своей, и только говорил: «Да будет воля Твоя». В 90 псалме сказано: «С ним есть в скорби». Я и знаю, что около меня скорбящего – всегда Господь; а около моего веселья... Господь далеко не всегда! – Поэтому боюсь молиться о чем-либо, кроме исполнения на мне воли Божьей»⁴⁸².

рабатывающего завода (см.: Не предать забвению: Книга памяти репрессированных в 1930–40-е и начале 1950-х годов, связанных судьбами с Ярославской областью. Т. 1. Ярославль, 1993, С. 117–119). Особо нужно сказать и об альтернативной точке зрения на место расстрела еп. Андрея, воспроизведенной и в недавнем авторитетном издании: «4.09.1937, Волголаг НКВД, г. Рыбинск» (*Зимина Н.П.* Жизнеописание священномученика Симона. С. 327). По всей вероятности, эти данные восходят к хранящемуся в фондах Рыбинского государственного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника письму начальника подразделения (видимо, архивно-регистрационного) Управления КГБ СССР по Ярославской области А.Н. Баглаева (№10/181 от 12.11.90): «Согласно материалов хранящегося в Управлении КГБ СССР по Ярославской области архивного уголовного дела на Ухтомского Андрея Алексеевича 1872 г.р., уроженца г. Рыбинска, в 1937 году он находился по приговору Особого Совещания НКВД СССР в Волголаге НКВД (г. Рыбинск). По сословному происхождению – князь, образование – высшее, архиепископ, один из зачинателей экуменического [!] движения в России. 3.09.1937 года Тройкой УНКВД Ярославской области Ухтомский А.А. осужден к ВМН – расстрелу. Юридической квалификации преступления не дано, обвинительного заключения в деле не имеется. Приговор приведен в исполнение 4 сентября 1937 года в г. Рыбинске. В соответствии со ст. I Указа Президиума Верховного Совета СССР от 06.01.1989 года «О дополнительных мерах по восстановлению справедливости в отношении жертв репрессий имевших место в период 30–40-х и начале 50-х годов» Ухтомский А.А. реабилитирован. Не может не вызвать сочувствие судьба Андрея Алексеевича, мечтавшего об единении и братстве всех народов, жизнь которого трагично была прервана сталинскими репрессиями. В память жертв этих репрессий, в том числе Ухтомского А.А., создается музей-мемориал в церкви Владимирской богородицы, г. Ярославль ул. Рыбинская дом 62». Насколько нам известно, печатное упоминание Волжского ИТЛ и строительства гидротехнических узлов (1935–1942) в связи с именем еп. Андрея впервые появилось в следующем виде: «Ухтомский Александр Алексеевич... Подвергался репрессиям в 1923, 1927, 1929, 1931, 1932, 1934 годах. Последний раз арестован в 1937 г. Постановлением особого совещания при НКВД СССР приговорен к высшей мере наказания. Во время следствия находился в Волголаге. Расстрелян 04.09.1937 г. Реабилитирован 03.08.1989 г.» (Имена на обелиске «Мемориала» / Сост. В.И. Рябой. Рыбинск, 1995. С. 205). Но здесь речь идет именно о следствии, а не о расстреле. Хотя документация Волголага, строившего Угличский, Рыбинский и Шекснинский гидроузлы, сохранилась очень плохо, из истории аналогичного ему по функциям и подчиненности Дмитлага (строительство канала Москва – Волга) однозначно известно, что «расстрельными делами» его заключенных занималась не лагерная администрация, а УНКВД по Москве и области, причем захоронены расстрелянные заключенные Дмитлага на том же «полигоне» в Бутово, что и обычные жители Москвы и Московской области. По всем регионам страны заключенные, против которых в годы «большого террора» возбуждались новые дела, числились убывшими из лагеря в распоряжение местного УНКВД, но никак не наоборот. Наконец, опубликованы (причем, видимо, по тому же личному делу заключенного) еще несколько документов, из которых следует, что с мая 1934 г. владыка Андрей уже не покидал Ярославской тюрьмы: – «Выписка из Протокола Совещания при Народном Комиссариате Внутренних Дел СССР от 27 марта 1937 г. Слушали: смотр дела 602089 УХТОМСКОГО Андрея Алексеевича, ос. пост. Ос.Сов. от 7.VII.32 г., по ст.58–10 УК к ссылке в Казахстан, сроком на 3 г. и по пост. Ос.Сов. от 14.V.34 г. по ст.58–10–11 УК к закл. в места лишен.свободы подведомст. ОГПУ сроком на 3 года. Постановили: УХТОМСКОГО Андрея Алексеевича – за к-р деятельность – приговорить к тюремному заключению, сроком на ТРИ года, сч. срок с 22.III.37 г. *Дело сдать в архив. Отв. Секр. Ос. Сов. (подпись)*» (На обороте надпись: «Горько оплакиваю Советскую юстицию и до сих пор уверяю, что никакой контр-револ. деятельностью не занимался. 1937 апр. 9. *Ухтомский*»); – «СПРАВКА о прошлой к-р деятельности Ухтомского Андрея Алексеевича. Занимался объединением церковников всех направлений (старообрядцев, сектантов, православных и пр.), из представителей которых создавал нелегальную к-р организацию для борьбы с Советской властью. Неоднократно был репрессирован, в частности, Ос.Сов. 7.7.32 г. выслан в Казахстан сроком на 3 года, до этого отбывал заключение в Политизоляторе 3 года на основании постановления Ос.Сов. ОГПУ 18.1.1929 г., после отбывания ссылки постановлением Ос.Сов. от 14.5.34 г. заключен в тюрьму на 3 года, по отбытии срока наказания за к-р деятельность в тюрьме приговорен Ос. Сов. НКВД 27.3.37 г. к тюремному заключению на 3 года. *Начальник Ярославской Тюремь ГУГБ Лейтенант Гос. Безопасности БОБКОВ (подпись)*»; – «Выписка из протокола № 6 судебного заседания тройки Упр. НКВД Ярославской обл. от 3 сентября 1937 г.»: «Слушали: Дело Яросл. тюрьмы ГУГБ НКВД № 8 УХТОМСКОГО Андрея Алексеевича 1872 г.р. урожен. г. Рыбинска, служит.культы – архиеп. быв. князь. Постановили: УХТОМСКОГО АНДРЕЯ АЛЕКСЕЕВИЧА РАССТРЕЛЯТЬ. *Секретарь тройки: (АНТОНОВ) – подпись*». (Русская мысль. 26 мая – 1 июня 1994 г. №4031. С. 17; расширенный вариант: Русское Православие: Всероссийский вестник Истинных Православных Христиан. № 5(14), 1998. С. 7–9).

⁴⁸² Письмо от 15 февраля 1932 г.

Труды епископа Андрея

Открытое письмо старообрядческим епископам Белокриницкой иерархии⁴⁸³

Боголюбивые братья о Христе!

Помолившись Богу и призвав Господа на помощь, начинаю писать эти строки. Молю Господа, чтобы не моя воля была в этом писании, но чтобы Сам Господь за молитвы московских чудотворцев, в граде которых мне приходится писать это послание, моему слабому слову дал силу послужить Его вечной правде. Молю Господа и о том, чтобы не только вы, столь ответственные пред Богом за свою паству, но и вся паства ваша почувствовали вместе, единым сердцем, что в моих словах нет никакого грешного намерения, никакого потайного плана. Я ничего для себя не ищу, ни о чем другом не хлопочу, как только о том, чтобы любовь Христова росла и умножалась и чтобы в нашей жизни, в нашем церковном объединении свяtilось имя Божие. Ради этого только я и был на Рогожском кладбище в памятный день 31 мая 1917 года, когда я передал собору Белокриницких епископов письмо от единоверцев г. Петрограда с просьбою-предложением объединиться в общей церковной молитве.

На это предложение последовал ответ Белокриницких епископов, на который я ныне и отвечаю этим письмом, и должен сказать правду: горько мне было его читать, горько мне было показать его тем, кто в своем легкомыслии не ценит вечного спасения братии своей и не имеет к ней заповеданной Господом любви.

Так мне и говорили: «Отличный ответ! Мы предсказывали, что ваша (т.е. моя) затея с посещением Рогожского кладбища кончится таким ответом».

Но дадим себе слово, братие, что не будем обращать внимания на все эти препятствия к исполнению нашего святого дела. Пусть всякие наемные говоруны, злые клеветники и просто говоруны, только сеющие раздор и разделение, – пусть они делают свое недостойное дело; а мы в любви к Господу будем взирать только на Его пречистый лик и постараемся в чистой совести послужить св. Церкви; постараемся нашу совесть сохранить чистой для Господа. Да, вы правду пишете: «Два с половиной века продолжается этот богоненавистный раскол церковный в нашем отечестве», и все мы повинны в том своими грехами. Верно и то, что пропасть велика утвердился между нами и вами.

Но наша обязанность ныне эту пропасть засыпать, уничтожить. Мы знаем, что вечная и уже навеки непреходимая пропасть утвердилась только между праведниками и грешниками, между добром и злом. А мы – все, конечно, не праведники; все мы – грешники и только надеемся на милосердие Божие, что не до конца прогневается на нас Господь. Поэтому и пропасть, между нами утвердившаяся по грехам нашим, может быть уничтожена, в это я твердо верю.

О, я твердо знаю и то, что это дело великое и трудное. Нужно преодолеть многие препятствия, нужно уничтожить многие преграды, которые Дьявол поставит по пути воссоединения к церкви православной всех, от нее отошедших, и ее хулителей. Но невозможное от человек возможно для всепобеждающей силы Божией. Только мы все должны быть сильны этой силою, все мы должны быть сильны тою любовью друг ко другу, которую Господь заповедал нам.

А вот, братие, вы этой любви и не имеете. Я думаю, что вы ошибаетесь; я думаю, что не только вы сами грешите, но и всю паству вашу во грехе содержите. Я пошел к вам с открытым сердцем, в любви к Богу и к вам, своей братии. А вы что сделали? Вы и не подумали

⁴⁸³ СЦ. 1917. №45–47 (5, 12 и 19 ноября). С. 743–744.

придти ко мне! Вы считаете себя такими праведными, что говорите слова евангельские, что «пропасть великая утвердися» между нами. Я не согласен с этим. Такой приговор может произнести только Единый Сердцеведец и Судия Праведнейший. Вы должны жалеть заблудшихся и вразумлять их. А вы этого не сделали, а только написали ваш ответ. По моему мнению, я и преосвященный Иосиф углицкий, когда пошли на Рогожское кладбище, то сделали истинно христианское дело, и когда епископы Белокриницкой иерархии с любовью приняли нас, то тоже сделали доброе дело. А когда эти епископы вместо ответа делом ответили только суровым словом и отказом говорить с такими заблудшими, как я, то это не очень свято и не очень угодно Господу.

Простите меня, Христа ради, за эти слова. Правда, вы пишете, что вы не перестаете молить Господа о мире всего мира и о совокуплении всех во едину святую соборную и апостольскую Церковь. А я прошу вас, чтобы вы не только молились об этом, но и делали бы то, что требуется для объединения всех в граде Церкви Христовой.

В этом отношении те архипастыри, которых вы порицаете и которых вы не признаете даже и православными (это меня и такого духовного и самоотверженного святителя, как преосвященный Иосиф углицкий), пошли впереди вас и проявили более любви, чем вы.

Но и вся церковь святая наша проявила всю свою любовь к старообрядцам, как только жизнь ее освободилась от прямого насилия. В этом отношении мы, православные, подготовили уже почти все, что необходимо для [исправления] исторических, ужасных ошибок со стороны прежней правительственной власти. И прежде всего обращено внимание на так называемое единоверие или православное старообрядчество; в этих вопросах, как и во всех, касающихся старообрядчества, много и свято потрудились члены так называемого предсоборного совета, бывшего в июне–июле с. г. в Петрограде.

Этот предсоборный совет, отметив высокие религиозно-бытовые особенности быта православных старообрядцев, постановил, что для церковного дела полезно иметь этим старообрядцам свою иерархию, находящуюся в полном братском единении на областных и поместных соборах со всею православною церковью русскою. Лично я глубоко согласен, что доселе православное старообрядчество было организовано вовсе ошибочно и, лишненное своих епископов, которые имели бы их на своем попечении, – вносило много недоразумений в общецерковную жизнь. К сожалению, были и такие случаи, когда единоверческие приходы, наиболее бедные, не имевшие возможности содержать своих священников, присоединялись к ближайшим православным приходам, что даже и поощрялось. Однако теперь есть надежда, что единоверцы будут более дорожить своею церковностью и будут радоваться, видя деятельность своих архипастырей.

Кроме этого решения, предсоборный совет постановил единогласно, что необходимо снять клятвы, поскольку они касаются древних обрядов. Лично я думаю, что эти клятвы наложены только на церковных раздорников, а не на самые обряды, потому что наиболее древние святыя образа – все с двуперстным перстосложением, и ныне украшают наши святыя храмы; кроме того, никому из православных епископов и в голову не приходило считать под клятвою всех двуперстников, а ведь почти весь Заволжский край, весь Север и весь Урал крестится двуперстно. Ясно, что или собор 1667 года не был признан вполне авторитетным всею русскою церковью, всем верующим церковным народом, или постановления его нужно понимать как-то иначе, чем это делают старообрядцы. Но повторяю, что соборные клятвы на старые обряды предсоборный совет решил снять. Таким образом, старообрядцы могут указывать на ошибки прежней власти (и гражданской, и церковной) в отношениях к старообрядчеству, но пока не имеют основания упрекать новую церковную власть в невнимании к запросам церковной жизни. Но вот старообрядцы требуют участия восточных патриархов в снятии клятв, а по моему мнению, это внутреннее дело русской церкви и вмешивать в него патриархов, которые могут отнестись к нему только формально, не влагая в него душу, – это значит только ослож-

нять и затруднять все святое дело объединения русских людей в единое церковное стадо на радость Единому главе Единой Церкви, Господу Спасителю. Кроме этого соображения, можно добавить, что патриарх антиохийский Григорий, когда был в Петрограде, то на служении в единоверческой церкви совершал крестное знамение двуперстно – иначе он делом указал свой взгляд на этот крест.

Последний упрек, который Белокриницкая иерархия делает православной церкви, состоит в том, что «не исполняется богослужебный чин, даже по ее книгам и уставам, служба совершается с пропусками, какими-то отрывками, антицерковным пением (концертным)».

Вот это воистину горе! И хуже всего то, что миряне, простой народ, хоть по привычке, по народным воспоминаниям, еще любит весь уклад церковной жизни, любит св. посты, любит уставное богослужение и пастырей – молитвенников и постников, а многие пастыри наши, воспитанные на всякой философии, по временам вполне пренебрегают и постами, и церковным уставом, и горем своих прихожан, когда последние жалуются, что у них, вместо пастыря доброго, Божию службу правит какой-то нигилист, явно ни во что не верующий и ничего не любящий.

Эти же пастыри наши буквально живого слова не могут сказать во спасение скорбящей души, – все у них заученно, безжизненно, скучно! Они не умеют и приступить к делу церковному, они просто не понимают его... Да, это – горе! Но всем этим и озабочена наша иерархия, которая главной своей целью поставила за последнее время отыскать добрых церковных деятелей, пастырей ревностных, преданных церковному делу и соблюдающих церковные уставы. Мое личное мнение таково, что в настоящее страшное для церкви время, если бы старообрядческая иерархия пошла навстречу воссоединения с иерархией православной, то она много послужила бы сохранению церковного строя на святой Руси. И великий грех старообрядческие иерархи примут на свои души, если они не только не уравнивают пути к воссоединению старообрядцев с православными, но вместе с нашими печальной памяти миссионерами будут стоять стеною или пропастью между этими двумя близкими по духу церковными обществами.

В заключение я скажу, как я находил бы возможным установление молитвенного взаимобообщения и примирения между православными и старообрядцами. Все дело во взаимном стремлении к любви Христовой, к установлению церковного единения. Поэтому обе стороны должны идти навстречу друг другу, т. е. все подготовить к объединению, а потом – буквально выйти навстречу друг другу. Иерархи Белокриницкой иерархии должны идти великим крестным ходом в святой московский Кремль, к московским чудотворцам, а навстречу им из Кремля со всеми святыми древними образами должны идти всем собором иерархи православные. Встретившись на Красной площади, все участники крестных ходов падают в землю друг другу и взаимно испрашивают друг у друга прощение за вольные и невольные двухвековые прегрешения. И верую и исповедую, что Сам Господь с высоты небесной благословит это взаимное всепрощение и пошлет Свою благодать, и в слезах неземной радости святая Русь начнет новую жизнь. После взаимного братского лобзания старообрядческий первосвященник совершит Божественную литургию в Архангельском соборе с епископами Андреем уфимским и Иосифом углицким, а первосвященник новообрядческий – с двумя епископами старообрядческими будет литургисать в Успенском соборе. Все это должно произойти в согласии со всем верующим народом обеих сторон. Весь народ должен участвовать в радости этого торжества единым сердцем, хотя внешний обряд будет во многом различаться. А потом мудрость объединенной иерархии должна на общих соборах (может быть, на многих) чрез общие молитвы объединить все свое стадо церковное и в обряде; и даст нам всем Господь ту любовь к церковным обрядам, которую имели и сейчас имеют ревностные хранители церковных преданий русские старообрядцы.

Братие – святители иерархии Белокриницкой! Простите меня, что беспокою вас этим письмом, но совесть моя в нынешние ответственные дни требует от меня слов и дел, а не одного

только благонамеренного молчания. Прошу же вас и умоляю вас именем Божиим, кланяюсь вам и прошу вас: во имя любви Христовой будьте выше привычных взглядов и мнений, сами забудьте и паству вашу убедите забыть всякие пререкания и обиды и постарайтесь соделать всероссийскую и даже вселенскую радость, постарайтесь совершить объединение церкви православной со старообрядцами.

Да укрепит Господь вас на этот великий подвиг! Прошу ваших молитв обо мне грешном.

Епископ уфимский Андрей

О старообрядцах

Речь, произнесенная в Восточно-русском культурно-просветительном обществе 8-го февраля 1918 г.⁴⁸⁴

Наши богословы имеют обыкновение полемизировать со старообрядцами по отдельным пунктам их религиозно-обрядового мировоззрения, не вникая в ту общую связь, которой они подчинены, и не замечая того, что душа старообрядцев привязана не к этим пунктам в отдельности, а ко всему их религиозному делу в полной его совокупности. То, что они часто не умеют защитить своих некоторых религиозных положений и терпят поражения, вызывает в них только одну досаду за то, что их как бы уличили, но это несколько не колеблет их веры в правоту их убеждений. – «Хотя я и не умею тебе сейчас возразить, – думает потерпевший поражение в словесном споре старообрядец, – но это не значит еще, что я не прав, и придет время, когда я сумею тебе ответить». Бывает, что он может найти что-нибудь возразить богослову-академисту, но в общем весь этот богословский спор души его вовсе не задевает и остается как бы где-то на поверхности, несколько не колебля всего его стойкого мировоззрения, которое как бы срослось с ним. Вся-то и суть в том, что он верит «нутром», непосредственно, и его мировоззрение неуязвимо для подобных словесных доказательств. За все 200 лет раскола наши отношения со старообрядцами только такими спорами и исчерпывались.

Старообрядцы ищут истины, пересматривают свое религиозное мировоззрение и ищут возможности соединения с Церковью.

Им не до смеха. Истины ищут они серьезно и честно. Единоверцев и их религиозные взгляды я знаю. Называя себя *единоверцами*, они свидетельствуют о том, что они *одной с нами веры*, и они стремятся во всех отношениях быть ближе к св. Церкви. И это тем более важно, что в настоящее время идет целый поход против нашей веры, и мы все должны сплотиться для самозащиты...

Какие же средства должны мы принять для исцеления нашей церковной жизни? Говорят, нужно устраивать крестные ходы. Я не раз участвовал в крестных ходах и очень сам люблю их, но крестные ходы – это еще не дело, это лишь молитва перед делом, это – начало дела. Нельзя ограничиться в борьбе со злом одними крестными ходами. Это все равно, что прочитать молитву перед делом, а дальше ничего не делать.

Если мы серьезно хотим взяться за дело, мы должны твердо работать, и в этом труде мы все-таки можем взять пример с единоверческой общины. У единоверцев есть культура, есть понимание Церкви, сплоченной жизни. На Соборе я говорил, что для возрождения нашей Церкви мы должны поклониться всем неверующим и просить их: «Уйдите, ради Бога, от нас!»

В свое время была сделана грубая ошибка, из-за которой церковная жизнь только разрушалась, когда строжайшим образом запрещалось выходить из церковного общества неверующим.

Эти-то неверующие элементы, пребывая в теле церковном, лишь разрушали само тело... Привлечение же в тесный союз с нами единоверцев, людей верующих, которые знают, что такое Церковь и церковная дисциплина, может только быть полезным для общецерковного дела. Имея это в виду, я и пригласил в наш Кафедральный Собор единоверцев.

Единоверцы из Уфимской губернии приехали к нам в Уфу и приняли участие в службе по своим старым книгам. Я считаю, что подобные совместные богослужения по старорусскому чину должны как можно чаще у нас совершаться для нашей общей пользы. Я слышал, что некоторым не понравилось их пение, но их пение точно такое, как пение других православных

⁴⁸⁴ Издание Восточно-русского культурно-просветительного общества. Уфа. 1918.

народов. Я, когда услышал это их пение в Уфе, сразу перенесся на Кавказ, где я точно такие же напевы слышал у православных грузин, армян и греков; точно такое же пение раздается на Афоне и в Иерусалиме. Ясно, что источник этого пения – один; все это напевы нашего омогласника, завещанные нам преподобным Иоанном Дамаскиным.

Я уже сказал, что в то время, когда наши академические богословы смотрели на мировоззрение старообрядцев как на ошибку, русское правительство относилось к их существованию, как к большому беспорядку; это так называемый фронтной взгляд на жизнь. Фронтники требовали, чтобы старообрядцы молчали и не возражали в ответ на требования властей. Фронтник, по существу дела, равнодушен к существованию веры... «Будь про себя кем хочешь, но по виду показывай себя, как все», – думает он. Фронтник делает вид, что и он во что-то верит, но в действительности ему нет никакого дела до истины. Для него истина то, чего требует начальство. Завтра изменится начальство – изменится и истина; так государственная власть относилась к старообрядцам.

Вследствие такого постоянного гнета государственной власти на церковную жизнь, из этой церковной жизни как-то испарилась самая мысль о церковной дисциплине. В Церкви, даже в храме за дисциплиною наблюдал полицейский урядник... Может ли быть что-нибудь уродливее и ужаснее? Поэтому церковная дисциплина внутренней церковной жизни рассыпалась и перестала быть воспитателем народа в вере. Между тем вера не может не проявляться в жизни и в ее порядке (дисциплине), а порядок не может по своей природе не воспитывать человека, приводить его к вере.

Фронтники требовали, чтобы русское законодательство окончательно утвердило взгляд на раскол как на мятеж, в той надежде, что лет через 5 у нас вымрут все секты. На деле же получилось совершенно обратное... Несмотря на притеснение, раскол и секты стали только распространяться. Очевидно, что секты – явления органического порядка и не находятся в ведении духовного начальства. Протопоп Аввакум был признан мятежником против государственного строя, но теперь всем как-то совестно за те преследования, которые он перенес от русской власти, и волей-неволей приходится убедиться в живучести раскола. Кстати, небезынтересно отметить ведомство, которое ведает *русским* расколом и старообрядчеством, – это *ведомство иностранных исповеданий*, как вам нравится? И агенты этой власти, притесняя старообрядцев, сами духовно деморализовались; преследуемые же духовно коснели в своем одиночестве.

Относительно перстосложения у нас не должно быть педантизма. Двоеперстие, как и троеперстие, имеют историческое происхождение и основание, и оба могут быть в употреблении по благословию Церкви. В этом отношении пусть каждый так славит Бога, как привык, но горе-то в том, что мы совсем мало привыкли это делать! Горе в том, что само православное духовенство хотя и уверяет, что совершает богослужение не по старым, а по новым книгам, но своих же обрядов, указанных в этих книгах, не исполняет, а за ним не исполняет их и его паства. Один раз я как-то зашел в Нижнем Новгороде в церковь во время обедни. Певчих – ни одного человека. Они имеют обычай приходить или после Евангелия, или во время Евангелия; потом они пришли, пропели какую-то нецерковную «Херувимскую»; как только пропели запричастный стих – все к дверям... и когда вынесли св. Дары при возгласе священника: «со страхом Божиим и верою приступите» – в церкви была уже полная пустота. Разве это церковь? Разве это литургия? Это какой-то кафешантан, а не Божия служба; пришли в кафешантан и когда захотели ушли!..

Или, напр., обычай ставить вместо себя свечи! Сейчас был в монастыре. Народу там было мало, а свечей горело много. Самим молиться некогда, так вот вместо себя свечи поставят, а сами уйдут. Мне по этому поводу припоминается один чувашин в Казанской губернии, который поставил в церковь икону, а сам перестал ходить в церковь, говоря, что ему нечего там теперь делать; теперь там сам Никола Угодник за него Богу молится. Обо мне говорят, что я хвалю старообрядцев и браню наших православных... Но разве то, что я говорю, неправда? ...

На наше желание, чтобы старообрядцы присоединились к нам, они справедливо могут возразить: «Вы нас приглашаете? Но к кому же нам присоединяться? К вашим архиереям, которые нас не знают и знать не хотят? Или к вашей публике, которая не умеет стоять в церкви, соблюдать посты, уставы церковные?» Согласитесь, что наша обстановка церковная с пением вот таких концертов Бортнянского и Чайковского не может привлечь серьезно настроенного религиозного человека!

Всякий скандал в нашей церковной жизни не встречает серьезного отношения и не вызывает заслуженного порицания с нашей стороны.

Так, один сельский батюшка жаловался миссионеру на то, что у него в приходе разрастается сектантство. Спустя некоторое время миссионер спрашивает батюшку, увеличивается ли у него в приходе сектантское движение.

– Сильно увеличивается, – отвечает священник.

– Но чем же оно выражается?

– Да тем, что у нас все книжки священные читают.

При помощи полиции книги пришлось отобрать, и первая книга оказалась Библия!.. Затем толкования на свящ. Писание Иоанна Златоуста и другие подобные им. Сектантской ни одной книжки не было. Пришлось отобранные книги вернуть по принадлежности. Вот образец фронтального взгляда.

Сообщение епископа Андрея Уфимского 5 марта 1918 г.⁴⁸⁵

В первый раз я услышал о Григории Распутине в 1905 году, в Казани. Он был знаком с некоторыми монахами и бывал в духовной академии. Я был в то время архимандритом. Вскоре монахи познакомили меня с Григорием Распутиным, и он начал бывать у меня, не раз ночевал в моей квартире.

В это время он особенно поражал всех необыкновенно экстатической молитвой. Так он молился, например, в часовне, находящейся... <пропуск> Искренно или нет молился – я не могу сказать.

Иногда среди разговора он вдруг соскакивал с места, обрывал беседу и начинал молиться с необыкновенным жаром и подъемом. Он доходил до экстаза, но в этом экстазе мне чудилось что-то не совсем здоровое, что-то болезненное. Невольно возникали некоторые сомнения; мне думалось, что столь нервная молитва едва ли может исходить от человека благодатной жизни. О своих сомнениях я счел нужным предупредить тех монахов, которые поддерживали знакомство с Распутиным. Вскоре мои подозрения подтвердились.

Как-то он приходит ко мне и говорит:

– Я уезжаю в Раифский монастырь. (Монастырь этот находится... <пропуск>⁴⁸⁶.)

– Зачем? – спрашиваю я.

– Говорят, там есть один монах, чудотворец. Хочу у него побывать.

В Раифском монастыре в то время действительно был один иеромонах⁴⁸⁷, отличавшийся большой религиозной настроенностью. К нему за помощью обращались многие нервно больные, мятущиеся люди, и он помогал им, успокаивал их.

Распутин, вернувшись из монастыря, начал подражать этому иеромонаху. Пошли слухи о том, как он лечил и успокаивал одну женщину в купеческой семье.

У меня появились подозрения против Распутина, но я еще не решался оборвать знакомство с ним. Как-то он был у меня. Мы долго беседовали с ним о молитве, о посте, об исповеди. Он вспоминал об Иоанне Кронштадтском, к которому относился с большим сочувствием и уважением.

Мне было приятно слышать это, так как я сам всегда высоко ставил Иоанна Кронштадтского.

Но среди разговора он вдруг поразил меня одним замечанием:

– Да, ведь вот святой, а между тем как он к женщинам-то относится?..

Однако это не мешает его святости.

– Как! – воскликнул я. – Неужели ты веришь тем грязным сплетням, которые распускаются об Иоанне Кронштадтском его врагами?

Но мое возражение, видимо, нисколько не смутило Распутина, и он – как теперь помню – сказал мне:

– Эка, брат, штука, – кто больше ездит, тот больше берет.

– Вот ты каков! – сказал я с укоризной.

Распутин, увидев, что я переменял свое отношение к нему, начал меня уверять, что он «пошутил».

– Нет, брат, этими вещами не шутят, – сказал я ему. И тотчас же дал ему понять, что он потерял мое доверие. Он это понял и прекратил свои визиты ко мне.

⁴⁸⁵ Воспоминания вл. Андрея о Григории Распутине, надиктованные в Уфе А.С. Пругавину. Печатаются по публикации А.В. Знатнова (Юродивый всея Руси или последняя надежда дома Романовых // НГ-Религии. 3 сентября 2008 г.).

⁴⁸⁶ Раифский Богородицкий монастырь в 30 километрах от Казани.

⁴⁸⁷ Схиархимандрит Гавриил (Зырянов, 1844–1915) из Седмиозерной Богородицкой пустыни под Казанью.

Весною 1909 года в Казань приехал епископ Феофан⁴⁸⁸, направляясь в Уфу, где он намерен был лечиться кумысом. Он был у меня, причем разговорился о Григории Распутине. Я предупреждал Феофана о двуличности Распутина, об его обмане и эротомании.

Феофан молча выслушал, но не ответил мне ни одного слова. В августе того же 1909 года он, возвращаясь из Уфы, снова посетил меня. И когда на этот раз разговор снова коснулся Распутина, Феофан сказал:

– Да, это один ужас. Григорий вызвал распад царской семьи, он всецело завладел государыней. Бедный государь...

<Пругавин:> Я спросил епископа Андрея: имел ли Феофан при этом в виду интимную связь Распутина с государыней?

Епископ Андрей сказал, что слова Феофана не касались интимной связи.

<Епископ Андрей:> Вскоре после этого, в сентябре месяце, ко мне совершенно неожиданно явился Распутин с дочерью. Во время чаепития Распутин сказал:

– Мне нужно поговорить с тобой по большому секрету.

Я предложил перейти в отдельную маленькую комнату. Здесь Распутин начал рассказывать о епископе Феофане.

– Вот, братец ты мой, что с Феофаном-то случилось: был человек в силе, был духовником царя и царицы, но повздорил со мной – и полетел!

Теперь уже он не духовник у царей... Вот что значит ссориться со мной.

Свой рассказ Распутин закончил вопросом: «Скажи: веришь ли ты в меня?» И смотрит на меня в упор.

– Я знаю, что ты шарлатан, – сказал я спокойно.

Он рассердился, вскочил со стула и начал говорить:

– Вот ты как! А я нарочно к тебе приехал. Теперь место царского духовника свободно, я и хотел тебе предложить: не пожелаешь ли ты занять это место?

– Убирайся ты вон, я и говорить с тобой не хочу! – сказал я. Распутин поспешил уйти и больше уже никогда у меня не бывал.

Но когда я приезжал в Петроград, он отыскивал меня и приходил ко мне. Раз я встретился с ним 2 февраля 1910 года в храме Воскресения на Крови. Я стоял в толпе. Вдруг ко мне подбежал Распутин.

– Ах, владыка, я давно тебя ищу. Мне очень нужно поговорить с тобой.

– Оставь меня в покое, – сказал я ему.

Но он не отставал. Когда мы выходили из храма, он уже на лестнице сказал мне:

– Все бы было хорошо, но Столыпин хочет выслать меня из Петербурга.

Он говорил это настолько громко, что выходявшая из храма толпа начала обращать на нас внимание; многие начали прислушиваться.

– Я буду очень рад, если Столыпин вышлет тебя из Петербурга. Я даже сам хотел ему написать об этом.

Но Распутин не унимался. Он продолжал идти рядом со мной и говорил:

– А ты знаешь, за что Столыпин хочет выслать меня из Петербурга?..

За сущие пустяки!.. Вся моя вина в том, что я царицу ласкаю...

– Ты – нахал, – сказал я, – оставь меня и не смей никогда подходить ко мне.

Он отошел и направился к стоявшей около храма какой-то большой карете, в окне которой виднелись дамские лица. Дверцы растворились, Распутин влез в карету, и лошади тронули.

Больше я никогда уже не видел Распутина.

⁴⁸⁸ Феофан (Быстров).

Позднее я слышал, что Распутин, едучи по железной дороге с какими-то женщинами, уверял их, что он совершенно бесстрашен, и в доказательство этого ложился с женщинами в отдельном купе. Но вскоре же оказывалось, что уверения его в бесстрастности были ложными.

Относительно убийства Распутина А.Н. Брянчанинов⁴⁸⁹, по-видимому, со слов князя Юсупова, сообщал мне некоторые подробности. Сначала хотели отравить Распутина цианистым калием. С этой целью было приготовлено вино и пирожки с цианистым калием. Григорий выпил вино и съел все пирожки, кроме одного, но остался жив, пошел на верхний этаж как ни в чем не бывало. Все были этим страшно поражены. Желая проверить, не вышло ли ошибки с пирожками, дали собаке последний оставшийся пирожок. Собака съела и тотчас околела.

Тогда Юсупов решил застрелить Распутина. Он подошел к нему и выстрелил ему в грудь. Распутин упал навзничь. Пригласили доктора его осмотреть. Доктор осмотрел и сказал, что Распутин мертв. После этого участники убийства поехали в автомобиле осматривать местность, куда бы можно было отвезти труп. Вернувшись, они подошли к трупу. Вдруг Распутин открывает один глаз, потом другой глаз, а затем вскакивает и бросается на Юсупова. Последний бросился бежать от него по лестнице в верхний этаж. Так как Распутин его преследовал, то Юсупов начал стрелять по нему из револьвера. Распутин вернулся в комнату, где он лежал раненый.

В этой комнате была прекрасно замаскированная потайная дверь, не известная никому из посторонних. Распутин сразу нашел эту дверь и выбежал из комнаты. За ним погнались и добивали его железным аршином по голове.

⁴⁸⁹ Брянчанинов Александр Николаевич (1874–1931), журналист и издатель, внучатый племянник святит. Игнатия (Брянчанинова), к 1921 г. эмигрировал во Францию.

Краткое жизнеописание⁴⁹⁰

Краткое жизнеописание епископа Уфимского Андрея, который закончил свою жизнь архиепископом и многое сделал полезного как для Уфимской епархии, а также и вообще для православия.

Он славен тем, что в Уфе был добрым пастырем, и еще более тем, что воссоединил старообрядцев с православием, приняв помазание их миро на себе, признавая его как священное масло. Это воспоминание записано мною, игуменом Илией⁴⁹¹, в Уфе от благочестивой христианки Шаминой Елены Ивановны, проживающей в городе Уфе.

История моего мировоззрения

Моя няня

Ах, няня, няня – какое это для меня прекрасное, святое слово! Сколько бесчисленных, самых лучших воспоминаний дает мне это теплое слово – няня. Помните, читатель, как А.С. Пушкин научился и любить русский народ по воспоминаниям о своей русской няне, так и почти всем моим мировоззрением я обязан трем безграмотным людям, которые своим чистым чувством сумели утвердить во мне великую любовь к людям вообще и к русскому человеку, в частности. Эти три благодетеля были: моя няня Манефа Павловна, мой духовный иеромонах Федор, с которым я встретился 20-ти лет, и старая старообрядка Прасковья Сергеевна, убедившая меня любить старообрядцев, когда я уже был архимандритом.

Так вот, моя няня была для меня истинной благодетельницей. Это была величавая, строгая, нестарая женщина, когда я начал ее помнить. Она глубоко и искренне любила мою мать, от которой не захотела никуда уйти после 1861 года, когда получила свободу от крепостной зависимости. Так и жила моя няня в доме родителей моих целую жизнь. Это был для всех нас родной человек...

Не всегда дни нашей деревенской семейной жизни проходили безоблачно, причиной чего был тяжелый характер моего отца, и при всех неприятностях няня моя оставалась образцом любви и преданности долгу всей нашей [семьи].

Вот чувство долга и воспитала во мне моя незабвенная няня. Долг и труд – вот чему она меня научила. Я не помню, чтобы она когда-нибудь была без дела, без какого бы то ни было занятия. Она научилась читать самоучкой и ежедневно читала молитвы и все, что находила назидательного и полезного. И никогда я не видел, чтобы она читала что-нибудь несерьезное.

После ежедневного трудового дня няня долго и твердо шептала все те молитвы, которые она знала наизусть. С ее молитвенного шепота я и выучил свои первые молитвы, при этом я не мог и представить себе, как можно знать молитвы и не молиться.

Таким образом, моя искренно религиозная няня навсегда излечила меня от страшного порока нашей религиозной жизни – от религиозного лицемерия, которому обучала до 1917 года наша школа министерская и особенно так называемая духовная. Школа нас учила словам молитвы, но не воспитывала в нас молитвенного настроения.

⁴⁹⁰ Отрывки рукописи (11 машинописных страниц).

⁴⁹¹ Илия (в миру Николай Иванович Бобровников), настоятель Крестовоздвиженского храма в бывшем Благовещенском женском монастыре в Уфе. См. о нем: *Коршик В.* Вокруг церковного пирога // Крокодил. 1971. № 27; *Серафим (Николаев), архим.* Памяти архимандрита Илии (Бобровникова) // Журнал Московской Патриархии. М., 2002. № 1. С. 67.

Выучась у няни искренней молитве, я запомнил и весь ее запас догматических познаний. Я уже архиереем говорил неоднократно проповеди, заимствованные из мудрых наставлений моей няни.

Насколько помню, у ней было 3 догмата-поговорки: первая: «Христос терпел и нам велел». Эти слова я слышал от своей няни ребенком всякий раз, когда приходилось переносить неприятности или заставлял себя делать что-нибудь не по своей воле. Так Христос для меня стал с самого раннего детства законом жизни, идеалом любви и самопожертвования. Я еще ничего не понимал, но Христос уже был для меня очень близок. Я любил Его за Его любовь к людям, за то, что Он страдал для людей, за то, что простил грех первых людей. Христос был для меня всегда живой, всегда близкий к людям. Для меня никогда не было какого-то отвлеченного догмата о Христе, можно сказать, что я любил Христа ранее, чем узнал о Нем церковное учение: я всегда знал, что Христос видит меня и не относится ко мне равнодушно, или одобряет меня, или огорчается мною.

Второй догмат моей няни (всего русского народа): «Так жили святые угодники Божии». Эти слова при всей их простоте были исполнены глубокой любви к «угодничкам» и очень заполнили мою душу. Я помню лубочные издания жизни Святых: Великомучениц Екатерины, Варвары, муч. Евдокии, св. Алексия человека Божия. Помню, как проливал горькие слезы, жалея этих святых в их невинных страданиях и изумляясь их героизму.

О, конечно, я совсем не понимал тогда, что такое Церковь, я еще очень долго не понимал этого, но у меня в душе собирался прекрасный склад такого материала, которым я впоследствии мог распоряжаться и пользоваться сколько было нужно. Когда я впоследствии узнал, что Церковь прекрасный сосуд,местилище Святых чувств любви и самоотречения, что всякий живущий около Церкви может, так сказать, заразиться добрыми чувствами ея, то все воспоминания детства, которыми я обязан своей няне, для меня стали драгоценнейшим достоянием.

Третий догмат, которому научила меня моя няня, конечно, не зная этого мудреного слова, – это догмат, формула которого была такова: «Не беспокойся, всех нас Бог рассудит, найдет и правого и виноватого, все получим то, что заслужили». Это ничто иное, как переложение слов: «Чаю воскресения мертвых и жизни будущего века». А следовательно, эти два возвышеннейших догмата, выражающие христианскую надежду, и были вложены в самую простую формулу верующей женщины, которая не могла передать в сколько-нибудь отчетливых формах своего представления о загробной жизни, но всем помышлением верила в торжество добра за гробом, в вечность Божией правды.

А если так, то и нужно служить вечной правде, а не «тлену и праху», как вечно твердила моя няня...

Поэтому и жизнь она вела почти аскетическую, хотя решительно ничем по внешности не отличалась от других женщин. Царство Божие было внутри ее, и на ней я понял притчу Христа, как две женщины будут молоть вместе, а между тем одна возьмется (в Царствие Небесное), а другая останется (Лука 17, 35).

Так моя няня дала мне в детстве очень многое и продолжала радовать меня своею любовью почти до последних дней моего архимандритства. О если бы все няни так любили свое дело и живые души своих воспитанников, как моя няня!

А мне она бесконечно ценна тем, что из-за нее и через нее я полюбил русский народ и его святые верования. Я понял мировоззрение русского народа и искание им святой правды всегда и везде.

ЦАРСТВО ЕЙ НЕБЕСНОЕ!

Мои родители

Я бесконечно счастлив, что могу искренне уважать своих родителей и что моя любовь к ним не есть животная привязанность. Нет! Я счастлив, что любовь моя к моим родителям основана на глубоком к ним уважении при всем различии их характеров.

Они не отличались ни глубоким образованием, ни природными способностями. Они были, вообще говоря, люди средние со всеми привычками своего помещичьего дворянского круга. У них были и свои сословные пороки, хотя и не очень заметные, но в общем довольно чувствительные. И все-таки эти недостатки с излишком покрывались добрыми сторонами жизни моих родителей и еще более их стремлениями к осуществлению христианских идеалов, по крайней мере, в их личной жизни.

Отец мой, Алексей Николаевич, был всю жизнь неуживчивым человеком, т.е. любил правду и говорил правду в глаза так же просто рядовым своим знакомым, как и своему начальству. Это начальству очень не нравилось, и отец поплатился изгнанием со всякой государственной службы – особенно он был обижен, когда Ярославский губернатор вместо моего отца назначил другого дворянина, о котором он отозвался так: «Этот хоть дурак, да молчит...» После этого мой отец окончательно переехал в деревню, и отдал свои силы служению народу непосредственно.

Старая родовая усадьба кн. Ухтомских – Вослома – свидетельница крупных и малых преступлений и просто безобразий ее владельцев во времена крепостного права, при моем отце как бы хотела загладить свои грехи и служила народу, сколько было возможным. Отец ухитрялся так хозяйничать, что аккуратно ежегодно получал убытки, и если случалось получить ему неожиданную прибыль, то он своим работникам выплачивал прибавки...

Далее отец считал своим долгом показывать крестьянам пример улучшения сельского хозяйства: основал первую в крае артель, первый кооператив и прочее. Все это плохо прививалось, давало отцу только убытки, но он не падал духом и «служил народу», пока не обнаружилось, что после него его родная «Вослома» разорена (сыновья отказались хозяйничать).

Что касается религиозных взглядов отца, то они были очень своеобразны. Он боялся Бога, для него Бог был только Владыкою мира, своего рода Верховным начальством. Отсюда долг каждого исполнять Его Волю. И конечно, этот долг непререкаемый. Так мой отец и сам относился к своему религиозному долгу, так и детей к этому приучил. Долг превыше всего, вот основное правило нашей жизни... Все, что было лишнего в жизни, все это с самого раннего детства я был приучен немедленно откидывать. И делал это всегда с большим удовольствием.

А мать моя Антонина была идеально добрая женщина. Безо всякого преувеличения я могу сказать, что никогда не обидела ни словом, ни делом и мало того – ей приходилось иногда сглаживать и исправлять те резкости в отношении к людям, которые позволял себе отец, и всегда являлась каким-то ангелом-утешителем, общей любимицей. О богословских воззрениях ее можно было и не спрашивать. О ней можно было только сказать, что она молилась Богу аккуратно, читала святые книжки, но, конечно, не задумывалась над какими-нибудь философскими вопросами. Это было выше ее сил.

Но она чистым сердцем любила Бога Отца и верила просто, что Он и ее молитвы не может отвергнуть. Это давало ее молитве искренность и напряженность.

.....

... У меня был старик родственник, редко кто красивый, добрый и веселый старик, которого я очень любил и который любил меня. Он очень любил жизнь, умел ее сделать содержательной и интересной и он был очень расстроен моим намерением поступить в Духовную Академию. Он бранил меня и моих родителей, что мы останавливаемся на этой мысли, хотя мать умоляла меня не связываться с «попами», она была против моего поступления в Академию.

Я старался сохранить свои позиции. Но ее логика и сведения были сильнее моих. Я только чувствовал, что я прав, но доказать справедливость своих воззрений я не мог.

Помню, этот разговор был в среду, а в пятницу мой незабвенный старец (мой дядя Александр) скончался.

Я был поражен воистину – до глубины души. Это был страшный удар для меня, произведший на меня неизгладимое впечатление. Предо мной встала во всем грозном величии тайна смерти...

Я почувствовал себя раздавленным этой мыслью – о смерти, признания ее неминуемости.

И какой смысл начинать жизнь при постоянном прорезывающем мозги сознании, что эта жизнь неминуемо погибнет. Зачем мне какое бы то ни было высшее образование, если это достояние моих мозгов сгинет вместе с ними, для того, чтобы на них вырос лопух. Наконец, ведь мой дядя не хотел смерти, у него жизнь была вырвана, безжалостно отнята... Кому это было нужно? Чья рука совершила это? И что такое смерть для человека, который любит только жизнь, для которого весь смысл жизни заключается только и исключительно в ней? Ведь это – страшное насилие!..

И если это так, если смысл жизни может быть разгадан только с точки зрения понимания смерти, то центр всей тяжести переносится совсем в другую область, смысл жизни оказывается не в ней самой, а вне ее, за ее пределами, – в победе над смертью. Но победа над смертью невозможна для человека без Победителя смерти, а следовательно, и смысл жизни не есть что-либо данное, а есть нечто вечно искомое им, есть личное его приобретение, поскольку он исполняет не свою волю, а волю Победителя смерти, направленной к бессмертию.

И я решил в своей жизни искать ее смысла, искать победы над смертью! Я решил идти в Духовную Академию.

... Меня заставила думать о смерти не самая смерть, а моя глубокая любовь к умершему человеку. Если бы я прошел равнодушно мимо этой смерти, как я проходил мимо других, – я так ничего от этой смерти не приобрел бы. Но я любил, и это чувство любви и дало мне огромный толчок в моей жизни. Оно открыло мне новые горизонты мысли и душевных переживаний, за месяц жизни и мысли я пережил огромный по объему и содержанию период жизни личной и период изучения жизни вообще...

Нужно любить жизнь, тогда жизнь и будет источником величайших откровений для ума человеческого. Нужно любить человека – тогда человек – это чудный микрокосм – даст огромное содержание для сердечной жизни любящего субъекта. Нужно вообще любить всю Вселенную, и никогда не нужно быть ни к чему равнодушным, тогда будет все даже и в своем безмолвии красноречиво говорить и петь прекрасный гимн. Итак, только любовь открывает нам клапан к познанию жизни. Любовь выводит нас из состояния отъединения, самозамкнутости, вводит в круг бесконечных откровений в познании жизни природы и людей. Люби и делай что хочешь, и всякое твое дело будет безошибочно. Люби, и тебе откроется тайное.

Люби, и ты будешь не счастлив, а блажен, хотя всегда будешь скорбеть, что на земле мало любви и мало знания...

Итак, я решил держать экзамен для поступления в Духовную Академию, чтобы искать и найти смысл жизни...

.....

... Случайно я узнал о существовании еще духовника иеросхимонаха Федора. Я собрался к нему...

Нужно заметить, что этот старец был почти калека, никуда не выходил из-за больной ноги, и его могли видеть только те, кто хотел его посетить.

Я решил еще раз идти и попытаться обрести себе духовника. Когда я увидел его, я был поражен его красотой. Предо мной стоял старец, вовсе седой, с огромными детски чистыми

и доверчивыми черными глазами. Его прекрасное бледное старческое лицо было обрамлено большой седой бородой.

После двух-трех слов приветия началась исповедь, причем он первый поставил меня на исповеди на колени.

Вскоре я услышал во время моей исповеди какие-то совершенно незнакомые звуки.

Я прервал свои слова, начав искать по сторонам причину этих звуков, и случайно посмотрел на о. Феодора. И я увидел то, что никогда до этого момента, ни после не видел в своей жизни. Надо мной стоял о. Феодор и горько-горько по-детски всхлипывал. Слезы обильно струились по его седой длинной бороде. Я обомлел от изумления, я задрожал как в лихорадке, не зная, что мне делать, изумлению моему не было предела. И вдруг на ответ мое молчание я услышал слова отца Феодора: «Как же так? Как же ты. Да как же Христос нас так любил, а ты так... А ты-то как же его любовь-то забыл?!»

Тут-то не было ни упрека, ни нравоучения, ничего, кроме безграничной скорби!

Тут была скорбь не отца, не матери, а скорбь самого любящего друга, но дружба та была вся во Христе и со Христом. И в первый раз в жизни я на исповеди сам заплакал, я заплакал воистину святыми благодатными слезами.

И так несколько минут глубокий старец и легкомысленный юноша стояли перед святыми образами и плакали...

Исповедь у отца Феодора дала мне все – она открыла моему чувству то, что ранее для меня было достоянием холодного рассудка. Я знал ранее, что Церковь есть общество людей, верующих во Христа, объединенных верой, таинствами и обрядами, но я не чувствовал, что Христос есть все в Церкви, что Церковь есть воистину Христова семья, что если Церковь есть Тело Христово (как говорит апостол Павел), то кровь в этом теле есть любовь Господа.

Таким образом я чувствую, я знаю и поэтому всем существом верую, что Церковь есть Тело Христово, объединяющее всех верующих во Христа в единый благодатный организм. После этого все церковные догматы приобрели для меня новое высшее значение.

Я понял, что истина приобретается и постигается не умом человека и не чувством, а делается открытой лишь гармоническому устремлению умственных и сердечных сил к добру и правде. Если этой гармонии не будет, то не будет главного условия познания Истины, ибо разбитые и разрозненные душевные силы не способны даже сами себя познать, тем более не способны подняться выше земли для высшего созерцания. И как для усвоения отдельным человеком истины необходимо собрание всех сил человека, так и для познания высшей Богооткровенной Истины нужно собрание – СОБОР – гармония всех любящих сердец, чтобы общими силами любви и ума воспринять верховную истину.

Любовь Христова как сущность церковного предания

Моя исповедь у о. Феодора дала мне совершенно новые чувства. Я понял, что жизнь Святой Церкви – есть жизнь Христовой любви в людях, подлинное ее пребывание на земле, а не воспоминание о ней. Благодать-то и есть Христова любовь, живущая в людях... Это есть сила Св. Духа. Об этой силе Св. Духа и говорил Господь Спаситель, когда говорил, что Утешитель святой научит вас всему и напомнит вам все, что Я говорил вам (Иоанн 14, 25), что Дух Истины прославит Меня, потому что от Меня возьмет и возвестит вам (Иоанн 14, 25). Эти слова я читал ранее, но не чувствовал их истинного значения. Мне нужно было самому впитать в себя эту Благодать Христову, почувствовать силу Св. Духа в любви Христовой, которая жила в о. Феодоре, чтобы уверовать в нее, узнать ее так же осязательно, как тот хлеб, который я ел в тот незабвенный для меня день. В тот день я нашел, что слова Господа: «Се Я с вами во вся дни до скончания века» (Мф. 28, 20).

Отделение Церкви от государства

Закончив формирование религиозно-философского мировоззрения, которым я живу и существую 26 лет и в котором только укрепляюсь, я, разумеется, не мог забыть о том, как живет и как должна жить Церковь.

В Академии я вполне определенные ответы имел в двух книгах: проф. Кипарисова «О церковной дисциплине» и проф. Заозерского – «О церковной власти»⁴⁹². Эти книги, как и другие академические труды, были прекрасны по принципам, но не совсем удовлетворительны по исполнению...

Ректор Академии архимандрит Антоний Храповицкий всегда твердо воспитывал нас в том взгляде на церковную жизнь, что Церковь должна быть свободной, что она должна управляться Соборами, что без Соборов церковной жизни нет.

Можно сказать, что Московская Академия в период 1891–1895 гг. и Казанская в 1895 году до 1900 года были воспитаны на идее патриаршества и Соборности.

О гневе Божиим

Подготовившись продолжительным чтением святоотеческих писаний (Иоанн Златоуст, Григорий Богослов, Макарий Великий, Исаак Сирий), я для своего главного курсового сочинения взял тему догматического характера: «О гневе Божиим».

Писал я это сочинение тому профессору Беляеву, который написал сочинение «Любовь Божественная».

Две трети этого сочинения моего в 1902–04 гг. были напечатаны в двух брошюрах, под заглавием «Истолкование библейских изречений, касающихся искупления человека» и «О любви Божией на Страшном Суде Христовом».

О, эти прекрасные полтора-два года, когда я писал это сочинение.

.....

Бог есть только любовь, все остальные свойства Божии, как правда, правосудие, гнев и пр. – это только человеческие, ограниченные представления о божестве.

Благодать одна действующая и в молитвах и таинствах. Это есть промысел Божий, всегда ищущий спасения человеческого. Так определяют одни святые отцы. Другие определяют благодать как силу Божию, очищающую нас от грехов. Благодать по существу своему есть переживаемое и ощущаемое человеком чувство теплой любви и благодарности к Господу Спасителю и Богу Отцу и ко всей Святой Церкви. Это чувство есть дар благодати Божией...

Этика и инороднический вопрос (выписка)

Вступив в жизнь, по правде сказать, кроме благонамеренности и честности, в своем распоряжении я ничего не имел. Ни опытных знаний, ни каких-либо воодушевляющих идей, никакого такого придания школа мне не дала.

Получив аттестат зрелости и кончив Академию, я вынужден был очень и очень дозревать в той академии, которая называется жизнью. На великое счастье мое я принял себе за правило жизни учиться всегда и у всех – даже и малого ребенка, если он говорит что-нибудь достойное внимания.

⁴⁹² Кипарисов В.Ф. О церковной дисциплине. Сергиев посад, 1897; Заозерский Н.А. О церковной власти: (Основоположения, характер и способы применения церковной власти в различных формах устройства церкви по учению православно-канонического права) Сергиев посад, 1894.

Первое серьезное дело, на которое я был командирован жизнью, – это просвещение осетин в качестве инспектора осетинской Ардонской (на Кавказе) миссионерской семинарии. С большим страхом ехал я туда! Не имея специальных знаний, не имея никакого опыта жизни, я вдруг сделался руководителем других...

Приехав в Ардон, я застал превосходное поле для деятельности: я видел юношей, не испорченных глупым семинарским богословием, и затем прекрасную низшую народную школу, которая готовила ребят к семинарии. В существе дела наша миссионерская семинария была просто учительской семинарией с повышенной программой по богословию и философии...

Мы, Ардонцы, заставляли осетинских детей любить их родину, язык, свою деревню – одним словом, искренно их воспитывали патриотами... Так происходило обрусение инородцев, когда сами инородцы с удовольствием русели, с любовью к своей родине и с уважением к русским...

.....

Да, мы неисправимые идеалисты, но были безусловно честны в своем идеализме. Мы хотели работать на пользу Церкви, самоотверженно служить людям и Правде Божией.

Я решил быть священнослужителем, несмотря на нежелание матери. Мне была возможность быть священником в известном Крестовоздвиженском братстве Черниговской губ., которое было основано Н.Н. Неплюевым.

Последний приглашал меня к себе. Но для священства нужно было жениться, а я был напуган женщинами. Вернее, я был напуган идеалом женщины и девушки, который я себе составил.

А идеалом моим была Святая Нина, просветительница Грузии. Прочитав ее жизнеописание, я преклонился перед величием ее духа и ее жизненного подвига. По ней я расценивал всех остальных, и все получали оценку не весьма высокую.

В 22 года я был иеромонахом. Я пошел служить духу, освобождению человеческого духа от всяких препятствий к его свободе и свободе развития человеческого духа⁴⁹³.

⁴⁹³ К машинописи сделано примечание: «Все вышеприведенные записки перепечатаны в том виде, в каком они сохранились».

Всем-езде

Письмо к православным христианам о новых церковных нестроениях⁴⁹⁴

Не смущайтесь, братия, от этих нестроений и разномыслей. Читайте I-е Посл. ап. Павла к Коринф. Апостол пишет, что надлежит быть в Церкви и разномыслиям, чтобы открылись среди христиан искуснейшие (гл. II, ст. 13). Но самые раздоры и ссоры в Церкви – это великий соблазн и великое горе.

В маловерном Коринфе, как в нашей нечестивой Москве, были церковные партии. Одни говорили: я Павлов, а другой: я Аполлосов. А в нечестивой Москве ныне кричат: я Тихоновец, а я Евдокимовец, а я ни туда ни сюда. Это великий грех. Помните: Глава Святой Церкви Христовой – сам Иисус Христос, а не папа Римский, и не Патр. Московский, и не Тихон, и не самозванец Евдоким. Поэтому архиереи, раздирающие Церковь Христову своими греховными страстями, только погрешают перед Господом. Воистину восстали ныне лжепророки, чтобы обманывать, если возможно, и избранных.

Мы же, христиане, должны беречься, как заповедал нам Господь наш (Мрк. 13, 22), чтобы не впасть в соблазн. Верьте только Единому Безгрешному Господу Спасителю во святом Евангелии и ищите Его в своей чистой совести. Чистая совесть Бога узрит (Мф. 58). Пастырей пресвитеров и епископов непременно сами себе избирайте, как был избран св. ап. Матфей (Дн. 1, 26) и св. диаконы церковные (Дн. 6, 3–6), т.е. с молитвою и благоговением.

Избирайте таких людей, которые известны вам своею добродетельною христианскою жизнью, и ни под каким предлогом не принимайте лжеепископов и лжепопов, назначенных неизвестно кем и почему. Изучайте весь Новый Завет, писания ап. Павла. Великий апостол, который почти всю жизнь провел за Христа в тюрьме, научит вас, как нужно устраивать приходской общественный порядок, приходскую взаимопомощь, приходской суд, как позаботиться о семье, о детях и проч. Молитесь Богу, очищайте вашу совесть.

Молитесь, чтобы наш Патриарх Тихон по своей доверчивости не наделал ошибок. Будьте осторожны против его ошибок. Молитесь за него, но предупредите его, что за его ошибками православные христиане не пойдут. Поэтому пресвитеров и епископов из Москвы не принимайте, а избирайте себе тех, кто вам известен доброю жизнью и светлым разумом.

Итак все испытывайте, хорошего держитесь. Удерживайтесь от всякого зла (1 Сол. 5, 21), исполните эту заповедь ап. Павла, и она сохранит вас от всяких ошибок.

Ревнитель Церкви Христовой (Е.А.)

1924 г. Июнь.

⁴⁹⁴ Материалы, №22.

Ответ еп. Андрея на обращение пастырско-мирянского собрания от 26 марта 1926 года⁴⁹⁵

1926 года Марта 25. Читал и скорбел об ожесточении сердец авторов сего писания.

1926 года Марта 26. Предложенные мне здесь вопросы (например, первые четыре) столь грубо невежественны, столь оскорбительны, что я не могу понять, как бывший ректор семинарии Грамматиков мог их написать и подписать. Как ему могло придти в голову эти вопросы предложить мне после покаяния в своем живоцерковничестве?

Ясно, что выдумавшие эти вопросы хотят не выяснения истины, а только лишнего церковного скандала. Но они этого скандала от меня не дождутся, хотя я и не застрахован от провокации.

Предоставляю протоиерею Грамматикову и протоиерею Булычеву признавать своим Епископом или Николая Орлова, как это было в 1923 году, или Епископа Давлекановского Иоанна, или кого им угодно, а меня прошу оставить в покое: особенно об этом прошу Булычева и Бабушкина, которые в одиночку мне говорят одно, а пишут совсем другое и ни с чем не соответствующее.

Я остаюсь Епископом для тех, кто меня признает Своим Епископом, кто меня кормил шесть лет, пока я был в тюрьме, и кому я нужен. Никому я со своим епископством не навязываюсь.

Но решительно не желаю иметь никакого дела с клеветниками и обманщиками, которые клеветают на меня и отмежевываются от меня, будто бы как от политического деятеля (см. стр. 19 протоколов Благочиннич. Съезда в мае 1925 г.). И я отмежевываюсь от них, ничего не желающих понимать и вредных для Церкви.

Что касается «глубокоуважаемого» Епископа Давлекановского Иоанна (см. вопрос 15), то во исполнение его желания (см. II протокол Епархиального Съезда 1925 г.) представляю ему оставаться с теми, кто его «глубоко уважает», но удостоверяю, что какое-то Андреевское течение создает он, а не я. Я о таком течении не имею понятия и глубоко сожалею об Епископе Иоанне и как об Епископе, и как о человеке.

По существу предложенных мне здесь вопросов (поскольку они приличны) рекомендую обращаться за советами к прихожанам Симеоновского храма гор. Уфы, они осведомлены мною обо всем, и людям, не торгующим своими убеждениями, я готов давать объяснения и разъяснения – сколько угодно.

Епископ АНДРЕЙ

⁴⁹⁵ Материалы, №33.

Открытое письмо проживающим в Уфе епископам – обновленцам и староцерковникам⁴⁹⁶

Епископы обновленческие и Епископы православные!

В день св. Мирликийского Николая, когда его чудотворный образ пришел в наш город, обращаюсь к вам с настоящим письмом. Было время всего девять лет тому назад, в Уфе образ Св. Николая встречал только я один, а теперь в Уфе, если не ошибаюсь, два обновленческих епископа, да три староцерковника (мои ставленники), да я грешный православно-старообрядческий Епископ – всего шесть человек. Но к нам теперь вполне относятся слова ап. Иакова: «Не многие делайтесь учителями, зная, что подвергнемся большому осуждению» (Иак. 3, 1). И правда, что мы в устройении церковной жизни оказываемся не столько народными учителями, сколько мучителями, ибо растаскиваем семью церковную в разные стороны, как будто служим не одному Св. Евангелию, а наша паства не может одновременно слушать нас сразу шесть человек (а может быть, и больше), и для многих это грех чистого поведения и недоразумения, ибо я видел одного «обновленца», который горько плакал о своем церковном «обновлении», и знаю многих «староцерковников», которые совсем ни о чем еще не начинали думать – а только стремятся кое-как «просуществовать». Вот это «кое-как», эта привычка делать дело Божие «кое-как» и портит все дело церковное. Как Епископ по хиротонии старший из всех ныне проживающих в Уфе, я в день великого Святителя Мирликийского прошу и умоляю вас, Уфимские Епископы, выяснить пред народом церковным точки нашего расхождения. Я считаю, что программа протоиерея Виктора Пояркова, изложенная им в его прекрасных статьях: – «Церковь, община, приход», может быть общею основой для церковного строительства, я с этими статьями и в 1926 году согласен, как был согласен и в 1917 году, когда они были написаны. К сожалению, Епископ Иоанн Поярков с этой программой теперь не согласен и вместо создания живой православной общины строит диктатуру своей канцелярии над церковным народом.

Прошу молитв обо мне грешном, и прошу вас, Епископы, исполните мою просьбу.

Епископ АНДРЕЙ

1926 г. Мая 9.

⁴⁹⁶ Материалы, №20.

Из слова в Неделю о слепорожденном⁴⁹⁷

...Я буду говорить о себе как вашем епископе и проповеднике Евангельского учения. Я буду говорить о своих обязанностях перед вами и о том, как я их исполняю.

Я – ваш епископ, вы знаете меня с 1914 года. За это время все мы пережили события, всколыхнувшие и перевернувшие всю нашу жизнь. Нельзя, конечно, сказать, что не осталось камня на камне. Нет, все камни остались камнями, но души человеческие изменились до полной неузнаваемости. Конечно, изменился и я, нынешний, многое во мне изменилось. Из здорового и молодого я превратился в больного и старого. Но изменились ли мои слова о Господе Спасителе? Стал ли я учить о Святой Церкви как-нибудь иначе, чем учил раньше? Я отвечаю на эти вопросы совершенно определенно отрицанием. Я ничему не изменил, я ни в каких основных вопросах не изменил своих взглядов и не отрекся от них. Почему же так? Потому что меня зрячим сделал Сам Господь Спаситель. Я от рождения слепорожденный, до 22-х лет оставался таким слепорожденным, но Господь не прошел мимо меня, но призрел на меня и открыл мне, недостойному, Свое св. Евангелие. Я стал зрячим, отверзлись и мои зеницы, я увидел красоту созданий Божиих и уразумел неизреченную Красоту Создателя. Я стал монахом, а потом св. Церковь позволила мне быть и Епископом.

Епископом я проповедовал Господа Спасителя и Его св. Евангелие. Я проповедовал только о душевном спасении человека, о церковном устройении моей паствы. Вот какое было содержание моих проповедей. Я говорил, что только сознательное воцерковление может изменить нашу жизнь. Так я говорил в 1914 году, так я по этой программе и строил жизнь церковную. Так я говорил и в 1926 году, и так я стремился служить св. Церкви. Сейчас нам, верующим людям, нужна правда, нужна проповедь о правде, нужны дела, соответствующие этой проповеди. Вот о чем я говорю. Вот чего я желаю и о чем молюсь.

Плохо это или хорошо? Или я говорю о себе неправду? Или когда-нибудь на место Христовой правды я ставил какую-нибудь свою правду? Во всяком случае, я никогда не защищал своей неправды и искал только правды евангельской, ясной и твердой, основанной на камне веры Христовой. Таким я был и таким остался. Грехов моих множество. Я их знаю и прошу у Господа слез, чтобы оплакать их, но перед вами, перед Церковью Уфимской, как ваш епископ, я не погрешил решительно ни в чем.

И тем не менее меня преследует и гнетет клевета. Эта клевета начинает меня угнетать.

В существе дела, я должен был бы молчать и молиться Богу, не смущая вас и вашей совести. Я знаю, что и вы измучены церковными делами и церковными нестроениями. Я должен был бы пожалеть вас, но я вспомнил слова апостола Павла: «друг друга тяготы носите и так исполните закон Христов» (Гал. 6, 2). Вот и вы имейте терпение и любовь, чтобы исполнить заповедь Христову и апостольскую. Возьмите на себя хоть часть моей душевной тяготы и облегчите меня. Великий пророк Давид взывал ко Господу: «избави мя от клеветы человеческия». И я взываю о том же. И я прошу у Господа: «избави мя от клеветы человеческия», хотя бы не ради меня самого, а ради великого церковного дела, которое мне вверено.

Вчера, совершенно неожиданно, я получил известие, что я Местоблюстителем Патриаршего Престола подвергнут запрещению в священнослужении. Это я узнаю из десятых рук и, повторяю, совершенно неожиданно. Вот видите, как у нас делаются церковные дела. Кто-то, где-то, почему-то, что-то пишет, а потом это написанное в виде какого-то распоряжения передается несчастному церковному народу, который даже не имеет времени во всем этом разобраться. Итак, сообщаю вам, моей пастве, что я Патриаршим Местоблюстителем запрещен в священнослужении. Я даже не знаю имени этого местоблюстителя. И теперь православные

⁴⁹⁷ Материалы, №45.

люди приходят ко мне и спрашивают: запрещен я или нет? И имею ли я право совершать богослужение или нет? И смущается совесть верующих, и мучаются люди за грехи своих пастырей. Вот и я мучаю вас, но потерпите на мне⁴⁹⁸. Вспомните, что великий апостол Павел, великий герой духа, и тот просил свою паству в таких словах: «молитесь токмо и о нас, чтобы Бог отверз нам двери для слова, возвещать тайну Христову, за которую я и в узах» (Кол. 4, 1). Так, если великий апостол, находясь в узах, просил молитвы своей паствы, то я, без вашей, братие, помощи не могу обойтись.

Я знаю, что вы меня любите и меня жалеете, знаю, что вам горько меня выслушивать, но поверьте, мне тяжелее, чем вам. Когда я был в тюрьме, я не переживал тех нравственных мук, которые переживаю ныне. И поверьте, что я мучаюсь не за себя, а за дела церковные, не столько за свою грешную душу, сколько за тысячи душ, которые болеют церковными болезнями. И мое единственное утешение заключается в том, что совесть моя чиста перед вами, что я ни одного дела скрытого от вас не имею на своей совести. Я могу сказать твердо, что с 1914 года я от своей паствы не скрывал ни одной мысли, ни одного чувства, тем более ни одного дела.

И вот теперь сообщаю вам, что я запрещен в священнослужении. Об этом пишут в разные места циркуляры и распоряжения, об этом говорят тем добрым людям, которые верят мне и хотят молиться со мною. Кто же меня запретил? Я и этого не знаю. За что я запрещен? В конце концов я запрещен за то, что люблю свою паству, за то, что считаю вас моею первою и последнею паствою, за то, что считаю вас моею духовною семьею. Из-за вас я не поехал в Томск, ради вас я рукоположил Уфимских епископов. Ради того, чтобы вы не отошли от правильного и спасительного пути, я просидел два года в ссылке и годы в тюрьме.

Вот, в конце концов, причина того, что я оказываюсь под запрещением. От меня никто не потребовал объяснений в моей деятельности, никто меня не судил, а просто, без суда, взяли да и запретили. Да и запрещение не мне в руки передали, а начали распространять среди моей смущающейся паствы, а потом в меня это запрещение попало как из-за угла, почти случайно.

Теперь подумайте основательно и осторожно, кому нужно запрещение меня в священнослужении? Для чего это сделали? Может быть, это нужно для пользы св. Церкви. Я просидел в тюрьме четыре года, Бог меня укрепил на это. Теперь, если нужно для Церкви, я могу быть под запрещением, хотя и незаконным. Но кому от этого будет радость и польза? И для чего будет определенный вред?

Я еще не решил сам для себя: приму ли я это запрещение, хотя и незаконное. Не скрою, что многое в моем решении будет зависеть от вас; но я хочу предупредить вас, чтобы вы не сделали ошибок, и очень важных.

Я, хоть и грешный, но все-таки епископ и вижу то, что вы еще не можете рассмотреть, и предупреждаю вас, что вы должны быть ныне в высшей степени осторожны, по заповеди апостола Павла: «будьте же не как неразумные, но как мудрые, дорожа временем, потому что дни лукавы» (Еф. 5, 7). И так познавайте, что есть воля Божия. Для этого надо быть хорошо зрячим и нужно все испытать, все рассмотреть и выбрать хорошее или, по крайней мере, лучшее.

Решите сами, кому и для чего нужно мое молчание, кому и для чего нужно мое отсутствие в делах церковных? Решите, по чьей воле я запрещен в священнослужении, чья рука руководит этими делами? Это рука мелких интриганов, заботящихся о своем грешном благополучии; это мелкие Иудушки, обделяющие свои делишки с изумительною быстротою рук чрезвычайно грязных. – Это одна сторона.

Другая сторона – это крупные книжники и фарисеи нашего времени, это лица, которые всегда проходили мимо жизни, ибо стояли выше жизни. Они хотели жить по-своему, забывая жизнь по-Божьему. Для этих людей вся жизнь человеческая, все терзания совести, все мучения души, ищущей Господа и Его правды, всякое искание этой правды – это только жалкая

⁴⁹⁸ Мф. 18, 26–29.

сентиментальность глупых людей. Они выше этих людей. Они не замечают их. И сколько своими вольными резолюциями они передушили самых лучших чувств, самых светлых надежд на лучшее будущее. Таковы наши книжники, сидящие и сидевшие над законами церковными и забывающие и забывшие важнейшее в законе: суд, милость и веру (Мф. 23, 23). Они стремились всегда управлять Церковью Божиею, а вместо этого управления устраивали только заговоры на народную совесть. И всегда неизменно служили только сильным, забывая слабых.

Все эти темные, неизвестные православному народу силы, ранее втоптавшие в грязь церковную жизнь, и ныне продолжают свое дело по старым привычкам и по старым указкам, и продолжают губить церковную жизнь и расчищать дорогу для того антихристового дыхания, которое хочет собою заменить церковную жизнь.

Вот этой-то главной опасности наши мудрецы не замечают. Они еще продолжают шутить над жизнью; они продолжают думать, что они вожди народные, которым все должны подчиняться и преклоняться. Увы, еще давно один русский епископ указывал на то, что в русских храмах поют: «хвалите имя Господе, хвалите раби Его», а рабов-то Божиих в храмах и нет, они давно сделаны врагами Божьими. А осталось одно, т.н. духовенство.

Все это так называемое духовенство, оставшись в пустых храмах, и до сих пор не замечает, что спасение наше в евангельской проповеди, а не в тайных совещаниях и секретных циркулярах: во всей церковной неправде заключается все несчастье русской жизни и подлинная тьма.

...Когда я начал обдумывать это мое слово, я был в тяжком настроении – мне казалось, что скорбь моя выше сил моих, что Господь как бы лишил меня Своего благодатного утешения. Но вдруг неожиданно у блаж. Феофилакта я прочитал следующие благодатные слова: «все мы, которые духовно крестились, во Христа крестились. А кто крестился, тот после всего подвергнется и искушению. Может быть, за Христа его поведут пред цари и правители (Лк. 21, 12), посему нужно быть твердыми и непреклонно стоять в исповедании, не отрекаясь из страха, но, если понадобится, стать с отлученными и изгнанными из синагоги, по сказанному: будете ненавидимы всеми за имя Мое, и изгонят вас из синагог (Мф. 24, 9; Иоан. 16, 2). Если люди, враждующие против истины, и выгонят исповедника ее, то найдет его Сам Господь, и когда он врагами будет обесчещен, тогда от Христа будет особенно почтен познанием и основательнейшею верою»⁴⁹⁹. Так блаженный Феофилакт заканчивает свое толкование на сегодняшнее евангельское чтение. Этими словами закончу и я, грешный, в назидание ваше и свое.

И только еще раз прошу, не забудьте меня в ваших молитвах, чтобы Господь дал мне сил и самому быть зрячим и другим дать силы не сидеть в жизненной тьме.

24 мая 1927 года

⁴⁹⁹ Толкование Феофилакта Болгарского на Евангелие от Иоанна, гл. 9 (отчасти в пересказе).

Из ответов, данных еп. Андреем на вопросы, предложенные ему на собрании благочинных 3 июля 1926 года⁵⁰⁰

1-й вопрос: Признает ли епископ Андрей православным и правомочным правящий «Епископат Российской Церкви»?

На этот вопрос начинаю отвечать с конца: я не признаю слова «епископат». Это слово католического происхождения. Там, в католичестве, святейший епископат противопоставляется невежественному народу – мирянам, там епископы объединены в «епископат», очень часто устраивавший определенно заговоры против народа. В православии «епископата» нет, а имеются только епископы, неразрывные с народом и немислимые без народа. Епископ, принципиально оторванный от народа, – это уже нечто в каноническом отношении очень подозрительное; а епископ – гонитель и мучитель – это просто преступник перед Богом и людьми. О каком же «епископате» задан мне вопрос? Если о «живоцерковниках», то я могу сказать, что считаю их людьми антицерковными, каноническим недоразумением, хотя они уже называют себя «православными». Если вопрос мне задан о так называемых «тихоновцах», то я в этом епископате теперь не могу разобраться. Это что-то не поддающееся описанию и квалификации. В отдельности среди епископов имеются честные и большие люди, но имеются и такие, которые говорят: «ведь подчинялись же мы ранее Владимиру Карловичу⁵⁰¹ – почему же теперь не подчиняться Иуде Искаротовичу?»

Эти слова были мне сказаны одним из представителей нашего «епископата» с упреком, что я не исполняю мудрой пословицы: «с волками жить – по-волчьи выть»... Но я это правило не считаю для себя обязательным и уверяю, что ныне епископат может по-волчьи и не выть.

Итак, относительно наших епископов я могу сказать, что среди них имеются люди святые, имеются и люди просто недостойные – пьяницы, прелюбодеи (да, такие имеются и носят сан епископов); имеются среди епископов мелкие политики, пытающиеся служить Богу и мамоне, ездящие по епархии с двумя мандатами – и от «живой церкви», и от патриаршей канцелярии. Можно ли таких епископов признавать православными?

2-й вопрос: На основании каких полномочий поставлены во епископы Климент, Антоний, Руфин, Питирим и др.

Епископ Климент был рукоположен для старообрядцев-беглопоповцев, как первый епископ, для них канонически приемлемый и имеющий все канонические основания для того, чтобы быть признанным подлинно православным епископом. Если бы не мелкая, дрянная клевета митрополита Новгородского Арсения, этот епископ мог собою начать большое церковное дело. Но клевета помешала ему, как и продолжение этой клеветы мешает и мне теперь делать святое дело. Епископы Антоний, Руфин и Питирим были рукоположены совершенно на тех же основаниях в 1925 году, на каких в 1922 году были рукоположены епископы Трофим, Марк, Аввакум, Иоанн, Петр, Серафим, Вениамин. В 1922 году не оставалось в Уфе епископа православного, а в 1925 году положение Уфимской епархии было еще хуже: она была обманута и до сих пор остается сбитой с церковного пути и в положении очень опасном. Если духовенство опомнится, то можно будет еще выйти из критического положения, иначе положение это будет почти отчаянным, и дело церковное при этом тоже будет страдать.

⁵⁰⁰ Материалы, №47.

⁵⁰¹ Бывший обер-прокурор Синода В.К. Саблер.

3-й вопрос: Каково отношение еп. Андрея к Уфимской епархии?

Моего отношения к Уфимской епархии никакого нет, за ничтожным исключением. В этом отношении епископ Иоанн Давлекановский проявил ко мне беспримерную грубость и бессердечность. Я был в Уфе встречен в 1926 году, после 4-годичной тюрьмы и 2-летней ссылки – подпиской о недопущении меня в Уфимские храмы. Кроме того, представители Уфимской епархии дважды меня клеветали (на съезде благочинных и на епархиальном съезде в 1924 и 1925 гг.), назвав меня смутьяном и политически ненадежным человеком. Этот низкий донос на своего епархиального епископа, сидящего в ссылке, был так низок, что даже те, кто должен был этим доносом воспользоваться, и те брезгливо отвернулись от него и от его автора. В такое положение ставит епископ Иоанн свое духовенство. Исторический позор. Да будет ему стыдно. В свое время он ловко отрекся от Патриарха Тихона под видом «тихоновщины», а теперь отрекся и от меня после 20-летнего моего к нему искреннего доверия. Да простит ему Бог его поведение относительно меня. Любопытно, что за все годы моей тюрьмы и ссылки я от «уфимского епископата» не получил ни на грош помощи: мне помогали только бедные труженицы, а «епископат» даже запрещал сборы для меня, боясь за себя, как бы его не заподозрили в добрых христианских чувствах ко мне, и прекрасно всем доказал, что у «епископата» нашего нет не только христианских чувств, но и самой элементарной человеческой порядочности. Таковы мои отношения к Уфимской епархии.

4-й вопрос: На чем основано обвинение еп. Андреем в обмане со стороны епископа Иоанна, выраженное в письме к священнику Боголюбову от 9 июня?

Я не помню, что писал священнику Боголюбову, и о частном письме своем могу ответа не давать. Но если это так нужно вопрошающему, то могу сказать, что с осени 1924 года все поведение епископа Иоанна – это сплошное его падение. А его отговорка, что это «заставляют» подписывать его инструкции и циркуляры, – ведь это детская отговорка. Осенью 1924 года он писал Патриарху Тихону, чтобы Патриарх при первой возможности вернул меня в Уфу, что управление ему не под силу (я сам читал это письмо), а потом он на все махнул рукой и дерзнул на все. Начались доносы на меня, начались клеветы на меня. После того, как он в 1922 году получал выговоры от епископа Бориса за то, что поминал меня за богослужением как епископа Уфимского (только по предположениям) – и вдруг в 1925 г. я неожиданно для него стал Томским. Ведь имеются его резолюции, в которых он признавал мои права на Уфимскую кафедру бесспорными, вдруг он стал уверять всех, что я – епископ Томский, хотя в Томске есть действующий епископ Дмитрий. Теперь, кроме того, он говорит, что я раскольник...

5-й вопрос: Кого в настоящее время еп. Андрей считает законной церковной властью над собой?

Буду отвечать прямо: я не считаю митрополита Петра Крутицкого способным понимать церковную жизнь; это человек, который попал в монахи «по сокращению» на советской службе и способен церковную жизнь только путать. Это я предчувствовал весной 1925 года, и мое предчувствие оправдалось – он запутал все до невозможности. Митрополита Сергия, человека крупных способностей, я считаю способным на всякие компромиссы. С распутинцами он был распутинец – без малейших протестов – целых 14 лет. В 1922 году с живоцерковниками он стал живоцерковником, позорно признав ВЦУ, и, изменив Патриарху Тихону, признал разбойника Варраву. Считаю, что именно митр. Сергий погубил в Уфимской епархии еп. Николая и иже с ним, почти половину епархии. До признания ВЦУ митр. Сергием еп. Николай еще колебался, а после выступления митр. Сергия бедный еп. Николай 3 раза признавал ВЦУ: признавал да каялся, каялся, а потом опять признавал. Таков наш епископат. Горе одно. Митрополита Агафангела я считаю человеком умным и духовно благородным, но, как слышно, он по старости впал в детство, а [по] бескорыстию отказался от власти... Вследствие всего вышесказанного, я

при всем желании не могу признать над собою, как епархиальным епископом, чье-либо руководство впредь до канонического собора. Я очень твердо знаю свои канонические обязанности, чтобы не забыть своих прав оберегать свою паству от всякого недостойного «епископата» и от всяких темных сил, расхищающих наше духовное стадо. Кроме этих соображений, я, в силу 76 Апост. правила и 23 правила Антиох. Собора, не могу признать передачи управления всею русскою Церковью по каким-то тайным духовным завещаниям. Эта игра в завещания совсем не канонична. Я кончаю свои ответы на 5 предложенных мне вопросов. Буду рад, если мои ответы заставят о.о. благочинных продумать их права и обязанности перед Церковью.

Десять писем о старообрядчестве⁵⁰²

1. Семинарская ложь о старообрядчестве

К числу великих грехов наших так называемых «Духовных семинарий» можно отнести всю семинарскую литературу о русском расколе старообрядчества. Вся казенно-семинарская история раскола старообрядчества и обличение этого мнимого раскола – $\frac{3}{4}$ это одна сплошная ложь, за самым ничтожным исключением; обыкновенный казенный взгляд наших богословов на раскол тот, что раскол $\frac{3}{4}$ это продукт народной глупости и необразованности. Буквально так и говорили печатно наши синодские миссионеры вроде Айвазова, Скворцова и др. И только очень немногочисленная группа русских мыслителей смотрели на раскол иначе. В числе великих русских мыслителей, которые умели говорить о расколе гражданскую правду, был Никита Петрович Гиляров-Платонов. Его перу принадлежит прекрасное, хотя и краткое сочинение под заглавием «Логика раскола». Гиляров в этом сочинении сказал, что при петербургском казенном православии, при страшном презрении к религии, которое воспитывается этим казенно-полицейским православием, – все чистое, честное и совестливое должно отойти от этой государственной церкви и создать свои свободные общины или в старообрядчестве, или в расколе сектантском. И действительно, раскол и сектантство от времени только развивалось, несмотря на все судебные-полицейские преследования. Между тем политика покровительства Церкви государством продолжала развращать самих служителей Церкви, пока дело не дошло до страшного распутичества, когда грязный придворный развратник стал явно командовать рясофорными чиновниками Церкви, а православные только молчали и смирялись пред всякою житейскою мерзостью. В это время старообрядцы мудро хранили заветы лучших русских людей и свою родную христианскую культуру. В этом отношении чрезвычайно характерно мнение митр. Московского Филарета, который говорил, что пути Божии неисповедимы и что только русское старообрядчество спасло в 18–19 вв. русскую иерархию от католичества, а русскую аристократию от придворного протестантизма⁵⁰³. Да и доньше старообрядчество осталось верным Христу и Его Церкви среди всеобщего русского богоотступничества. Старообрядчество выстрадало себе свою иерархию. Эта иерархия, хотя канонически и оспариваемая, все-таки осталась верною церковным началам и не поддалась на соблазн цезаропапизма. Старообрядчество в своих общинах сохранило церковный общественный, соборный разум и подлинно христианский принцип: свободы, равенства и братства. – Итак, несмотря на двухвековое гонение, несмотря на всю ученую ложь о сущности старообрядчества, несмотря на всю клевету на него, старообрядчество донесло до наших дней истину подлинного православия и сохранило чистым и незапятнанным идеал церковно-общественной жизни. Позвольте! Позвольте! Как же вы расхрабрились написать это в пятьдесят лет? А ранее молчали? Этот вопрос – упрек моего читателя по моему адресу я признаю вполне законным, но вношу маленькую поправку: я говорил о старообрядчестве правду с 1901 года: говорил, хотя и очень слабо. Тогда гремели еще такие авторитеты, как Субботин, Ивановский и сам Победоносцев. И никакой голос критики не мог сломить господствующей злой системы – преследования свободы совести. Но теперь нужно быстро исправить все эти ошибки прежнего времени, которые породили в России столько зла и бессовестности.

⁵⁰² Печатается по неавторизованному списку, где в качестве подзаголовка имеет датировку «1923–1925 гг.».

⁵⁰³ Обычно фраза «Если бы не было старообрядцев, православие давно бы обратилось в лютеранство» приписывается Иоанникию (Рудневу), митрополиту Московскому в 1882–1891 гг.

2. Старообрядчество как неудачный термин

Трудно сказать – откуда взялся этот термин: «старообрядчество», но можно твердо сказать, что этот термин вполне неудачен, п.ч. он вовсе не выражает сущности того огромного исторического явления, которое называется старообрядчеством. На старообрядчество имеется несколько взглядов: одни думают, что это проявление русской некультурности. Так смотрели наши миссионеры и полицейские власти. Другие думали, что это земское движение – народный протест против государственного гнета, начавшегося со времени Петровской реформы. Третьи смотрели на старообрядчество, как церковно-культурное явление, как на великую попытку русского народа сохранить свою народную душу и охранить весь быт русской земли от разлагающего влияния городской цивилизации. Последний взгляд совершенно справедливый. Старообрядчество сохранило, действительно, в своей среде подлинно русскую культуру, свою народную, вполне свободную республику. От царской власти старообрядцы претерпели только гонения, в большей или меньшей степени, начиная со времен импер. Петра. Императоры требовали безусловного молчаливого послушания себе. Старообрядцы требовали себе свободы мысли и свободы общественной жизни. Императоры вносили в жизнь народа начала немецкой государственной цивилизации. Старообрядцы выступали против этого насилия цивилизации с проповедью свободы народного духа и народной культуры. Правда, руководители старообрядческого движения очень часто не умели толково выразить свои мысли, но инстинкт истины, чутье подлинной правды их никогда не покидало и одушевляло их на двухвековое страдание за правду. Меж тем многочисленные миссионеры вели недостойную предательскую политику по отношению к старообрядцам; с одной стороны, они выставляли старообрядцев представителями народного невежества и тупого упрямства; с другой стороны, миссионеры натравляли гражданскую власть на старообрядцев как на каких-то бунтовщиков, т. обр. самые сильные культурные натуры русского народа изгонялись и на Кавказ, и в Румынию, и в Сибирь, и даже в Монголию. И ехали русские люди в чужие края, под кличку старообрядцев, покидая родную землю, никем не понятые и всеми оклеветанные. Общее движение против них заключалось в том, что они будто бы фанатики – обрядоверы. На самом же деле старообрядцы никогда не были обрядоверами, но всегда помнили ту простую психологическую истину, что обстановка – или воспитывает, или развращает человека. И вот, защищая право собственного самоопределения, старообрядцы и страдали за свой родной быт, и из них-то и выработались первые русские сознательные граждане. А те, кто гнал старообрядцев, как были рабами и лакеями, так и остались ими доселе. Ранее они клеветали на старообрядцев, а теперь клеветают на так называемых староцерковников, обличающих беззаконие «Живой Церкви».

Старообрядцы 17–18 вв. – это ныне гонимые староцерковники. Господствующая Церковь 17–18 вв. – это нынешняя Живая Церковь с ее тюрьмами и крепостями, с продажностью и антицерковностью.

3. Старообрядчество и безобрядие

Если принять термин «старообрядчество» для тех, кто упорно остался верен старине и кто упорно называл себя просто сынами истинного древнего православия, то как назвать тех, которые изменили древнецерковному быту? Их нужно бы назвать Новообрядцами, но ни одного нового обряда ими не было введено в жизнь и только искалечены были старые обряды. Введены были новые богослужебные книги, и вместе с этими книгами – полное нарушение всякого устава и введение одного полукошунственного правила: «аще изволит настоятель». Т. обр., можно вполне беспристрастно назвать новое направление жизни, противоположное старообрядчеству – просто безобрядием. За старообрядчеством осталась, т. обр., церковная

дисциплина и церковная благовоспитанность, а среди новообрядцев, как их печальная привилегия, стали развиваться религиозное разгильдяйство, нравственная распущенность и общая беспринципность. Старообрядцы защищали для себя свободу церковной жизни, и по существу своему они были подлинными республиканцами с великолепным идеалом библейской теократии. Это были народные защитники народной культуры. Новообрядцы по существу своему были всегда лишь безобрядниками, преклоняясь только [перед] внешним блеском полицейской государственности, они в глубине души были только рабами и лакеями всякой власти, лишь бы она согласилась их кормить. Этот принцип глубоко антинародный и антикультурный иногда выражался в жизни с крайним цинизмом. Так один гордый любимец императора Александра I-го Аракчеев, когда ему говорили, что все его мероприятия вредны для отечества, то он отвечал: «Что мне отечество, был бы только доволен царь-батюшка». Такое проклятое лакейство перед царем, наконец, создало ту позорную главу русской истории, которую можно озаглавить «распутинщина». В это время неумный царь стал почти членом хлыстовской секты, а служители Церкви забыли свои обязанности пред церковным народом и раболепствовали пред незаконною властью. Таковы были не старообрядцы. А старообрядцы с ужасом смотрели на это дыхание антихриста и предсказывали близкое падение всей этой «никонианствующей» иерархии со всеми ее регламентами миссионерскими и комиссионерскими. И скоро исполнилось это предсказание и развалилось все до основания. И обнаружилось язвы «господствующей» Церкви. Господствующая иерархия оказалась глубоко оторванною от народа, ему неизвестною и для него ненужною. Народ, воспитанный на насилии и не привыкший уважать ни себя, ни других – превратился в толпу безрелигиозную, безнравственную и потому дико-грозную. А русские революционеры из интеллигенции кричали этому народу: «Наплевать нам на Россию, да здравствует всемирная революция». И русская дикая толпа бесновалась от восторга, с ног до головы оболганная и оплеванная то Аракчеевыми, то их воспитанниками. Так систематические преступления пред Церковью со стороны царской власти принесли русскому народу следующие горькие плоды:

- 1) полное безобрядие и разложение церковной жизни,
- 2) оторванность иерархии от народа,
- 3) нравственную беспринципность, столь для народа пагубную,
- 4) как следствие нравственной беспринципности – его космополитизм, столь противоположный здравому интернационализму, когда одна нравственно крепкая нация уважает и другую нацию.

4. «Никонианство» как цезаропапизм

Старообрядцы всегда упрекают православных «новообрядцев» в «никонианстве», приравнивая никонианство к самым грубым ересям, вроде арианства. А «никонианские» миссионеры уверяли всегда, что никакого «никонианства» нет, что всякое обвинение господствующего православия в какой-то ереси есть грубая клевета невежественных людей. Т.к. обе стороны, вследствие цензурных условий, не могли договорить полной правды, то никонианство господствующей Церкви и было мало кому понятно, а для многих и казалось действительно клеветою на православие. Но вот революция все прояснила и многое доказала. Революция показала, насколько старообрядцы верно оценивали и понимали сущность покровительства Церкви государством, насколько они были правы, не поддаваясь на соблазн этого покровительства. Революция выяснила и всю нецерковность господствующей иерархии. Эта иерархия оказалась действительно солью, потерявшею всю свою силу. Вот как велики последствия сначала ничтожной ошибки патр. Никона. «Никонианство» началось в существе дела с того, как царь Алексей Михайлович назвал патр. Никона «великим государем». У нового великого государя от этого закружилась его властолюбивая голова, вскоре и Никон сделал какое-то мелкое при-

казание без соборного решения. Ближайшее к патриарху духовенство заметило ему, что он не имеет права командовать всею паствою, а имеет обязанность только учить ее. Патриарх обиделся и потребовал исполнения приказаний. Протопоп Аввакум отказался их исполнить, хоть и предвидел, «что хошет зима быти», т.е. что наступит гонение. Патриарх решил опереться на меч кесаря... От этого же меча сам патр. Никон вскоре и пострадал, но кесарь, в лице имп. Петра, решил уже не выпускать этого своего меча из рук в отношении к Церкви и стал командовать церковною иерархией совершенно так же, как командовал своими «потешными». Роль архиереев с тех пор ограничилась только молчаливым исполнением царских указов, которые заменили собою всю церковную соборность. – Вот это и есть «никонианство» русских епископов. Ересь это или не ересь? В Канонах на такую ересь указания нет; но революция указала, что это злейшая ересь, подтачивающая весь церковный организм. Никонианство породило и нашу пресловутую «Живую Церковь». И никонианство, и Живая Ц вь есть практическое арианство. Никонианство, как и Живая Церковь, есть полное неверие во Христа как Бога и в Его св. Церковь. «Никонианство» есть полное забвение той истины, что Церковь Божию создал Христос, и что она живет в чистых сердцах, а не в каменных стенах. Вот против такого-то никонианства 200 лет и восставали древлеправославные христиане-старообрядцы, и, конечно, они были правы. Отныне тот цезаропапизм, который имел огромное значение в петербургский период русской истории, должен навсегда отойти в область дурных преданий, и отделение Церкви от государства должно быть признано аксиомой русской жизни и в церковном и гражданском отношении. А это может осуществиться только в том случае, если православная община будет так же организована, как организована у старообрядцев: с выборным церковно-приходским советом и с выборным церковным пресвитером; конечно, и епископ должен быть выборный, свободный слуга Церкви, а не лакей государственной власти. Это будет восстановлением той честной и свободной русской жизни, когда на Руси были свободные общины, еще не пережившие насилия со стороны государственной власти. Так жили русские люди во времена св. Московских Чудотворцев, которые были настоящими старообрядцами и умели говорить царям правду, хотя за это и страдали даже до смерти (как митр. Филипп).

Осуждая «никонианство» господствующей иерархии, мы должны отметить, что, конечно, в этом «никонианстве» многие святители были не повинны – напр., Воронежские Митрофан и Тихон; священномученик Арсений Мацеевич, замученный Екатериною II, и многие другие. Все они великие светильники Церкви среди всеобщей тьмы.

5. Борьба старообрядчества с насилием

Вся с лишком 2-хвековая история старообрядчества есть протест против государственного насилия и посильная с ним борьба. Обыкновенно наша лживая семинарская наука рисовала старообрядцев как упрямых бунтовщиков, бессмысленных защитников двуперстия, сугубой аллилуйи, хождения посолонь и т.п. ... Эта злая ложь на старообрядцев вполне затемняла подлинную сущность старообрядчества в глазах русских маломыслящих обывателей. А сущность его заключалась в защите подлинной соборно-церковной жизни, в убежденной защите церковной свободы и в борьбе с насилием. Патр. Никон приказал молиться троеперстием – старообрядцы стали защищать двоеперстие, как символ церковной свободы. Патриарх приказал уничтожить древние иконы – старообрядцы стали защищать свои святыни, прятать их от патриарха. Патриарх начал вводить исправленные богослужебные книги, уничтожая старые. Старообрядцы ответили, что им дороги книги, по которым молились Московские Чудотворцы. – В новых книгах вводилось новое правописание имени Господа: Иисус, вместо Исус; вводилась трегубая аллилуйя и др. обряды. Старообрядцы сказали, что они от насильника-патриарха ничего не примут, что они просят одного – оставить их в покое. Тогда церковная власть пожаловалась царю, что старообрядцы бунтуют против всего того, что признает сам царь. И

начались усмирения царем всяких «бунтов», начиная с монашеского Соловецкого и кончая Московским Стрелецким. Господствующая Церковь стала вводить – и троеперстие, и треугубую аллилуйю, и священные книги – арестами, казнями и пытками. Старообрядцы после этого окончательно возненавидели все, что исходило из рук никониан; а Петр Великий в их глазах обратился в настоящего антихриста. Поэтому, когда этот антихрист стал вмешиваться и в самую организацию церковной общины, когда выборные священники стали заменяться ставленниками антихриста, тогда началось бегство старообрядцев в леса и на Дон, и на Яик, и в Румынию, и куда попало – только бы спастись от проклятого русского насилия над религиозною совестью. Такова вкратце несложная философия истории старообрядчества. И за свое стремление сохранить свободу своего религиозного быта старообрядцы платились и каторгою и даже жизнью. А их храмы и скиты подвергались обвалам, поруганиям и разграблениям. Так было всегда, вплоть до революции. Таково было преступление. А наказание наступило в виде организации «Живой церкви», которая своими клеветами арестовала всех честных архиереев и разграбила свои православные храмы. Старообрядцы справедливо говорят, что отцы разрушили чужие храмы, а дети разрушили храмы своих отцов. – Так насилие никогда не остается безнаказанным! А двухвековые страдания старообрядцев останутся навеки украшением русской народной истории – истории борьбы духа против грубой силы.

6. Великое горе старообрядцев

Насколько красива и достойна всякого удивления и подражания внешняя сторона старообрядчества в его отношениях к никонианской церковной и гражданской властям, настолько грустно говорить о внутренней его истории. – Там была героическая борьба с неправдою; внутри – происходило почти непрерывное дробление на отдельные секты. Это дробление было почти неизбежно ввиду наглого гонения на старообрядцев с различных сторон; и тем не менее, по поводу этого дробления можно только горько плакать, ибо сила старообрядчества вследствие этих разделений потерпела, конечно, значительный ущерб. Разделение старообрядцев произошло глав. обр. из-за того, что они мало-помалу лишились своей иерархии. Вследствие этого явились беспоповцы, которые решили, что за отсутствием честных законных епископов нужно обходиться без попов вообще. Другая часть старообрядцев, ссылаясь на примеры церковной истории, стала принимать к себе священников от Греко-Российской Церкви вторым чином. Эти старообрядцы все время стремились иметь у себя «своего» епископа, но так и не нашли никого, кто пошел бы к ним. Так продолжалось около 100 лет, когда явилось так называемое единоверие, когда многие старообрядцы признали иерархию Греко-Российской Церкви, но решительно отвергли зависимость от мирских чиновников, начиная с обер-прокурора «святейшего» Синода. Это единоверие канонически было вполне приемлемо, но старообрядцы до того были напуганы «разными гонениями, в такой степени не верили господствующей иерархии, что в единоверие пошли десятки, а сотни остались непримиримыми старообрядцами. – В середине 19 века этим старообрядцам, путем очень сложным и канонически очень спорным, удалось достать епископа, от которого получила начало Белокриницкая старообрядческая иерархия. Но эта белокриницкая иерархия получила начало от такого спорного источника, что даже и сами многие старообрядцы предпочли остаться с «беглыми» попами, чем принять Белокриницкую иерархию. – Так образовались 4 главные группы старообрядцев: беспоповцы, единоверцы, белокриницкие и беглопоповцы, имеющие еще свои разветвления.

Разумеется, это великое горе старообрядчества. И, разумеется, нужно это горе как можно скорее изжить, и эту кровоточащую язву скорее залечить, чтобы старообрядчество общими силами могло помочь восстановлению общерусской жизни. Но как это сделать? Своя историческая нравственная правда, конечно, на стороне старообрядчества в его целом, но канонически – формальная правда остается на стороне бывшей «господствующей» иерархии, конечно, не

живоцерковной... Какая сила может воссоединить эти разрозненные насилием группы верующих? На которой стороне правда Божия? Где подлинная Христова Церковь? – Там, где Его подлинная любовь, где чувствуется дыхание Духа Божия. И воистину – не человеческими усилиями, но благодатью всеосвящающего Духа Божия обиженные могут забыть свои обиды, а обидчики перевоспитаются настолько, чтобы не господствовать над наследием Божиим, а лишь смиренно пасти стадо Христово. Вот и нужно умолить Господа, – чтобы Он совершил чудо и восстановил параличные части русской Церкви и объединил их – да будет на Руси единая Святая Соборная Церковь, включающая в себя и старообрядчество и всю здоровую часть новообрядчества.

7. Старообрядчество после падения царизма

После февральской революции первая моя печатная статья была о старообрядчестве. Эта статья была мною написана в вагоне 6–7 марта 1917 г. и была напечатана в ближайшем номере «Русских Ведомостей». – В этой статье я писал, что с падением петербургского полицейского режима пала главная стена, отделявшая старообрядчество от господствующей Церкви. К 1917 г. уже определилось, что император Николай лично не желает созыва Церковного Собора и предпочитает общество Распутина и распутинских прихвостней всякому «Собору» честных людей. И вот этот враг русской соборности сошел с дороги... Дорога оказалась свободною. – В доказательство искренности своих чувств 31 мая 1917 г. я посетил московское Рогожское кладбище во время старообрядческого Собора и умолял епископов старообрядческих принять все меры к воссоединению с православием. Но 2-хвековое разделение и человеческие страсти сделали свое дело. На Рогожском кладбище я был встречен очень хорошо немногими и очень сухо остальными; зато «господствующая иерархия» называла меня преступником за мои речи у старообрядцев. – Московский «Православный» Собор 1917 г. в историю старообрядчества ни одного слова не прибавил. Но во время собора в ноябре 1917 г. в старообрядческом журнале «Слово Церкви» была напечатана моя статья о том, что объединение старообрядчества с православием необходимо, но оно возможно не на основании буквы канонов, а на основании их духа христианской любви. Я писал, что православная иерархия должна выйти из Кремля на Красную площадь, а старообрядческая иерархия должна прийти на Красную площадь с Рогожского кладбища и при встрече должны друг другу поклониться в ноги и испросить друг у друга прощение во взаимных обидах. Эту статью на православном соборе обсуждали со всех сторон, но ни к какому определенному решению не пришли. Отсюда ясный вывод, что ничего антицерковного, антиканонического в моих взглядах нет. Теперь, после всех слов, столь многочисленных, относительно объединения и примирения, нужно святое дело. Кому Господь благословит потрудиться на этом деле, кто заслужит у Господа эту милость – это известно одному Богу, а мы должны только непрестанно молиться, да изведет Господь делателей на жатву Свою. – А жатвы очень много, ибо покрыла нас, русских людей, ныне подлинная тьма. Недавно я видел одного старого протоиерея-благочинного. Он, видите ли, не согласен с мошенничеством «Живой Церкви», но не согласен и с «ошибками» патр. Тихона («Уж больно, – говорит, – их много: каждый месяц по ошибке!») и в отчаянии воскликнул: «Какому же богу нам теперь молиться?» – Беденький: Христа-то и забыл! Всю жизнь молился на идолов, а когда идолов не стало, душа у отца благочинного оказалась пустою. Да-да, – жатвы много, делателей мало!

8. Беглопоповцы в октябре–ноябре 1917 года

Мое знакомство с беглопоповцами в Москве осенью 1917 г. началось с того, что нижегородский монах из беглопоповцев, Иероним, пригласил меня на обед к председателю беглопо-

повского Братства – Льву Алекс. Молехонову⁵⁰⁴. Я с удовольствием принял это приглашение, угадывая, что это будет трапеза веры и любви. Я не обманулся: за обедом мы два-три часа проговорили о возможности для меня быть епископом у беглопоповского Братства. Через две-три недели повторилось приглашение и обед, с тою разницею, что на этот обед были приглашены представители беглопоповства из всей центральной России: Тулы, Калуги, Брянска, Поволжья. Обсуждали вопрос опять о возможности для меня быть «беглым» епископом. Конечно, мне было предложено «перемазывание», т.е. принятие меня в беглопоповство в Братство «вторым чином». Но я, конечно, решительно отказался от всякого «перемазывания». Я сказал, что я православный епископ и ни в каких ересях не состоял и потому и не могу отказываться от к.-л. ереси. Вместо этого кощунственного отказа моего от православия я предложил такой чиноприем: я вхожу в храм беглопоповский, как странник – в подряснике, полумантии и в клобуке, с посохом. При входе в храм верующая братия меня спрашивает: «Ты кто еси и почто пришел еси семо?» Ответ мой: «Аз есмь епископ Единыя Святыя, Соборныя, Апостольския Церкви.» – Вопрос: «Како веруеши?» – Ответ: «Верую во Единого Бога Отца Вседержителя...» и пр. И так далее – весь чин архиерейской присяги по Большому потребнику П. Иосифа. После этого вся братия обращается к епископу со словами: «Святитель Церкви Христовой, аще тако веруеши, сотвори милость и будь епископом нашим и сотвори молитву с нами и принеси на Алтаре нашем жертву Господу о всех и за вся». После согласия епископа он облачается в мантию, получает от братии жезл, идет ко св. вратам и просит у братии обычное прощение и начинает литургию по чину. К моей великой радости этот чиноприем, мною составленный, на другой день был принят всем собранием приехавших гостей. Но вместе с тем они категорически потребовали от меня полного отделения от П. Тихона. Я услышал от одного из присутствующих следующие слова: «Мы верим вам, и не знаем П. Тихона, и не верим ему; он при перемене обстоятельств снова войдет в контакт с кем угодно». Я был не подготовлен к такому обороту дела и отказался от этого неканонического поступка. Но, к моему удивлению, я был вызван еще раз на другой день к Л.А. Молехонову, и мне предложили такую комбинацию, чтобы я пришел к старообрядцам по составленному мною и принятому ими чину, но лишь с благословения моего духовника, но без ведома П. Тихона. Вместе с тем они просили меня, чтобы я хотя бы сам себя помазал драгоценным для них патриаршим дониконовским миром. Я просил разрешения переговорить с моим духовником, который был моим руководителем с 2 декабря 1895 г. (Арх. Антонием Харьковским). А мой духовник, исполнив свои канонические обязанности, радостно благословил меня на подвиг служения старообрядчеству и на [удовлетворение] вышеизложенных просьб его представителей. Это его решение было передано Л.А. Молехонову, а там началось бегство из Москвы всех, кому можно было убежать, и вскоре мой отъезд в Уфу. Потом последовало восстание чехов на Волге, а потом мое 4-хлетнее сидение по тюрьмам за защиту Отделения Церкви от Государства. За это время в Москве образовалась «Живая Цвь», и беглопоповцы взяли себе епископа из «Живой Цви»⁵⁰⁵. По моему мнению, это большая ошибка, ибо к живоцерковникам совсем нельзя иметь доверия, и они среди старообрядцев могут произвести только соблазн и разделение и не могут умирить страждущие души.

⁵⁰⁴ Молехонов (Малехонов) Лев Алексеевич, купец, книгоиздатель председатель московской беглопоповской общины. См. о нем: А.Л. «Беглопоповцы» // Русское слово. 1911. 3 июня (№126).

⁵⁰⁵ Никола/Николай (Позднев, 1853–1934), родоначальник иерархии нынешней Русской древлеправославной церкви. Принадлежал к господствующей церкви, настоятель кафедрального собора в Саратове (1910–1921). В 1921 г. овдовел, поставлен в еп. Балашевского, викария Саратовской епархии. В 1922 г. принял сторону обновленцев и указом обновленческого синода за №108 22 сент. 1922 г. возведен в сан архиепископа Саратовского. В июне 1923 г. за уклонение в обновленчество запрещен собором епископов под председательством патр. Тихона. Получив приглашение на переход к беглопоповцам, 4 ноября 1923 г. был присоединен в их саратовском храме священноиноком Климентом и о. Николой Тихомировым в сущем сане вторым чином (через миропомазание).

9. Епископ Иннокентий Нижегородский и Ф.Е. Мельников

К числу самых интересных моих знакомых относятся, несомненно, эти два старообрядца: Нижегородский епископ Иннокентий и писатель-публицист – Федор Евфимович Мельников. С первым я познакомился в июле 1917 г., на единоверческом съезде в Н-Новгороде; со вторым в Томске в 1918 г., во время Томского соборного Совещания. Знакомство с ними дало мне возможность проверить все мои взгляды на старообрядчество и на возможность объединения православных со старообрядцами. В знакомстве с еп. Иннокентием произошло у меня даже нечто мистическое. Буквально в один час мы решили идти друг к другу навстречу, не будучи еще знакомыми. Когда же познакомились, то оказались оба удивительными единомышленниками. Еп. Иннокентий все время говорил, что объединение разрозненных частей единой св. Церкви есть дела Благодати Божией и дело искренней молитвы. Личные усилия и одни словесные состязания – ни к чему не приведут; тому доказательство – вся деятельность миссионеров, которые не только никого не объединили, а только разъединяли и озлобляли. – «Поэтому, – говорил еп. Иннокентий, – допустим, что вот мы с вами сговоримся и признаем друг друга в сущем сани – из этого ничего не выйдет, ибо ни православные, ни старообрядцы нас не поймут, а только нас осудят, и мы останемся одни, нужно прежде всего идти в народ и уничтожить народные предрассудки». На этом мы и расстались с еп. Иннокентием, дав взаимно друг другу обещание употребить все меры к тому, чтобы встретиться при лучших обстоятельствах. – С Ф. Евф. Мельниковым мы встретились в доме одного Томского благочестивого старообрядца и проговорили весь вечер и всю ночь, а в 4 часа утра пошли вместе в ближайший храм, который оказался единоверческий. И вот 14 ноября, на день Св. Филиппа в Томском единоверческом храме рядом молились православный епископ и умнейший старообрядческий публицист Ф.Е. Мельников. Впоследствии я видел его молящимся в Крестовой Церкви Омского архиерейского дома. Вообще нужно отдать справедливость, что сознательные старообрядцы относятся к церковному объединению гораздо терпимее, чем их старообрядческие начетчики. И наши православные гордецы, которые самоуверенно думают, что они обладают всякою истиною, а все с ними несогласные – это люди погибшие. Этот смертный грех гордыни и мешает объединению православных с старообрядцами и мешает практическому осуществлению в жизни христианской истины. Отвлеченное знание христианской истины эти гордецы считают для себя вполне достаточным подвигом, нисколько не считаясь с необходимостью осуществить эту истину в жизни и сделать ее христианскою жизненною правдою. Между тем это недомыслие делает христианскую истину бесплодною для жизни и заставляет наиболее деятельные и ревностные натуры уходить из Церкви и довольствоваться сектантскими общинами. Все это должно быть прекращено, и такие крупные старообрядческие деятели, как еп. Иннокентий и Ф. Евф. Мельников, должны помочь осуществлению в жизни христианских идеалов и воцерковлению русского народа.

10. Правда старообрядчества и конец раскола старообрядчества

Исторические заслуги старообрядчества перед Церковным и русским народом огромны. Таковы они в прошедшем, и еще более так называемое старообрядчество может сделать доброго в будущем. Но и православные, и старообрядцы должны помнить, что старообрядчество есть религиозно-культурно-бытовое, а не только узко обрядовое явление. Что это не преувеличение, а историческая правда. Мы можем привести достоверные доказательства:

1) Старообрядцы, защищая чистоту Евангельского христианства, восстали против самовластия иерархии, в лице патр. Никона, и охранили тем чистоту русского православия.

2) Старообрядцы во всей своей жизни стремились осуществить подлинную свободу духа, социальное равенство и церковное братство; и в этом отношении старообрядческий приход является образцом христианской общины.

3) Старообрядцы выработали великолепную формулу отношения к церковным обрядам. Они говорят, что обряды – это драгоценный сосуд, который сохраняет в себе церковные чувства. Неуважение к церковным обрядам и вообще к церковному быту породило у господствующей Церкви полную недисциплинированность и повлекло за собою полную гибель церковной общины.

4) Старообрядцы донесли до наших дней светлый идеал пастыря – отца прихода и молитвенника, и руководителя общественной совести. У старообрядцев никогда не было поговорки: «что ни поп, то батька», которая в корне подрывала церковную жизнь в приходах господствующей Цви. Для старообрядца приходский пастырь – непременно выборный, – это действительно свеча, поставленная перед престолом Божиим.

5) Энергично протестуя против горделивых папистических притязаний иерархии, старообрядцы никогда не переставали протестовать и против насилий над совестью со стороны царской гражданской власти, и когда петербургский режим стал гнуть в бараний рог церковную общину, старообрядцы употребили все силы, чтобы сохранить себе свободу церковно-общинного самоопределения, и эту свободу у себя осуществили в то время, как «господствующая» иерархия сама собственными руками копала яму и церковной общине, и себе.

Такова правда старообрядчества – ясная, бесспорная, и светлая. Один лишь пункт в организации старообрядчества является спорным – каноническое достоинство белокриницкой и беглопоповской иерархий. Нельзя не оплакивать того обстоятельства, что белокриницкая иерархия получила свое начало не из безукоризненного в каноническом отношении источника, а устройство иерархии беглопоповской еще менее удовлетворительно. Разумеется, белокриницкая иерархия канонически стоит несравненно выше живоцерковных епископов – явно бесчестных, явно арианствующих и явно отвергающих самое существо церковной жизни; но грех одних не может быть извинением других.

И вот теперь нужно умолить Господа, чтобы Он послал каплю Благодати Своей для всех, кто болеет церковными болезнями, и умудрил их воссоединить старообрядчество со вселенскою Церковью.

Нужно сохранить всю правду старообрядчества, но кроме того нужно утвердить ее на бесспорных канонических основаниях.

Раскол старообрядчества, изобретенный цезаропапистами 17-го века и утвержденный кровью мучеников старообрядческих, должен отойти в область истории. Этому «расколу» более нет места и нет основания и оправдания.

История моего старообрядчества Часть первая⁵⁰⁶

1926 г., ноября 30-го

Епископу Петроградской православно-старообрядческой общины
святителю Геронтию⁵⁰⁷ на молитвенную память,

Епископ Андрей

За м. с. о. н., Г. И. Х. С. Б. п. н. а.⁵⁰⁸

Вместо предисловия

С самым тяжелым чувством начинаю этот свой небольшой труд. Всегда я писал только то, что хотел писать. А тут сейчас начинаю писать только потому, что вынуждаюсь обстоятельствами. Мне казалось, что неизвестные два документа относительно моего воссоединения со старообрядцами, разошедшиеся в рукописи среди людей, интересующихся этим вопросом, достаточны для людей, понимающих дело и любящих его. Я разумею два документа под заглавием: «Акт воссоединения» и «Исповедание веры епископа Андрея». Но оказалось, что этого очень недостаточно; оказалось, что наши руководители церковной жизни вполне не понимают сущность этих документов и их оценили правильно только руководители беглопоповского раскола во главе с бывшим ректором Саратовской семинарии и ныне беглопоповским архиепископом Николою Поздневым. Этот Никола понял указанные документы и отверг всякое «воссоединение», признав один только бывший ранее раскол. Таково отношение к воссоединению с стороны беглопоповцев, основанное на глубоком <не>понимании дела и личных эгоистических целях.

Но почему наши «православные» не желают «воссоединения» со старообрядцами; почему для них нужен только раскол, этого я понять никак не могу. Невольно при этом вспо-

⁵⁰⁶ Печатается по публикации А.В. Знатнова (Наш современник. 2007. №1. С. 194–220), подготовленной по двум источникам (РГАЛИ Ф. 1345. Оп. 1. Ед. хр. 17. Лл. 1–98; ОР РГБ. Ф. 178. К. 9806. Ед. хр. 3. Лл. 163, 1). В свое время анонсировалась также публикация Геннадия Дурасова «Епископ Андрей Ухтомский. История моего «старообрядчества» (Златоуст: Духовно-просветительский журнал Товарищества русских художников. 1992. №1. С. 373), не состоявшаяся из-за прекращения издания этого журнала на втором номере.

⁵⁰⁷ В примечаниях к этому тексту использованы (иногда и дословно воспроизведены) комментарии А.В. Знатнова. Геронтий (Лакомкин Григорий Иванович, 1872–1951) – старообрядческий еп. Петроградский и Тверской (1912–1932). 13 апреля 1932 г. был приговорен к лишению свободы, после освобождения 23 октября 1942 г. вплоть до кончины управлял Ярославско-Костромской епархией, одновременно был помощником архиепископа Московского и всея Руси. Знакомство между ним и еп. Андреем состоялось до 1917 г. Вероятно, напечатанная на папиросной бумаге машинопись первой тетради, посвященная автором еп. Геронтию, была передана еп. Андреем через еп. Климента (Логвинова) на Освященный собор, проходивший на Рогожском кладбище с 23 августа по 2 сентября 1926 г., когда решался вопрос о приеме еп. Климента в церковное общение и о каноничности его епископской хиротонии. Одновременно еп. Андрей обратился на Собор с просьбой и о своем присоединении к старообрядческой церкви, приемлющей Белокриницкую иерархию. На заседании без мирян 31 августа (13 сентября) было постановлено: «§ 13. Заслушивается резолюция, составленная комиссией по поводу обращения к Освящ. собору епископа Андрея Уфимского, обсуждавшегося на заседании собора с участием мирян. Заслушав обращение епископа Андрея Уфимского, Освящ. собор после обмена мнений постановил: ответить еп. Андрею, что обращение его собором принято к сведению, выразить ему благодарность и благие пожелания, как первому из русских епископов бывшей господствующей церкви, имеющему стремление возродить церковь и своих последователей в истинном самосознании и придти с ними в единение с древлеправославною Христовою старообрядческою церковью». В рукописном списке Отдела рукописей РГБ посвящение еп. Геронтию отсутствует.

⁵⁰⁸ Несколько видоизмененная традиционная старообрядческая аббревиатура, проставляющаяся в начале писем, обращений и иных письменных посланий. Обычно пишется: «Г. И. Х. С. Б. п. н. а.» («Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй нас, аминь»), но стоящее перед этим замолитвование «За м. с. о. н.» («За молитв святых отец наших») старообрядцами пред Иисусовой молитвой в письмах и обращениях никогда не проставляется.

минаю один инцидент на Киевском миссионерском съезде 1908 года⁵⁰⁹. Там присутствовало 34 (тридцать четыре) епископа. Такого съезда епископов за последние два-три века на Руси не было. На съезде председателем был назначен (от синода) архиепископ Волынский Антоний (Храповицкий). И вот на епископском совещании под председательством митрополита Антония Вадковского был поднят вопрос о восстановлении памяти и церковного почитания святой Анны Кашинской⁵¹⁰. Архиеп. Антоний Волынский просил епископов воспользоваться случаем и, кроме того, от имени 34 епископов написать и подписать воззвание к старообрядцам с предложением обсудить пути примирения с ними.

Епископы в ответ долго молчали, и это красноречивое молчание только прерывалось мелким шепотом и сопровождалось недоуменными взглядами. Наконец один из епископов (Владимир Екатеринбургский) начал расспрашивать о том, кто это Анна Кашинская, и с изумлением узнал, что она была двуперстница (то есть почти раскольница). Тогда стали раздаваться следующие вопросы: удобно ли восстанавливать ее церковное почитание ввиду такого обстоятельства... Такие речи вывели из терпения не очень сдержанного архиеп. Антония, и он сказал почти буквально следующие слова: «Я воображал, что буду делать доклад людям, хоть скольконибудь осведомленным со старообрядчеством, но вижу, что здесь люди, совсем его не знающие; признаюсь, я ошибся и снимаю свое предложение».

Только доброта и находчивость митрополита Антония Вадковского сгладили впечатление от этого авторитетного архипастырского рассуждения о старообрядчестве; но воззвание к старообрядцам так и не было написано.

Вот мне и думается, что только полная неосведомленность, что такое старообрядчество, заставляет наших «православных» так неправо, так лживо говорить обо мне и моих отношениях к расколу и к старообрядчеству.

И если это только неосведомленность, то да простит Господь этих неосведомленных людей – хотя для епископов, стремящихся завладеть руководством всею жизнью, такая неосведомленность едва ли простительна.

Но если здесь есть еще нечто большее, вроде сознательной клеветы, то такое отношение к церковному делу великой важности уже вполне преступно и не извинительно.

Читатель должен сам разобраться, нужен раскол или не нужен и кому нужен раскол в церкви, а я, с своей стороны, предупреждаю читателя этих и последующих строк, что мое личное мнение таковое: раскол в Русской церкви есть величайшее несчастье и тяжкий грех тех, кто не хочет служить делу церковного объединения.

Раскол должен быть изжит и уничтожен, а старообрядчество, святая древлерусская община, должно быть образцом для устройства общин православных.

Вот к чему я стремлюсь, вот какие мои цели по отношению к старообрядчеству и к расколу.

⁵⁰⁹ IV Всероссийский миссионерский съезд проходил в Киеве с 12 июля по 26 июля 1908 г. В его работе приняли участие 626 человек, среди них 42 епископа. Более представительного собрания новообрядческой иерархии дореволюционная синодальная церковь еще не знала. Все видели в этом съезде пролог к долгожданному Поместному собору, созыв которого так и не был разрешен Николаем II. Еп. Андрей был председателем 8-го противомусульманского отдела IV миссионерского съезда, к открытию которого издал книгу «О нормальном положении православия в Православном русском царстве (Доклад IV Киевскому миссионерскому съезду)» (Казань, 1908).

⁵¹⁰ Во время работы съезда, 18 июля 1908 г., состоялось секретное архиерейское совещание, где было решено просить высочайшего разрешения о возобновлении почитания в господствующей церкви св. благоверной Анны Кашинской, прекращенного там в 1678 г., а еп. Антонием (Храповицким) был поднят (безрезультатно) еще и вопрос о восстановлении патриаршества.

1. Повод к написанию этих строк

Поводом к написанию этих строк явилось воззвание митрополита Нижегородского Сергия к моей уфимской пастве, полученное в Уфе 22 августа 1926 г. и озаглавленное так: «Благочестивым прихожанам уфимской Симеоновской церкви и прочим единомысленным с ними почитателям еп. Андрея»⁵¹¹. Если бы не было этого воззвания, я не имел бы достаточного основания к тому, чтобы тратить время на эту мою работу – по моему мнению, совершенно излишнюю. Но митрополит, заместитель местоблюстителя патриаршего престола, пишет на меня неправду, возводит на меня клевету пред теми, кто считает меня своим епископом. Разве этого мало, чтобы постараться пред моею паствою выяснить неправду заместителя местоблюстителя? Я считаю, кроме того, своим долгом, защищая себя, хотя бы между прочим указать, какие легкомысленные личности стоят и могут еще стоять очень долго в нынешние времена во главе управления Русской церковью. Пусть это знают те, кому дорога церковная жизнь, кто болеет ее болезнями...

Итак, переписываю полностью все воззвание митрополита Сергия к моей пастве. Оно таково:

Ко многим другим разделениям, какими в наше мятежное время обуреваются св. Церковь Христова, прибавилось и ваше уфимское разделение. Там ищут – кто власти, кто житейских удобств, вы ищите, по-видимому, правды, разделяетесь от нас из-за любви и уважения к вашему бывшему архипастырю, епископу Андрею. Так как «центральная церковная власть» (как называет ее ваш приходской совет в своем постановлении от 25 мая / 7 июня) в лице местоблюстителя митрополита Петра и меня, его заместителя временного, несправедливо, по вашему мнению, обидела еп. Андрея, то и не нужно этой центральной власти; она не оказывается даже сколько-нибудь удовлетворяющею каноническим требованиям, и Симеоновскому приходу остается только молиться о том, чтобы истинная центральная власть «была дарована от Бога», а пока руководствоваться распоряжениями митрополита Агафангела от 5 мая 1922 года.

Намерения ваши как будто благие, а конец их – то же разделение; нешвенный хитон Христов опять раздирается к соблазну малодушных и к торжеству врагов креста Христова.

И вы и мы одинаково верим, что Церковь Христова не только духовно, но и видимо едина и что это видимое единство Церкви выражается, между прочим, в том, что всякая страна имеет своего первого епископа (Апостол, прав. 34)⁵¹² и что послушание первому епископу, если он не осужден церковным судом или не обличен в ереси, обязательно для всякого православного епископа, клирика и мирянина (Двукр. соб., 15–17)⁵¹³. Ни над владыкою митрополитом Петром, ни над мною церковного

⁵¹¹ *Константиновский В.* Православие и еп. Андрей, бывший князь Ухтомский. С. 33–39.

⁵¹² «Епископам всякого народа подобает знать первого в них, и признавать его как главу, и ничего превышающего их власть не творить без его рассуждения: творить же каждому только то, что касается до его епархии, и до мест к ней принадлежащих. Но и первый ничего да не творит без рассуждения всех. Ибо так будет единомыслие, и прославится Бог о Господе во Святом Духе, Отец, Сын и Святой Дух».

⁵¹³ Правила святого собора Константинопольского, во храме святых апостолов бывшего, глаголемого двукратного (861): «15. Что определено о пресвитерах и епископах и митрополитах, то самое, и наипаче, приличествует патриархам. Посему, аще который пресвитер, или епископ, или митрополит, дерзнет отступить от общения со своим патриархом, и не будет возносить имя его, по определенному и установленному чину, в Божественном тайнодействии, но прежде соборного оглашения и совершенного осуждения его, учинит раскол: таковому святой собор определил быти совершенно чужду всякаго священства,

суда не было. Точно так же никого из нас вы не обличаете в ереси. Почему же послушание нам представляется вам необязательным? Почему вы готовы молиться, чтобы скорее дарована была вам власть, которой бы вы слушались, а существующей законной церковной власти слушаться не хотите? Почему распоряжение бывшего первого епископа (владыки Агафангела) вы исполняете, а распоряжение первого епископа, которого вам Бог дал для настоящего времени, исполнять не хотите? Послушание ведь состоит прежде всего в отказе от своей воли и своего выбора. Если же вы одному законному указанию повинуетесь, а другого, столь же законного, слушаться не хотите, то это уже не послушание, а произвол и самочиние, живущие по которому «падают, – по словам Писания, – яко листвия».

Вам кажется совершенно несправедливым запрещение, наложенное на еп. Андрея. В своем гневе на такую, по вашему мнению, обиду вы готовы объяснить действия патриаршего местоблюстителя и мои разными своекорыстными происками и доносами преосвященного Иоанна⁵¹⁴, чем угодно, только не обязательным для нас желанием охранять во святой Церкви благочиние и нерушимость священных канонов. Но разберемся в этом деле по возможности спокойно и без раздражения.

Прежде всего прошу вас верить, что еп. Андрея я знаю и, вместе с вами, считаю его по жизни безукоризненным человеком, строгим аскетом и самоотверженным пастырем; при всем том он человек и, как человек, может и ошибаться и увлекаться своими мнениями дальше, чем следует, и в увлечении принимать за истину то, что имеет только вид истины, а на деле заблуждение или, на языке духовной жизни, – «прелесть». Недаром сказано: «Многие пути кажутся человеку правыми, но конец их погибель»⁵¹⁵. Чистосердечно увлекаясь желанием послужить спасению многих, но не сообразив своего желания с волею Божиею, выраженною для нас в церковных постановлениях,

аще токмо обличен будет в сем беззаконии. Впрочем сие определено и утверждено о тех, кои, под предлогом некоторых обвинений, отступают от своих предстоятелей, и творят расколы, и расторгают единство Церкви. Ибо отделяющиеся от общения с предстоятелем, ради некия ереси, осужденныя святыми соборами или отцами, когда, то есть, он проповедует ересь всенародно, и учит оной открыто в церкви, таковые аще и оградят себя от общения с глаголемым епископом, прежде соборного рассмотрения, не токмо не подлежат положенной правилами епитимии, но и достойны чести, подобающей православным. Ибо они осудили не епископов, а лжеепископов и лжеучителей, и не расколом пресекли единство церкви, но потщились охранить церковь от расколов и разделений. **16.** По причине случающихся в Церкви Божией распрей и смятений, необходимо и сие определить: отнюдь да не поставляется епископ в той церкви, которой предстоятель жив еще, и пребывает в своем достоинстве, разве аще сам добровольно отречется от епископства. Ибо надлежит прежде привести к концу законное изследование вины, за которую он имеет удален быть от епископства, и тогда уже, по его низложению, возвести на епископство другого, вместо его. Аще же кто из епископов, пребывая в своем достоинстве, и не хочет отречься, и не желает пасти народ свой, но, удаляясь от своея епископии, более шести месяцев остается в другом месте, не быв удерживаем ни царским повелением, ни исполнением поручений своего патриарха, ниже быв удержим тяжкою болезнию, делающею его совершенно недвижимым: таковой ни единою из реченных причин не воспящаемый, но удалившийся от своея епископии, и в ином месте долее шестимесячного времени пребывающий, да будет совершенно чужд епископския чести и достоинства. Ибо нерадующему о врученной ему пастве, и в ином месте более шести месяцев закосневающему, святой собор определил совершенно быть чужду и архиерейства, в которое поставлен, дабы пасти, и на его епископию возводити другого, вместо его. **17.** Прилагая попечение о соблюдении во всем церковнаго благочиния, мы признали необходимым и сие определили: чтобы впредь никто из мирян, или монахов не был внезапно возводим на высоту епископства, но чтобы каждый, по испытании прежде в церковных степенях, воспринимал рукоположение во епископа. Ибо хотя донныне некоторые из монашествующих, или мирских, по требованию нужды, и были вскоре достаиваемы епископския чести, и превзошли других добродетелию, и возвысили порученныя им церкви; однако редко бывающаго не поставляя в закон Церкви, определяем: отныне сему уже не быти, но правильно рукополагаемый да пройдет чрез все степени священства, исполняя в каждом положенное законом время».

⁵¹⁴ Иоанн (Поярков).

⁵¹⁵ «Входите тесными вратами, потому что широки врата и пространен путь, ведущие в погибель, и многие идут ими» (Мф. 7, 13).

еп. Андрей пришел к деяниям, которые вместо славы и спасения многих грозят посрамлением и погибелью и ему, и всем, кто пойдет за ним.

28 августа прошлого года в Асхабаде беглопоповцем Климентом совершен чин приема еп. Андрея в старообрядчество. Теперь еп. Андрей утверждает, что этим чином не он, еп. Андрей, перешел к беглопоповцам, а, наоборот, беглопоповцы соединились с ним и чрез него с православною церковью.

Но дело нужно брать таким, как оно совершилось. Мы знаем, что при приеме кого-либо в церковь читается исповедание веры и отрекается от ересей не принимающий, а тот, кого принимают. Точно так же крещается, миропомазуется или исповедуется не принимающий, а опять тот, кого принимают. Наоборот, оглашение читает принимающий, а не принимаемый. Между тем 28 августа оглашение как раз читал Климент, а отрекался от ересей, исповедовался и, наконец, миропомазался еп. Андрей. Значит, принимающий был беглопоповец Климент (и, конечно, в беглопоповство), а принимаемым – еп. Андрей.

В этом смысле понимал чиноприем и совершитель его Климент. В докладе своему церковному начальству 15 сент. 1925 года он рассказывает, что, во-первых, и поручение, данное ему, состояло в том, чтобы вести переговоры с епископами господствующей Российской церкви о переходе их к старообрядцам и в случае согласия кого-либо из них «принять такового в лоно древлеправославной Христовой Церкви вторым чином»⁵¹⁶. Во исполнение какого поручения Климент и обратился с указанною совершенно определенно целью к одному из архиереев «господствующей Российской церкви», к еп. Андрею, и когда тот на принятие вторым чином в Климентову «церковь» согласился, то, говорит Климент, он мною и был принят в старообрядчество, то есть не просто приглашен быть у старообрядцев епископом, как хочет представить дело еп. Андрей (о приглашении речь шла уже после чиноприема), а именно принят как член заблудшей «господствующей церкви» в Церковь древлеправославную Христову.

Несомненно, и «никонианство», от которого отрекался еп. Андрей⁵¹⁷, для Климента и др. беглопоповцев означало не «Живую церковь» (от нее еп. Андрею отречься не было нужды), а именно нашу православную Христову Церковь, именуемую беглопоповцами «господствующей».

Такому пониманию чина соответствуют и сопровождавшие его подробности. Вместе с еп. Андреем присоединилась, как мы знаем, и приходская община со своим храмом. И вот храм подвергся малому освящению, «окроплен св. водою». Антиминс же, замечает Климент, «у них древнего образца», то есть с восьмиконечным крестом (вот почему его не переменили при обращении храма в старообрядческий).

Следовательно, как бы ни старался епископ Андрей толковать по-своему совершенный над ним чиноприем, для Климента и других беглопоповцев это был переход еп. Андрея в беглопоповство, а не наоборот. Но в таком случае оказывается не достигнутой единственная цель, которою оправдывает еп. Андрей свой поступок: соединение беглопоповцев с православною церковью.

⁵¹⁶ То есть через «перемазывание», при котором сохраняется полученный в другой конфессии духовный сан.

⁵¹⁷ В старообрядческом «Чинопоследовании присоединения приходящих к православной церкви от различных ересей» нет *отречения*, а есть *отрицание* от «никонианския ереси».

Не подозревая, что их соединяют с этой церковью, и даже совсем не желая этого соединения, беглопоповцы, конечно, не могли оказаться незаметно для себя в ограде церковной, как, например, не исповедующий грехов не может получить их разрешения. Не может еп. Андрей утешать себя и тем, что беглопоповцы, хотя они и не желают соединения с нашей церковью, но вошедшие каким бы то ни было путем в общение с ним, православным епископом, тем самым получили для себя источник благодати. Источник благодати есть сама св. Церковь Христова; мы же, епископы, остаемся такими источниками только до тех пор, пока действуем от имени и с согласия церкви, то есть послушные ее постановлениям, и находимся в общении с нею. Выйдя из послушания церкви, тем более потеряв общение с нею (в лице православного патриарха), епископ перестает быть и источником благодати.

В конце концов акт 28 августа обнажается во всей своей кощунственности: православный епископ, не имея в мыслях отречься от церкви, тем не менее позволяет беглопоповцу совершить над собою обряд присоединения вторым чином. Если еп. Андрей видел, что Климент понимает дело по-своему, он должен был остановить обряд и растолковать, как он должен понимать. Если же о подлинных намерениях и мыслях Климента еп. Андрей узнает только теперь, он не может молчать, потому что молчание в данных условиях равносильно согласию с заблуждениями беглопоповцев и отречению от церкви. Еп. Андрей должен во всеуслышание объявить о происшедшем недоразумении и оплакать свою великую и соблазнительную ошибку.

За одним грехом следует другой: не пытаясь ничем рассеять очевидного недоразумения, еп. Андрей посвящает Климента во епископа. Говоря языком церковных канонов, это значит: бывшего православного священника, отрекшегося в свое время от православной церкви и принявшего кощунственное (для нас) миропомазание, за это подпавшего запрещению (а может быть, даже извержению из сана), никем не разрешенного и даже не очистившего свою совесть от этого греха хотя бы покаянием пред православным духовником, еп. Андрей не только допускает к священному служению и к причащению св. тайн без увольнительной грамоты от своего архиерея, но и возводит на высшую степень – во епископа. Уже одним этим еп. Андрей порывал общение с православною иерархией и подлежал запрещению и даже извержению из сана.

Узнав о происшедшем 28 августа, патриарший местоблюститель наложил на еп. Андрея запрещение. Вы жалуетесь, что еп. Андрей наказан без суда, без объяснения с его стороны и даже без уведомления о запрещении.

Но запрещение и не является судебным наказанием. Это лишь предсудебная мера, обычно применяемая в тех случаях, когда предъявляется обвинение, грозящее лишением сана. В случае суда над пресвитером последовательную эту меру обязан применить к обвиняемому епархиальный архиерей, а когда обвиняется архиерей, то же должен сделать первый епископ.

Уведомление о наложении запрещения несомненно было послано еп. Андрею, но, вероятно, затерялось по дороге. Впрочем, хотя бы и не было принято мер к уведомлению, это не может служить оправданием для еп. Андрея, так как он и сам не исполнил своей обязанности сообщить о происшедшем 28 августа местоблюстителю. По 34-му апостольскому правилу,

епископ не может делать без воли первого епископа ничего превышающего его власть как епархиального.

Воссоединение беглопоповцев – дело, конечно, не епархиальное, хотя бы по одному тому, что они живут во многих чужих для еп. Андрея епархиях. Следовательно, прежде чем начать это дело, еп. Андрей должен был испросить на него благословения у местоблюстителя. Если же обстоятельства вынуждали его действовать безотлагательно, он должен был уведомить местоблюстителя немедленно по совершении дела, чтобы получить от первого епископа утверждение совершенного или какие-либо другие указания. Молчание еп. Андрея в данном случае означает только нежелание повиноваться местоблюстителю, непризнание над собою канонической власти последнего.

О том же непризнании говорит то, что, зная теперь о запрещении, еп. Андрей продолжает священнодействовать, не боясь запрещения канонов (напр., Карф., пр. 38⁵¹⁸ и другие). Правда, вы пишете, что он это делает по просьбе народа. Но при хиротонии мы все обещались «ничего не творити вопреки канонов, хотя бы и от множества народа нудимы».

О непризнании местоблюстителя говорит и совершение еп. Андреем нескольких хиротоний архиерейских без благословения, хотя, конечно, он знает, что такие поставления не имеют силы (Антиохийского собора пр. 19⁵¹⁹). Не может быть оправдано это совершение и какою-нибудь гнетущею нуждою, потому что в самых хиротониях не было ни экстренной, ни даже вообще никакой нужды (что видно хотя бы из того, что еп. Мельхиседек, поставленный еп. Андреем для Туркестанской епархии, в ней, однако же, не остался). Не оправдывает и ссылка на словесное благословение <патр. Тихона>, распространяемое только на те хиротонии, которые совершены были при его жизни и которые были потом утверждены. С кончиной же святейшего патриаршие права и власть полностью перешли к местоблюстителю.

Мы знаем по 15-му прав. Двукратного собора: «аще который епископ... дерзает отступить от общения со своим патриархом и... прежде соборного оглашения и совершенного осуждения его учинит раскол, таковому святейший собор определяет быти совершенно чужду священства. Такой разрыв извинителен только в том случае, когда патриарх обличен в ереси». Но повторяю: каким судом осуждены и лишены должностей патриарший местоблюститель митрополит Петр и я, его заместитель, и в каких ересях мы обличены, чтобы можно было не считаться с нами?

Так, позабыв долг канонического послушания первому епископу, еп. Андрей доходит до чистого самочиния и, мечтая соединить с православными внецерковных старообрядцев, на деле производит новый раскол среди православных, то есть совершает грех, не омываемый, по учению св. отцов, не только исповедничеством, но даже и кровью мученичества. Невольно приходит на ум страшное изречение пророка: «Егда реку праведнику жизнею

⁵¹⁸ «Угодно всему собору, чтобы отлученный за свое небрежение от общения, епископ ли, или кто бы то ни был из клира, во время отлучения своего, прежде выслушания оправдания его, дерзающий преступати к общению, признаваем был произнесенным сам на себя приговор осуждения».

⁵¹⁹ «Епископ да не поставляется без собора и присутствия митрополита области. И когда сей присутствует: то лучше есть купно с ним и всем тоя области сослужителям; и прилично митрополиту созвати их чрез послание. И аще соберутся все: лучше есть. Аще же сие неудобно: то большая их часть неотменно да присутствуют, или грамотами да изъявят свое согласие, и тако, или в присутствии, или с согласием большого числа епископов, да совершится поставление. Аще же инако, вопреки сему определению, поступлено будет: да не имеет никакой силы поставление. Но аще поставление совершится по определенному правилу, а некоторые по своей любоприятности воспрекословят: да превозмогает решение множайших».

жив будешь, сей же уповаю на правду свою и сотворит беззаконие, вся правда его не вспоминается, – в неправде своей, юже сотвори, в той умрет» (Иезек., 33:13).

Сознаю, что вам тяжело читать и слушать все сказанное о вашем любимом пастыре. Не легче и мне все это писать; однако, если ваша привязанность к нему одушевлена истинною евангельскою любовью, ваш долг не в том, чтобы несмотря ни на что поддерживать своего пастыря даже в его ошибках и заблуждениях; этим вы только утвердите его на ложном пути и сами с ним погибнете духовно.

Ваш долг – употребить все ваше усердие и всю любовь к нему, чтобы возвратить его на его прежний прямой путь. Убедите его и своею любовью облегчите ему нелегкий крест покаяния. Пусть я недостойный носитель звания первого епископа. Но что о мне говорить, «аз токмо свидетель», притом временно и даже, может быть, на очень короткое время поставленный случайно (но для веры не без воли Божией) на этом месте. Вопрос же идет о вечном спасении многих и о благосостоянии и единстве святой нашей православной церкви, которую Христос стяжал Своею Кровию.

И так от имени Христова просим – примиритесь с Богом (2 Кор., 5:20)⁵²⁰.

Сам же Господь, пречистые утробы Своея неизследимые благи отвержай всякому приходящему к Нему с желанием и любовью теплою, да управит путь ваш к этому святому делу и да даст нам снова вместе с вами и с возлюбленным пастырем вашим, еп. Андреем, едиными устами и единым сердцем славить Его пресвятое имя Отца и Сына и Святаго Духа во веки веков. Аминь.

Подпись: за патриаршего местоблюстителя Сергей,
митрополит Нижегородский.

16 (29) августа 1926 г. Н. Новгород.

Вот воззвание митрополита Сергия, адресованное моей уфимской пастве.

2. Неправда заместителя местоблюстителя

Прочитав послание митрополита Сергия, я ощутил чрезвычайно сложное чувство. Мне нередко в жизни приходилось быть предметом всякой разносторонней клеветы, но чтобы клевета была подписана столь высокопоставленным лицом – это я переживаю впервые. Я был ошеломлен и за себя, и за дело церковное. Поэтому я и прошу беспристрастного суда читателей, прошу читателей помнить всю огромную важность обсуждаемого дела, разобраться в нем беспристрастно и сказать свое мнение об епископе, который авторитетно подписывает явную фактическую неправду. И еще прошу читателей сказать, каким образом епископ, желающий (чрезвычайно желающий) руководить жизнью всей Российской церкви (легко сказать!), каким образом местоблюститель патриаршего престола может говорить фактическую неправду; это для меня представляется чем-то столь грустным, столь печальным, что я готов только горько плакать, ибо в чьих же руках находится управление св. Церковью. В какую же яму вожди слепые⁵²¹ могут завести верующих людей, доверяющих на слово всяким митрополитам, местоблюстителям, заместителям и т.п. Положение прямо отчаянное, если рассуждать по-человечески.

⁵²⁰ «Итак, мы – посланники от имени Христова, и как бы Сам Бог увещевает через нас; от имени Христова просим: примиритесь с Богом» (2 Кор., 5:20).

⁵²¹ «Они – слепые вожди слепых; а если слепой ведет слепого, то оба упадут в яму» (Матф., 15:14.).

Но будем верить, что Сам Господь не оставит людей своих, когда пастыри изменят служению своему (см. Иезек., гл. 34).

Теперь перехожу к подсчету всей той неправды, которую наговорил на меня митр. Сергей. Я не буду возражать на те комплименты по моему адресу, которыми митр. Сергей хочет выразить сочувствие ко мне. Эти комплименты тоже неправда – ибо от меня аскетизмом и не пахнет, и пастырь я самый грешный, что великолепно доказал в своем воззвании митр. Сергей, если он говорил правду. А он меня называет безукоризненным человеком, а потом на целом листе перечисляет мои преступления, вроде «кощунства», обмана, непослушания почтенным первым епископам и т.д. Хорош «безукоризненный человек». Хорош «самоотверженный пастырь»... Не много же митрополит Сергей требует от «безукоризненного и самоотверженного» пастыря... Каково же у него представление о своих пастырях «укоризненных»? Воображаю, что за пастыри.

Я не повторяю этой ошибки митрополита Сергея и буду говорить без комплиментов, я буду говорить только о великой и разнообразной неправде, которую митрополит Сергей написал в своем послании моей пастве обо мне.

Итак, начинаю перечислять эти неправды митр. Сергея.

1) Епископ Андрей доходит до чистого самочиния и, мечтая соединить с православными внецерковных старообрядцев, производит новый раскол среди православных.

2) Епископ Андрей согласился на принятие в «Климентову церковь» вторым чином и позволил беглопоповцу совершить над собою обряд присоединения вторым чином.

3) Вместе с епископом Андреем присоединилась («как мы знаем», пишет м. Сергей) и приходская община со своим храмом.

4) Храм (где молился еп. Андрей) подвергся малому освящению.

5) Для беглопоповцев чин, совершенный над еп. Андреем, был переходом епископа Андрея в беглопоповство, а не наоборот.

6) Еп. Андрей был «принимаемым» в беглопоповство, а принимающий был Климент.

7) От «Живой церкви» епископу Андрею не было нужды отречься.

8) При приеме еп. Андрея в старообрядчество оглашение «как раз читал» Климент, а отречатся от ереси, исповедовался и, наконец, миропомазался еп. Андрей.

9) Архимандрита Климента, отрекшегося от православной церкви, никем не разрешенного и даже не очистившего свою совесть покаянием пред православным духовником, еп. Андрей возводит на степень епископа.

10) Запрещение есть предсудебная мера.

11) Когда обвиняется архиерей в каком-либо преступлении, то запрещение должен провозвести первый епископ.

На все эти неправды (или клеветы) я вынуждаюсь дать обстоятельный ответ со всеми подробностями. Но я постараюсь написать именно историю моего старообрядчества, а не полемизировать с митр. Сергием и тем более не защищаться пред ним, ибо это совершенно бесполезно для церковного дела и чрезвычайно скучно.

3. Благословение, полученное мною от патриарха Тихона

Самое тяжелое обвинение, которое мне бросает митр. Сергей, – это то, что я, решив послужить делу объединения старообрядцев-раскольников со всеми старообрядцами и новообрядцами православными⁵²², не спросил на это благословения и разрешения у патриаршего

⁵²² Здесь «старообрядцами-раскольниками» еп. Андрей именует беглопоповцев; просто «старообрядцами» – единоверцев; «новообрядцами православными» – оппозиционеров-староцерковников, не приемлющих как обновленчества («Живая церковь», «Союз церковного возрождения», «Союз общин древлеапостольской церкви» и т.п.), так и сергианства и прочих конформистских юрисдикций.

местоблюстителя, митр. Петра. Мое мнение о митр. Петре я скажу ниже и скажу мое мнение и об его правах на «местоблюстительство». А пока я должен сказать, что дело молитвенного воссоединения со старообрядцами-беглопоповцами мною было начато в 1917 году во время собора, с ведома и благословения патр. Тихона, и все, что я сделал в Асхабаде (Полторацке⁵²³) в 1925 году, – все сделано было мною только потому, что каждый шаг мой в этом деле был обдуман еще восемь лет назад и проверен такими авторитетами, как патр. Тихон и митр. Антоний (Храповицкий). Иначе на самочинный поступок я не решился бы, несмотря на всю его привлекательность. И если я имел бы возможность сделать великое дело, доброе дело (великой важности) и не сделал, то подпал бы суду церковному за свою леность, ибо в св. Писании сказано: «Кто понимает делать добро и не делает, тому грех» (Иак., 4:17). Чтобы на мне не было этого греха, я и сделал то, что мне велел сделать Господь. На все сделанное мною я имею оправдание в моей совести и в совести тех, кто с моим делом знаком.

Мои переговоры со старообрядцами в 1917 году прервались из-за московских беспорядков. А потом, в 1924 году, в Бутырской тюрьме я узнал, что беглопоповцы обошлись без моих услуг и взяли себе епископом живоцерковника, архиепископа Николая Саратовского, бывшего тридцать лет ректором семинарии и с принятием его вторым чином в раскол проклявшего буквально всю свою жизнь и деятельность.

Мне было горько слышать, что беглопоповцы сделали такую трудно поправимую ошибку, и я только на память для других церковных деятелей записал все переговоры, которые я вел с беглопоповцами в 1917 г. Начал я этот коротенький труд под заглавием «Письма о старообрядчестве» еще в Бутырке, а окончил в Асхабаде в 1925 г., за месяц до моего знакомства с архимандритом Климентом.

Теперь эти строчки, написанные мною совершенно случайно, имеют для меня огромное нравственное значение, а для церковной жизни они имеют и каноническое значение. Из этих десяти «Писем о старообрядчестве» имеет ближайшее значение для дела моего объединения со старообрядчеством только одно – восьмое. Это восьмое письмо я здесь и выписываю полностью. Оно озаглавлено у меня так: «Беглопоповцы в октябре–ноябре 1917 года»; содержание его такое:

Мое знакомство с беглопоповцами в Москве осенью 1917 года началось с того, что нижегородский монах из беглопоповцев Иероним пригласил меня на обед к председателю московского беглопоповского братства Льву Алексеевичу Молехонову. Я с удовольствием принял это приглашение, угадывая, что это будет трапеза веры и любви.

Я не обманулся: за обедом мы два-три часа проговорили о возможности для меня быть епископом беглопоповского братства...

Через две-три недели повторились и приглашение и обед, с тою разницею, что на обед были приглашены представители беглопоповства из всей центральной России: Тулы, Калуги, Брянска, Поволжья.

Обсуждали вопрос опять о возможности для меня быть «беглым» епископом.

Конечно, мне было предложено «перемазывание», то есть принятие меня в беглопоповское братство «вторым чином». Но я, конечно, решительно отказался от всякого «перемазывания». Я сказал, что я православный епископ и ни в каких ересях не состоял и потому и не могу отказываться от какой-либо ереси. Вместо этого кощунственного отказа моего от православия я предложил такой чиноприем.

⁵²³ Полторацк – название Ашхабада в 1919–1927 гг.

Я вхожу в храм беглопоповский как странник, в подряснике, в полуманке и в клобуке с посохом. При входе в храм верующие братья меня спрашивают: – Ты кто еси и по что пришел еси само?

Ответ мой: Аз есмь епископ единыя, Святыя, Соборныя, Апостольския церкви.

Вопрос: Како веруеши?

Ответ: Верую во единого Бога Отца, Вседержителя и проч. – И так далее – весь чин архиерейской присяги по Большому Потребнику патр. Иосифа⁵²⁴.

После этого вся братия обращается к епископу со словами: «Святитель Церкви Христовой, аще тако веруеши, сотвори милость и будь епископом нашим, и сотвори молитву, и принеси на алтаре нашем жертву Господу о всех и за вся».

После согласия епископа он облачается в мантию, получает от братии жезл, идет ко св. вратам, и просит у братии обычное прощение, и начинает литургию по чину.

К моей великой радости, этот чиноприем, мною составленный, на другой день был принят всем собранием приехавших гостей. Но вместе с тем они категорически потребовали от меня полного отъединения от патр. Тихона. Я услышал от одного из присутствовавших следующие слова: «Мы верим вам и не знаем патр. Тихона и не верим ему; он при перемене обстоятельств снова войдет в контакт с кем угодно».

Я был не подготовлен к такому обороту дела и отказался от такого неканонического поступка. Но, к моему удивлению, я был вызван еще раз на другой день к Л.А. Молехонову, мне предложили такую комбинацию – чтобы я пришел к старообрядцам по составленному мною и принятому чину, но лишь с благословения моего духовника и без ведома патр. Тихона. Вместе с тем просили меня, чтобы я хотя бы сам себя помазал драгоценным для них патриаршим дониконовым миром⁵²⁵.

Я просил разрешения переговорить с моим духовником, который был моим руководителем с 2 декабря 1895 года (архиеп. Антонием Храповицким).

А мой духовник, исполнив свои канонические обязанности, радостно благословил меня на подвиг служения старообрядчеству и на исполнение вышеизложенных просьб его представителей.

Это его решение было передано Л.А. Молехонову, а затем началось бегство из Москвы всех, кому было можно убежать, и вскоре и мой отъезд в Уфу.

Потом последовало восстание чехов на Волге, а потом мое четырехлетнее сидение по тюрьмам за защиту отделения церкви от государства. За это время в Москве образовалась «Живая церковь», и беглопоповцы взяли себе епископа из «Живой церкви». По моему мнению, это большая ошибка, ибо к живоцерковникам совсем нельзя иметь доверия и они среди старообрядцев

⁵²⁴ Последний (1642–1652) патриарх перед Никоном.

⁵²⁵ Практика самопомазания присоединяющихся к беглопоповцам утвердилась со второй половины XIX в. К началу 1860-х у беглопоповцев, не признавших белокриницкой иерархии, оставался единственный священник, Павел Алексеевич Смирнов (1801–1862). С его смертью в январе 1862 г. преемственное священство у беглопоповцев прекратилось (вплоть до времени Николы (Позднева)), так что нового иерея Бориса Акимова принимать было уже некому, и тогда с согласия принимающей стороны он сам прочитал себе чин присоединения и сам помазал себя миром. Так «образовалось новое беспреемственное беглопоповское священство в этом раздорническом согласии». (Мельников Ф.Е. Краткая история древлеправославной (старообрядческой) церкви. Барнаул, 1999. С. 347).

могут произвести только соблазны и разделение и не могут умирить страждущие души.

* * *

Изложенное в этом восьмом письме я в свое время рассказал всем, кому рассказывать мог: протоиерею Виктору Пояркову, нынешнему скандалисту-епископу Иоанну; епископу Филиппу Городецкому, викарию Нижегородскому⁵²⁶, когда встретился с ним в тюрьме; епископу Анатолию Самарскому⁵²⁷, когда мы оба были в ссылке в Асхабаде; епископу Нижнетагильскому Льву⁵²⁸ при встрече с ним в Ташкенте, под арестом, и ни одного возражения на эти переговоры мои и предложения мои я не встречал. Все относились почти с сочувствием к моим переговорам со старообрядцами. А так как я лично этими переговорами дорожил чрезвычайно, то и записал о них все, что помнил – на память для себя и для других. Эти свои «Письма о старообрядчестве» я кончил приблизительно в июне 1925 года, а 15 августа этого года ко мне явился мне совершенно неизвестный даже по переписке беглопоповский архимандрит Климент Логвинов с просьбой, чтобы я согласился быть беглопоповским епископом.

4. Мои переговоры с архимандритом Климентом

Архимандрита Климента я встретил на вокзале Асхабадском при исключительных обстоятельствах. Я встречал митрополита Новгородского Арсения⁵²⁹, приезжавшего в Асхабад из Краснозаводска⁵³⁰. Встретив митрополита, отказавшегося ехать ко мне на обед, я нос к носу встретился с каким-то смиренным иноком в бедненьком беленьком коротком подряснике, который подошел ко мне и спросил меня: здешний ли я житель и как найти епископа Андрея. И эта встреча произошла тогда, когда всякий приезжавший ко мне подвергался чрезвычайно бдительному надзору и обыскам.

Архимандрит Климент без всякого обыска оказался моим гостем и скушал митрополичий обед (состоявший из картошки вареной и жареной). Потом он сказал в общих словах цель своего посещения Асхабада и намеченный дальнейший путь свой. На другой день он мне показал все привезенные им документы и просил меня на основании привезенных уполномочий быть беглопоповским епископом.

Я внимательно изучил все им привезенное, и сейчас припоминаю следующие документы:

- 1) его паспорт;
- 2) предложение архиеп. Николы, выданное архим. Клименту, отыскать второго беглопоповского епископа⁵³¹;
- 3) чье-то (не помню чье) приказание архимандриту Клименту принять из «господствующей» церкви нового епископа не иначе как вторым чином;

⁵²⁶ Вероятно, здесь описка и речь идет о Филиппе (Гумилевском), в 1921–1925 гг. еп. Балахнинском, викарии Нижегородской епархии, затем на короткий срок переходившем к беглопоповцам.

⁵²⁷ Анатолий (Грисюк), еп. Самарский (1922), митр. Одесский (1932).

⁵²⁸ Лев (Черепанов), в 1923–1926 гг. отбывавший ссылку в Полторацке. В 1927 г. назначен епископом Алма-Атинским и Туркестанским.

⁵²⁹ Арсений (Стадницкий).

⁵³⁰ Здесь и далее – явные описки, вместо «Краснозаводск» следует читать «Красноводск».

⁵³¹ В «Удостоверении» №147, выданном беглопоповским Главным церковным советом 25 июня 1925 г., среди прочего указывалось: «...Архимандрит Климент уполномочен вести переговоры с епископами господствующей российской церкви о переходе их к старообрядцам, приемлющим священство от вышепоименованной церкви, в случае согласия кого-либо из епископов перейти к старообрядцам принять такового в лоно древлеправославной Христовой Церкви вторым чином, каковой прием ему поручается выполнить до предстоящего собора, назначенного на 8-е сентября с/г». (Архив Московской старообрядческой митрополии.)

4) книжку печатную с описанием всех документов по делу о принятии архиепископа Николы Позднева из «господствующей» церкви в беглопоповство⁵³²; из этой книжки для меня стало ясно, какую видную роль играет сам архим. Климент в беглопоповстве. Для меня стало несомненно, что это второе лицо в маленькой «иерархии» беглопоповцев.

5) Подлинные документы с подписями архиепископа Николы, с его проклятием всех ересей и всей его собственной деятельности до 70 лет его жизни... Этот документ для меня был почти источником ужаса. До какой степени растерянности и падения мог дойти несчастный старик, ректор семинарии, чтобы подписать себе этот приговор!

6) Очень большую пачку удостоверений и доверенностей, данных архимандриту Клименту саратовскими, сибирскими и еще какими-то беглопоповскими общинами, которые просили отца Климента отыскать им епископа, близкого к ним.

Вот документы, которые мне предъявил архим. Климент и просил меня быть их епископом. Я спросил: а что он будет делать, если я откажусь вовсе от всяких разговоров с ним на эту тему? Архимандрит Климент ответил: в таком случае я поеду далее до Нарымского края и буду за Церковь Божию страдающих епископов просить, чтобы кто-нибудь из них согласился послужить беглопоповцам. Он мне показал и список этих епископов, в котором значился митрополит Агафангел и епископ Серафим, уфимский викарий⁵³³. Других не помню – в этом списке было более двадцати епископов. Тогда я спросил: почему же он обратился ко мне первому? Он ответил, что мое имя очень популярно среди старообрядцев и что поэтому он и приехал ко мне первому.

После этого я спросил Климента, когда он отошел от православия и почему. Он мне ответил, что ушел из Курской епархии при архиепископе Питириме Курском⁵³⁴. Больше я его ни о чем не спросил, потому что немедленно вспомнил о скандальном следствии, которое велось над архиепископом Питиримом в свое время и о котором мне рассказывал бывший обер-прокурор синода А.Н. Волжин. У меня моментально блеснула мысль: «Ага, ушел от Питирима, значит, человек не дурной». После этого нашего разговора я передал о. Клименту свои «Письма о старообрядчестве» и сказал ему, что ни о втором, ни даже о третьем чине⁵³⁵ принятия меня от «ересей» я не могу и говорить, как православный епископ, страдающий как раз за тот строй

⁵³² Протокол, доклад и грамота Саратовского старообрядческого собрания. Саратов, 1924.

⁵³³ Серафим (Трофимов Сергей Афанасьевич; 1883 – после 1935), еп. Аскинский (1923), в 1926–1928 гг. еп. Бирский (1926–1928). Арестован 21 марта 1931 г., 9 мая осужден Секретно-политическим отделом Котельничского оперсектора Полпредства ОГПУ по Нижегородскому краю, однако за недоказанностью обвинения из-под стражи освобожден. Иногда упоминается под фамилией «Афанасьев»: «Из следственного дела за 1927–1928 гг. викарного епископа Уфимской епархии Серафима (Афанасьева; в 1923 епископа Аскинского) выяснилось, что, «вернувшись из ссылки в сентябре месяце 1925 года, [он] был вскоре назначен викариальным епископом по Бирскому кантону» [Архив УФСБ РФ по РБ. Дело ВФ-4179. Л. 46.] – епископом Иоанном (Поярковым); за энергичную борьбу с обновленцами епископ Серафим был 30 ноября 1927 г. вновь арестован, но Коллегия ОГПУ 10 февраля 1928 г. постановила дело следствием прекратить, а Афанасьева Серафима Афанасьевича из-под стражи освободить [Там же. Л. 50]. После освобождения из Бирской тюрьмы епископ Серафим, очевидно, вернулся к управлению своим викариатством. В 1929 г., если верить данным каталога М.Губонина, Бирским викарием был назначен другой епископ, а в 1932 г. кафедра прекратила свое существование... Таким образом, если архимандрит Вениамин действительно был рукоположен изначально к Бирской кафедре, то в период с начала 1928 г. и по 1930 год в Уфимской епархии одновременно было два викария с титулом «Бирский». Как это понять? Возможно, что поскольку к этому времени «андрееское» течение уже достаточно хорошо организационно оформилось, могла быть совершена хиротония «андрееского» епископа на ту кафедру, где имелся «иоанновский» епископ; следует отметить, однако, что подобных случаев в истории епархии пока не выявлено и на одну и ту же кафедру разными течениями епископы не ставились. Возможно, во время хиротонии Вениамина епископ Серафим был еще в заключении; архиепископ Андрей не предполагал, что Бирского епископа власти освободят, и благословил хиротонию на действительно вакантную на тот момент кафедру. Но почему же тогда ситуация не была исправлена вскоре же после освобождения епископа Серафима, если учесть, что владыка Андрей активно переписывался с епархией и был в курсе всех событий? Ответ дадут дальнейшие исследования, но сейчас уже ясно, что сведения о викариях и викарных кафедрах Уфимской епархии митрополита Мануила и каталога М. Губонина во многих случаях (в частности, в отношении Бирской кафедры) неверны» (Зилкина Н.П. Викарии Уфимской епархии 1920-х годов.

⁵³⁴ Питирим (Окнов), архиеп. Курский (1909), митр. Петроградский (1915–1917), после Февральской революции со скандалом уволенный на покой.

⁵³⁵ То есть через проклятие своей и всякой ереси, при этом миропомазание над присоединяемым не совершается.

церковно-общественной жизни, который так дорог старообрядцам. Я, кроме того, прибавил архимандриту Клименту, что с принятием в беглопоповство архиеп. Николы считаю себя уже свободным от тех обещаний, которые я дал в 1917 году на совещаниях у Л.А. Молехонова, что приезд его – архимандрита Климента – для меня и неожиданный, и может быть источником больших душевных волнений, чего я не хотел... Дело в том, что за мое вмешательство в церковную жизнь Туркестана я уже просидел год в тюрьме, а теперь весь приезд Климента мне грозил всякими осложнениями вроде Соловков или, по крайней мере, «объяснениями», которые были для меня вовсе неприятными. На этом кончились наши первые разговоры с архим. Климентом 16 августа, и я повел его на ночлег к моему давнишнему – с 1902–1906 годов – другу, Константину Николаевичу Потатуеву, у которого и оставил о. Климента для свободного обдумывания всего того, что он от меня слышал.

На другой день архим. Климент сказал мне, что он внимательно прочитал мои «Письма о старообрядчестве», что радуется моей любви к старообрядцам и что он готов согласиться на тот чиноприем, который изложен в моем «восьмом письме». Я был удивлен таким быстрым согласием архим. Климента на мои проекты и несколько заподозрил его в легкомысленном отношении к делу. Кроме того, я представил себе такое положение: «воссоединимся» в молитве архимандрита Климента, а потом этого «воссоединения» могут не признать беглопоповцы, и я останусь в своей ссылке никем не понятым, – мои цели будут поняты неправильно, а дело воссоединения старообрядцев и новообрядцев ни на шаг вперед не подвинется. Поэтому я дополнительно поставил архим. Клименту следующие условия:

1) что я после «воссоединения» не буду иметь никакого отношения к архиепископу Николе, как живоцерковнику;

2) что я соглашусь быть номинальным епископом для беглопоповцев только (ибо я не могу быть фактическим епископом, находясь в ссылке) в том случае, если архим. Климент согласится быть действительным епископом и действительно даст беглопоповцам радость иметь своего епископа.

Кроме этого я предупреждал архимандрита Климента, что его шаг очень рискован, ибо его поступок по отношению ко мне могут не понять православные, и вовсе его отвергнут старообрядцы-раскольники. Поэтому я рекомендовал ему в беспересадочном вагоне доехать до Самарской беглопоповской общины, а из Самары посетить сильную общину Бугурусланскую, чтобы хоть в этих ближайших общинах познакомиться с их настроением и объяснить им, что ему поручено было принять епископа из «господствующей» церкви, а я, епископ Андрей, принадлежу к церкви не только не «господствующей», а систематически гонимой, поэтому формально не подхожу по воззрению старообрядцев под «второй чин».

Архимандрит Климент возразил, что ехать в Самару и Бугуруслан бесполезно, потому что, де, голоса все равно разделятся, а все скорее примирятся с совершившимся фактом моего «воссоединения». А он имел основание думать, что доверие ко мне среди беглопоповцев полное.

Что касается своего архиерейства, то архимандрит Климент против него долго и твердо возражал, чем подкупил меня в свою пользу.

Наконец, через 3–4 дня наших переговоров, о. Климент во всем согласился со мною и был со мною очень откровенен – в такой степени, что рассказал, каким малым авторитетом у беглопоповцев пользуется архиепископ Никола, что у него почти и благословения не берут. Он рассказал об организации беглопоповского Высшего церковного совета во главе с А.М. Рыболовым⁵³⁶, человеком во всех отношениях недостойным со времени его службы у Бугрова⁵³⁷, и т.д.

⁵³⁶ В рукописи описка «М.А. Рыбалов» (часто встречающаяся и в печатных источниках). Рыболов Александр Михайлович, председатель церковной общины беглопоповского Никольского храма в Москве, член правления высшего административного

Но после того как я убедил архим. Климента в том, что и я и он должны помириться на том, что выработали в 1917 году комиссии у Молехонова, мы оба натолкнулись на непреодолимое в нашем деле затруднение. Дело в том, что по той программе-чину моего воссоединения с беглопоповцами, который был выработан в 1917 году в Москве и изложен в моем «восьмом письме», и самое воссоединение должно было произойти в Москве, в московском беглопоповском храме, куда я и должен был прийти⁵³⁸. А в Асхабаде такого храма не было, не было у нас и чина хиротоний по патриаршему дониконову чину. Последнее затруднение можно было устранить и выработать какой-либо приемный чин, но как и чем восполнить отсутствие беглопоповского храма? Это затруднение было чрезвычайно тяжелое, даже непреодолимое, ибо для беглопоповцев выходило уже не «воссоединение», а просто присоединение к православию в православном храме, где я молился все время, пока был в Асхабаде.

Но Господь опять почти чудесно послал свою помощь в святом деле. Явился нам на помощь отец игумен Матфей.

5. Отец игумен и его община

Эта праведная душа нам, то есть мне и архим. Клименту, помогла положить начало этому великому делу, которое должно закончиться молитвенным воссоединением всех русских людей в единой святой соборной Церкви.

Игумен Матфей был ранее чиновником среднего ранга в казенной (или контрольной) палате. Его жена была начальницей собственной женской гимназии. И муж и жена пользовались в местном обществе уважением и были известны как люди очень религиозные. Поэтому никто не удивился, когда Леонид Трифонов (таковы были имя и фамилия отца Матфея до монашества) принял священство и стал священником асхабадской кладбищенской церкви.

Когда меня в 1923 г. в июле месяце выслали в Теджен, то я и застал отца Матфея еще отцом Леонидом и усердным богомольцем на кладбище.

Вскоре отец Леонид приехал ко мне и стал просить пострижения в монашество. Я с радостью согласился исполнить его просьбу и в первых числах сентября 1923 г. постриг его с именем Матфея и возвел в сан игумена.

А в конце сентября патр. Тихон дал резолюцию о возведении игумена в сан епископа, но отец Матфей, по своей скромности, решительно от этого отказался.

Вскоре после этого волна живоцерковничества докатилась до Асхабада, и все храмы асхабадские были переданы живоцерковникам.

Игумен Матфей, человек безупречной жизни, разумеется, не согласился подчиниться живоцерковническому прижиму и ушел из своего храма. Он поселился среди своей паствы, в молитвенном доме, который его же паства ему же и отвела. Через несколько времени, после многочисленных жалоб в Москве, получено было оттуда распоряжение один из храмов передать «тихоновцам»-«староцерковникам».

Кладбищенский храм – самый маленький из асхабадских храмов, поэтому и решено было тихоновцам отдать именно этот храм.

Всего естественнее и справедливее было бы передать этот храм отцу Матфею. Но он слишком был честен и безупречен и слишком любим был среди всех жителей города; поэтому было решено ему храма не давать. Нужно было среди «тихоновцев» отыскать такого подлеца,

органа беглопоповцев – Главного церковного совета, образованного на Всероссийском соборе беглопоповцев в Москве в мае 1924 г.

⁵³⁷ Бугров Никола Александрович (1837–1911), купец, крупнейший благотворитель и церковно-общественный деятель беглоповского согласия.

⁵³⁸ Храм св. Николы Чудотворца Николо-Рогожской общины на Малой Андроньевской ул., д. 15.

который был бы приятен во всех отношениях. И такой подлец нашелся: это был священник Димитрий.

Он приехал в ссылку с какою-то молодою особою, «воспитанницею». Вскоре было установлено заинтересованными людьми (хозяевами квартиры – сектантами-молоканами), что эта молодая особа не воспитанница, а жена этого батюшки. И сектанты-молокане выгнали этого попа из своей деревни. Этот пастырь стал умолять, чтобы его более к диким молоканам не посылали, а оставили среди православных, которые уже приучены к развратным попам.

Вот этому-то попу Димитрию и была предоставлена асхабадская кладбищенская церковь в надежде, что и московское приказание через это будет исполнено, и молиться в ней все-таки никто не будет. Так поп Димитрий оказался назначенным настоятелем храма без всякого благословения епископа. Димитрий начал зазывать в свою вновь открытую лавочку всяких посетителей всякими соблазнами. Отца Матфея соблазнял доходами, меня соблазнял молитвою обо мне; прихожан зазывал всякими другими удовольствиями.

Игумен Матфей решительно отказался идти в мошенническую компанию попа Димитрия. А я, зная всю подкладку определения на настоятельское место этого пастыря-подлеца, вполне одобрил поведение отца Матфея и не стал посещать кладбищенского храма.

Тогда православные потянулись из этого храма в молитвенный дом к отцу Матфею.

Нужно было спасти авторитет пастыря-подлеца. И вот из Красноводска переводят самого митрополита Новгородского Арсения (15 авг.), а потом из Теджена (1 сент.) епископа Льва, которые и стали ревностными богомольцами попа Димитрия и опорой его пастырского авторитета.

Я предупреждал митр. Арсения о той скверной роли, которую играет в церковной жизни Димитрий Т-рев, говорил я митр. Арсению о крайнем неблагоповедении этого попа и получил ответ: «Ну-с, да-с... теперь девственников не сыщешь...»

Но, поддерживая попа Димитрия, митр. Арсений иногда заходил помолиться в молитвенный дом отца Матфея; а снисходительность митрополита к Димитрию дошла до того, что он допустил даже такой инцидент. Однажды митр. Арсений был в храме и стоял в алтаре. Говорил проповедь старый священник Павел Успенский о безбожии вообще, и в частности о безбожии пионеров. Вдруг «настоятель» Димитрий перебивает проповедника, запрещает ему продолжать проповедь и вслух произносит многозначительные слова: «Мы дали подписку об этом проповедей не говорить».

Митр. Арсений и после этого находит, что «православие» попа Димитрия безупречно, а игумен Матфей и его «православие» были уже под сомнением, ибо он не был согласен с «самим» митрополитом, ибо митрополичье снисхождение к подлости было уж очень противно отцу Матфею, и он стал после этого нигде не зарегистрированным, в некотором роде «беглым» попом.

Вот этот-то отец Матфей и дал приют в своем молитвенном доме для молитвенного соединения старообрядцев-беглопоповцев со всею Христовою Церковью, от всей души сочувствуя этому делу и молитвенно в нем участвуя.

Он предварительно долго читал мои «Письма о старообрядчестве» и когда узнал, что еще покойный патриарх Тихон благословил мне начать это воссоединение, то решил помочь этому доброму делу.

После этого архимандрит Климент начал ходить на богослужение к отцу Матфею в общину, и спустя какое-то время была послана телеграмма в Сатку к епископу Руфину с просьбою немедленно приехать в Асхабад. Самое «воссоединение» было отложено до приезда еп. Руфина, потому что я еще не мог ручаться, что еп. Руфин – мой полный единомышленник.

Итак, в молитвенном доме «православного» игумена Матфея, отошедшего от молитвы с «тихоновцами», примирившимися со всяким безобразием, решено было осуществить все предположенное и прочувствованное еще в 1917 году.

6. 28 августа 1925 года

Когда уже все мои переговоры с архим. Климентом были окончены и мы условились обо всех подробностях чина «воссоединения», то я не считал возможным скрыть от митр. Арсения наши планы. Митрополит меня отговаривал от «рискованного шага», говорил, что мои намерения неканоничны, что я должен отправить архим. Климента к митрополиту Крутицкому и т.п. Я возразил, что канонично все, что полезно для Церкви и что делается во славу Божию; напротив, неканонично то, что на основании буквы канонов делается во вред Церкви. Я просил митрополита Арсения разделить наше убогое по обстановке торжество первой молитвы со старообрядцами, бывшими раскольниками. Но митрополит Новгородский наконец мне признался, что «в вопросе о расколе он недостаточно компетентен». На этом наши разговоры об архим. Клименте и прервались.

Но митр. Арсений на этом не успокоился и послал в дом К.Н. Потатуева, где жил архим. Климент, архим. Евгения Кобранова⁵³⁹ уговорить Климента не связываться со мною, а прийти к митр. Арсению для соответствующих переговоров. Архим. Климент на это сказал мне: «Зачем я к нему пойду?» Московские старообрядцы уже ходили к митрополиту Петру и спрашивали, не пожелает ли он подать им руку общения. Но от митр. Петра выслушали, что «тихоновцы» представляют из себя нечто «идеологически целое с живоцерковниками, и только по тактическим соображениям они временно разошлись»...

«А если так, то что мне прибавит митр. Арсений?» – говорил архим. Климент и на приглашение митр. Арсения ответил отказом.

Я не имел основания настаивать на этом вполне ненужном визите.

После этого архимандрит Климент и я стали составлять и переписывать в нескольких экземплярах «Акт воссоединения» и «Исповедание веры епископа Андрея». Если бы у нас в руках был полный чин архиерейской хиротонии времени патр. Иосифа, то у нас не было бы никаких затруднений с этим делом, но у нас ничего не было, и пришлось все составлять по памяти или по различным отрывкам из разных документов, случайно бывших в руках. И вот это было написано.

1. Исповедание веры епископа Андрея

Я, епископ Андрей, Единой Христовой Соборной и Апостольской Церкви, возведенный в сан епископа в 1907 году, 4 ноября, при мощах казанских святителей, старообрядцев Гурия и Варсонофия, и в день их памяти (4 октября), ныне испытывая гонение от «господствующей» иерархии за свободу св. Церкви Христовой, исповедую пред св. Церковью, что патриарх Никон, своими мудрованиями нарушивший жизнь Соборной Церкви и любовь Ее, тем положил начало расколу в Русской церкви. На ошибке патр. Никона утвердился этот русский цезарепапизм, который со времени патриарха Никона подтачивал все корни русской церковной жизни и наконец вполне выразился в образовавшейся так называемой «Живой церкви», ныне «господствующей», явно арианствующей и нарушающей все церковные каноны. А я, хотя и грешный и недостойный епископ, но ни к какой «господствующей» иерархии не причислял себя по милости Божией и всегда помнил заповедь свят. ап. Петра: «Пасите Божие стадо, не господствуя над наследием Божиим» (1 Петр., 5:3). Зная это, уфимские единоверцы еще в 1919 году, в январе месяце, избрали меня во единоверческого старообрядческого епископа саткинского. С

⁵³⁹ Евгений (Кобранов, 1892–1937), бывший архимандрит Новоспасского монастыря в Москве, викарный еп. Муромский (1926), викарный еп. Балашевский (1927), викарный еп. Ростовский (1927).

этого времени я уже состою старообрядческим епископом. И когда «Живая церковь» стала «господствовать» над народом Божиим, разрушая церковные уставы, то я немедленно, без колебаний, от нее отрекся. Ныне, скорбя всею душою о великих бедах в Церкви, я готов отдать себя всецело на служение древлеправославным христианским старообрядческим общинам для приведения воедино всего русского, ныне разрозненного, церковного стада Христова. Сего ради аз, епископ Андрей, от выше писанныя Никоновския глаголемые ереси отрицаюся, – как от ереси цезарепапистов, создавших «Живую церковь», ибо принадлежу к истинной православной вере Единяя Святыя Соборныя и Апостольския Церкви древлеправославных христиан.

Прежде всего отвергаюся и отрицаюся всякого неподобного еретического мудрования и глаголю сице: вси еретицы, осужденные на седми вселенских и поместных соборах и отвергнутые святыми отцами, да будут анафема.

Вси возмутившие древнее, вселенское православие Святыя Церкви и учинившие вся виновниками раскола и раздоров в своих тяжких грехах, да получат от Господа обличение на Его Страшном суде от мук, уготованных им.

Но вси, отвергающие ныне апостольския и святоотеческия предания, содержимыя древлеправославной вселенскою церковью, – да будут анафема.

Порицающие двоеперстное сложение для крестного знамения и именующие оное арианством, македониянством, несторианством и иными многими хулениями, – да будут анафема.

Порицающие восьмиконечный крест Христов и нарицающие его брынским раскольническим, – да будут анафема.

Отрицающие преложение священнодействуемой просфоры в Тело и Кровь Христову с надписанием: «Се Агнец Божий, вземляи грехи мира», – да будут анафема⁵⁴⁰.

Проклинающие и глаголющие по староцерковному преданию аллилуйя по дважды с провозглашением «Слава Тебе, Боже» и порицающие сию божественную песнь богомерзкою македониевскою ересью и раскольническим суеверием, – да будут анафема⁵⁴¹.

Не принимающие в руководство священных правил, отлучающих за тяжкие грехи от святого причащения на некия лета и разрешающие браки в воспрещенных святоотеческою Церковью степенях родства, – да будут анафема.

Отрицающие уставы церковные творити земные поклоны на молитве во святыя посты, – да будут анафема.

Вся прочия явленныя и неявленныя ереси, и всех ересеначальников и безбожию учащих, и всех единомудрствующих помощников их, и последующих им, и хвалящих их всех, анафематствуя, отрицаюся и отмещуся от ереси их.

Вся же в моем служении Христовой Церкви буду действовать по совести моей и не раболепствуя лицемерно, не болезнуя враждою, завистью,

⁵⁴⁰ В старом обряде используется «кругловидная» печать с изображением восьмиконечного креста и надписанием по окружности евангельских слов: «Се Агнец Божий, вземляи грехи всего мира» (Номоканон, 15-е прав.). Вместо нее патриарх Никон ввел четырехугольную с изображением четырехконечного креста и надписью по сторонам: ИИС ХС и НИ КА (то есть «Иисус Христос» и «Побеждай») под титлами.

⁵⁴¹ До Никона употреблялась сугубая (то есть двойная) аллилуйя с прибавлением ее русского перевода «Слава Тебе Боже» как прославление Святой Троицы. Новообрядцы провозглашают аллилуйя трижды с добавлением в четвертый раз «Слава Тебе Боже», что воспринимается как недопустимое четверение аллилуйи.

упрямством и мздоприимством, но со страхом Божиим, со искреннею Богом и ближнего любовью, полагая всему моему намерению, яко вину конечную, – славу Божию и спасение душ человеческих, и всей Церкви православной русской созидание и соблюдение св. канонов.

Посему все, кто есть единоведец мой и почитает уставы св. Церкви, аще в Грузии, аще в Греции и в иной стране, яко истинный сын св. Церкви Христовой, – да будут благословенны.

Аминь.

Второй документ был заготовлен такой:

2. Грамота. Акт воссоединения

В лето от Рождества Христова 1925, августа 28 дня в молитвенном доме Асхабадской старообрядческой общины во имя святителя Николая Мирликийского чудотворца члены этой общины во главе со своим епископом Андреем (архиепископом Томским) и настоятелем общины игуменом Матфеем воссоединились в молитвенном общении с древлеправославными общинами саратовскими, семипалатинскими, забайкальскими и других мест.

Представитель этих общин, отец архимандрит Климент Логвинов, предъявил необходимые к тому полномочия.

Так Божиим промыслом состоялось воссоединение доселе диавольским ухищрением разрозненных частей Единой ризы Христовой, Его Пречистого Тела, святой Его Церкви.

Воссоединение последовало с соблюдением всех церковных правил по заповеди Христа Спасителя, святых апостолов, святых отец и седми вселенских и девяти поместных соборов.

При этом епископ Андрей произнес от своего имени и всех, кто за ним пожелает последовать, свое исповедание веры по-древнему, с соответствующим отречением от ересей (текст отречения прилагается). Свою готовность служить неизменно Единой Соборной Апостольской Церкви епископ Андрей запечатлел, сам себя помазав святым миром[,] и исповедью, и вместе с тем просил архимандрита Климента и в его лице всех древлеправославных христиан ему помочь в его трудах по приведению жизни православных христиан к единению в древлецерковном ея благоустройстве, ибо ныне все христиане должны иметь попечение друг о друге, по слову великого апостола, рекшего: «Все бых вся, да всяко некия спаси» (1 Кор., 9:22).

После сего архимандритом Климентом к епископу Андрею была сказана краткая речь такого содержания: «Ваше преосвященство, преосвященнейший архипастырь, лично от себя и от всего нашего старообрядчества прошу вас хранить учение и заветы Христа Спасителя, Священное Писание и предание, и постановления семи вселенских соборов и девяти поместных, и учение святых отец. Прошу вас, владыко, принять нас под свое покровительство и вести нас, грешных, истинным путем в горний Иерусалим, в царство небесное, как Христос сказал: добрый пастырь полагает душу свою за овцы, ины овцы, которые не от двора сего, и тыя вам подобает привести ко Христу, по слову Его: да будет едино стадо и един пастырь».

Итак, после приглашения епископу Руфину немедленно приехать в Асхабад я и архим. Климент заготовили эти два документа и стали ждать епископа Руфина.

Ныне, через год после того, как эти два документа подверглись самой беспощадной и злой критике (а они в таком виде и остались при подписи их) со всех сторон, можно только

благодарить Бога, что в них не нашлось ни одного слова, о котором можно было бы пожалеть. Одно лишь слово вызывает недоумение: почему в акте воссоединения община игумена Матфея названа старообрядческой. Но дело в том, что кладбищенская община, где ранее служил отец Матфей, и новый его молитвенный дом одинаково носили имя святителя Николая... Вот и нужно было как-нибудь вторую отличить от первой, и архимандрит Климент решил назвать эту вторую общину отца Матфея «старообрядческой», а я не протестовал, ибо, конечно, эта вторая община отца Матфея гораздо более по духу старообрядческая, чем просто новообрядческая.

С этими заготовленными документами мы и стали ждать приезда еп. Руфина. Но тут случилось маленькое мистическое обстоятельство. Православная семья Потатуевых, у которых поселился архимандрит Климент, пожелала отслужить у себя на дому всенощное бдение под 29 августа (усекновение главы Иоанна Предтечи), но решительно отказалась приглашать кого-нибудь из наличных «тихоновцев» – принципиальных безобразников. Потатуевы стали просить о. Климента отслужить бдение, а он согласился. Но тут я запротестовал... Все-таки формального пред Святою Церковью воссоединения нашего в молитве не было. Отец Климент не был православным священнослужителем. И вот я и решил, неожиданно даже для себя, молитвенное воссоединение с архимандритом Климентом произвести утром 28 августа, для того чтобы вечером он уже служил бдение у Потатуевых.

Богослужение у отца игумена Матфея начиналось в 6 часов утра, и мы решили общим советом чин воссоединения произвести в пять часов утра, до богослужения, чтобы не было лишних свидетелей и лишних по городу разговоров. Но каково же было наше общее изумление, когда к пяти часам утра уже пришли к богослужению богомольцы, и неожиданные, и нежелательные. В этом я усмотрел волю Божию, чтобы в нашем святом деле все было явно для всех. И я отложил наше скромное торжество, чтобы произвести его после литургии.

Прошу прощения за излишнюю подробность: я очень волновался за все время наших переговоров с архимандритом Климентом и просил у Господа помощи и подкрепления. И вот за литургиею я это подкрепление и получил.

Мне припомнился тропарь свят. Димитрия Ростовского, который начинается словами: «Православия ревнителю и раскола искоренителю». Я очень обрадовался этим словам, ибо я собирался через несколько минут послужить только святой Православной Церкви и уничтожить самый корень раскола: искоренить раскол.

Во время запричастного стиха я исповедовался у отца Матфея (он стал духовником и других моих сомолитвенников) и сказал ему: «Батюшка, я очень смущаюсь, и если Бог вам откроет, что нет благословения на моем начинании, то я от всего откажусь». Отец Матфей сказал мне прекрасные смиренные слова: «Я не могу Вам дать своего совета, потому что не знаю о старообрядчестве всего, что нужно, но если совесть Ваша чиста и если Вы хотите послужить только святому делу, то это долг Ваш».

Таково было указание моего духовника, полученное мною пред самым моим воссоединением в молитве с старообрядческим архимандритом Климентом.

Через десять минут началось и это воссоединение. Оно состояло в следующем.

На средину храма поставлен был образ Нерукотворного Спаса. Я встал против образа в мантии и омофоре, то есть в том виде, как приобщался св. тайн. Справа встал игумен Матфей, а слева архимандрит Климент, надевший епитрахиль, фелонь и поручи. Он сделал обычный семипоклонный начал⁵⁴², поклонился мне и сказал: «Благослови, владыко». Потом стал читать молитвы, начиная с «Царю Небесный» – частью вслух, частью тайно. Потом обратился ко мне с вопросом, как я верую. Я в ответ прочитал, обратясь лицом к народу, «Символ веры» по старообрядческому тексту. На второй подобный вопрос я прочитал вышеписанное и мною

⁵⁴² Семипоклонный начал («приходные и исходные поклоны») – краткое молитвенное правило, которым начинается любая служба или моление старообрядцев.

составленное «Исповедание веры». После этого архимандрит Климент подал мне миро; и я помазал себе лоб со словами: «Во имя Отца и Сына и Св. Духа»⁵⁴³. А после этого архимандрит Климент произнес торжественно ектению обо мне как о епископе и совершил отпуст. После этого принял впервые благословение, и мы вместе совершили заключительный семипоклонный начал. Настроение богомольцев при этом было сознательное и торжественное, за исключением одной грозной монахини, которая говорила: «Все это пустяки, для спасения низкие поклоны не больно-то нужны»⁵⁴⁴.

После этого все, за исключением этой православной монахини, подписались под «Актом воссоединения» как очевидцы, а вечером 28 августа отец архимандрит Климент служил у Потапуевых бдение.

7. 3 сентября 1925 года

2 сентября после долгих ожиданий наконец приехал епископ Руфин. Удивительно, что и он, как и отец Климент, на вокзале не сказал ни слова, встретил сразу лицо, которое и доставило его ко мне. Признаюсь, я его ждал с серьезным беспокойством. Я думал, что его нужно будет долго просить, чтобы он стал хорошим епископом для беглопоповцев, как был ранее хорошим епископом для православных. Но еп. Руфин, выслушав о причинах, почему его так неожиданно вызвали в Асхабад, восторженно приветствовал святое дело и согласился последовать во всем моему примеру, что и исполнил. Мне после этого оставалось только благодарить Бога за Его милость, укрепившую нас исполнить волю Господню и иметь к людям такое милосердие, чтобы не оставлять людей Божиих, как овец, не имеющих пастыря (Мф., 9:36).

После переговоров с еп. Руфином я пошел на богослужение в общину отца Матфея, а епископ Руфин и архимандрит Климент остались дома молиться по старообрядческим книгам.

Богослужение на другой день, 3 сентября, было назначено в три часа утра с тем расчетом, чтобы к 6 часам все окончить и в том же молитвенном доме дать возможность отцу Матфею служить обычную литургию, конечно, на другом антиминсе. Такая предосторожность была вполне необходима, потому что никто из участников этого события нисколько не хотел немедленно отправиться на Соловки: мне лично всего неприятнее было подвергать опасности ареста будущего епископа Климента, которому предстояла большая свободная работа.

Так в три часа утра началось богослужение, с наречением архимандрита Климента в епископа «томских старообрядческих общин». После наречения архимандрит Климент стал совершать проскомидию, а еп. Руфин читал часы.

После часов архимандрит Климент читал свою епископскую присягу с осуждением ересей и с клятвенным обещанием служить св. Церкви до Страшного Суда Господня.

Литургию начал я один до самой хиротонии, антиминс был при этом служении один из освященных в Теджене епископом Львом Нижнетагильским. Хиротония была совершена так, как она совершается в Греции и у старообрядцев – с троекратным обхождением вокруг Святого Престола (у наших православных это троекратное обхождение почему-то пропускается).

После хиротонии вновь хиротонисанный епископ стал кончать литургию, епископ Руфин всю литургию пел по древнему обиходу, а я и отец Матфей были в числе простых богомольцев. К шести часам утра богослужение кончилось, и мы все подписали заранее приготовленные документы. Около 6 часов утра мы все с соблюдением всякой осторожности возвращались домой, когда начинался прекрасный теплый асхабадский день.

⁵⁴³ В соответствии со святоотеческой практикой, сохраненной в старообрядчестве, при миропомазании помазуются семь мест в «очевидное изъяснение седемичной благодати Божией»: чело, очи, уши, ноздри, уста, перси и обе стороны обеих рук. При этом всякий раз произносится: «Печать дара Святого Духа» с особым молитвенным призыванием.

⁵⁴⁴ В семипоклонном начале два поклона всегда земные. Никон упразднил и земные поклоны, обязательные во время Великого поста, их сменил западный по происхождению обычай моления на коленях.

Настроение у всех нас было воистину пасхальное. Мы даже не говорили между собою. Внутренняя радость была так велика, что мы сначала долго не могли начать связного разговора. Ведь совершилось, в конце концов, почти чудо. Совершилось великое событие, совершилась великая хиротония, которая могла (и может) начать собою целую эпоху в жизни православия. И все совершилось так свято, так благополучно, с таким молитвенным подъемом и так беспрепятственно среди всяких врагов, что явная милость Божия и благословение Божие как бы почтили на этом деле. В девять часов утра мы уже простились с епископом Климентом, который чрез Краснозаводск направился обратно в Саратов, а вечером уехал из Асхабада и епископ Руфин – обратно в Сатку. Я опять остался в своей ссылке...

Так среди страшного расстройств нашей церковной жизни совершилось маленькое событие, которое является светлым лучом среди непроницаемой тьмы и за которое можно только благодарить Бога.

8. Первая излишняя подробность (для мирян)

Повторяю, что моему воссоединению со старообрядцами можно было только радоваться и благодарить за них Бога. Но грехи и страсти человеческие испортили и это святое дело. И как всегда, во главе всякого раскольнического движения стоит и стояла иерархия всех степеней: против молитвенного объединения со старообрядцами прежде всего выступил митрополит Новгородский Арсений, который по всему Асхабаду, а потом и по всей России оповестил, что я ушел в раскол и что он прервал со мной молитвенное общение. (Я-то уверен, что он и ранее обо мне не очень усердно молился.) Это известие все наши ханжи и духовные сквернословы подхватили с удовольствием и чему-то при этом ужасно обрадовались и что-то обличали. Все это закончилось воззванием митр. Сергия к уфимцам, которое помещено выше и которое является квинтэссенцией клеветы против меня. Повторяю, что оправдываться пред митр. Сергием мне нет оснований. Наоборот, я попросил бы его самого принести предо мною и пред Уфимскою епархией покаяние в том, что он погубил половину епархии, толкнув ее в живоцерковничество. Правда, он от своего живоцерковничества отрекся, но Уфимская-то епархия его отречения не слыхала. А нешвенный хитон Христов в Уфимской епархии оказался, с одной стороны, изорванным в 1922 году вследствие бесхарактерности митр. Сергия, а теперь, в 1926 году, тот же митр. Сергей рвет этот хитон с другой стороны. Иначе говоря, если бы митр. Сергей не вмешивался в дела Церкви, то церковный хитон был бы целее и не было бы тяжелых попыток облекать Христа в хитон неправды.

Прошу прощения за это невольное отступление от темы и продолжаю, что я <намереваюсь> не полемизировать с митр. Сергием, а принужден выяснять те недоразумения у мирян, которые прочитают воззвание митр. Сергия. И чтобы не быть голословным, призываю на помощь свидетелей. Эти случайные свидетели у меня имеются даже в Уфе. Эти две мои духовные дочери: Домника Овчинникова и Екатерина Шубинкина; они жили со мною в Асхабаде и были свидетельницами всех моих разговоров и переговоров с архимандритом Климентом⁵⁴⁵.

Ныне, познакомившись с воззванием митрополита Сергия к уфимцам, они были глубоко возмущены тою неправдою, которою полно это воззвание, и подали церковно-приходскому совету Уфимской симеоновской общины следующее заявление:

Познакомившись с воззванием митрополита Нижегородского Сергия от 16 (29) августа 1926 года, которое он адресовал почитателям епископа Андрея,

⁵⁴⁵ Как сообщал казанский обновленческий журнал, «епископ Андрей (Ухтомский) прислал одной из своих почитательниц письмо, в котором сообщает, что перешел в беглопоповщину без всяких условий. Впоследствии оказалось, что епископ должен был предать проклятию все реформы патр. Никона. В Уфе доселе есть сторонники этого беглопоповца...» (Православный церковный вестник. 1926. 1 февр. (№2). С. 11). Имелось в виду письмо к А.М. Зеенкович.

мы, нижеподписавшиеся, считаем долгом своей совести сообщить не только почитателям епископа Андрея, но и всей Русской церкви то, что мы своими ушами слышали и своими глазами видели из жизни епископа Андрея за август–сентябрь 1925 года.

1. Архимандрит Климент никакого оглашения над епископом Андреем не читал. Противоположное утверждение митрополита Сергия есть неправда.

2. Епископ Андрей отрекался только от сообщества «Живой церкви» и всякого насилия над чужою совестью в духе епископа Иоанна Пояркова. Утверждение митр. Сергия по этому поводу – неправда.

3. Архимандрит Климент никогда епископа Андрея своим миром не мазал. Туманное утверждение противного (что епископ Андрей миропомазался) есть третья главная неправда митр. Сергия.

4. Митр. Сергей пишет, что вместе с еп. Андреем присоединилась к старообрядцам и православная приходская община. На это мы можем сказать, что в этой общине мы молились до самого отъезда из Асхабада в марте 1926 г., и она ни к кому не присоединялась, а как была православной, так и осталась. Утверждение митр. Сергия о противном – четвертая неправда в его письме.

5. Утверждение, что молитвенное воссоединение епископа Андрея произошло таким образом: в молитвенном доме православного игумена Матфея собрались православные богомольцы к обычной литургии; часть их знала о готовящемся событии, часть не была осведомлена. Еп. Андрей за литургиею приобщился св. тайн, а пред приобщением исповедовался открыто у игумена Матфея. За литургиею с самого начала присутствовал старообрядческий архимандрит Климент, в своей старообрядческой полумантии. После литургии епископ Андрей обратился к присутствующим с краткой речью о том, как он рад воссоединению со старообрядцами, представитель которых десять дней молился в нашей общине.

После этого архимандрит Климент, надев епитрахиль и ризу, поклонился епископу Андрею и сказал: «Владыко, благослови». Епископ Андрей поклонился, но не благословил его. После этого началось обычным порядком какое-то богослужение, прерываемое долгими, тайными молитвами архим. Климента. Среди этих молитв епископ Андрей вслух читал «Символ веры» однажды и то исповедание веры, которое было заранее составлено епископом Андреем и ныне распространено по России.

После этого епископ Андрей сам себя помазал елеем (или миром). А в заключение архимандрит Климент сказал очень проникновенное слово о том, как приславшие его старообрядцы ждут помощи от еп. Андрея, и после этого уже молился об епископе Андрее как о своем епископе.

Таким образом, мы можем удостовериться, что сообщение митр. Сергия об раскольническом отречении епископа Андрея от ересей есть чистая неправда: такого отречения вовсе не было, да и не могло быть в православной общине игумена Матфея.

6. А что община игумена Матфея была вполне православна, это для нас вполне ясно и из того, что митр. Новгородский Арсений еще 1 сентября 1925 года молился в общине за литургиею и перестал посещать ее только после этого числа.

7. Митрополит Сергей утверждает, что епископ Андрей на принятие его вторым чином в Климентову церковь согласился.

На это утверждаем, что с самого приезда архимандрита Климента в Асхабад епископ Андрей категорически заявил, что о втором чине он и говорить не желает и представляет архимандриту Клименту искать еще кого ему угодно, и что он, епископ Андрей, своим долгом считает и может исполнить лишь то, что ему благословили сделать его духовные отцы.

10 сентября 1926 года, подписи: Домника Овчинникова, Шубинкина Екатерина».

Таков состав мирянок-свидетельниц на воззвание митр. Сергия. Остается спросить митр. Сергия: откуда он взял свои сведения и как он мог их подписать? И неужели он, с 1905 года сидя в Святейшем синоде, всегда был так преисполнен ошибок, как в моем деле? Неужели в каждом его деле столько больших и малых ошибок? Правда, стоит ли при таких склонностях к ошибкам братья за серьезное дело? А церковное дело теперь в таком серьезном положении, что ошибки очень вредны...

9. Вторая излишняя подробность (для архиереев)

Еще я считаю нужным остановиться на выяснении вопроса, что такое принятие в церковное общество «вторым чином», а в связи с этим сказать, что такое таинство миропомазания. Поразительно, что два ректора духовных академий – митрополиты Новгородский Арсений и Нижегородский Сергей – по-видимому, не имеют никакого представления ни о том, что такое этот «второй чин», ни о том, что такое таинство миропомазания. В «Акте воссоединения» моего со старообрядцами сказано, что я сам себя помазал св. миром. Оба ректора академии уверяют, что я чрез то «позволил беглопоповцу совершить над собою обряд присоединения вторым чином». Так буквально пишет митр. Сергей и такова его литургическая каноническая безграмотность, ибо меня беглопоповцы только потому и не хотят признать своим епископом, ибо «второй чин» заключается в таинстве миропомазания, а не в простом (хотя бы и молитвенном и благоговейном) помазании миром.

А наши митрополиты, ректора академий, доктора богословия, этого простого различия между таинством миропомазания и помазанием миром не чувствуют, между тем старообрядческие начетчики прекрасно в этом разбираются.

Итак: помазался ли я сам миром старообрядческим?

Ответ мой: да, помазался. И помазался с молитвенным благоговением «во имя Отца и Сына и Св. Духа», и исповедую, что пережил святое настроение после этого. Да, я сам себя помазал миром, которое так дорого старообрядцам и которое они называют дониконовским.

Вопрос: было ли это таинство миропомазания?

Ответ: ни в коем случае. Ибо таинство миропомазания никогда так не совершается.

Приведу несколько примеров помазания миром, которое в то же время нельзя считать таинством миропомазания.

Прежде всего: многие священники, наиболее благочестивые, после помазания миром новокрещенных детей, вместо того чтобы обтирать кисточку о какую-нибудь тряпку, намазывают остатками мира свой лоб или голову. Это делают иереи благоговейные, а неблагоговейные просто бросают кисточку со святым миром в ящик, в постоянную пыль. Что же, это поведение благочестивых священников можно рассматривать как таинство миропомазания?

Далее, история Русской церкви знает такой случай: во время пребывания в Москве антиохийского патриарха Макария, при патриархе Никоне, этот патриарх Макарий совершил в Великий четверг обряд освящения мира. Во время освящения оба патриарха, Макарий и Никон, сошли с амвона и подошли к сосуду с елеем, а остальные архиереи держали над головами их раскрытое Евангелие. А после освящения этого мира оба патриарха этим миром взаимно помазали друг друга, а потом стали миропомазывать всех присутствующих, начиная с архиереев.

Вот исторический факт⁵⁴⁶. Что же это было? Кошунство со стороны патриархов? Вторичное таинство миропомазания? А первого для них было недостаточно? Нет, нет. Это было своеобразное выражение духовной радости со стороны присутствующих при мироварении епископов и мирян. Это было помазание миром, совершенно не предусмотренное канонами, но это, конечно, не было таинство миропомазания.

Еще пример. Всем известно, что русские цари при короновании помазывались миром. С точки зрения канонической и догматической это было помазание миром и ни в коем случае не таинство миропомазания.

И я лично считал это таинством только будучи гимназистом пятого класса, а когда стал разбираться в смысле церковных указаний, то стал уже критически относиться к детским учебникам.

Итак, таинство миропомазания не есть только помазание миром, а есть нечто несравненно большее. Таинство миропомазания есть таинственное введение новорожденного в св. Церковь, в благодатное церковное общество и через это введение – получение новокрещаемыми сугубых даров Св. Духа. Ранее, как известно, таинство миропомазания совершалось иначе: оно состояло в возложении рук (см. Деян., гл. 8:4–17). Поняв это возложение рук как акт введения новокрещаемого христианина в сообщество земной церкви, легко понять, что власть совершать это таинство должна принадлежать исключительно главам земной общины, апостолам и епископам.

Так это обстоит и ныне: служители миропомазания и совершители этого таинства – епископы, освящающие св. миро, вручающие это миро пресвитерам для должного употребления. Сейчас перед нами лежит превосходная книжка неизвестного нам автора (по-видимому, изд. Петербургской духовной академии) под заглавием «О познании таинств святой Церкви». В этой книжке читаем о таинстве миропомазания следующее:

Дух Святой есть жизнь всего таинственного тела верующих во Христа, тела Христова. Ибо как тело одно, но имеет многие члены и все члены одного тела, хотя их и много, составляют одно тело, – так и Христос. Ибо все мы одним духом крестились в одно тело и все напоены одним духом (1 Кор., 12:12–13).

Таким образом, принятие нами Духа Святого в таинстве веры есть не только оживотворение наше в собственном нашем духе, но еще более – соединение, или, так сказать, сращение каждого из нас, как членов, с целым телом Иисуса Христа, которое есть Церковь (Кол., 1:24), общество истинно верующих. Таким образом, священное миро служит привитием каждого из нас, по выражению апостольскому, как ветвей, от естественной дикой маслины отсеченных, привитием по природе к хорошей маслине (Рим., 11:17, 24), к Церкви Божией, и делает их общниками корня и сока маслины (ст. 17) в составе христианства, оживотворенного Духом Божиим. Иначе если ты не будешь на едином корне, в едином составе растения, или, говоря другую притчею, в союзе, в единении с целым телом Христовым, то будешь отдельная ветвь или отдельный член: состояние, не положенное в законах Зиждителя, в законах жизни. Так точно в Церкви Христовой, по слову апостольскому, христиане суть различные члены одного тела (1 Кор., 1:27) и без взаимного общения духа нет в них истинной жизни о Христе Иисусе. В этом-то отношении священное миропомазание наше есть такое божественное священнодействие, которое утверждает за нами все выгоды и преимущества духовного нашего единения во едино тело о Христе Иисусе...

⁵⁴⁶ См.: Чтения в Обществе истории и древностей российских при имп. Московском университете. 1871, кн. 3 (июль-сент.). С. 54–55.

Таинственная купель родила тебя: но ты в ней так еще одинок, как родившийся младенец, если бы он представлен был самому себе. А теперь, когда с духовным рождением твоим тотчас присоединяется чрез миропомазание и духовный союз твой с Церковью, ты тоже во Христе, даже и в младенческом твоём состоянии, как обыкновенное дитя, на попечении у родителей и окруженное любовью того общества, к которому оно принадлежит. Вместе с тем обеспечена и его естественная жизнь, и общественная».

Вот прекрасное толкование внутреннего значения таинства миропомазания.

Миропомазание состоит в том, что епископ или доверенный его пресвитер вводит в общение с Церковью всякого приходящего к Ней. Значит, есть вводящий и вводимый, есть миропомазующий и миропомазуемый, и нигде и никогда не было такого совершения таинства миропомазания, когда не было бы ни помазующего, ни помазуемого, а был только помазующий самого себя. Ясно, что когда я сам себя помазал миром старообрядческим, то таинства миропомазания я сам над собою не совершил. И митрополит Сергей, доказывая противное, делает грубейшую литургическую ошибку. А когда уверяет он доверчивых людей (которые еще верят его высокому сану), что я принят беглопоповцами вторым чином, то есть чрез миропомазание, то говорит явную неправду, ибо меня нынешние беглопоповские вожди и не признают ныне своим епископом именно потому, что я принят архимандритом Климентом не вторым чином⁵⁴⁷.

Постановление Высшего церковного совета беглопоповцев от 1 ноября 1925 года и от 23 мая 1926 года приблизительно таково: «Признать единогласно не нашими епископами Андрея Уфимского и Руфина Саткинского потому, что они были приняты быв. архимандритом Климентом неправильно и не согласно канонических правил, и не вступать с вышеназванными епископами ни в какое церковное общение»⁵⁴⁸.

⁵⁴⁷ Из протокола №2 беглопоповского собора в Хвальнске (заседание 22 сентября 1925 г.): «Заслушаны доклады с мест, а также телеграмма архимандрита Климента следующего содержания: «Два приняты. Рукоположили Климента. Доложить собору. Еду. Логвинов». На данную телеграмму архиепископ Никола высказался, что архимандрит Климент допустил своеволие, и просил телеграмму приложить к делу, а вопрос и обсуждение телеграммы оставить открытыми. А.М. Рыболовом внесено следующее предложение: если архимандрит Климент возвратится, то ни под каким видом не допускать его до богослужения, в каком бы сане он ни был, а равно и тех епископов, которых он принял – впредь до рассмотрения их документов Г.Ц.С. ... Предложение это принято собором единогласно». (Труды всеююзных соборов старообрядцев, приемлющих священство от греко-российской церкви: Московского за 1924 год, Хвальнского за 1925 год. Устав и руководственные правила по управлению церкви. [Хвальнск, 1925]. С. 59, 60).

⁵⁴⁸ После этого отказа беглопоповцев еп. Климент отправился в Москву на Рогожское кладбище, где архиепископом Московским Мелетием 31 окт. 1925 г. был единолично принят третьим чином. Состоявшийся здесь же Освященный собор боголюбивых епископов, рассмотрев прошение епископа Иркутского и всего Дальнего Востока Иосифа (Антипина, 1853–1926) о том, «чтобы иметь ему помощника по управлению епархией», ввиду его отсутствия «постановил: временно поручить до Освященного собора преосвященному епископу Клименту управлять сказанной епархией с правом рукоположения и запрещения священнослужителей, как-то: чтецов, иподиаконов, диаконов и священников. Если же когда возвратится преосвященный епископ Иосиф в сказанную епархию, то управлять им совместно с епископом Климентом, представляя старейшинство епископу Иосифу». На заседании Совета при Московской архиепископии 1 августа 1927 г. еп. Климент, ввиду несогласия нескольких приходов, отказался от управления Амурской епархией. В конце того же года он вернулся к беглопоповцам, не признавшим Николы Позднева. Так в беглопоповстве образовался «климентовский толк», смесь единоверия, беглопоповства и тихоновского новообрядчества, который стал именовать себя «истинно православными катакомбными христианами». Узнав об этом, московский архиепископ Мелетий писал: «Епископ Климент, будучи у нас, ничем себя не заявил с хорошей стороны. И несмотря на то, что у нас в то время было вдовствующих 4 епархии, ему все же пришлось оставаться безместным, ибо ни одна епархия не пожелала его принять как епископа. Временно он управлял Иркутско-Амурской епархией, принимал все меры, дабы остаться на этой епархии. Но эта епархия не взяла его. А так как он человек недалекий, нет у него ни постоянства, ни чистой твердой веры, то он пытался попасть в группу еп. Андрея Уфимского, но там, по-видимому, у него дело не вышло. И тогда он пристроился к маленькой кучке беглопоповцев, где и продолжает находиться на посмешище людям... Раз человек сбился с истинного пути и с пути приличия, то он бросается на все». (Из письма архиеп. Мелетия от 20 марта ст. ст. 1929 г. №2672, архив Московской старообрядческой митрополии.)

Итак, митрополит Сергей напрасно говорит неправду: я не принят беглопоповцами, то есть руководителями беглопоповства, но они прекрасно понимают, что никто не может сам собою совершить таинство миропомазания.

И оба митрополита, и Арсений и Сергей, теперь могут вполне торжествовать: раскол остается расколом. Каноны остаются в полной своей сохранности: и митрополиты православные, и начетчики старообрядческие во главе с бывшим ректором семинарии Поздневым одинаково ссылаются на священные каноны, чтобы доказать свою каноническую правду...

И они чему-то радуются, когда нужно только горько плакать.

А люди верующие, действительно дорожащие церковным единением, плачут над такою каноническою правдою наших книжников и богословов. Я получаю целый год письма от беглопоповских иереев, вроде такого, полученного мною с Ветки: «Это (непризнание меня епископом у беглопоповцев) для меня очень печально; почему бы неправильное не исправить, а недоконченное не докончить. Все это можно; только нужно с обеих сторон побольше любви и ради общего блага сделать незначительные уступки и не разорять дела Божия».

Так пишут мне многие беглопоповские иереи, чистые души, ищущие любви.

Но где ее найти?

Наши книжники и богословы, вроде митрополитов Сергия и Арсения, с одной стороны, и Рыболова и Позднева, с другой, уперлись на том, что раскол в Русской церкви должен стоять во всей своей греховной неприкосновенности. И только об этом и хлопочут. Да простит им Господь их настроение. Патриарх Тихон держался и нынешние руководители Белокриницкого духовенства⁵⁴⁹ держатся других взглядов.

Да поможет им Господь в их великих святых стремлениях и начинаниях.

10. О старообрядчестве, о канонических правах митрополита Сергия и моих канонических обязанностях

Итак, митрополит Сергей, требующий от меня подчинения себе как первому епископу и налагающий на меня обязанность в чем-то пред ним каяться, высказался против моего воссоединения со старообрядцами...

Это было бы для церковного дела чрезвычайно грустно, если бы... если бы митрополит Сергей был канонически избранным первым епископом и отображал собою взгляды всей иерархии. Да, это было бы доказательством того, что иерархия не на высоте положения.

Но посмотрим на канонические достоинства всех действий митрополита Сергия и его канонические права нарушать мир, например в Уфимской епархии.

Все права митрополита Сергия основываются на том, что эти права ему были переданы митрополитом Петром. Но оказывается, что эти права ему переданы митрополитом не единолично, а коллегии, состоящей из трех лиц: Сергия, митрополита Нижегородского, Михаила, митрополита Киевского⁵⁵⁰, и Иосифа, архиепископа Ростовского⁵⁵¹. В этом назначении сказан весь административный талант митрополита Петра, ибо когда он был удален от управления, то оказалось следующее положение:

- 1) митрополит Михаил сидит в Киеве и хоть и может, но не хочет быть в этой коллегии;
- 2) митрополит Сергей сидит в Н. Новгороде без права выезда;
- 3) еп. Иосиф хочет, но не может занять свое место в коллегии, потому что оказался неудобен для кого-то по каким-то соображениям.

⁵⁴⁹ Мелетий (Картушин, 1859–1934), старообрядческий архиеп. Московский и всяя России с 1915 г.

⁵⁵⁰ Михаил (Ермаков), митр. Киевский (1924) и экзарх Украины.

⁵⁵¹ Иосиф (Петровых), архиеп. Ростовский (1920–1926), викарий Ярославской епархии, член синода при патр. Тихоне (1924), лидер «иосифлянства».

По этим причинам коллегия из этих лиц оказалась неосуществимой фантазией митрополита Петра.

Вследствие этого произошла крупная неприятность и неожиданное выступление архиепископа Екатеринбургского Григория, после чего состоялась классическая резолюция митрополита Петра следующего содержания. Выписываем полностью:

1 февраля 1926 года. С глубокою скорбью осведомились мы из настоящего доклада (архиеп. Григория), что в православной церкви начались разделения, могущие вызвать раскол, что высокопреосвященный митрополит Сергей проживает не в Москве, а в Нижнем, откуда не вправе выехать и где не дано ему свободы строительства и церковного управления, и что высокопреосвященный митрополит Михаил совершенно отклонил от себя наше поручение по исполнению обязанностей патр. местоблюстителя, а высокопреосвященный архиепископ Иосиф не может принять его, так как он совсем неизвестен подлежащей советской власти.

Если с нашей стороны для успокоения верующих и блага церкви требуется особое распоряжение и изменение такового от 5 декабря 1925 года, то в интересах мира и единения церковного признаем полезным временно, до выяснения нашего дела, поручить исполнение обязанностей патриаршего местоблюстителя коллегии из трех архипастырей: Николая, архиепископа Владимирского, Димитрия, архиеп. Томского, и Григория, архиеп. Екатеринбургского⁵⁵².

При этом считаем долгом пояснить, что только эта коллегия является выразительницею наших, как патриаршего местоблюстителя, полномочий по всем вопросам, за исключением вопросов принципиальных и общественных, проведение в жизнь которых допустимо лишь с нашего благословения.

Означенная коллегия, по соглашению с властями, пользуется правом пригласить для совместной работы потребное количество других архипастырей. Со своей стороны предлагаю архиепископов Сильвестра Вологодского и Серафима Орловского и епископов Николая Тульского, Сергея, управляющего Самарской епархией⁵⁵³.

Преосвященным епископам Виссариону, Тихону и Иннокентию⁵⁵⁴ благословляем отправиться на свои епархии.

Подпись: патриарший местоблюститель Петр».

Такова резолюция митр. Петра.

Из нее совершенно ясно следует:

- 1) что митрополит Петр никогда не доверял митрополиту Сергию единоличного управления и не вручал его;
- 2) что митрополит Сергей единолично рассылать свои указы и запрещения вне пределов своей епархии абсолютно не имеет ни малейшего права;
- 3) что митрополит Сергей, послав Уфимской епархии свое воззвание против епископа Андрея, действовал вполне неканонично;
- 4) что вообще его мнения относительно старообрядчества не имеют никакого канонического значения и могут никого не интересовать.

⁵⁵² Николай (Добронравов, 1861–1937), Димитрий (Беликов) и Григорий (Яцковский).

⁵⁵³ Сильвестр (Братановский, 1871–1931), Серафим (Остроумов, 1880–1937), Николай (Могилевский, 1874–1955), Сергей (Зверев, 1870–1937).

⁵⁵⁴ Виссарион (Зорин), Тихон (Тихомиров, 1882–1955), Иннокентий (Никифоров, 1879–1937).

Такие выводы для дела объединения св. Церкви имеют большое значение, и ревнители церковного мира, конечно, должны очень утешаться, если они с нашими выводами согласятся. А из резолюции митрополита Петра других выводов сделать нельзя.

И если митрополит Сергей из выписанной резолюции митрополита Петра вывел заключение, что только единоличное его управление канонично и для церкви чрезвычайно полезно, то это такая его развязность, которую ничем иным нельзя объяснить, как крайним самообольщением и уж, конечно, <чуть ли> не «прелестью». Однако имеется одно правило каноническое, которое делает эту развязность не только необоснованной, но определенно антиканонической.

Читаем правило 3-го вселен. Ефесского собора: «Вообще повелеваем, чтобы единомудрствующие с православным (и вселенским) собором члены клира отнюдь никаким образом не были подчинены отступившим или отступающим от православия епископам». (См. толкование еп. Иоанна Смоленского.)

А мы знаем определенно, что митрополит Сергей был живоцерковником и «отступившим» от соборного православия, а по его действиям мы видим, что он и ныне «отступающий», ибо в жизнь Уфимской церкви вносит только великое смущение, действуя вопреки всем канонам, относящимся к делу.

И вот в этом отношении и митрополит Петр, и митрополит Сергей делают по отношению ко мне ошибку несравненно более грубую, чем сделал в свое время патриарх Константинопольский Никифор по отношению к преподобному Феодору Студиту...

Делаю выписки из двух писем преподобного Феодора к патриарху Никифору, который причислил преподобного Феодора к отщепенцам от Церкви. Препод. Феодор писал:

«Вы отщепенцы от Церкви», – сказала твое блаженство. Блаженнейший, какой скорби справедливо должна была предаться душа наша при этих словах. Как не высказать оправдания пред твоею святостью, чтобы молчанием не подтвердить обвинения. Но прежде оправдания я с почтением докладываю, что не должно как пришлось отвергать слух для всякого желающего сказать что-нибудь против кого-нибудь и без суда высказываться против обвиняемого лица. Егда закон ваш, говорится в Писании, судит человеку, аще не слышит от него прежде и разумеет, где творит (Ин., 7:21). Так следовало поступить и тогда, когда твое блаженство услышало тяжкое и прискорбное о нашем смирении. Подлинно, какое зло больше отделения от Церкви и того, чтобы овца лишилась архипастыря и сопастыря? Ибо и нам, грешным, хотя и недостойным, принадлежит помазание от Бога в чин пастыря, чтобы, осмелюсь сказать: спорить, рассуждать, внушать и наедине, и пред другими по преданному от Господа учению – между тобою и тем едином или при двою; а кто и после того будет упорствовать, тот, как говорит Он, буди тебе якоже язычник и мытарь (Мф., 18:15–17). Мы же доселе ничего такого не слышали от святой души твоей ни чрез посланного, ни лично и не получали внушения; и таковой произвести приговор. Да рассудит совершенство твое, справедливо ли причинена эта скорбь чадам твоим. Перейдем и к самому оправданию, отдавая отчет пред вездесущим Богом и пред твоею святостью. Мы не отщепенцы, святая глава, от церкви Божией, – да не случится этого с нами никогда. Хотя мы и повинны во многих грехах, однако мы – православные и питомцы кафедральной церкви, отвергающие всякую ересь... Мы отверзали смиренные уста свои теперь, когда вызваны к этому. Сколько зависело от меня, я всячески остерегался, чтобы это дело не обнаружилось (то есть принятие патриархом Никифором блудного и ранее запрещенного иерея Иосифа в число патриарших священнослужителей), рассуждал сам себе: так как я не имею

епископского достоинства, не могу обличать, то для меня достаточно оберегать себя самого и не входить в общение с ним (то есть с блудным иереем) и теми, кто заведомо служит с ним. Итак, просим и умоляем, чтобы святая душа твоя склонилась обуздать этого человека. Блаженство твое да знает истинно и ясно, что если не будет сделано этого, то... в Церкви нашей, свидетель Бог и избранные ангелы Его, произойдет великий раскол. Сжался же, пастырь добрый, помоги, врач сведущий, пастве твоей, отлучи одну овцу от одного только священнослужения, и ты достигнешь всего, и паршивостью одного да не заразится Церковь, юже стяжа Господь и Бог наш кровию своею (Деян., 20:28). И с предшественником твоей святости, святейшим патриархом, мы снеслись таким же образом по настоящему делу; да не будет нам чести с тобою, говорили мы, ни в сем веке, ни в будущем, потому что ты допускаешь прелюбодея безразлично иметь общение с твоею святостью. Поэтому справедливо (иметь общение) и праведно, и нужно, для избежания соблазна, народу Божию, чтобы недостойно вторгшийся был отлучен от священнослужения, а мы продолжали бы поминать твою святость. Если же этого не состоится по грехам нашим, то да не будет, говорим не из страха, но из сострадания к обществу, да не будет с нашим смирением сделано святостью твоею что-нибудь неправильное и незаконное. Ибо мы со своей стороны потерпим силою Божиею, что бы ни случилось по Его соизволению, но свидетельствуем твоей святости пред лицом Христа в слух святых ангелов, что великий раскол произойдет в нашей Церкви. Хотя мы и подчиняемся власти, как люди, но и властью священников и (руководящих) и божественных правил управляемся и руководствуемся. О пустяках пусть пустословят желающие, и клеветники пусть клеветуют. Мы готовы на всякое оправдание, на всякое опровержение обвинительного предложения. Удостой нас священной твоей молитвой.

Так писал своему патриарху преподобный Феодор Студит, обличая одну ошибку патриарха. Преподобный Феодор был в это время только игуменом своего монастыря. А мне, грешному епархиальному епископу Уфимскому и Томскому, приходится обличать бесчисленные ошибки митрополита Петра и митрополита Сергия и по Уфимской епархии, и по Туркестанской, и по Казанской, и по Томской, и я все-таки готов сказать этим двум митрополитам то же, что сказал преподобный Феодор своему патриарху, готов повторить все и кончить словами: «Удостойте и нас священной вашей молитвы».

Итак, митрополит Сергей тяжко погрешил пред миром церковным и правдою Христовою, вторгшись в дела Уфимской епархии при нарушении всяких церковных правил. Между тем я, по милости Божией, при всем своем достоинстве, ни разу не сошел с почвы священников каноников, ни вообще с почвы евангельской любви. Даже когда митрополит Сергей обвиняет меня в самовластии, я должен сказать, что и в этом случае мое кажущееся самочиние не только не противоречит канонам, а может быть, на них обосновано, ибо в отношении к старообрядчеству вообще и к архимандриту Клименту в частности я сделал только то, что заповедано канонами, и иначе поступить (нельзя) не мог. Действительно, ко мне, православному епископу, обратился представитель десятков тысяч старообрядцев с просьбой быть их епископом. Эти старообрядцы не имели епископа, а теперь желают иметь... Ранее у них были только «бегствующие» попы, а теперь они хотят иметь своего «древлеправославного епископа».

Что я сделать мог? Послушаться высокоученого митр. Арсения и отослать отца Климента в Москву или еще куда, а самому заниматься солнечными ваннами? Это, конечно, дело самое безошибочное и беззаботное, но существует правило апостольское 52-е: «Аще кто, епископ или пресвитер, обращающегося от греха не приемлет, но отвергнет, да будет извержен из священного чина, печаливает бо Христа, рекшего: радость бывает на небесах о едином греш-

нике кающемся». Вот я и не захотел опечалить Христа и сделал все, что мне подсказывала моя совесть и что мне благословил сделать патриарх Тихон. Но из-за всего этого очень рассердились и опечалились митрополиты Арсений и Петр и Сергей. И какая сила заставляет их так волноваться? И зачем у них явилась такая тоска, что архимандрит Климент принял у меня, древлеправославного епископа, благословение?

Между тем имеется еще одно каноническое правило, которое для этих премудрых митрополитов может быть очень назидательное и успокоительное: «Аще епископ (напр., еп. Андрей) нерадети будет о возвращении от еретиков принадлежащего церкви по спискам или самих кафедр, то да увещают его тщательные епископы (напр., митр. Петр или митр. Сергей) и да покажут ему его нерадение, дабы не имети ему извинения. Аще же в течение шести месяцев от дня увещания пребывая в той же епархии, не возымеет попечения о долженствующих возвратиться к кафедральному единению: с таковым да не сообщаются, доколе не исполнит того» (Карф., 137).

Вот такая прекрасная обязанность возлагается священными канонами на соседних «тщательных епископов». Они должны всячески обличать и всячески поощрять нерадеющих епископов, если они не имеют попечения «о долженствующих возвратиться».

А наши «соседние епископы» ныне ужасно сердятся на меня за то, что я сделал попытку к полному уничтожению раскола в Русской Церкви. Теперь я и не знаю, кого же я должен слушаться, священных канонов или наших епископов к очевидному вреду церковной жизни, или исполнить долг перед Богом и людьми?

«Судите, справедливо ли пред Богом слушаться людей (хотя бы и первосвященников – см. Деян.: 4:6) более, нежели Бога»⁵⁵⁵.

Я остаюсь при решении, что я сделал в деле молитвенного объединения со старообрядцами только то, что мне благословил сделать Господь устами моих ближайших духовников и что проверено и канонами, и голосом церковного народа, и покойным патриархом Тихоном.

Иного я сделать не мог.

А если бы ничего не сделал, то подпал бы суду священных канонов и своей совести.

11. Третья совершенно излишняя подробность (для всех)

Остается теперь мне только сказать, что я вот уже год днем и ночью думаю и передумываю, отыскиваю каких-нибудь ошибок в деле моего молитвенного воссоединения с архимандритом Климентом и возведения его в сан епископа. Я молюсь Богу, чтобы Он Сам, Господь, открыл мне эти ошибки, чтобы мне их исправить. И до сих пор я могу только сказать, что все, что моими грешными руками и моею грешною малодушною головою совершено, все совершил Сам Господь Спаситель, ибо все свято, и благодатно, и почти чудесно. И намерения у всех участников этого события были безупречны, и все дело, ими сделанное, чисто и безупречно. Все это сделано нашими грешными руками не для себя.

От меня некоторые мои доброжелатели требуют покаяния. Но я решительно не могу найти во всем вышеизложенном чего-либо такого, в чем мне нужно было бы каяться и раскаиваться. А нельзя заменять истину Божию ложью (Рим., 1:25) и называть зло добром и добро злом, нельзя служить явной неправде.

Ведь произошло, в конце концов, чрезвычайное событие: представитель беглопоповского согласия, представитель нескольких десятков своих общин, предложил и вручил свое миро православному епископу и за это только просил молитв этого епископа о себе и своих доверителях. И любовь этого епископа к страждущим старообрядцам, запечатленная этим миром,

⁵⁵⁵ «Но Петр и Иоанн сказали им в ответ: «Судите, справедливо ли пред Богом слушать вас более, нежели Бога?» (Деян., 4:19).

конечно, останется неизменною, и как бы беглопоповские руководители в 1926 году ни старались испортить дело, начатое их предшественниками в 1917 году, это будет только их грех, а благодать Божия будет делать свое дело и найдет иных деятелей. И эти деятели исполнят волю Божию, и не будет раскола в Русской Церкви, и нешвенный хитон Христов не будет раздираться на Руси. Но нельзя же ткать этот хитон из неправды и облекать Господа Спасителя в хитон неправды. Между тем все обвинения митрополита Сергия против меня основываются на главном моем преступлении, будто я нарушаю 34-е апостольское правило. Митр. Сергей пишет: «Видимое единство Церкви выражается между прочим в том, что всяческая страна имеет своего первого епископа» (Ап. 34).

Читаем это правило так: «Епископам всякого народа подобает знати первого епископа в них и признавати яко главу, и ничего превышающего их власть не творити без его рассуждения: творити же каждому то, что касается до его епархии и до мест, к ней принадлежащих. Но и первый ничего не творит без рассуждения всех. Ибо тако будет единомыслие и прославится Бог и Господь в святом Духе, Отец и Сын и Св. Дух».

Таково 34-е правило. Похоже ли оно на то, что выписал митр. Сергей? Не «всякая страна» должна управляться «первым епископом», а всякий народ. Это огромная разница: «страна» была Россия, а в этой «стране» было около 100 народов... И теперь их остается немногим менее. Значит, у нас и должно быть по 34-му апостольскому правилу около ста «первых епископов», между собою равных. Была до 1920 года «страна» Турция, в ней был совсем не один «первый епископ», а четыре вселенских патриарха и несколько десятков митрополитов автокефальных (все «первые»). Вот это соответствует канонам и 34-му правилу, которые митрополит Сергей чудовищно извращает, когда требует, чтобы «первый епископ» города Нижнего Новгорода самодержавно управлял и Тифлисом, и Якутском.

Далее в 34-м правиле сказано: «первый епископ ничего да не творит без рассуждения всех других епископов».

Иначе говоря, когда первый епископ после общего совета с другими епископами сделает распоряжение, это распоряжение будет обязательно для всех. А в других случаях эта обязанность значительно смягчается. Между тем митрополит Сергей вполне забывает это требование того же 34-го правила, и получается впечатление, что «первый епископ» имеет право просто быть самодуром и самодержавно командовать, как ему вздумается⁵⁵⁶.

Но этого каноны решительно не допускают. Есть каноническое правило, что даже сам патриарх не может отрешить подвластного себе епископа, но должен предложить его дело рассмотрению собора в своем присутствии (святого Кирилла Александрийского правило 1-е).

Так права первого епископа священными канонами очень ограничены, и эти каноны совсем не позволяют первому епископу узаконивать какие-нибудь его собственные беззакония и требовать их исполнения только потому, что они подписаны первым епископом.

Имеется еще выразительное каноническое правило, которое читается так: «Епископ от единого предела да не переходит в другой ни по самовольному вторжению, ни по насилью от народа или по принуждению епископов, но да пребывает в церкви, которую принял от Бога в жребий себе в начале, и да не переходит от нея» (Антиохийского собора 21-е правило).

А меня митрополит Крутицкий Петр не более, не менее, как лишил кафедры – без вины, без суда и следствия, еще задолго до моего «воссоединения» со старообрядцами. Почему же и для чего? По каким канонам? А я ведь не только назначенный епископ, а дважды избранный в Уфе.

* * *

⁵⁵⁶ Митр. Сергей, обосновывая свою власть, утверждал позднее, будто «заместитель облечен патриаршей властью в том же объеме, как и заменяемый им местоблюститель» (Сергий, митр. О полномочиях патриаршего местоблюстителя и его заместителя // Журнал Московской патриархии. 1931. №1. С. 4).

Что же за издевательство надо мною и моею паствою со стороны местоблюстителя? Или это чужое приказание?

И, наконец, известны ли митрополиту Сергию правила 76-е апостольское и 23-е Антиохийского собора, по которым ни митрополит Петр, ни митрополит Сергей не могут считать себя «первыми епископами»? 23-е правило Антиохийского собора читается так: «Епископу не позволяется вместо себя поставляти другого в преемники себе, хотя бы он был и при конце жизни: аще же что таковое соделано будет, то поставление да будет недействительно. Но да соблюдается постановление церковное, определяющее, что епископа должно поставлять не инако разве с собором и по суду епископов, имеющих власть произвести достойного, по кончине преставившегося».

Таков закон. А по какому закону митрополиты Петр и Сергей оказались вершителями церковных дел?

Или воля патриарха Тихона выше священных канонов?

Но допустим, что в целях церковного благоустройства патриарх Тихон вынужден был по требованию минуты не считаться с этим законом. Это возможно и допустимо.

Но в избрании митрополита Крутицкого было нарушено не только указанное церковное правило, но и воля самого патриарха Тихона, ибо в завещании патриарха Тихона стоят еще два имени: митрополит Кирилл и митрополит Агафангел.

Почему же третий – Крутицкий – предпочтен первым двум? И кто предпочел, и кто его насильственно навязал всей нашей стране «первым епископом»?

Да, наша страна есть страна неограниченных возможностей и великих странных грехов вообще, и подлогов в частности.

На все наши недоуменные вопросы может быть только один ответ: митрополит Петр очень удобен для всей этой анонимной компании, которая его избрала и посадила на место «первого епископа». Вот разгадка всех загадок.

И наше несчастное «православие» теперь принуждено возиться с такими удобными людьми, как митрополит Петр и ему подобные. А митрополит Сергей с удивительной скромностью уверяет, что его Бог дал. Нет, Бог такие несчастья только попускает.

Разумеется, старообрядцы, если они не потеряли разум, никогда не признают такого управления церковью и не подчинятся ему. И я согласен с ними, а не с теми, которые способны признавать на себе любую «главу»: и распутинскую, и живоцерковническую, и еще какую угодно, ибо русские люди давно усвоили русский догмат: «что ни поп, то батька».

Я отрицаю этот догмат всецело. И в этом отношении я старообрядец. Я верую и люблю Святую Соборную и Апостольскую Церковь и не могу помириться, чтобы соборная жизнь Св. Церкви уродовалась и обращалась в канцелярско-приказную, подчиненную какому-нибудь случайному диктатору.

Кончаю свою речь. Кончаю покаянием в одном моем опрометчивом поступке. В ноябре 1917 года я, в числе других епископов, подписал определение синода о назначении архиепископа Сергия митрополитом Владимирским. Да, я это сделал, и это была моя ошибка. Конечно, дело обошлось бы и без меня; митрополит Сергей и без меня был бы возведен в митрополиты. Но в его митрополитстве, хотя очень мало, и я виноват. Это моя ошибка, мое учленение, или, на языке духовной жизни, прелесть, – как говорит митрополит Сергей. Менее было бы на митрополите Сергии греха, если бы он не был митрополитом, а еще лучше, если бы он послушался 21-го прав. Антиох. собора и остался бы в Финляндии, «которую принял от Бога в жребий себе в начале», а нынешний жребий, который он сам себе избрал, явно ему не по силам.

В частности, его обращение к уфимцам просто стыдно читать – так оно по тону задорно, а по содержанию антицерковно и наполнено неправдою.

1926, сентября 17

Уфа

*Епископ православных и православно-старообрядческих общин
Андрей*

История моего старообрядчества Тетрадь вторая⁵⁵⁷

Вместо предисловия

В 1927 году я написал, сидя в Уфе, первую часть «Истории моего старообрядчества». Эту первую часть я писал тогда от великой скорби и стеснения сердца, вынужденный к тому страшной клеветой, которую возвели на меня сам заместитель местоблюстителя патриаршего престола м. Сергей и его бессовестные приверженцы и последователи. Я тогда писал не столько историю, сколько самозащиту... Тогда против меня пущено было все в ход: и ложь, и клевета, и обман; и все – только для того, чтобы испортить мою святую цель примирить «беглопоповцев» с бывшей господствующей иерархией. Я вынужден был защищаться и вынужден был назвать лжецов – лжецами и клеветников – клеветниками. Иначе поступить я не мог. Но мне это было страшно тяжело, потому что моя невиновность в преступлениях, мне не ведомых, мало кому была интересна, а мои клеветники преспокойно оставались на своих местах, продолжая исполнять распоряжения высшего своего начальства. – В это время, в 1926 году, печатались против меня целые брошюры, на которые я ответить, конечно, не мог: типографии принимали и могли исполнять заказы только противцерковные и печатали только то, что угодно митр. Сергию и его почитателям, – т.е. что было вредно для церковной жизни.

Вот в таких условиях мне приходилось писать первую тетрадь «Истории моего старообрядчества», – в настроении полной безнадежности и бесцельности моего писания. Ведь убеждать рясофорных докторов богословия и доказывать им, что лгать не похвально, – правда же, – занятие неблагодарное! С другой стороны, – доказывать легкомысленным русским гражданам, что легкомыслие в серьезных делах есть преступление, – это значит – только терять время! Легкомысленных граждан учат только исторические синяки, – только тогда они немного исцеляются от своего легкомыслия...

Итак, начинаю вторую часть своей «Истории». И начинаю сейчас писать с чувствами, совершенно иными, чем те, с которыми я писал в 1927 году. Сейчас пишу с надеждой великой, с благодатной радостью в душе. Тогда, в 1927 году, мою жертву Господь не принял! Нашлись тогда злые люди и у «беглопоповцев» и преступные люди у «никониан», которые вместо мира и любви пожелали раздоров и разделений. Ныне явно благодать Божия зовет «никониан», чтобы они откинули ложь и неправду и возлюбили подлинную правду церковной жизни.

Сам Господь начинает строить жизнь церковную после того, как нецерковные пастыри оказались явными предателями Церкви Христовой и христопродавцами. Господь ныне исполняет слово Свое, высказанное через пророков: «Я пересмотрю овец Моих и высвобожу их из всех мест, в которые они были рассеяны в день облачный и мрачный» (Иез. 34).

I. Воспоминания в сторону «беглопоповцев»

Чтобы эта тетрадка была понятнее для читателей, я начну с воспоминаний.

В сентябре 1917 года ко мне обратились так называемые беглопоповцы с просьбой быть у них епископом. В это время я был в Москве на Соборе 1917 года. Я принципиально согласился, но с тем, что уфимская паства моя останется в моем ведении. Вел со мной переговоры со стороны беглопоповцев Лев Алексеевич Молехонов. Он же собрал в Москве маленькое совещание

⁵⁵⁷ История моего старообрядчества. Тетрадь вторая. Алма-Ата, 28 февраля 1933 года; Приложение: К тем, кто не шутит правдою (отречение от катакопов). 4 ноября 1932 г. (авторская рукопись в 32 тетрадных листа).

из представителей других своих общин. На этом совещании после рассуждений согласились, что мое соединение с этой группой старообрядцев произойдет так: я приду без облачения в Московский (на М. Андроньевской ул.) храм беглопоповцев. Они встретят меня вопросом: кто я? – Я отвечу сначала, что я епископ православной единой, святой, соборной Апостольской Церкви, а потом прочту Символ веры и пространное исповедание веры, который чтет всякий, рукополагаемый во епископа. Далее я, по просьбе беглопоповцев, сам себя помазываю тем святым миром, которое они в 1917 году называли и считали патриаршим, оставшимся от патр. Иосифа. – На этом «чиноприем» мой и должен был окончиться.

Обо всех этих переговорах знал мой духовник, харьковский архиепископ Антоний, и обо всем был осведомлен патр. Тихон, которые и одобрили мои намерения.

Таким образом – с обеих сторон все было вымерено, высчитано, обдуманно и по-человечески выходило вполне для всех приемлемо. После этого я уехал в Уфу.

.....

Но наступили события 1918 и 1919 гг. – Беглопоповцы меня надолго потеряли; я оказался в Сибири, а потом – в тяжелой неволе. В 1922 году явилась «Живая церковь»; и среди живоцерковников оказался викарный Саратовский епископ Николай Позднев, бывший ректор Саратовской духовной семинарии. – Этот недостойный старик так наконец возмутил всех своим предательским поведением по отношению к своему главному епископу, что его саратовцы выгнали.

Тогда он решил стать старообрядцем; а беглопоповцы до такой степени потеряли смысл церковности, что приняли его в качестве своего «главы». – Такова стойкость в убеждениях у бывших ученых воспитателей «никонианского» юношества! И таково непонимание церковной жизни у сменившихся, новых руководителей беглопоповства, которые отвергли белокрыницкого митр. Амвросия, старца несомненно честного, и сделали главою своей иерархии человека заведомо бесчестного.

.....

Когда в 1923 году узнал я обо всем этом, я счел себя свободным от тех обещаний, которые в 1917-м я дал Л.А. Молехонову. – Но в 1925 году, когда я был в ссылке в Асхабаде, то ко мне явился беглопоповский архим. Климент и стал снова меня просить, чтобы я был епископом у беглопоповцев. – При этом он представил мне кроме рекомендаций, какой он хороший человек, – еще целую кучу всяких уполномочий и доверенностей, выданных ему от различных беглопоповских общин, которые просили его отыскать им епископа.

Я согласился исполнить все, что обещал Л.А. Молехонову, но категорически отказался признать Николу Позднева своим архиепископом. – Кроме того, я согласился быть епископом у беглопоповцев только с тем условием, что архим. Климент сам примет от меня посвящение в епископы и будет фактически дееспособным епископом, ибо сам-то я надолго был прикован к Асхабаду или еще к другому какому месту.

Климент принял мои условия, и 28 августа 1925 года мы впервые молились вместе с ним Богу в истинно-православном, т.е. не цезаро-папистическом храме; я со своей стороны исполнил все, на что получил благословение патр. Тихона. – 3-го сентября 1925 года я рукоположил (вместе с еп. Руфином) Климента во епископа, уполномочив его быть как бы моим заместителем, пока я не пользуюсь свободой передвижения. – Вместе с тем я говорил еп. Клименту, что наше дело столь святое и великое и мы переживаем такое ответственное время, что не должны допускать ни малейшей лжи ни в своих делах, ни даже в своих словах.

На этом мы с ним и расстались в тот же день 3-го сентября.

А вскоре я получил от еп. Климента известие, что беглопоповцы ни меня, ни его не признали своими епископами и что он, Климент, в сущем сане принят в число епископов Белокрыницкой иерархии.

Через несколько времени я узнал, что еп. Климент вел себя среди своей братии не совсем по-епископски и своей братии наговорил того, что дало ей право подозревать и меня в нечистых и злокозненных по отношению к старообрядчеству намерениях.

Это все изложено гораздо подробнее в ч. I «Истории моего старообрядчества».

.....

Так моя попытка примирения с беглопоповцами и желание привести их положение в сколько-нибудь приличное, в каноническом отношении, закончились вполне грустно – совершенно безрезультатно.

.....

Но насколько эта попытка закончилась безрезультатно в отношении беглопоповцев, настолько она имела вовсе печальные результаты в отношении ко мне.

В это время управлял всей русской православной толпой митр. Крутицкий Петр (Полянский). Это был московский самодержец в духовном сане, с помощью многих и сложных шахматных ходов занявший это место. А ведь известно, что русские люди без хорошего самодержавного кулака обойтись не могут. – Так вот этот митр. Петр, духовный самодержец, опираясь на самодержца совсем не духовного, узнав о моей молитве со старообрядцами в Асхабаде (узнав по каким-то сплетням), запретил мне священнослужение... Это было бы ужасно как страшно, если бы ранее я признал Петра самодержцем над собой. Но так как я отказался признать Петра в апреле 1925 года самодержцем – как признали другие, – то в октябре этого года я не признал, разумеется, и его запрещение.

В 1926 году в июле это запрещение повторил преемник Петра митр. Сергей, еще более подлыми путями, чем Петр, пролезший в звание председателя патриаршего Синода и назвавший себя заместителем местоблюстителя. Но глупая Москва способна смириться со всякой подлостью! Помирилась она и с подлостью Сергия... – Этот Сергей, зная, что я в Уфе, написал к моей пастве письмо, преисполненное клеветы на меня, будто я отпал от православия, будто бы вторым чином присоединился к беглопоповцам и пр. – Мне не много нужно было употребить усилий, чтобы доказать, что это ложь и что заместитель местоблюстителя – просто лжец!

.....

Два слова отступления. – Что я подвергся резкой клевете митр. Сергия – это не так важно. – А важно вот что: что вся наша казенная полемика со старообрядчеством всегда была сплошной клеветой на старообрядчество. – Все эти лжепрофессоры Ивановские, Субботины, все эти миссионеры: Крючковы, Александровы, Белоликовы⁵⁵⁸, – все это была продажная, казенная компания, делавшая на борьбе со старообрядчеством себе карьеру и сознательно клеветавшая на старообрядчество. Старообрядчество же было ненавистно петербургским жандармам потому, что оно требовало свободы слова, свободы совести и свободной церковной общественности. – По существу, борьба правительства со старообрядчеством и была борьбой с гражданскими свободами; а миссионеры ее искусно сводили к спорам только об аллилуйя, о двуперстии, о поклонах; и побеждали своих соперников только путем клеветы на них. Подлинные исторические документы о старообрядчестве открыл проф. Н.Ф. Каптерев и в 1889 году начал их печатать, но проф. Субботин добился, что печатание этих документов было запрещено Победоносцевым, и они появились в печати лишь в 1911 году⁵⁵⁹.

⁵⁵⁸ Белоликов Василий Захарьевич (1887–1937). Родился в с. Васильевское Череповецкого уезда Новгородской губ. В 1915 г. – исполняющий должность доцента Киевской духовной академии, был представлен к премии митр. Макария (Извлечение из журналов Совета имп. Киевской духовной академии за 1914/1915 учебный год. Киев, 1916. С. 139, 143, 410, 638), затем главный эксперт по старообрядчеству у обновленцев, автор большинства соответствующих документов и обзоров в обновленческой прессе.

⁵⁵⁹ алантливый и ученый человек отличался, однако, некоторой неуравновешенностью и страдал к тому же пристрастием к Бахусу. Под влиянием винных паров он порой совершал невероятные по своей эксцентричности поступки...»; был редактором сочинений обновленческого «митрополита» А.И. Введенского (*Краснов-Левитин А.Э., Шавров В.М.* Очерки по истории русской церковной смуты. С. 288, 427). 28 апреля 1935 г. осужден ОСО при НКВД на три года лагерей, но, видимо, освобожден

.....
Теперь продолжаю. – Вот этой протоптанной дорожкой клеветы и лжи и пошел митр. Сергей и оклеветал меня. Но в Уфе среди «никониан» уже нашлись смыслящие люди и не поверили клевете Сергея, как не поверили клевете Петра. – При этом случилось два обстоятельства, которые послужили на пользу мне лично и на пользу церковному делу.

У меня в то время были два викарных епископа – Антоний и Питирим. Оба они пожелали проверить все, что касалось меня в деле воссоединения со старообрядчеством. Антоний отправился проверять меня в Москву, добился доверия в канцелярии патриаршего Синода и лично проник в синодский архив, чтобы изучить документы, касающиеся меня.

Каково же было его удивление, когда он еще весной 1927 года убедился, что в Синоде – в архиве нет решительно никаких документов обо мне, – ни о моем «уходе в раскол», ни о моем «запрещении» и пр. Он спросил в Синоде, что же это значит, и получил чрезвычайно характерный ответ: «Вероятно митр. Петр только попугать хотел еп. Андрея!..»

Еп. Питирим, бывший староафонский 70-летний монах, человек умный, хотя и малограмотный, поехал не в сергиевский Синод, который он не признавал, а поехал в Ярославль к митр. Агафангелу, чтобы ему доложить подробно обо всем, что касается Уфимской церковной жизни, и выслушать его мнение. Митр. Агафангел выслушал еп. Питирима очень внимательно в течение нескольких часов (два дня) и сказал моему викарию и ставленнику (которого я рукоположил во епископа во время первой моей ссылки, в Тедженте в июне 1925 г.), чтобы он не смущался, что мое церковное поведение безупречно и что лишь в целях церковного мира он, митр. Агафангел, советовал бы мне не совершать архиерейских хиротоний, а в целях осведомления уфимцев и других верных сынов Церкви, он – митр. Агафангел, советовал бы мне все мое «дело» отдать на суд ближайших по крайней мере – трех епископов.

«Но это мой только совет, а на месте видней, что нужно делать», – так сказал еп. Питириму митр. Агафангел⁵⁶⁰.

3 февраля 1927 года эти три епископа выпустили за собственными подписями «Акт по делу архиепископа Андрея», в котором изложили обстоятельства дела и пришли к выводу, что я никуда не «уходил», а что клевета митр. Сергея по существу своему есть легкомысленная и позорная на святое дело.

II. Воспоминание о «никонианах»

Когда митр. Сергей прислал в Уфу свое клеветническое письмо обо мне, я счел своим нравственным долгом ответить ему и тем дать ему возможность его ошибку исправить. – Я сейчас не имею в руках многих подлинных документов, о которых я говорю; не имею и копии моего письма к митр. Сергию; но хорошо помню, что в этом письме я ссылался на тот случай, когда Константинопольский патриарх назвал преп. Феодора Студита отщепенцем от Церкви. – На это обвинение препод. Феодор ответил патриарху, что если он, Феодор, отошел от церковного беззакония, то это не значит, что он ушел от Церкви и, что если он обличает это беззаконие в церковной жизни, то это и есть признак его православия, – в противном случае он и

досрочно. На момент ареста 29 сентября 1937 г. жил в Александрове, 17 ноября приговорен к ВМН по обвинению в руководстве контрреволюционной церковной группировкой, расстрелян 25 ноября в Бутово. (Бутовский полигон. Кн. 2, 1937–1938. М., 1998. С. 90). См. также: *Балашев Н.* Мученики братья Белоликовы // Речь (Череповец). 1993. 5 ноября. №220(18665).

⁵⁶⁰ Это мнение митр. Агафангела для меня очень важно, потому что я этого архиерея считаю (с 1905 г.) человеком безупречно честным. – Как человек честный, он до самой смерти не мог примириться с бесчестною тактикой митр. Сергея; и когда весной 1928 г. к митр. Агафангелу приехали представители Тобольских приходов и умоляли его встать во главе их управления после их окончательного отпадения от Сергея, то митр. Агафангел сказал: «Мне 73 года, я через несколько месяцев или недель умру. Поэтому я вам бесполезен. А если хотите меня послушаться, поезжайте в Уфу и просите помощи у Уфимских епископов». – Тобояне и исполнили этот совет митр. Агафангела и были в Уфе и приняли ее порядки.

сам бы впал в беззаконие; патриарх же ранее всякого суждения должен основательно узнать все дело обвиняемого и потом уже произносить свой приговор.

Сделав эту выписку из писем препод. Феодора Студита, я и просил Сергия сначала изучить мое дело, а потом уже принимать какие-либо решения. Таким образом, у митр. Сергия оказывалась прекрасная возможность выйти из его неловкого положения и исправить свою ошибку. – Но митр. Сергий гордо промолчал; ведь «никонианские» архиереи – непогрешимы! – Я подозреваю не без оснований, что оклеветать меня митр. Сергию даны были полномочия, но сказать что-нибудь в защиту меня, – на это у него не было ни полномочий, ни храбрости. – А его начальство, как известно, – строгонько!..

.....

Летом в июне 1927 года я был эвакуирован из Уфы и через два месяца оказался снова в Средней Азии. – В это время появилась Декларация митр. Сергия, как главы русского церковного управления. Эта Декларация – воззвание от 16 июля 1927 года есть настоящая квинт-эссенция никонианского цезаропапистического хамства. – Это даже среди «никониан» по глубине своей антицерковности и предательства было нечто выдающееся и небывало скандальное. – Я и этого документа, к сожалению, не имею в руках; но имею ответ на эту Декларацию митр. Сергия со стороны его ученика и почитателя, еп. Виктора Ижевского⁵⁶¹. Это письмо прекрасно характеризует Декларацию митр. Сергия и самого [его] и написано с таким искренним чувством и с такой преданностью святой Церкви, что я его привожу полностью, тем более, что я с ним почти во всем согласен. – Вот оно.

«Ваше высокопреосвященство, милостивейший Архипастырь, глубокочтимый и дорогой владыка!

В октябре месяце я с сыновьей любовью возымел дерзновение высказать Вашему высокопреосвященству свою скорбь⁵⁶² по поводу начавшегося губительного разрушения православной Церкви в порядке управления. Такое разрушение Церкви Божией есть вполне естественное и неизбежное следствие того пути, на который поставило Вас Ваше «Воззвание 16 июля» и которое для нас, смиренных и боящихся Бога и для всех христоролюбивых людей, является совершенно неприемлемо. От начала до конца оно исполнено неправдою и есть возмущающее душу верующего глумление над святою православною Церковью и над нашим исповедничеством за истину Божию. А через предательство Церкви Христовой на поругание «внешним» оно есть прискорбное отречение от своего спасения или отречение от самого Господа Спасителя. Сей же грех, как свидетельствует слово Божие, – не меньший всякой ереси и раскола, а несравненно больший, ибо повергает человека непосредственно в бездну погибели по неложному слову: «иже отречется мене перед человека» и пр.

Насколько было в наших силах, мы как себя самих, так и свою паству оберегали, чтобы не быть нам причастниками греха сего, и по этой причине самое воззвание возвратили обратно. Принятие возвания явилось бы перед Богом свидетельством нашего равнодушия и безразличия в отношении ко святейшей Божией Церкви – Невесте Христовой. По страху Божию для меня явилось теперь неприемлемым и ваше распоряжение о моем перемещении. Боюсь, как пишет мне один святитель, не будет ли выявление послушания

⁵⁶¹ Ср.: Кантрев Н.Ф. Патриарх Никон и противники в деле исправления церковных обрядов. Вып. 1. М., 1887; Кантрев Н.Ф. Патриарх Никон и противники в деле исправления церковных обрядов: время патриаршества Иосифа. Прил.: ответ проф. Субботину. Изд. 2-е. Сергиев посад, 1913.

⁵⁶² Виктор (Островидов), см.: История иерархии Русской православной церкви. С. 183, 184 прим. 3–4.

с нашей стороны учтено ими (Синодом) как одобрение содеянного ими. И потому, если бы мне даже предоставлена была полная свобода передвижения, которой я не имею, как административно высланный, то я и тогда бы спросил бы себя, не придется ли мне за это послушание отвечать перед Богом, ибо оно по существу объединяет меня с людьми от Бога удалившимися. А что «Воззвание» действительно достойно многих слез и что оно удаляет человека от Бога, об этом я свои мысли изложил в форме письма к ближним.

Что же в дальнейшем? – В дальнейшем – я молил бы Господа, и не только я, но и вся православная Церковь, чтобы Он не ожесточил сердца вашего, как некогда сердце фараона, но дал бы вам благодать сознания содеянного греха и покаяния на жизнь... Враг вторично заманил и обольстил вас мыслью об организации Церкви. Но если эта организация покупается такой ценой, что и Церкви Божией как дома благодатного спасения уже не остается, а сам получивший организацию перестает быть тем, чем он был, ибо написано: «Да будет двор его пуст и епископство его да примет ино», то лучше бы нам не иметь никогда никакой организации! – Что пользы, если мы, сделавшись по благодати Божией храмами святого Духа, стали сами вдруг непотребны, а организацию себе получили? – Нет! Пусть погибнет весь вещественный мир видимый, пусть в наших глазах важнее его будет верная гибель духа, которой подвергается тот, кто представляет такие внешние поводы для греха.

Если же ожесточение сердца вашего пошло далеко и надежды на покаяние не остается, то и на сей случай мы имеем просвещающее нас слово: «Тем же изыдите из среды их и отлучитесь, глаголет Господь, и нечистоте их не прикасайтесь, Я приму вас и буду вам во Отца и вы будете Мне сыны и дочери, глаголет Господь Вседержитель (2 Кор. 6, 14–16)». 16 декабря 1927 года. Подпись: Вашего Высокопреосвященства во Христе брат, сердечно преданный Виктор, епископ Ижевский и Вотской».

Так честно еп. Виктор, хотя и никонианин, исповеднически ответил на вполне бесчестное «Воззвание» заместителя местоблюстителя, хотя знал, какая тяжкая судьба его постигнет за это. А другие «никониане» и между ними пресловутый Иларион, архиеп. (какой-то подмосковный⁵⁶³), – этому «Возванию» Сергия были очень рады, как самоотверженному проявлению архипастырской мудрости, которая, по их мнению, должна была дать им грешный покой среди житейских бурь. – На меня же этот ужас измены святой Церкви со стороны главы церковного управления произвел такое же гнетущее впечатление, как на еп. Виктора.

.....

Приблизительно одновременно с этой перепиской еп. Виктора с митр. Сергием, – я получил письмо от управляющего делами Высшего Церковного Совета, состоявшего под председательством митр. Григория Свердловского, который отказался признать над собою главенство Сергия. – Митр. Григорий поручил своему управляющему делами еп. Борису Можайскому предложить мне от имени собора 12-ти епископов присоединиться к ним. Но митр. Григорий и еп. Борис предложили мне, кроме того, покаяться в моей «Асхабадской ошибке» в отношении старообрядцев.

Я на это предложение послал обширный «Ответ 12-ти епископам». Я ответил, что никакой ошибки Асхабадской я за собой не вижу, а Свердловский – Григорьевский самозванный церковный центр я совершенно так же не могу признать каноническим, как и Московские церковные центры – обновленческий и Сергиевский. Все эти цезаропапистические центры я признаю одинаково антиканоническими и одинаково для Церкви вредными. – На этом наша

⁵⁶³ Текст этого октябрьского письма см.: Акты патриарха Тихона... С. 532–533.

переписка с архиерейской группой м. Григория и прекратилась! – Эта переписка относится к марту–апрелю 1928 года (мой ответ еп. Борису помечен был 11 апреля).

III. Воспоминание о добрых делах добрых людей

Вспомняв тяжкие, мучительные и преступные глупости людей, ответственных за церковную жизнь, – я перехожу к тем воспоминаниям, которые дают возможность мне отдохнуть и порадоваться. – Молю Господа, чтобы и мои читатели разделили со мной эти чувства святой христианской радости и научились строить церковную жизнь.

Первое радостное воспоминание – это маленький Собор, разрешенный гражданскими властями и созванный в Уфе еп. Аввакумом в 1927 г. 3–5 октября. Этот соборик, происходивший под председательством благочестивого и умного мирянина, в присутствии двух епископов Аввакума и Руфина, был замечателен тем, что на нем по собственной инициативе присутствовали двое московских белокрыницких старообрядцев – Мибров и Агапов⁵⁶⁴.

Они своим присутствием оказали, несомненно, большое влияние на общее настроение собравшихся на этот соборик и на его постановления. Необходимо при этом помянуть добрым словом и одного благочестивого мирянина, – ныне уже покойного, – Трофима Минеевича Борисова: это был железнодорожный рабочий, человек малограмотный, зато человек большого природного ума и крупной инициативы. Он блестяще усвоил все, что касается подлинно соборной церковной жизни, понял ее значение для народа и свободного развития его культуры и помог устройству этого Собора – церковников-общинников.

Выписываю только одну резолюцию – Декларацию этого Собора; я считаю, что она – церковное событие среди всего того церковного горя и разрушения, которое мы переживаем. Это сознательная и умная попытка церковного строительства, а не подлые и глупые ласкательства пресмыкающихся цезаропапистов.

Декларация церковников-общинников⁵⁶⁵

Чрезвычайная сложность обстановки, клевета, распускаемая на нас, церковные разделения, взаимное непонимание и недоверие церковных деятелей, антицерковные и антикультурные давления, – все это требует от нас, православных церковников, объединенных около своих епископов, ради пользы церковной выразить свои взгляды на устройство церковной жизни перед людьми, ищущими церковной правды.

I. Наши взгляды на духовенство и центр

1. Первым делом для восстановления церковной жизни мы считаем необходимость переизбрания приходами своих пастырей там, где эти пастыри ведут себя недостойно, позоря Церковь своими грехами или разрушают дело церковное, будучи по своим взглядам людьми совершенно нецерковными.

2. Мы считаем совершенно необходимым и переизбрание епископов, чтобы избавиться от лиц, подобных обновленческому Зосиме-Александрю⁵⁶⁶

⁵⁶⁴ Имеется в виду явно Иларион (Троицкий 1886–1929), с 1920 г. – еп. Верейский. Однако его (главного «спичрайтера» патр. Тихона и основного идеолога «Соловецкой декларации») трудно отнести к сторонникам митр. Сергия (см., напр.: Акты патриарха Тихона... С. 524–529). Более того, с ноября 1923 г. и до самой смерти он вообще не находился на свободе и, по собственному признанию, в церковной жизни не участвовал, имея «о ней лишь отрывочные и, возможно, неточные сведения» (Там же. С. 494).

⁵⁶⁵ В подлиннике стоит другой термин: «Православных староцерковников», но этот термин не совсем удачный, ибо м. Сергий тоже ведь называет себя староцерковником, будучи обновленцем в душе.

⁵⁶⁶ Вл. Андрей не захотел называть здесь подлинных имен М.И. Бриллиантова и П.П. Агафонова.

или тем, которые наподобие еп. Иоанна Пояркова (Давлекановского) и еп. Николая Ипатова (Златоустовского) разрушают в корне церковную жизнь.

3. Мы считаем позором для Церкви существование незаконных «центров» и обновленцев (евдокимовцев) и полуобновленцев (сергиевцев), центров, подобранных из людей, которые во времена Распутина работали в распутинских синодах, во времена патриарха стали «тихоновцами», в «Живой Церкви» были живоцерковниками и теперь, господствуя над наследием Божиим (I П[етра]. 5, 3), стараются прикрыться разными добрыми именами.

Мы приветствуем канонический центр, способный не разрушать, но умеющий созидать, – центр, любящий народ церковный и для него живущий.

II. Наши взгляды на организацию

4. Мы считаем, что всякая община есть «малая церковь», часть единой Святой Соборной Апостольской Церкви и имеет обязанность устраивать свою церковную жизнь.

5. Это устройство мы видим в организации самих верующих мирян, в устройении приходских советов с подотделами: хозяйственным, просветительским, дисциплинарным, финансовым, благотворительным, во всемерном проявлении жизни самого верующего народа.

6. Мы считаем, что весь церковный клир, не исключая и епископов, должен быть избираем, как это было в лучшие периоды церковной истории (Дн. 1, 26; 5, 2–3).

7. Тем более должны избираться, а не назначаться, члены приходских советов, председателями которых должны быть миряне.

8. Мы считаем эпоху Распутина величайшим позором для иерархии петербургского периода, а развращенное и продажное в массе духовенство – пережитком этого времени. Для борьбы с этим явлением необходима организация «Союза приходских советов» – окружных, уездных, епархиальных, куда духовенство входит только с совещательным голосом.

9. Добрые пастыри, любящие народ и готовые ему служить, могут устраивать свои пастырские собрания и съезды, куда миряне входят с совещательным голосом.

10. Мы считаем необходимым увеличение числа епископий (епархий), учась в этом отношении у Африканской Церкви времен свящ. муч. Киприана Карфагенского.

III. Наши взгляды по общим вопросам

11. Ввиду того, что мы должны стремиться обезопасить себя – жизнь своих общин – от всякого незаконного вмешательства, откуда бы оно не исходило, мы приветствуем закон об отделении Церкви от государства, как гарантию от всякого рода распутинщины.

12. Мы считаем так называемый «капитализм» явлением глубоко антикультурным в истории христианских народов и считаем церковно-общинный уклад народной жизни единственно соответствующим духу св. Евангелия (Лк. 18, 25).

13. Желая освободиться от всяких антицерковных и антикультурных влияний, мы считаем, что церковная община – это религиозно-культурно-экономическая единица, обеспечивающая своим членам полное духовное развитие.

14. Мы приглашаем старообрядцев к взаимному единению, чтобы общей молитвой и любовью исправить нашу церковную жизнь.

15. Мы стремимся установить ближайшие христианские отношения с сектантами, стремящимися строить жизнь свою по заповедям Христовым, и приглашаем их к общему доброделанию.

16. Наконец, мы приглашаем всех православных христиан к церковной народной самодеятельности, к изгнанию из жизни всякой духовной лени и к построению жизни по заповеди ап. Павла: все исследуйте, хорошего держитесь (1 Сол. 5, 21).

.....

Такова уфимская декларация 1927 года об устройении будущей церковной жизни и будущей свободной народной жизни. Повторяю личное мое мнение, что эта Декларация – прекрасна и по своему содержанию и по своим намерениям.

Цезаропаписты же и их начальство, конечно, встретили эту Декларацию со скрежетом зубным. Одно это уже может быть доказательством того, что она для них вредна, – а значит – для Церкви Святой полезна.

Эта Декларация расчистила путь к воссоединению истинных православных церковников со старообрядцами, которые 250 лет боролись за церковную свободную общественность против полицейских насилий самодурного петербургского правительства и стремились сохранить свою свободную общину.

.....

Повторяю, что эта Декларация была выработана и подписана 5 окт. 1927 г., а в конце ноября ко мне (в Кзыл-Орду) приехал один священноинок, принадлежащий к белокрыницкой иерархии, и просил меня, «никонианина», посвятить его во епископа. Я был крайне удивлен этой просьбой, ибо, как известно, «иудеи с самарянами не сообщаются»... А этот священноинок (Аввакум Старков) просил у меня архиерейства и при этом не заикнулся ни о каком «втором чине».

Из этого ясно для меня уже стало, что искусственное и грешное разделение между православными и старообрядцами стало сглаживаться и что умные старообрядцы охотно идут на примирение с православными общинами, по-прежнему всячески отрицаясь от цезаропапистов.

Я этому воссоединению старообрядцев с церковными общинами был очень рад, но посвящать этого священноинка (хотя и очень почтенного) я отказался, чтобы не вызвать неудовольствия Белокрыницкой иерархии, чтобы не вызвать среди них какого-нибудь разделения.

IV. Преступления никонианской синодальной иерархии за 1928–1931 годы

4 окт. 1928 года, в этот сугубо для меня памятный день (день моей архиерейской хиротонии в 1907 году), я снова был арестован и оказался вскоре в Ярославском политическом изоляторе. В течение трех лет я проводил невеселые дни в своей камере-одиночке №23. Сначала я имел маленькую церковную радость, когда слышал звон к христианскому богослужению; но вскоре и звон прекратился (был запрещен)⁵⁶⁷.

Потом я прочитал в газетах, что все ярославские храмы предназначены к уничтожению.

Потом я прочитал в газетах, что предназначен к уничтожению и великолепный московский кафедральный Храм Спасителя – один из лучших храмов в мире.

⁵⁶⁷ Зосима, бывш. епископ Красноярский, в сентябре 1923 г. добровольно снял с себя монашество ввиду вступления в брак, затем под своим мирским именем (Александр Сидоровский) занимал епископские кафедры у обновленцев.

После этого я в своей одиночке захворал. Мне крайне стыдно было встречаться с католическими ксендзами, которые в количестве 72 человек сидели в полит. изоляторе. Стыдно было, когда приходилось с ними разговаривать о православии в России.

Мне задавали простой вопрос: «Да где же ваше православие? Где ваша православная Церковь?»

Нужно сказать, что эти ксендзы были в узах только за свое христианство, как и я. Вместе с нами сидела некто Л.К. Г-брандт, русская генеральша, принявшая католичество (после того, как присутствовала лично в питерском Казанском соборе на бракосочетании какого-то архиерея)⁵⁶⁸, чешка М.И. и еще несколько человек – исключительно за религиозные убеждения и за несогласие признать своим главою подлую главу митр. Сергия.

Но вот в официальном печатном органе, от 15 февр. 1930 г., появилась статья «Интервью с главою патриаршей православной церкви в СССР, заместителем патриаршего местоблюстителя митрополитом Сергием и его Синодом». – Это «Интервью» нравственно придавило нас, всех арестантов-церковников.

Обращаю внимание читателя: «Интервью» не с патриархом и не с его местоблюстителем, – а с заместителем местоблюстителя и «его (!!) синодом».., – так это Синод-то – это только «его синод», т.е. просто теплая компания друзей сергиевских...

Но где же патриарх?

Где, по крайней мере, его местоблюститель?..

Каин, Каин! – где брат твой? И далее: откуда взялся во главе «Патриаршей Церкви» – митр. Сергий, бывший основатель антипатриаршей «Живой Церкви»?

Эти все вопросы напрашиваются совершенно невольно...

Итак, под вышеприведенным заглавием напечатана след. статья⁵⁶⁹.

Представители советской печати обратились с рядом вопросов к митрополиту Сергию и присутствовавшим при беседе членам синода.

На поставленные вопросы м. Сергий и синод дали след. ответы:

Вопрос: Действительно ли существует в СССР гонение на религию и в каких формах оно проявляется?

Ответ: Гонения на религию в СССР никогда не было и нет. В силу Декрета об отделении Церкви от государства исповедание любой веры свободно и никаким государственным органом не преследуется. Больше того. Последнее постановление ВЦИК и СНК РСФСР о религиозных объединениях от 8 апр. 1929 г. совершенно исключает даже малейшую видимость какого-либо гонения на религию.

Вопрос: Верно ли, что безбожники закрывают церкви, и как к этому относятся верующие?

Ответ: Да, действительно, некоторые церкви закрываются. Но производится это закрытие не по инициативе власти, а по желанию населения, а в иных случаях даже по постановлению самих верующих⁵⁷⁰.

Безбожники в СССР организованы в частное общество, и потому их требования в области закрытия церквей правительственные органы отнюдь не считают для себя обязательными.

⁵⁶⁸ О запрете звона см.: Известия. 30 января 1930 г. Звон доносился с соседней колокольни в Коровниках (ныне храм Русской православной старообрядческой церкви).

⁵⁶⁹ Выписываем ее в точности, но с пропусками тех мест, которые устарели и не имеют к Церкви непосредственного отношения: об интервенции, о нефти и т.п.

⁵⁷⁰ Так подлые архиереи, подписавшие это «Интервью», ухитрились оклеветать всю свою паству! С этой клеветой согласился весь «никонианский» епископат!..

Вопрос: Верно ли, что священнослужители и верующие подвергаются репрессиям за свои религиозные убеждения, арестовываются, высылаются и т.д.?

Ответ: Репрессии, осуществляемые Советским правительством в отношении верующих и священнослужителей, применяются к ним отнюдь не за их религиозные убеждения, а в общем порядке, как и к другим гражданам за разные противоправительственные деяния. – Надо сказать, что несчастье Церкви в том, что она в прошлом, как это всем хорошо известно, слишком срослась с монархическим строем. Поэтому церковные круги не смогли своевременно оценить все значение совершившегося великого социального переворота и долгое время вели себя как открытые враги Сов. власти (при Колчаке, при Деникине и пр.)⁵⁷¹.

Вопрос: Допускается ли в СССР свобода религиозной пропаганды?

Ответ: Священнослужителям не запрещается отправление религиозных служб и произнесение проповедей. Допускается даже преподавание вероучения лицам, достигшим совершеннолетия.

Вопрос: Соответствуют ли действительности сведения, помещаемые в заграничной прессе относительно жестокостей, чинимых агентами Сов. власти по отношению к отдельным священнослужителям?

Ответ: Ни в какой степени эти сведения не отвечают действительности. Все это сплошной вымысел, клевета, совершенно недостойная серьезных людей. К ответственности привлекаются отдельные священнослужители не за религиозную деятельность, а по обвинению в тех или иных антиправительственных деяниях, и это, разумеется, происходит не в форме каких-то гонений и жестокостей, а в форме, обычной для всех обвиняемых.

Вопрос: Как управляется Церковь и нет ли стеснений для управления?

Ответ: У нас, как и в дореволюционное время, существуют центральные и местные церковные управления. В центре – патриархия, т.е. (?!) заместитель патриаршего местоблюстителя и священный Синод, а в епархиях преосвященные архиереи и епархиальные советы. Кроме этого, при каждом приходе существует исполнительный орган, избираемый верующими. В управлениях всех наших органов до сих пор не было никаких стеснений, и преосвященные находятся в своих епархиях.

Вопрос: Существуют ли в СССР пастырские, богословские и т.п. школы?

Ответ: Да, в Москве до сих пор существует богословская академия у обновленцев. Если же у нас теперь академии нет, то это происходит прежде всего в силу отсутствия достаточных материальных средств для этой цели.

Вопрос: Как вы относитесь к недавнему обращению папы Римского?

Ответ: Считаю необходимым указать, что нас крайне удивляет недавнее обращение папы Римского против Советской власти. Мы считаем излишним

⁵⁷¹ Эта возмутительная гнусность недостойного «главы» подтолкнула столь же гнусную его паству в тысячах случаев клеветать на достойнейших пастырей, будто они монархисты. Такие доносы клеветы я знаю как факт.

и ненужным это выступление папы Римского, в котором мы, православные, совершенно не нуждаемся. Мы сами можем защитить нашу правосл. Церковь.

Вопрос: Как вы относитесь к выступлению архиепископа Кентерберийского на Кентерберийском церковном Соборе?

Ответ: Нам кажется вообще странным и подозрительным внезапное выступление целого сонма глав разного рода церквей – в Италии, во Франции, в Германии, в Англии в защиту православной Церкви... Что касается, в частности, выступления архиепископа Кентерберийского, то оно грешит тою же неправдою насчет якобы преследований в СССР религиозных выступлений, как и выступление Римского папы.

Подписи:

Сергий, митрополит Нижегородский

Серафим, митрополит Саратовский

Алексий, архиепископ Хутынский

Филипп, архиепископ Звенигородский

Питирим, епископ Орехово-Зуевский

15 февр. 1930 г.»

.....

Таково мнение лже-главы лжепатриаршей церкви митр. Сергия (с некоторыми несущественными сокращениями). Но кто же эту главу после всего этого признает? Для кого эта лживая голова, несмотря ни на какое его христопродавство, остается все-таки главою?

Представьте, читатель, что признают! – и признают многие...

Ругают, но признают своим главою – «канонической»... Как будто сидеть в аду с такой канонической главою лучше, чем вовсе без головы...

Но скажите, читатель, можно ли эту компанию архиереев, вселенских обманщиков, считать святой Христовой Церковью?

Можно ли толпу, бессмысленную и даже еще не оглашенную, признать последователями Христовыми?

– Разумеется: нет и нет!

Все последователи лживого митр. Сергия – сами преисполнены лжи и лукавства и отпали от правды Христовой – отпали от Христовой Церкви.

Святая соборная Апостольская Церковь – где-то в другом месте, а не около митр. Сергия и не около «его Синода».

А где она, – пусть читатель сам поищет... Найти ее вовсе не трудно. Но можно твердо сказать, что Сергий основательно доказал, что синодальное управление Церкви ничего, кроме величайшего вреда, ей не давало и дать не может. Сергий выкопал этому управлению глубокую могилу; святая Церковь будет с ужасом вспоминать о грехах Сергия и его сподвижников, поставив его имя рядом с именами вселенских лжепатриархов – Нестория, Диоскара и других страшных изменников православия.

Когда был изгнан со своей кафедры – еретическим императором – святитель Афанасий Александрийский, то, разумеется, нашлись архиереи, которые с полной готовностью исполнили все незаконные веления царя. – Этих архиереев св. Афанасий называл не епископами, а катаскопами (т.е. царскими шпионами), лишенными всяких благодатных даров. Таковы и наши современные катаскопы, разрушители Божиих храмов и вообще церковной жизни. Таков митр. Сергий.

V. Примирение митрополита Сергия со старообрядцами

7 октября 1931 года я был выпущен из Ярославского полит. изолятора, и, так как мое здоровье было чрезвычайно надорвано пребыванием в тюрьме, я получил разрешение лечиться в Москве и здесь жить. Таким образом я оказался в центре всех церковных «центров». Мне нужно было избрать место, где можно было бы мне помолиться Богу, не соблазняя других и не теряя собственного настроения.

В это время в центре Москвы еще сохранились четыре храма, в которых духовенство не признавало митр. Сергия своим церковным главой, выразителем взглядов русской Церкви. Я стал молиться в двух из этих храмов, потому что в двух других нашли мою молитву не безопасною и очень вежливо попросили меня эти храмы не посещать.

Так продолжалось два месяца.

Это мое положение сделалось известным для старообрядцев, и они сделали из этого свои выводы, а вскоре один из них (Ив. Як. Гавлов) сообщил мне совершенно случайно удивительную новость, будто м. Сергий решился собственной властью снять ужасные клятвы так называемого Большого Московского Собора 1666–67 гг.

Нужно заметить, что на этом «соборе» были два восточных патриарха – Александрийский (Паисий) и Антиохийский (Макарий); на этом соборе судили патриарха Никона и прокляли всю древнерусскую церковную историю с ее прежним двуперстием. Вместе с тем прокляли и двуперстников, назвав их раскольниками-старообрядцами. На этом же соборе русский цезаропапизм был возведен почти в догмат Церкви: церковной духовной власти был дан в руки гражданский меч и узаконены были «градские казни», т.е. публичные казни новых раскольников.

После этого на законном основании с благословения святейших патриархов запыхали костры и были сожжены и вообще замучены многие тысячи двуперстников, как не повинующихся царской власти.

Я лично считаю этот «собор», названный в истории «Большой Московский», просто русским разбойничьим собором, как в греческой истории был разбойничий Ефесский собор; ибо, как выяснил проф. Каптерев, патриархи, присутствовавшие на соборе, обманули царя Алексея Михайловича и не имели никаких канонических прав ни судить патр. Никона, ни вообще – открывать собор. А главный деятель этого собора митр. Паисий Лигарид был даже лишен духовного сана и лживо подписывался на соборе «митрополитом». – Тем не менее петербургский свящ. Синод не решился собственной властью снять клятвы этого собора, как наложенные патриархами.

Митр. Сергий на это решился! И после того, как я узнал об этом крупном событии в русской церковной истории, я постарался отыскать копию этого распоряжения митр. Сергия и выписываю его полностью в том виде, в каком получил.

Деяние архипастырей православной св. Церкви в Союзе С.С.Р., возглавляемых Московской Патриархией

В благочестивое святительство российских патриархов предпринято было исправление церковно-богослужебных книг и согласование церковных чинов и обрядов русской Церкви с чинами и обрядами церкви Восточной.

Предпринятое с общего совета российских архипастырей и пастырей, как и с благословения восточных патриархов, исправление это, однако, послужило поводом к образованию в Российской Церкви раскола старообрядческого, который вот уже почти три века разделяет русских верующих людей, составляя предмет глубокой скорби и непрестанных материнских забот нашей св. Церкви.

В лице своих наиболее просвещенных архипастырей св. наша Церковь прилагала усилия устранить всякие препятствия к уврачеванию раскола, всякие причины и поводы к нареканиям на нее, якобы она презирает старые обряды сами по себе и враждебно относится к содержащим их ревнителям благочестия.

Так святая наша Церковь благословила свободное употребление богослужебных книг, чинов и обрядов патриаршего времени, столь дорогих и излюбленных сердцу старообрядцев и по существу своему не имеющих в себе ничего противного православию.

Это признание православности старых обрядов и спасительности употребления их в союзе и общении со св. Церковью с особенною ясностью выразилось в издании от лица Церкви «Увещения» (Прав. Каф. Церкви) 1765 года и в учреждении единоверия.

В учреждении единоверия выразилась, с одной стороны, вся полнота любви Церкви к старообрядцам, а с другой, ее истинный взгляд на хранимый ими церковно-религиозный уклад.

Принимая в свое общение старообрядцев без малейшего нарушения хранимого ими церковно-религиозного уклада, св. наша Церковь засвидетельствовала, что дорогие для старообрядцев богослужебные книги и обряды сами по себе признаются не противными православию и держащиеся этих книг и обрядов в общении с нею являются присными чадами ее, – не пасынками, не пришельцами.

Так как ревнители старообрядчества возлагали на Церковь православную вину ответственности за встречаемые в прежних полемических книгах порицательные выражения на старые обряды, то от лица Церкви издано о сем в 1886 году «Изъяснение» (издано св. Синодом). В этом «Изъяснении» заявлялось, что православная Церковь признает содержащиеся в полемических против раскола сочинениях прежнего времени порицательные отзывы и выражения на именуемые старые обряды принадлежащими лично писателям сих сочинений, сама же не разделяет и не поддерживает сих отзывов и выражений.

Ныне мы, архипастыри св. Православной Церкви в СССР, как собравшиеся здесь в Москве под председательством заместителя патриаршего местоблюстителя, так и отсутствующие на сем собрании телом, но не духом (I К. 5, 3; I Всел. Соб. прав. 4), последуя при том голосу и суждениям прежде бывших православных архипастырей, пастырей и других тружеников на ниве Христовой, давно уже раздавшемся в нашем православно-церковном обществе, выразившемся наконец и официально – а) в постановлении особой комиссии VI отд. Предсоборного Присутствия 1906 года и, что особенно важно, – в постановлении отдела Поместного Собора Всерос. Церкви 1917–18 годов по единоверию и старообрядчеству, и в тех же видах уврачевания церковных разделений из-за старых обрядов и для вящего успокоения тех, кои по благословию Церкви и в общении с нею употребляли и употребляют названные обряды, рассудили и определили:

I. Отзыв о дорогих для старообрядцев богослужебных книгах и обрядах, данный от лица св. Российской Церкви в книге «Увещения» и в «Изъяснении» св. Синода и в определении архипастырей Собора, бывшего в богоспасаемом граде Казани в лето от Р.Х. 1885-е, – разделяем и подтверждаем.

II. В частности, богослужебные книги, напечатанные при первых пяти российских патриархах, признаем православными; свято хранимые многими православными единоверцами и старообрядцами церковные обряды, по их внутреннему знаменованию и в общении со св. Церковью – спасительными; двуперстие, слагаемое во образ св. Троицы и двух естеств в Господе нашем Иисусе Христе, – обрядом в Церкви прежнего употреблявшемся и в союзе со св. Церковью благодатным и спасительным.

III. Порицательные выражения, так или иначе относящиеся до старых обрядов и в особенности до двуперстия, где бы оные ни встречались и кем бы ни изрекались, – отвергаем и яко не бывшие вменяем.

IV. Клятвенные запреты, изреченные Антиохийским патриархом Макарием и вслед за ним подтвержденные сербским митр. Гавриилом, Никейским митр. Григорием и Молдавским Гедеоном на Соборе 23 апреля 1656 года, а равно и клятвенные определения собора 1666–67 гг., как послужившие камнем преткновения для многих ревнителей благочестия и поведшие к расколу в нашей св. Церкви, мы, руководствуясь примером самого же собора 1666–67 гг., отменившие клятвенные определения Собора Стоглавого, по данной нам от всесвятого Животворящего Духа власти вязать и разрешать – разрушаем и уничтожаем и яко не бывшие вменяем.

V. Ввиду того, что вышеупомянутые клятвы наложены с участием восточных патриархов и других святителей поместных церквей, мы поручаем зам. патр. Местоблюстителя или тому, кто будет после него возглавлять православную иерархию Московского патриархата, обратиться к патриархам и другим предстоятелям православных поместных автокефальных церквей с посланием о том, чтобы они братски единомысленно приняли настоящее наше определение и своим согласием его утвердили.

Бог же мира Своею неизреченною милостью и Своими неисповедимыми судьбами да умягчит наши сердца, болящие раздором; да уврачует язву разделения, удручавшую до сих пор всех истинных чад св. Церкви, и да приведет расстоящиеся паки во едино во исполнение молитвы возлюбленного Сына Своего, нашего Спасителя и Господа: «Да вси едино будут якоже Ты, Отче, во Мне и Аз в Тебе, да и мир веру имеет, яко Ты мя послал еси (Иоан. 17, 21). Еже буди, буди».

10/23 апр. 1929 г. Москва

Подписи:

Зам. патр. Местобл. Смиранный Сергей, Б.М. митр. Нижегородский

Смир. Серафим, Б.М. митр. Саратовский

Смир. Иннокентий, архиеп. Алтайский

Смир. Сильвестр, архиеп. Калужский

Смир. Севастьян, архиеп. Костромской

Смир. Арсений, архиеп. Сталинградский

Смир. Алексей, архиеп. Хутынский

Смир. Феофан, архиеп. Псковский

Смир. Павел, архиеп. Ярославский

Смир. Иоанн, архиеп. Ульяновский

Смир. Константин, архиеп. Харьковский и Ахтырский

Врем. упр. Днепровской и Мариупольской епар. смир. Питирим, епископ Волоколамский, управ. делами св. Синода

*С подлинным верно: упр. дел. патр. Св. Синода еп. Питирим*⁵⁷²

.....

Хотя в этом «Деянии» на каждой его строчке написано глубокое непонимание всего так называемого старообрядчества как явления церковно-культурного, а не только обрядо-молитвенного, – тем не менее я был от него в восторге. Действительно, после этого «Деяния» не может быть речи о расколе. Нужно лишь быстро и решительно исправить трехвековое церковное бедствие. И если двенадцать смиренных «никонианских» архиереев, стоящие во главе российской иерархии, открыто признали, что раскол церковный произведен теми клятвами, которые они ныне «разрушают и яко не бывшие вменяют», – то примирение сторон, доселе разобщенных, нужно признать совершившимся фактом.

По этому поводу я начал переговоры с представителями московских старообрядцев; я спросил их, какое впечатление произвело на них это «Деяние» м. Сергия. – Ответ последовал приблизительно такой: «Мы, конечно, рады, что архиереи бывшей господствующей церкви сознали свою вину пред святой Церковью; а в собственном православии мы никогда не сомневались. Поэтому «Деяние» митр. Сергия для нас значения не имеет, тем более, что его искренности мы нисколько не верим».

Тогда я стал спрашивать московских протоиереев, какого мнения они по поводу этого «Деяния». – Каково же было мое удивление, когда оказалось, что старые московские протоиереи решительно *ничего* об этом «Деянии» не знают – чрез три года после появления его на свет! Бедные старцы были оскорблены таким архиерейским пренебрежением к протоиерейским чувствам и мыслям, когда я им рассказал, в чем дело.

А далее выяснилось такое положение: когда было выпущено это «Деяние», то многие старообрядцы (напр., во Владимирской и Саратовской епарх.), разумеется, использовали его и быстро доказали «ревнителям благочестия», что лучше быть в свободной Христовой Церкви, чем в казенной – приказной. . . Началось движение совсем не то, на которое рассчитывали никонианские «смирненные» старцы, началось движение не в сторону этих «смирненных» обидчиков, а в сторону действительно обиженных и гонимых. – Начались переходы от «никониан» в «раскол».

Тогда «смирренный» Сергей и все его остальные «смирненные» начали прятать свое «Деяние» от всех мыслящих людей и уверять, что это еще совсем не настоящее «Деяние», а только проект и что сами эти «смирненные» на такое доброе дело «без собора» решиться никак не могут.

Так м. Сергей хотел было сделать одно прекрасное дело, да и на это у него не нашлось достаточно ни мужества, ни честности. – Все это «Деяние» архиерейское было не продуктом пастырской ревности и попечения о погибающих душах, а следствием канцелярского безделья, – от безделья написали, а от трусости ничего не сделали из того, что должны были сделать, что сами же признают своей обязанностью.

VI. Моя молитва в чужих храмах, но своей братией

Я писал выше, что во всей Москве к 1932 году осталось только четыре храма, в которых прихожане осмеливались не признавать себя верноподданными митр. Сергия. В двух из

⁵⁷² Гильдебрандт Лидия Константиновна (1889–?). На самом деле – вдова капитана 2-го ранга, убитого в октябре 1917 г. В 1920 г. приняла католичество, стала терциаркой-францисканкой, затем пострижена в монахини с именем Екатерина. Председатель конференции Св. Викентия при русско-католической общине Сошествия Св. Духа в Петрограде. Арестована 10 января 1924 г. по групповому делу русских католиков, приговорена к 10 годам тюремного заключения со строгой изоляцией. Отбывала срок в Костромской, затем в Ярославской тюрьмах. Освобождена досрочно по ходатайству Политического Красного Креста в начале 1932 г., выслана в Липецк (*Черепенина Н.Ю., Шикер А.К., Шкаровский М.В.* Римско-Католическая Церковь на Северо-Западе России в 1917–1945 гг. СПб., 1998. С. 257).

этих храмов я и молился; но молился так, что всегда слышал около себя шепот: «раскольник», «запрещен»... У меня почти никто не брал благословения.

Я в это время исповедовался и приобщался св. Тайн в Никольском храме (в Подкопаевском переулке) у иеромонаха Григория. Еще раз повторяю, что я молился у этого иером. Григория потому, что он, иеромонах Григорий, не признавал над собой самодержавия митр. Сергия. Но 6 декабря 1931 года он просил меня более не приобщаться в его храме, потому что я под запрещением... митр. Сергия! – Так страшно для всех было это имя и так все всегда ждали его мести. И принимали все меры, чтобы эта месть их не коснулась.

И ничто не помогло!

В январе 1932 года получено было известие, что духовенство всех четырех храмов, не признавшее Сергия, получило запрещение в священнослужении. Все поняли сразу, что это подготовка к закрытию этих святых храмов.

Ведь закрыть храм без объяснения причин или сказать, что храм закрывается и уничтожается только потому, что «так нам хочется», – все-таки не очень умно. А вот доказать верующему народу, что «здесь отщепенцы», что «здесь не признают духовной власти», что и «молиться-то с ними – грех», это называется умным подходом, и тогда храм можно разрушить или закрыть на достаточных основаниях.

Это митр. Сергий понимал прекрасно и готовил святые храмы к закрытию – умно и последовательно... После всех этих наблюдений мне оставалось только искать места, где можно бы было помолиться Богу.

Я решил идти молиться к тем старообрядцам, о которых знал, что они ко мне относятся с истинно христианскими чувствами. Я пошел туда и, как всегда, встал среди толпы, чтобы не обращать на себя внимания.

Но меня среди толпы нашли сначала священники, а потом мало-помалу и миряне. А вскоре, 28 февр. 1932 года, в день св. Василия исповедника, когда я стоял с одним священником посередине храма, подошла ко мне некая боголюбивая христианка и попросила у меня благословения. – Зная строгость церковной дисциплины в старообрядческих общинах, – я даже растерялся и спросил моего собеседника, могу ли я исполнить эту просьбу и дать благословение этой рабе Божьей. Он мне ответил буквально следующее: «Если она просит вашего (т.е. моего) благословения, прошу исполнить ее просьбу».

Эта христианка была незабвенная для меня раба Божия Евдокия (Михайлова); и ее поступок – принятие от меня благословения, доказал мне, что я для них не чужой, а свой, что я для них не враждебный и вредоносный «никонианин», а действительно епископ единой, Святой соборной Апостольской Церкви.

Могу сказать твердо, что эта боголюбивая раба Божия – Евдокия своей просьбой благословить ее и соединила меня со своей общиной. В этом ее святом поступке было для меня достаточное доказательство что старообрядцы меня уже любят истинно-христианской благодатной любовью. И я должен сказать, что это было для меня великим благодатным утешением среди моих бесчисленных церковных скорбей. С тех пор я нашел в старообрядцах истинных родных братьев во Христе, сознательно относящихся к своим религиозным обязанностям и к своему христианскому званию.

После этого не прошло и месяца, как все храмы, «не признающие митр. Сергия», были закрыты и запорты. 24–25 марта были изъяты из обращения все дерзкие священники, не признавшие его непогрешимой воли, за что ранее они были только «запрещены». А 1-го апреля я снова попал туда, откуда идет верный путь ко спасению для всех честных священнослужителей. В скором же времени я оказался в третьей ссылке в Алма-Ате.

VII. Едино стадо любви Христовой

Ранее я сказал, что в моих отношениях с беглопоповцами все по-человечески было продумано и подсчитано: все было принято во внимание; забыто только одно⁵⁷³: человеческие грехи... И человеческие грехи и привычки к раздору не допустили до святого дела молитвенного объединения русских верующих людей.

А в отношениях моих к Белокриницкой иерархии для меня не было ничего предусмотренного и все явилось каким-то чудом милости Божией.

Когда я приехал в Алма-Ату, мне некуда было прийти помолиться Богу: в храм, которым завладели живоцерковники – идти нельзя, а в единственном храме сергиевском можно было бы молиться, но сергиевский архиерей нашел возможным и для себя полезным в моем присутствии говорить против меня поучения к своей пастве о том, что-де «и некоторые епископы не хотят признавать власти нашего главы и что о них-то и сказано: возстанут лжехристы и лжепророки».

После этого мне, причисленному к лжехристам и лжепророкам, неудобно было посещать храм этого догадливого святителя.

И вот в это время для меня совершенно неожиданно я получил великий дар от священников Белокриницкой иерархии: я получил святые Дары, святую дарохранительницу и омофор. Для меня этот великий дар был истинным откровением милости Божией ко мне грешному.

Ведь я знаю отлично, как строго и требовательно относятся все старообрядцы к соблюдению всяких требований канонических и литургических в своих общинах и храмах, и тот факт, что я от них получил св. Дары, – я рассматриваю только как чудо некоего благодатного вдохновения.

Некогда великий хранитель Божьего ветхозаветного закона ввел <нрзб.> Отроковицу во Святая Святых, куда сам имел право вступать только раз в год... На это великое нарушение закона Первосвященник не имел никакого права, а имел только страшное запрещение. – И однако он это сделал! Он Это сделал потому, что Бог открыл ему то, чего не видели другие. Так и ныне Бог дал людям рассмотреть то, над чем другие стоят только с изумлением.

.....

Кого же Господь избрал орудиями и исполнителями Своей воли?

Дело произошло так. – Когда я бывал в старообрядческих храмах, то меня, как больного старика, почти всегда сопровождала одна добрая девушка очень высокого настроения – Маргарита (Емельянова). Когда старообрядцы меня спрашивали, кто со мной бывает в их храмах, – я, конечно, не скрывал, что это формально «никонианка», но что идейно душой она так же далека от «никонианства», как и я, и что это моя ближайшая ученица.

Эта раба Божия, Маргарита, после моего вызова из Москвы стала и без меня посещать для молитвы старообрядческие храмы, и ее-то Господь и избрал для того, чтобы она приняла от старообрядческих священников и передала мне св. Дары. То, к чему тщетно стремились архиереи и до чего не могли додуматься многоученые профессора, – то свершилось по молитвам и руками чистой благочестивой девушки. Воистину дивны дела Божии!

Разумеется, моя радость по поводу этого, несомненно, общецерковного события, была и остается беспредельной. Для меня несомненно, что это событие крупной общецерковной важности, хотя объем этого события будет раскрываться постепенно и медленно. Однако при благоприятных обстоятельствах это событие может и в ближайшее время проявить себя все-сторонне и чрезвычайно благотворно. Будем молиться и надеяться, что это будет так, что

⁵⁷³ Специально см.: *Кравецкий А.Г.* К истории снятия клятв на дониконовские обряды // Богословские труды. Сб. 39. М., 2004. С. 296–344.

преступный цезаропапизм сменится в нашей жизни умной церковной общественностью, церковно-народной общиной.

.....

Для меня лично это событие сопровождалось такими обстоятельствами, которые для меня сугубо знаменательные.

Когда я получил св. Дары от старообрядцев, как высшее проявление их христианской любви и доверия ко мне, я долго думал, как мне поступить, – тем более, что я точно и не знал, кто мне прислал этот Священный Дар. Я посоветовался с одним благочестивым (ныне уже покойным) старообрядцем – Георг. Савельев. Чернышевым и решил писать благодарственное письмо самому старообрядческому архиеп. Московскому Мелетию и ему принести благодарность за ту любовь, проявления которой со стороны его сопастырей могут иметь великое созидательное значение для всей Церкви. – Мое письмо ко владыке Мелетию было след. содержания.

**Его Высокопреосвященству,
Высокопреосвященнейшему Мелетию,
Архиепископу Московскому и всех древле-православных общин
Высокопреосвященный Владыка о Христе возлюбленный собрат и
сослужитель.**

Помолясь своим покровителям, казанским чудотворцам Гурию и Варсонофию, в день их памяти и 25-летнего юбилея моего епископства, пишу Вашей Святыне это письмо.

Милости Божии ко мне, грешному, неизреченны; я могу сказать, что живу среди чудес благодати Божией и особенно тогда, когда нахожусь в узах тюрьмы и в изгнании. Последнее такое чувство я пережил 17 сент. с.г., когда совершенно неожиданно для себя я получил от одного священника подведомой Вам иерархии св. Дарохранительницу и св. Дары в ней.

А этот день, 19 сент., знаменателен для меня тем, что в этот день празднуется св. Церковью память моих пращуров – ярославских чудотворцев и в тот же день я получил в 1907 году указ о бытии мне епископом.

Итак, ныне, 1932 года 19 сент. я получил св. Дары из того церковного общества, которое меня, как «никонианина», – не признавало своим собратом, но которое я всегда считал православною Церковью московских чудотворцев Петра, Алексия, Ионы, Филиппа и Ермогена и Казанских Гурия, Варсонофия и Германа.

Имея в руках этот великий дар благодати Божией и любви Вашей, я ныне считаю себя уже своим для Вас и поэтому и пишу Вам это письмо, будучи преисполнен благодарности к Вам за истинно-христианскую любовь Вашу.

Я ныне лежу, яко впадый в разбойники, весь оклеветанный и израненный; Вы же и братия Ваша исполнили на мне заповеди Христовы и ко мне, как к епископу, отнеслись всецело по соборному указанию (Сард. Соб. пр. 17)⁵⁷⁴.

Видя и чувствуя все это и многое подразумеваемое, я не могу молчать и должен говорить (Екк. 3, 7; Иер. 20, 7–9). Я должен говорить и для Вас, чтобы

⁵⁷⁴ 17-е правило Сардийского поместного собора: «Аще который епископ, претерпев насилие, несправедно извержен будет, или за свои познания, или за исповедание кафолическия церкви, или за то, что защищал истину, и, избегая опасности, будучи невинен и обвинению подвержен, придет во иный град: то заблагоразсуждено, да не возбраняется ему пребывати тамо, доколе не возвратится, или возможен обрести избавление от нанесенныя ему обиды. Ибо жестоко и весьма тяжко было бы не примати нам потерпевшаго несправедное изгнание: напротив того с особенным благорасположением и дружелюбием должно примати такового».

познакомить Вас с моими церковными взглядами, и для «никониан», которые во многом не понимают моего церковного поведения.

.....

Доселе древле-православные христиане и так называемые «никониане» были единомысленны только в святых догматах Церкви, но петербургское царское правительство искусственно разъединило их в молитвах и обрядах. На этом мало-помалу утвердилось и разъединение их в церковной администрации (управлении).

Древле-православные христиане ценой своего двухвекового мученичества сохранили у себя истинно-соборное управление и правильное разумение, что есть Христова Церковь. А «никониане» вполне подчинились царской власти импер. Петра и его «Духовному регламенту». Церковь обратилась у «никониан» в казенное «Ведомство Православного Исповедания» (в параллель управлению по делам печати или управлению тюрьмами), а живая вера мало-помалу превратилась в формальное исполнение обрядов; и то – только по требованию гражданских законов. Государственное исповедание оказалось просто казенным неверием.

Поэтому «никониане» утратили понимание даже того, кто есть Глава Церкви: Господь Спаситель или государь император. А когда государя не стало как единого главы, то у «никонианских» архиереев явились сразу три главы (живоцерковная глава, митр. Сергей и митр. Григорий), а миряне, забыв Единого Главу – Христа, буквально заблудились среди этих трех сосен, не зная, куда приткнуться, потому что никогда не умели читать свящ. Писания и понимать его как следует.

Правда, в 1917 году было восстановлено русское патриаршество, и тогда явилась, хоть и слабая, надежда на восстановление канонического управления русской Церкви. Но после смерти п. Тихона его место совершенно антиканоническим путем занял митр. Петр со званием местоблюстителя патриаршего престола. Его управление можно характеризовать одним словом: диктатура (хотя и кратковременная).

После Петра его место занял м. Сергей, достигнув этого также вполне антиканоническим путем. – Управление этого митр. Сергия можно охарактеризовать словами: лицемерие и циничная бесчестность. Между тем Сам Господь требует от Своих последователей прежде всего, чтобы они береглись лицемерия, как закваски фарисейской (Лк. 12, 1) и закваски Иродовой (Мрк. 8, 15), а честность считается элементарной добродетелью всякого гражданина и тем более необходимой добродетелью епископа (I Тим. 3, 2). Та же Иродова закваска заставила митр. Сергия и всех, сообщающихся с ним, нарушить 30-е правило св. Апостолов, 3-е правило VII всел. Собора и очень многие другие⁵⁷⁵.

⁵⁷⁵ 30-е апостольское правило: «Если кто епископ, мирских начальников употребив, чрез них получит епископскую в церкви власть: да будет извержен и отлучен, и все сообщающиеся с ним». 3-е правило VII (Никейского) Вселенского собора: «Всякое избрание во епископа, или пресвитера, или диакона, делаемое мирскими начальниками, да будет недействительно по правилу, которое говорит: Если который епископ, мирских начальников употребив, чрез них получит епископскую в церкви власть, да будет извержен и отлучен, и все сообщающиеся с ним. Ибо имеющий произвестись во епископа, должен избираем быть от епископов, якоже святых отцов определено в правиле, которое говорит: епископа поставлять наиболее прилично всем той области епископам: Если же сие не удобно, или по надлежащей нужде, или по дальности пути, то по крайней мере три вкупе да соберутся, а отсутствующие да примут участие в избрании и изъявят согласие посредством грамот, и тогда творит поставление. Утверждать же таковые действия в каждой области подобает ея митрополиту».

Вообще грехи митр. Сергия и его бесчестного синода вполне явны и в общей сложности являются «нечестивою ересью клеветников на христианство» (VII соб. пр. 7⁵⁷⁶); это ересь злейшая, чем ересь клеветы на святые иконы (иконоборчество). Это некая новая уния с неверием, сопряженная с учреждением совершенно антицерковных катакопов. Это скрытая форма арианства – политического.

Что касается живоцерковничества, то я его считаю просто церковным разбоем; а архиерейскую группу митр. Григория я считаю мало оправдываемой и канонически и просто логически, ибо эти архиереи-григорьевцы признают митр. Петра своим главой, а его запрещения, на их самих им наложенного, не признают! Это трудно понять, ибо это совершенно не последовательно.

.....

Вследствие всего вышеизложенного с июля мес. 1926 года я вынужден был (именно вынужден митр. Сергием и его неправдами) вполне отойти от этих архиереев, которые не хотят быть служителями Церкви, как ап. Павел заповедал (Кол. I, 25), а хотят только господствовать над наследием Божиим, что так определенно запретил ап. Павел (I П. 5, 3).

Я считаю, что никакого согласия между Христом и Велиаром, верного с неверным не может быть (2 Кор. 6, 15). А между тем все «никонианские» архиереи, без различия группировок, устраивают это грешное согласие и на нем, а не на Кресте Христовом, хотят утвердить Церковь. – Мало того, они считают, что они, то есть, архиереи, и суть Церковь, вопреки учению св. ап. Павла (2 Кор. 5, 4). Я же считаю, что св. Церковь составляют все верующие, все сыны Божие по вере в Иисуса Христа (Гал. 3, 26), весь народ Божий, живые камни, из которых устрояется дом духовный (I П. 2, 5), тело Христово (1 Кор. 12, 27; Ев. 1, 23).

Глубоко радуюсь и благодарю Господа, что такое понимание св. Церкви и у древле-православных христиан; поэтому они и сохранили свою церковную соборность, столь извращенную и даже поруганную у «никонианских» архиереев, которые в храмах поют, что они веруют во едину святую соборную Апостольскую Церковь, а в своей практической деятельности считают главными своими законами всякие другие законы, кроме законов соборных.

.....

Когда я вынужден был отойти от этого церковного беззакония, то «никониане» выдумали проклятое слово «андреивщина», уверяя ненаученный народ, что я строю какую-то свою церковь, устраиваю какое-то самочинное собрание. – Это чистая клевета; и всякую «андреивщину» я анафемствую по слову ап. Павла (Гал. 1, 8). Я стремлюсь быть только рабом Христовым (ст. 10) и исполнять волю не свою, а Христову.

.....

⁵⁷⁶ 7-е правило VII Вселенского собора: «Божественный Апостол Павел изрек: неких человек грехи предъявлены суть, неким же и последуют. Ибо грехам предворяющим и другие грехи последуют. За нечестивою ересью клеветников на Христианство, последовали и иные нечестия. Ибо как зрак честных икон отъяли у Церкви, так и оставили и другие некие обычаи, кои подобает возобновить, и так содержать по писанному законоположению. Сего ради, если которые честные храмы освящены без святых мощей мученических, определяем: да будет совершено в них положение мощей с обыною молитвою. Если же отныне обрящется некий епископ, освящающий храм без святых мощей: да будет извержен, яко преступивший церковные предания».

В это время в моем изгнании и нашли меня древле-православные христиане и согрели меня своей любовью и мне, как полноправному епископу православной Церкви, принесли священные Дары Христовой Евхаристии.

Преклоняюсь перед промыслом Божиим, тако устроившим, и земно кланяюсь всем, кто потрудился в этом деле.

Итак, Святитель Христов, мы уже объединены с вами по милости Божией Единым Главою св. Церкви, Господом нашим, объединены и во святых церковных догматах, и в молитве, и в церковной дисциплине (т.е. в св. обрядах).

Ныне для меня остается решить вопрос третьестепенного значения, признавать ли мне ныне и немедленно какую-либо церковно-иерархическую власть до соборного решения по этому поводу.

Всесторонне обдумав этот вопрос, помолясь Богу и призвав на помощь Святителей и чудотворцев Казанских, прошу Вас, святой Владыко, принять мои услуги в созидании св. Церкви.

Со своей стороны всякое Ваше указание на пользу св. Церкви приму с любовью и благодарностью. Но в целях церковной экономии я должен до собора остаться епископом Уфимским, каким я был до сих пор. Я должен сохранить никем не заподозреваемую свободу церковного делания везде, где это возможно, ибо горе мне, если не благовестую (1 К. 9, 16).

Поэтому будем искать того, что служит к миру и взаимному назиданию (Рим. 14, 19).

.....

В дополнение к сказанному напоминаю Вам, что для меня правила св. Соборов и св. Отец – это закон моей жизни. Но исповедуюсь Вам, святой Владыко, что моя мысль такова: по нынешним тяжелым для св. Церкви временам, – всем церковным деятелям особенно нужно руководствоваться великим примером ап. Павла (1 Кор. 9, 20–22). Нужно все делать для Евангелия, чтобы быть соучастником его (23).

Из соборных правил необходимо исполнять правила 77, 79, 103 и 137 Карфагенского собора⁵⁷⁷; правило 15 Двухкратного собора⁵⁷⁸; 89 каноническое правило Василия Великого – о возобновлении старческих правил⁵⁷⁹.

⁵⁷⁷ Правила Карфагенского поместного собора: «**77.** О кротком обращении с донатистами. По дознании и исследовании всего, пользе церковной споспешествовати могущаго, по мановению и внушению Духа Божия, мы избрали за лучшее, поступати с вышеупомянутыми людьми кротко и мирно, хотя они безпокойным своим разномыслием и весьма удаляются от единства тела Господня. Таким образом, по возможности нашей, да соделается совершенно известным для всех, по всем Африканским областям, уловленных их общением и приязнью, каким жалостным заблуждением они себя связали. Может быть тогда, как мы с кротостию собираем разномыслящих, по слову апостола, даст им Бог покаяние в разум истины, и возникнут от диавольския сети, быв уловлены от него в свою волю (2 Тим. 2, 25); «**79.** О приятии клириков донатистов, в клир кафолическия церкви. Напоследок заблагоразсуждено послати граматы к братьям и соепископам нашим, и наипаче к апостольскому престолу, на котором председательствует помянутый достойно чтимый брат и сослужитель наш Анастасий, о том, чтобы по известной ему великой нужде Африки, ради мира и пользы Церкви, и из самих донатистов клириков, расположение свое исправивших и возжелавших прийти к кафолическому соединению, по рассуждению и изволению каждого кафолическаго епископа, управляющаго церковью в том месте, примати в своих степенях священства, аще сие окажется содействующим к миру христиан. Известно, что и в предшествовавшее время так поступаемо было с сим расколом; о чем свидетельствуют примеры многих и почти всех Африканских церквей, в которых возникло сие заблуждение. Сие делается не в нарушение собора, бывшего о сем предмете в странах лежащих за морем, но чтобы сие сохранено было в пользу желающих, сим образом перейти к кафолической церкви, дабы не было поставляемо никакия преграды их единению. Которые в местах своего жительства усмотрены будут всячески содействующими и споспешествующими кафолическому единению, к очевидной пользе душ братий: тем да не будет препоною определение, постановленное против степеней их на соборе за морем, ибо спасение не заграждено ни от какого лица. То есть, рукоположенные донатистами, аще исправясь, восхотят приступить к кафолической вере, да не будут лишаемы принятия в своих степенях, по определению бывшего за морем собора, но паче да приемлются те, чрез которых оказывается споспешествование кафолическому соединению»; «**103.** Епископ кафолическия

Мудрое исполнение этих и параллельных им правил может принести для св. Церкви обильные плоды: соборная любовь исцелит многие страждущие души и привлечет их к Церкви Христовой.

Поэтому в заключение прошу Вас и Вашу о Христе братию непременно сделать меня участником уже первого (после 1932 г.) Вашего собора древлеправославных христиан.

.....

Заканчивая свое письмо, усердно прошу святительских молитв Ваших и всей Вашей о Христе братии.

церкви рек: приглашение, которое от вашей честности должно препровождено быти к донатистам, благоволите выслушати и в деяния включить, и к ним послати, дабы потом и их ответ чрез ваши деяния им явлен был. Законно вступаем с вами в сношение, быв посланы от законного нашего собора, желая возрадоватися о вашем исправлении. Ведаем бо любовь Господа рекшаго: блажени миротворцы, яко тии сынове Божии нарекутся (Матф. 5, 9). Воспомянул он такожде и чрез пророка, да аще и не хотящим нарицатися братьями нашими, глаголем мы: братия наши есте. И так не долженствуете вы уничижити сие, от мирных любви происходящее наше напоминание. Аще что от истины имети мните, не усомнитесь защищати оное: то есть, соберите ваш собор, изберите из среды вас тех, которым подобает вверить дело оправдания вашего: да и мы возможем тоже сотворити, то есть, да изберутся от нашего собора долженствующие с избранными из среды вас, в известном месте и в известное время, мирно исследовати все подлежащее вопрошению, и отделяющее вас от нашего общения, и помощью Господа Бога нашего, хотя поздно да воприимет конец закосневшее заблуждение, дабы последуя человеческому уверению немощныя души и несведущия не погibli в святотатственном разделении. Ибо аще братски сие примите, то истина удобно явится: аще же сие сотворити не восхощете, то неверие ваше тотчас познается. И по прочтении сего образа все епископы рекли: совершенно согласны, да будет тако: «137. Аще епископ нерадети будет о возвращении от еретиков принадлежащаго церкви по спискам, или самих кафедр: то да увещают его соседние епископы тщательные, и да покажут ему его небрежение, дабы не имети ему извинения. Аще же в течение шести месяцев, от дня увещания, пребывая в той же епархии не возьмее попечения о должествующих возвратитися к кафолическому единению: с таковым да не сообщаются, доколе не исполнит того. Аще же не приидет в оныя места содействиатель (светский начальник, долженствующий содействовати епископу, дабы еретики не уклонялись, быв призываемы для увещания или ответа): то епископу да не поставится в вину недействование».

⁵⁷⁸ «Что определено о пресвитерах и епископах и митрополитах, то самое, и наипаче, приличествует патриархам. Посему, аще который пресвитер, или епископ, или митрополит, дерзнет отступити от общения со своим патриархом, и не будет возносити имя его, по определенному и установленному чину, в Божественном тайнодействии, но прежде соборнаго оглашения и совершеннаго осуждения его, учинит раскол: таковому святей собор определит быти совершенно чужду всякаго священства, аще токмо обличен будет в сем беззаконии. Впрочем сие определено и утверждено о тех, кои, под предлогом некоторых обвинений, отступают от своих предстоятелей, и творят расколы, и расторгают единство Церкви. Ибо отделяющиеся от общения с предстоятелем, ради некия ереси, осужденныя святыми соборами или отцами, когда, то есть, он проповедует ересь всенародно, и учит оной открыто в церкви, таковые аще и оградят себя от общения с глаголемым епископом, прежде соборнаго разсмотрения, не токмо не подлежат положенной правилами епитимии, но и достойны чести, подобающей православным. Ибо они осудили не епископов, а лжеепископов и лжеучителей, и не расколом пресекали единство церкви, но потщились охранити церковь от расколов и разделений».

⁵⁷⁹ 89 каноническое правило Василия Великого (Василия Великаго к хореепископам послание): «Весьма болезную, яко правила отеческия оставлены, и всякая строгость изгнана из церквей. И боюся, чтобы дела церковныя не пришли в совершенное замешательство, когда сие равнодушие мало по малу далее идти будет своим путем. По обычаю, издревле водворившемуся в церквах Божиих, служители церкви приемлемы были по испытании со всякою строгостию, и все поведение их прилежно исследываемо было: не злоречивы ли они, не пьяницы ли, не склонны ли к ссорам, наставляють ли юность свою, да возмогут совершати святыню, без коея никто не узрит Господа (Евр.12, 14). И сие испытывали пресвитеры и диаконы с ними живущие, доносили о том хореепископам, а сии приняв отзыв от свидетельствующих по истине и представив епископу, таким образом причисляли служителя к священному чину. А ныне вы, во первых нас отвергши, и не восхотев даже извещати нас, всю власть заключили в самих себе. Потом, вознерадев о сем деле, пресвитерам и диаконам позволил, кого восхотят, без испытания жизни их, но по пристрастию происходящему или от родства, или от инаго некоего содружества, недостойных вводити в церковь. От сего много служителей церкви числится в каждом селе, но нет никого достойнаго служению алтарю, как вы сами свидетельствуете, не находя людей при избраниях. Поелику дело сие пришло наконец в состояние неисцелимое, особенно ныне, когда многие из страха быти взятыми в воины, определяются в служение церкви: то я по необходимости обратился к возобновлению отеческих правил и пишу к вам, чтобы вы прислали мне список церковных служителей каждаго села, с показанием, кем кто определен, и каково житие его. Имейте же и вы у себя таковой же список, дабы можно было с находящимися у меня записями сличати ваши, и дабы никому не было возможно вписывати самаго себя, когда восхоцет. Таким образом, аще которые приняты пресвитерами, после перваго лета индиктиона, да извергнутся в число мирян. Да произведется же вами вновь испытание их, и аще суть достойны, да примутся по вашему решению: очистите церковь, удаляя от ея служения недостойных. И впредь достойных испытайте и принимайте, но не числите в клире, прежде нежели представите мне. Иначе же ведайте, яко принятый в церковное служение без моего разрешения, будет мирянином».

С братской о Христе любовью остаюсь Вашего Высокопреосвященства недостойный сомолитвенник Андрей, епископ Уфимский (архиепископ Томский).

4 октября 1932 г.

День святителей Казанских Гурия и Варсонофия.

На это письмо я получил ответ такого содержания:

Г.И.Х.С.Б. п.н.

Ваше Высоко-ство,

Боголюбивейший Архипастырь, Владыко Андрей

Нас крайне удивило и вместе с тем обрадовало Ваше искреннее и сердечное решительное отмежевание от той испорченной и своевольной среды, которая не знает никакого подчинения ни перед кем и ни перед чем, кроме подчинения царской власти.

Итак, в нашем древлеправославном Домостроительстве явилось новое неожиданное событие – Ваше примирение. – Я верю в Промысел Божий и уповаю, что Ваши святые и благочестивые пращурь умолили у Престола Царя Славы, чтобы их потомок восстановил и оправдал св. Древность, искалеченную и опороченную и даже анафемствованную мордвином патриархом и его приспешниками. Но Господь противится гордым, а смиренным дает благодать.

Когда дедушка⁵⁸⁰ прочитал Вашу исповедь, то задумался, а затем просиял и сказал: «береги эту бумагу, а ему отпиши: пусть исполняет все, что полагается его сану, согласно правилам и практике св. Церкви “дониконианской”. И да пособствует ему благодать св. Духа в подвигах и трудах его».

Братский мир и спасение шлет он Вам и привет и низкий поклон! И просит Вас совершать молитву о его смирении.

Итак, известив Вас об этом, земно кланяюсь Вам, прошу прощения и Вашего Архипастырского благословения и святых ваших молитв.

Грешный протоиерей Н. Пронин

1932, дек. 15.

Вместе с этим письмом я получил от Белокриницких старообрядцев святое Миро и омофор. Иже четет да разумеет!

.....

Я должен кончать. – Все материалы, относящиеся к истории моего старообрядчества, исчерпаны. – Теперь я почитаю своим долгом сказать твердо и открыто: я непримиримый враг цезаро-папизма, как и всякого насилия, – поэтому я враг и того страшного греха, который в общей сложности именуется «никонианством».

Я не революционер, ибо в революции есть большой элемент злобы и мести. Но прекрасно понимаю революцию как протест против неправды и насилия. Я прекрасно понимаю таких революционеров, как великие пророки Исайя, Иеремия и почти все остальные, обличавшие несправедливые законы и жестокие решения. Воистину – чтобы познать истину, нужно сначала осуществить в жизни правду-справедливость.

Я не революционер! Я христианин и никому не хочу зла... Но вместе с ап. Павлом – против всякого беззакония и общественной неправды (Дн. 22 и 23).

Я даже не христианский социалист, ибо и в так называемом христианском социализме есть нечто от лукавого в виде человеческого негодного пустословия и прекословий. Христи-

⁵⁸⁰ Так назван, очевидно, архиеп. Мелетий; ни о ком другом упоминать не было смысла.

анский социализм, как и социал-демократия, – это плоды римского католицизма, как большевизм есть продукт петербургского цезаро-папизма.

Я – только христианин и последователь великого христианского гения, апостола Павла; я – христианский общинник! – Я считаю, что социология ап. Павла, основанная на учении о Богочеловечестве Господа Спасителя, обеспечивает для всякого человека и земную социальную правду и вечное его спасение. Но несчастные цезаропаписты («никониане») не хотят понять этого, не хотят быстро и решительно выступить на путь христианского оздоровления жизни; сбитые с толку своими архиереями-катаскопами, несчастные «никониане» не понимают всей глупости своего положения и продолжают свое бессмысленное существование.

«Никонианство», как полное извращение христианства, есть несомненная ересь; но «никониане» до такой степени жалки и нелепы, что их еретиками назвать почти несправедливо! Какие же это еретики! – Такие они несчастные... Это дети – крещенные, но ничему не наученные...

Братие, православные христиане, работайте же Господу! Работайте со страхом и радостью! Учитесь у ап. Павла! Устраивайте, восстанавливайте древле-православную, христианскую жизнь по правилам и практике св. Церкви до-никонианской! Покайтесь! Устраивайте свои христианские общины свободные, честные, трудолюбивые и радостные.

А о себе я, грешный, могу сказать великое чудное слово: «я раб вашей любви» и готов до смерти служить делу устройства на земле этой христианской любви и церковной соборной жизни. – Да будет едино стадо и Един Пастырь! – А Христово стадо не может быть не разумно...

Православный епископ Андрей

1933, февр. 28

Алма-Ата

«Исповедь» 1928 года (фрагменты)

Следователю гражд. Нелобову.

На последнем допросе меня вы мне сделали упрек, что «мое лицо остается в тени». В ответ на это я обещал вам прояснить свое лицо в политическом отношении. Это я ныне исполнил и прилагаю при сем две тетради моей политической исповеди. Я очень прошу вас отнестись к этому моему труду не с точки зрения сыска, а с точки зрения исполнения мною и вами больших общегосударственных обязанностей. На эту исповедь обратите внимание и прокурора Республики, который был у меня в камере, не знаю его фамилии.

Ухтомский, еп. Андрей.

13 ноября 1928 г.

Еще прошу вас, если я буду несмотря ни на что за мои христианские убеждения приговорен к сидению под арестом, то прошу меня оставить где-нибудь в одиночке или в той камере, где я сейчас, на дворе ГПУ. Самое страшное для меня наказание – это слышать ужасающую богохульную брань и сквернословие. А в одиночке я буду от этого застрахован...⁵⁸¹

Я начинаю писать свою политическую исповедь – эту исповедь мою я адресую по преимуществу моей пастве, моим дорогим уфимцам, с которыми я встретил февральскую революцию 17 года, с которыми пережил все события 18-го года. Пусть они проверят мои слова во всех отношениях. Адресую эту исповедь всем рабочим, которые с 18-го года с великой любовью заботятся обо мне. Адресую ее вообще всем мыслящим и искренним христианам, которые в жизни ищут правды Божией и стремятся Ее осуществить. Пусть мой жизненный путь одних

⁵⁸¹ *Нежский А.И. С. 232–233.*

сохранит от ошибок, а другим даст две-три полезные мысли. Я буду рад и этому. А свою личную жизнь я считаю давно конченою и мой путь жизненный уже пройденным...

...Жизнь моя была очень простая. Не было в ней ни увлечений, ни разочарований! Поэтому она для многих кажется малосодержательною. Против этого я горячо протестую: моя жизнь – очень содержательная и, по милости Божьей, очень радостная, чего от всей души желаю всем!

Мне сказано официально, что мое политическое лицо неясно. Еще мне сказано официально, что мое социальное происхождение особенно вредит прояснению моего лица в политическом отношении. Иначе говоря, мой княжеский титул наводит тень на мое лицо...

Положение мое можно сказать безвыходное.

Родился с тенью на лице, да так вот в этой тени и сиди.

Но в данном случае мне на помощь может придти самая простая арифметика. Я... принял монашество в 1895 г. Значит, я пользовался своим «княжеством» двадцать два года, когда был в пеленках и юношею-учеником. Итак, не революция лишила меня моего княжества, а сам я произвел в 22 года революцию в своей жизни и пошел в монахи, несмотря на многие утехи, которые обещала мне жизнь с княжеским титулом. Далее. От моего монашества в 1895 г. до революции 1917 г. прошло тоже 22 года моей сознательной, а не детской жизни. Поэтому, можно ли говорить, что мое социальное положение или происхождение может наводить на меня какую-то тень?⁵⁸²

...Мне почти 55 лет. 33 года из этих 55 лет я не князь. Остальные 22 года моей жизни – детство, юношество – я ни один час не использовал своего княжества. Но почему же я сделал с точки зрения людей, материалистически настроенных, такую глупость? Что заставило меня отказаться добровольно от многих привилегий светской жизни? Я могу с чистой совестью сказать, что я ушел из своей среды потому, что кроме беспредельной глупости и беспринципности я в этой среде ничего не видел. Особенно меня поражал разврат этого лжеинтеллигентного общества. Можно сказать, я бежал от греха. По дороге, во время этого бегства, мне встретились два огромных русских мыслителя: А.С. Хомяков и И.С. Аксаков. Эти два мыслителя определили всю дальнейшую мою жизнь, даже до 1928 года.

Хомяков – это русский гений религиозной и философской мысли. Аксаков не гений, но очень крупный талант, великий мастер русского слова. И оба они – и Хомяков, и Аксаков – были величайшими патриотами, жестоко бичевавшими отечественные пороки... Эти два мыслителя вполне и навсегда пленили меня⁵⁸³.

...Аксаков с величайшим одушевлением доказывал царскому правительству ту простую мысль, что самодержавие не есть самодурство, что самодержавие должно само себя нравственно оправдывать, что иначе власть русского царя превращается во власть древневосточного деспота. На это Аксакову возражали, что Русь была и останется Святой Русью под руководством своего духовенства. В ответ на это Аксаков писал громовые статьи о том, что наше духовенство есть продажная каста, что оно признает всякую ложь во спасение – тогда как всякая ложь должна быть в омерзение. Что Русь его времени нельзя назвать святою, потому что в ней нет простой справедливости.

...Вот каковы были мои главные учителя, на каких чувствах и мыслях я вырос. Я благодарю Бога за то, что хорошие педагоги толкнули меня на изучение этих великих людей. Они научили меня всему доброму, они научили меня любить людей, несмотря на их пороки, отделять людей от их пороков и находить в них образ Божий⁵⁸⁴.

⁵⁸² Там же. С. 233–234.

⁵⁸³ Там же. С. 259–260.

⁵⁸⁴ Там же. С. 261.

...С 1916 г. я состоял в Уфе председателем Восточно-Русского культурно-просветительного общества. ... Это общество издавало свой журнал «Заволжский летописец». Этот журнал не изменял своего направления ни в 17-ом году при республике Керенского, ни при большевиках в 18-ом году, ни при Колчаке в 19-ом году. Мы говорили только правду, и эту правду мы говорили нашим читателям всех направлений. Мало того, этот журнал и печатался в 18 г. в большевистской типографии. Но в конце концов я должен был за всю эту деятельность и, главным образом, за мою «колчаковщину» отвечать на следствии Московского революционного трибунала. ... Мое дело, состоявшее из двух огромных томов, было изучено двумя следователями – Тагальницким и Ильиным, и я был освобожден без суда, ибо во всех моих писаниях была усмотрена одна идея: служение правде. На моем церковном языке это называется – борьба с грехом, ибо высшая неправда – грех. Итак, я был освобожден Московским революционным трибуналом в 1922 г., 5 августа, а 10 августа в газете «Правда» (московской) было напечатано открытое письмо. Оно было такого содержания приблизительно: получив оправдание в возведенных на меня обвинениях в контр-революции, я испытываю нравственную потребность принести благодарность Московскому революционному трибуналу за этот акт государственной мудрости, ибо этим его решением признана законной вся моя уфимская церковная деятельность. Отныне уфимская епархия может жить нормальной церковною жизнью по установившемуся в ней порядку...⁵⁸⁵

...Французы вначале с восторгом кричали эти красивые слова: свобода, равенство и братство, но очень скоро все восторги сменились другою формулою: свобода, равенство и Наполеон. А еще через несколько времени вся помпа французской революции сменилась прозаическими словами: «император Наполеон».

Значит, дело не в формуле. Назваться республиканцем очень мало. Нужно быть республиканцем, нужно приучить себя к исполнению гражданского общеобязательного долга. Поэтому во французской формуле нужно ставить ударение не на первом слове: свобода, ибо она может оказаться своеволием, и не втором: равенство, ибо внешнее идеальное уравнивание (старого и малого, умного и глупого, честного и бесчестного) есть величайшая несправедливость. Нет, нужно и во-первых, и во-вторых, и в третьих только *братство*. А в братстве, в чувстве братства заключается и свобода, и равенство. По этому поводу прекрасно говорил А.С. Хомяков, что человеку необходимо пережить таинство свободы, чтобы быть счастливым. Иначе он и в свободе будет несчастным.

Русские люди всегда считали себя и называли себя и даже чувствовали себя только братьями. И не только между собой назывались братьями, но и других к этому своему братству привлекали. Я и считаю русских людей по природе республиканцами-социалистами. Но наш социализм – свой собственный, доморощенный, а не французский, вообще – не западноевропейский. Там, в Западной Европе, социализм вырос в процессе борьбы с королями и католическим духовенством. Там при победе над королевскою властью и выросли прежде всего лозунги свободы и равенства. А мы, русские, как справедливо говорил Лев Толстой, на несколько сот лет опередили Европу в своем нравственном развитии. Потому, что Православная Церковь воспитала нас на Евангелии, которое отняла у своих подданных Церковь римских пап, требовавшая от них не сыновней христианской любви, а только слепого послушания...⁵⁸⁶

...Основная мысль всех моих писаний – это в то же время и основная мысль моего мировоззрения. Что Св. Писание дает людям лучшую философию и историю вообще, и дает смысл жизни каждому отдельному человеку в частности. В Св. Писании мы находим и описание

⁵⁸⁵ Там же. С. 244.

⁵⁸⁶ Там же. С. 263–264.

жизни идеальной республики. ... Я думаю, что подлинные образцы жизни находятся сзади нас, в пройденной истории мира, а не впереди...⁵⁸⁷

И наилучший образец республики – это коммуна духа, указанная нам историей свободной христианской Церкви. Эта коммуна духа есть величайшая нравственная проблема человечества, процесс его всестороннего перевоспитания.

Но эти мои мысли оказались чуждыми и вполне неприемлемыми для наших монархистов и мирянского, и духовного звания. Для них я и написал мои «Письма о старообрядчестве» и «Письма о церковном обновленчестве» в 1925 г. Во всех четырех сериях этих писем я, главным образом, писал о следующих предметах (перечисляю по памяти, потому что ничего не имею под руками и, может быть, многое и существенное пропускаю).

О догматах. Догматы христианские – это не отвлеченные и непонятные формы христианской схоластики, а жизненно-необходимые и практически понятные обоснования всей разумной жизни человека.

О церкви. Церковь есть церковно-настроенное общество; это живое тело, чувствующий организм, а не одни только архиереи, которое выдумали даже слово: епископат – и уверяют, что епископат-де и естьместилище и хранилище всякой истины. Нет. Церковь есть общество людей, ищущих истины; это общество чистых совестью и объединенных любовью к Единому Безгрешному.

О собственности. Установившееся представление о собственности есть чисто условное. Истинный христианин не знает слова: мое, а ищет возможности все свое сделать общецерковным. А если это так, то злоупотребляющий своею собственностью во вред ближним становится чуждым для церковного общества и исключается из него.

Мои оппоненты из духовенства (высшего) приходили в полное отчаяние от моего толкования и перевода слова «литургия». Это греческое слово в переводе на наш привычный (хотя и не русский) язык значит буквально: *республика*; и, следовательно, это слово: республика совсем не так богопротивно и так страшно, как думают наши самые благочестивые монархисты.

Таким образом, жизнь Церкви и заключается в литургии как республике, общем, общественном деле. Литургия есть духовная кооперация, обнимающая своею духовной взаимопомощью всех членов Церкви. Наконец, последняя мысль, находящаяся в моих письмах, – это мысль о том, что слово «самодержец» – чисто языческого происхождения, что даже благочестивые самодержцы, как Константин Великий, были иногда вредны для развития церковной жизни, а самодержцы-еретики были источником величайших церковных бед. Христиане первых веков не любили этого слова и противопоставляли этому языческому слову: автократор библейское слово: пантократор – вседержитель.

Итак, во всех своих писаниях во время революции я стремился доказать церковным людям, что Церковь есть такое бытие, которое не нуждается ни в каких внешних административных подпорках. Церковь есть Столп истины! Она нуждается только во внутреннем очищении своей жизни; а это очищение производится не иначе как в процессе внутренней жизни и никогда не производится по приказанию начальства.

Вот мой идеал истинной, идеальной республики. Вне чистого и ясного понимания христианства такая идеальная республика немислима...⁵⁸⁸

[Я – несомненный республиканец,] но без увлечений и иллюзий, ибо я твердо знаю, что на земле нет совершенства и все имеет ценность только относительную⁵⁸⁹.

...

⁵⁸⁷ Там же. С. 265–266.

⁵⁸⁸ Там же. С. 266–267.

⁵⁸⁹ Там же. С. 255.

Моя защита республики

Это было в Томске в течение первых двух недель ноября месяца 18-го года. В Томске происходило Сибирское соборное совещание, когда Урал и Сибирь оказались отрезанными от Москвы чешским фронтом. Тогда члены Московского собора 17-го года, находившиеся на этой территории, собрались в Томске, чтобы обсудить церковные дела. Нужно было принять некоторые решения, для того чтобы узаконить отсутствие Патриарха. И вот в Томске начались для меня сюрпризы во всех направлениях – и в политическом, и в церковном. Дело в том, что огромное большинство этого собрания были самые бессмысленные монархисты, возводившие монархизм в догмат и нисколько не желавшие считаться даже с самыми очевидными фактами.

Соответственно с этим главным догматом о необходимости и неизбежности восстановления царской власти и начались работы этого Томского собрания. Я стал решительно и твердо протестовать против такого оборота дела, и моим активным единомышленником был только еп. Екатеринбургский Григорий.

...Что же я говорил своим монархистам? Что я мог сказать им на основании Священного Писания? Я говорил, что в Священном Писании есть целая отдельная «Книга Судий», описывающая идеальную республику. А когда древние иудеи вместо этих благочестивых судей пожелали иметь своего царя, то это вызвало гнев Божий. На это мне указывали, что сердце царей в руке Божьей. Я соглашался с этим положением, но указывал, что раз это так, то у нас и должна быть республика, ибо два царя подряд на одной неделе отказались от своего царства, и ясно, что если их сердца в руке Божьей, то мы против республики протестовать не имеем права...⁵⁹⁰

...Во главе угла моего христианского мировоззрения стоял, конечно, Христос как величайшее украшение всей мировой истории⁵⁹¹.

...Да, православная Русь бывала и великою грешницею, бывала часто в судах неправдою черна, но православная Русь никогда зло не называла добром, никогда не поклонялась злу и никогда не переставала бороться со злом. Такой взгляд на русскую историю делал меня патриотом. Я патриот не механический, не в силу своего русского происхождения, я патриот сознательный и люблю свое Отечество не зоологической любовью, а на основании нравственных принципов, которым служит мое христианское Отечество. Несчастно сердце, не любившее смолоду; одинаково несчастно разбитое сердце, полюбившее то, что недостойно любви. Я могу сказать, что я счастлив. Я любил и люблю то, что воистину достойно любви, что я не только люблю, но и уважаю.

Итак, я люблю Россию и ее культуру. Из этого ясно, чего в истории России я не люблю.

Я не люблю всего петербургско-императорского периода русской истории. Я не люблю того огромного насилия над русской душой и вообще над русской землей, которым характеризуется весь этот период в 200 с лишним лет. Какой-то историк сказал, что император Петр вывихнул голову всей России и что она после него так и осталась с вывихнутой головою. Это очень верно.

С начала XVIII века русские думают чужою головою, и это жестоко вредит русской жизни, даже извращает эту жизнь, извращает русскую культуру.

...Всякий народ имеет и должен иметь свою душу, свою культуру. И немец по складу своей жизни никогда не будет похож на итальянца, француз на англичанина, а самый сильный по культуре народ – это евреи с их несравненной историей и литературой. Что касается русского народа – и в особенности великороссов, – то его культура со времен императора Петра подверглась сплошному изнасилованию со стороны чуждой его духу немецкой цивили-

⁵⁹⁰ Там же. С. 241–242.

⁵⁹¹ Там же. С. 268. Кто-то из работавших с делом чекистов подчеркнул эту фразу красным карандашом.

зации. В Петербурге сидели полунемецкие императоры с совершенно немецкими министрами и командовали всею Россиею и прививали ей совершенно нерусские начала жизни. Это было совершенно определенное гонение на русское православие, на русскую общественность, на русский народный быт. Это было систематическое развращение русской народной души и издевательство над нею со стороны немецких цивилизаторов. Свободолюбивая братская Русь мало-помалу превратилась в собрание запуганных рабов, дрожащих пред своею властью и лишенных чувства долга истинного христианина и гражданина. Русские граждане превратились в несчастных обывателей, которые не строили своей жизни, а только наблюдали, что петербургские строители делали из того теста, которое представлял из себя русский народ...⁵⁹²

...Страшный день: 9 января 1905 г. [именно в этот день три с лишним века назад по приказу Ивана Грозного был убит митрополит Филипп (Колычев)]... Для меня было страшно это мистическое совпадение. Два страшных преступления русских самодержцев произошли в один день – 9-го января. Оба преступления связаны с именем христианского царя; и нужно быть или вовсе бессовестным, или совсем слепым, чтобы не видеть всей глубины этих преступлений. ...Между Россией большою и Россией великою огромная разница. Я хотел и хочу, чтобы мое Отечество было великим в нравственном отношении⁵⁹³...

И при царе я был прежде всего епископом и гражданином. Остаюсь таким и ныне⁵⁹⁴.

[Революция –] Это было море прорвавшейся злобы... Грабеж, рвачество и истребление иногда чрезвычайно полезного материала. И это был великий грех!⁵⁹⁵

[Ныне же] Многие слепые прозрели. Многие ценности жизни потерпели полное крушение; вообще переоценка коснулась решительно всего, что заполняет нашу жизнь. Ныне на красном знамени русской революции отчетливо твердо обрисовались серп и молот, как символ освобождения труда от эксплуатации. Это знамя, бесспорно, прекрасное; и если бы оно сразу стало всем понятно с 1918 г., то не было бы очень многих несчастий и бед гражданской войны. Итак, освобождение труда от злостной, всемирной эксплуатации – великое дело, которое начала русская революция. Но за этим длительным процессом освобождения должна быть поставлена окончательная цель – содержание жизни освобожденного человечества. Какая же это цель? Что предполагается русскою революциею? Какая ее последняя идея? На эти вопросы лучше всего отвечает одна из почтовых марок, которая была выпущена к 10-летию Октябрьской революции. Эта марка изображает русского крестьянина путеводителем во главе народов СССР. Это великолепная марка! Огромная христианская идея заложена в ней! Это блестящее указание на конечную идею русской революции – эта идея укладывается в два слова: «братство народов»...⁵⁹⁶

Писать политическую исповедь в 1928 году, 7 ноября, как раз в день годовщины Октябрьской революции (я не понимаю, почему Октябрьская революция празднуется в ноябре) и не написать ни слова о Ленине – это значит умолчать почти о самом главном. ...Ленина я ставлю наряду с первоклассными русскими людьми вроде Петра Великого и Льва Толстого. Императора Петра я считаю первым русским революционером-большевиком. Лев Толстой – это воплощение русского большевистского духа во всемирной литературе. Прежде всего – это чисто русские натуры. Действительно, натуры без компромиссов; они не способны останавливаться на полдороге. Их правило: бить так бить; пить так пить; любить так любить. Таков был Петр I, изломавший Московскую Русь и устроивший русскую столицу в финляндском болоте. Таков

⁵⁹² Там же. С. 268–269.

⁵⁹³ Там же. С. 271.

⁵⁹⁴ Там же.

⁵⁹⁵ Там же. С. 272.

⁵⁹⁶ Там же. С. 272–273.

был Лев Толстой, отвергший всю европейскую цивилизацию, обросший бородой и надевший здоровую русскую деревенскую рубаху...⁵⁹⁷

Ленин изломал все, что дала нам, русским людям, петербургская цивилизация, и возвратил русским людям русскую столицу – Москву. Ленин-интернационалист перевел столицу своего социалистического Отечества из самого интернационального Петербурга в старую Москву. Так удивительно иногда люди неожиданно для себя предпринимают великие решения...

И кругозор, и глазомер Ленина в политическом отношении несравненны: из живых политических деятелей Европы он стоит, конечно, головою выше всех... И тем не менее я считаю Ленина самостоятельным даже в его политической деятельности... [поскольку он] заимствовал самую форму борьбы за социальную правду [у политических мыслителей-славянофилов].

...[Советы основаны] на мысли о братстве, о братском равенстве, а главное – на чувстве братской любви, воспитанной христианством. Русский человек, хоть и бессознательно, но все-таки твердо усвоил мысль о всеобщем братстве и вытекающих из этого братства обязанностях. Эту мысль и святые чувства, с нею связанные, воспитало в русских людях Евангелие. И вот Ленин и осуществил в жизни русского народа самую русскую мысль его – о всеобщем братстве... но Ленин ее только осуществил, хотя она ему не принадлежит...⁵⁹⁸

Теперь Ленина нет! И это очень чувствуется; ибо если бы он был жив, то новая экономическая политика несомненно распространилась бы на очень многие стороны жизни. И от этого получилась бы огромная экономия и духовных, и материальных народных сил...⁵⁹⁹

...Русская революция дала огромные возможности этим добрым чувствам русского характера реализоваться и сослужить великую службу человечеству. Но недоверие к себе и к своей внутренней правде и всевозможные предрассудки (и антирелигиозные) не позволяют русской революции довести дело до конца... чтобы в нашем Отечестве все мои соотечественники (и я сам) чувствовали себя истинными гражданами, сознающими свои права и обязанности...

Правда едина для всех! И закон один для всех. В Советском Отечестве не должно быть пасынков. Все – сыны единой Родины и все свободны... Коротко говоря, я желаю, чтобы в моем Отечестве не было скорбящих и озлобленных; чтобы все были радостны и счастливы; чтобы счастливые делились своим счастьем с другими и чтобы правда Божия укреплялась в земле нашей; а единая правда Божия, конечно, не может быть в противоречии с правдою человеческою. Правда же сынов человеческих должна подчиняться единой правде Божией⁶⁰⁰.

...Совершенство – только в Христе как личности; все остальное в мире имеет только относительную, временную ценность⁶⁰¹».

⁵⁹⁷ Там же. С. 273–274.

⁵⁹⁸ Там же. С. 275.

⁵⁹⁹ Там же. С. 276.

⁶⁰⁰ Там же. С. 277.

⁶⁰¹ Там же. С. 276.

Из писем Владыки Андрея

Письмо А.А. Золотареву⁶⁰²

†

Милый друг Алексей Алексеевич

Решаюсь беспокоить Вас просьбой передать прилагаемое письмо Ел.<нрзб.> Ал. Манатовой, – адреса которой я не знаю. Она мне написала, что бывает у Вас. Кроме того, я боюсь, здорова ли она и в Рыбинске ли? Она мне написала о Вашей незабвенной для меня семье – привет всем Вашим, – как Вы все поживаете? – А где брат Сергей? Я уже давно не встречал его имени в печати и даже предполагать ничего о нем не могу. – Ах, как мне хотелось бы с ним поработать над созданием моей уфимской христианской ассоциации! – Ведь мы уже старики теперь, – вот бы вместе начать святое дело – христианизации жизни. – А от Собора 1917 г. я совсем отрекся, – это соборище было очень глупое. – И та благочестивая просвирня, которая ныне возглавляет нас, – пока <нрзб.> для Сибири ничего не сделала.

– Господи! – куда только мы идем? – Все расплзается по всем швам. – Простите. – Целую Вас и всех ваших братьев. – Не напишете ли хоть два слова? – Как поживает Ваш папа? Как философствует мама? Живы ли они? Адрес: Омск, Тарская 19, протоиак. Михайлову – передать.

Письмо патриарху Тихону⁶⁰³

Ваше Святейшество!

В дополнение к моему первому скромному письму из Теджена решаюсь написать вам эти строки. Предупреждаю, что только скорбь об устройении церковной жизни заставляет меня даже из-под ареста писать вам. И прежде всего – от души приветствую вас.

Христос посреди нас!

А теперь приступаю к развитию мысли, впечатленной в это приветствие.

Ваш арест в свое время наполнил сердца верующих тревожною скорбью в тягчайший период истории Русской Церкви, оставшейся без какого бы то ни было руководства. Год тому назад вы были освобождены. Вы сознались в своих ошибках против Соввласти. И верующие напряженно стали ждать от вас, главы Церкви, активной деятельности по определенной программе и без повторения ошибок. «Живая церковь» разлагает совесть народную, возбуждая раздражение масс на религиозной почве. Сотни пастырей по явно ложным доносам, по явной клевете арестованы, остались верны своему долгу и томятся в ссылках и тюрьмах. Что же сделали вы, Ваше Святейшество, для оздоровления церковной жизни? Общий голос и епископов и мирян: за год не сделано ничего.

Вы окружаете себя архиереями, неизвестными даже для их собственной паствы; вы по-прежнему не знаете никакой программы устройства церковно-общественной жизни; и по-прежнему вся ваша деятельность выливается в торжественное богослужение. Но, Ваше Святейшество, те розы, которыми усыпают ваш путь московские богомолцы, не могут считаться

⁶⁰² РГАЛИ. Ф. 218. Оп. 1. Ед. хр. 129. Лл. 10–11об (составителем описи ошибочно принято за письмо «диакона Михайлова»).

⁶⁰³ ЦА ФСБ. Следственное дело Патриарха Тихона. На конверте: «Москва, Донской монастырь, Святейшему Патриарху Тихону от епископа Андрея». Оpubл.: *Нежный А.И.* Допрос патриарха. С. 246–248; несколько купюр в этом письме восстановлены по кн.: *Бахревский В.* Святейший Патриарх Тихон. Роман. М., 2001 С. 741–742.

признаком торжества православия и нисколько не успокаивают народной совести по всему пространству вашей обширной Патриархии.

Для этого нужны иные пути, твердые и ясные. Эти пути имеются. Создание Церковного Собора в России, обязательное введение выборного начала и уничтожение в церковной жизни «назначенства», в параллель с гражданской Федерацией деление России на автономные епархии и епископаты, введение в жизнь декрета Наркомюста о нормальном уставе религиозных общин, радикальное уничтожение всяких намеков на глупый русский клерикализм – вот что необходимо для русского народа и лучших представителей Соввласти.

Открытая твердая работа в этом направлении очень скоро даст благие последствия. Она 1) успокоит народную совесть, 2) организует русский народ в здоровые трудовые кооперативные общины, 3) заслужит доверие гражданской власти, 4) безболезненно ликвидирует весь позор «Живой церкви», столь всеми презираемой, 5) сделает народную жизнь нравственно неуязвимою со стороны врагов народной власти, 6) подорвет у всякой контрреволюции надежду подготовить религиозное чувство народа и развивающийся его антисемитизм в обеих целях для новых кровавых авантюр. Вот что нужно. Но вы, Ваше Святейшество, молчите, а массы народные ждут вашего руководства, а массы народные жаждут руководства, а у Советской власти создается совершенно ложное впечатление итальянской забастовки, хитроумной с Вашей стороны (и со стороны всех несчастных тихоновцев), выжидания политической погоды.

Знаете ли Вы, что целые приходы уходят из Церкви в старообрядчество из-за ложного голоса «Живой церкви», из-за полного безгласия Вашего! Благословите жить радостно во славу Божию, а не только умереть неизвестно по чьему капризу. Я пишу не о себе. Я знаю, Кому и Чему я служу, ради чего страдаю. Я пишу о Вашей немощной пастве, которую ныне можно использовать одинаково и для добра, и для зла. И об них, немощных, хлопочу...

Святейший владыка, умоляю вас, скажите твердо, что нужно кому делать и благословите всех на устроение доброй народной жизни.

Примите уверения в должном моем к Вашему Святейшеству почтении и послушании.

Грешный епископ Андрей, Уфимский по избранию и Томский по распоряжению Вашего Святейшества.

1924 года, апреля 4/17 дня.

7-ая камера, Туркестан, ГПУ.

Не имея возможности воспользоваться почтой, посылаю это письмо доступным для меня способом.

Письмо А.М. Зеенкович⁶⁰⁴

Дорогая Александра Михаэловна!

Обращаюсь к Вам, а через вас всей Уфе сообщаю крупную новость: я старообрядческий епископ! Ко мне приехал беглопоповский архимандрит Климент, и мы с ним воссоединились в молитвенном общении. Но помните, что со мной соединились! А не я ушел к старообрядцам. Теперь к Уфимской епархии присоединилось 500 000 верующих душ. Скажите это Николаю Ив. Уфимцеву⁶⁰⁵. То, что он начал в Уфе, то теперь это распространилось на 1000 верст. Радуйтесь и веселитесь! Попросите о. Гавриила Громакова отслужить молебен.

⁶⁰⁴ Опубликовано в составе примечаний А.В. Знатнова к первой части «Истории моего старообрядчества» (Наш современник. 2007. №1. С. 226–227, прим. 58)

⁶⁰⁵ Бывший священник Белокриницкой иерархии; когда выяснилось, что он скрыл от рукополагавшего его еп. Иоанникия свое второбрачие и то, что первая его жена была вдовой (и то и другое исключает возможность рукоположения), был навсегда запрещен в священнослужении Освященным собором 1925 г. и ушел в единоверие.

Письмо к уфимской пастве в годовщину разлуки с ней⁶⁰⁶

†

Возлюбленная во Христе паства моя уфимская! Сегодня исполнился год, как я разлучился с вами. Такова воля Божья! И сегодня вся душа моя в Уфе: ныне весь день я провожу среди тех, кому я отдал уже 14 лет своей жизни. Братия мои! Дорогие мои! Вот я и радуюсь сегодня, что несмотря ни на какие преграды (по преимуществу со стороны лжедуховных лиц), – жизнь церковная, истинная, неподдельная около Уфы постепенно укрепляется и в сердцах, и в умах православных христиан. Это потому, что мы в Уфе строим церковную жизнь на подлинно церковных, святых началах без всякого политиканства, или интриг, или человекоугодничества. Наша жизнь еще полна всяких грехов, но наши цели, наши идеалы безукоризненны и святы. И вот, братия, моя к вам просьба: исполняйте заповедь Христову и любите друг друга и служите друг другу делом, а не словом.

Лучшая христианская политика – не заниматься политикой, а только неустанно строить церковную жизнь по великим образцам, указанным в Св.Писании. Запомните это правило и исполняйте его; и оно даст вам и мир, и радость, и победу над злом. Святые Апостолы только своим терпением покорили мир Христу, и мы терпением должны строить свою церковную жизнь.

А если кому Бог велит при этом пострадать, то по слову ап. Петра – прославляйте Бога за такую участь (1 Петр., 4,16).

Господь да хранит вас.

Прошу ваших святых молитв.

1928 г. мая 30.

еп. Андрей, архиепископ Уфимский

Из письма к о. Алексею Унгвицкому⁶⁰⁷

Мой дорогой батюшка, о. Алексей!

Всякое ваше письмо для меня великое утешение. Да вознаградит вас Господь за вашу любовь. Когда я прочитал, что мой дорогой Андрей Леонтьевич уже состоит дьяконом в Церкви Христовой, я от всей души возблагодарил Господа. Но все-таки мне очень грустно, что в вашем обществе лишили его и его сына права голоса. Значит, и к вам проникла городская сифилизация, значит, и у вас есть антихристовы лакеи!?! Что город гибнет в разврате и безбожии – это всякий знает. Но умная деревня должна идти своею умною дорогою – а не поддаваться городскому безбожию. Наша дорога – это *дорога крестьянской культуры*, а не дорога городской сифилизации. Эту формулу скажите всем нашим единомышленникам...

⁶⁰⁶ *Нежский А.И.* С. 237–238 (ЦА ФСБ. Дело № Н4296).

⁶⁰⁷ *Нежский А.И.* С. 252–253 (ЦА ФСБ. Дело № Н4296). По поводу этого письма владыка на допросе 18 октября 1928 г. показал: «Я крестьянина Андрея Леонтьева знаю хорошо. Знаю как безупречного гражданина, трезвого, честного, истинно образцового. Я рад, что этот образцовый крестьянин, гражданин стал дьяконом, и лишение его права голоса я считаю несправедливым по отношению к нему. Под городской сифилизацией я разумею городскую безбожную жизнь. Под антихристовыми лакеями разумею людей, подпавших влиянию этого безбожия. Я считаю лишение гражданских прав духовенства как касты... справедливым и полезным, но когда лучший крестьянин личным трудом становится служителем Церкви, он не становится членом касты и в силу закона отделения Церкви от государства он мог сам отказаться от своих прав члена сельского собрания, но лишать его этого права – это и несправедливо, и вредно для жизни».

Письмо в Чувашию⁶⁰⁸

[З] м.с.о.н. Г. I.X. С.Б. п. н. А.⁶⁰⁹

Возлюбленный о Христе брат [имя закрашено]. Вчера я получил твое письмо, а сегодня отвечаю. Приветствую тебя и брата [закрашено] и брата [закрашено], благодарю Вас всех за любовь вашу и доверие ко мне грешному.

Возлюбленные мои братья! Правду вы пишете; что тяжелое время мы все переживаем. И поэтому нам очень тяжело, что пастыри и епископы оставили свою паству и живут не по Христову Закону, а по чужим незаконным приказаниям.

Вы пишете, что собираетесь для святой молитвы в одно место, так и молитесь. Это очень хорошо. Но вы все-таки должны избрать себе священника – пастыря, который хоть раз в месяц или раз в два месяца приезжал бы к вам и служил бы у вас Божию службу.

Главное: изберите человека хорошей жизни и с чистою совестью. Его и слушайтесь, с ним и молитесь. А назначенных священников не принимайте; все они назначены антихристом и служат антихристу. А вы каждого священника испытывайте; и если он благочестивой жизни, то принимайте, а если пьяница и блудник, – гоните его от себя!

Вы спрашиваете, могут ли иеромонахи в приходских храмах крестить и венчать. – Отвечаю – могут; и в миссионерских приходах всегда иеромонахи даже венчали браки.

Дорогие мои братья! Боюсь ошибиться и сказать вам что-нибудь не на пользу, потому, что за тысячи верст трудно рассмотреть что нужно.

А вот советую вам съездить в Казань, – хоть одному человеку. – Там живет один ссыльный священник и епископ Стефан⁶¹⁰. Вот посоветуйтесь с ним, что вам делать. Я не знаю их адреса; но вы найдите Марью Васильевну Борисову, – она вам все расскажет. Живет она в Суконной Слободе, Спартанская ул. – Малое Поле (?), дом 87. – Она вам укажет где живут честные священники.

А епископа Стефана упросите, чтобы он был вашим епископом и чтобы он не слушал митрополита Сергия, явного изменника святой Церкви и обновленца. Митрополит Сергей очень обижает епископа Стефана за то, что Стефан хороший человек. В Казани еще найдите отца Ксенофонта и отца Аркадия; у них можно и исповедоваться. Господь да благословит и

⁶⁰⁸ Государственный исторический архив Чувашской республики. Ф. 2669, Оп. 3, Д. 3098. Изъято при обыске в 1931 г. у иером. Гурия (Павлова, 1906–1996) вместе с письмами епископов Аввакума (Боровкова) и Вениамина (Троицкого). Выявлено и опубликовано о. Андреем Берманом. Рукоположенный 31 октября 1928 г. во иеромонахи, Гурий был по просьбе вл. Андрея направлен из Уфимской епархии к группе не признававших митр. Сергия христиан-чувашей (*Шкаровский М.В.* Иосифлянство. С. 29). После ареста и бегства из лагеря перешел на тайное служение в чувашских селах. 28 июля 1991 г. он будет рукоположен в епископы греческими старостильными иерархами (*Иоанн (Снычев), митрополит.* Церковные расколы в Русской Церкви 20-х и 30-х годов XX столетия... С. 224).

⁶⁰⁹ «За молитв святых отец наших Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй нас. Аминь».

⁶¹⁰ Стефан (в миру – Расторгуев Сергей Яковлевич, 1861–1937). Из семьи екатеринбургских купцов-единоверцев. Познакомился с вл. Андреем в 1912 г. С начала 1920-х жил в Уфе. 27 октября (по старому стилю) 1923 г. пострижен в иноки священноиноком-схимником Стефаном в Покровском храме Воскресенского единоверческого монастыря Златоустовского уезда с благословения еп. Давлекановского Иоанна (Пояркова) от 19 июня 1923 г. 11 октября 1925 г. возведен в игумена Воскресенского единоверческого монастыря еп. Саткинским Руфином (Бреховым), а 16 окт. 1925 г. им же рукоположен в священноинока. 4/13 июля 1928 г. по благословению архиеп. Андрея еп. Бирский Вениамин (Троицкий), временно управляющий Уфимской епархией, и еп. Саткинский Руфин (Брехов) посвятили архимандрита Стефана в единоверческого епископа Иргинския области во граде Сатки Уральской области в храме Рождества Пресвятыя Богородицы. Осенью 1929 г. перешел к беглопоповцам, совместно с архиеп. Николой (Поздневым) положив начало иерархии нынешней Русской древлеправославной церкви. 27 октября 1930 г. еп. Андрей писал беглопоповскому прот. Андрею Лебедеву: «Вчера узнал я, что епископ Стефан пастырствует у Вас в Бузуруслане. Это меня очень удивило и обрадовало, значит из Уфы может добро быти... Мне хотелось бы самому поселиться в Бузуруслане и помолиться вместе с Вами» (следственное дело архиеп. Стефана № П-14258, УФСБ по Оренбургской обл.). Особо отметим дату, которой помечено «Письмо в Чувашию», поскольку до недавнего времени годом архиерейской хиротонии вл. Стефана официально считался 1929-й.

укрепит вас на путях Божиих; помните, что сказал Господь: «блаженны изгнанные правды ради» и еще: «блаженны алчущие и жаждущие правды».

Уговорите хоть одного или двух священников не подчиняться незаконным епископам.

Ваш грешный богомолец и слуга Епископ Андрей

1928, авг. 3

Православным христианам-уфимцам⁶¹¹

Возлюбленные о Христе братие!

Благодать Господа Спасителя да укрепит вас в терпении и в христианском подвиге вашем.

Страшное время переживаем мы все, когда христиане отказываются от святого крестноношения и даже вовсе от своего звания христиан. Тем более мы, православные, должны быть в высшей степени осторожны и следить за каждым своим шагом, за каждым своим словом, чтобы не погрешить в чем-нибудь. Поэтому прошу и умоляю вас, братие, именем Господа нашего Иисуса Христа, чтобы все вы говорили одно и не было между вами разделений, но чтобы все соединены были в одном духе и в одних мыслях (1 Кор. 1:10). Так писал св. ап. Павел, так пишу и я, грешный Андрей; ап. Павла мучали коринфяне, а я мучаюсь, когда слышу об огорчениях и разделениях между вами. Помните, что это для меня хуже всякой тюрьмы, и умоляю вас: пожалейте меня и не губите святого дела разделениями и разномыслиями.

Святитель Аввакум с любовью ко Христу служил народу Божьему; также и святитель Вениамин душу свою отдал на то же служение народу Божьему. – Потому прошу и умоляю вас молиться обо мне грешном и об них обоих и не делать между нами никакого разделения. —

Мне скоро уж 60 лет; жду смерти и как перед судом Христовым умоляю вас: исполняйте все, что я говорил вам, что заповедал вам. Прошу этого потому, что эти заповеди не мои, а заповеди Христовы, заповеди св. Церкви.

Читайте послания ап. Павла, читайте внимательно, не пропуская ни одного слова, и благодать св. Духа да вразумит вас на всякое святое дело, которого требует от нас ап. Павел.

Из письма Е.П. Пешковой, руководителю организации «Помощь политическим заключенным»⁶¹²

Глубокоуважаемая Екатерина Павловна.

Пользуясь Вашим уже многолетним вниманием, я прекрасно сознаю, что сейчас не имею права обращаться к Вам со своею просьбою; но когда утопающий кричит и просит о помощи, то не спрашивает о правах...

Итак, прежде всего – простите за беспокойство и за мою просьбу. Дело в том, что в Красно-Вишерском лагере, на севере б[ывшей] Пермской губ., в больнице находится мой д[уховный] сын, еписк. Вениамин (Александр Васильевич) *Троицкий*. Он так же физически бессилен и беспомощен, как и я; тем не менее, он был поставлен на тяжелые физические работы и вскоре получил гнойный плеврит. Ему сделана была операция, выломали ребро; он был уже

⁶¹¹ *Зимина Н.П.* Викарии Уфимской епархии 1920-х годов... (ЦГИА РБ. Дело ВФ-16377. Лл. 27, 27 об., 28). Написано в Кзыл-Орде (не позднее октября 1928 г., когда вл. Андрей был там арестован). Письмо вызвано конфликтом между последователями еп. Аввакума (Боровкова) и еп. Вениамина (Троицкого), который был преодолен на общем собрании Симоновского прихода 26 мая 1929 г., выразившем полное доверие еп. Вениамину.

⁶¹² Новые материалы о преследованиях за веру в Советской России: Опросные листы и карточки арестованных, письма заключенных и их родственников (по материалам Политического Красного креста) / Сост. И.И. Осипова // Церковно-исторический вестник. 1999. № 2–3. С. 146–147; *Зимина Н.П.* Викарии Уфимской епархии 1920-х годов. Рукописный оригинал: ГАРФ. Ф. 4809. Оп. 1. Д. 775. Лл. 70–71. По ходатайству Е. Пешковой еп. Вениамин был комиссован в вольную («минус 12» – запрещение проживать в 12 пунктах Уральской области) 4 февраля 1933 г. был из лагеря освобожден (данные ГИЦ МВД РФ и ИЦ МВД Республики Башкортостан (Исх. № 3/8/6–343 от 13.05.2004), поселившись в Мелекесе.

приговорен к смерти. Однако он вынес операцию. *Но теперь ему грозит чахотка*, если ему не удастся переменить климат.

Умоляю Вас: помогите. *Троицкий* – вполне одинок, а теперь вполне инвалид. Он имеет только брата (монаха), но разошелся с ним в церковных убеждениях. Его преступление (как и мое) заключается только в том, что он христианин-коммунист, а не идолопоклонник. Если Вы спасете Троицкого, то спасете одного из честнейших русских людей.

Глубоко Вам благодарный и уважающий Андрей Ухтомский (Епископ).

15 сент. [1932 г.]

Алма-Ата

Из письма Е.П. Пешковой 6 февраля 1934 г.⁶¹³

... Мною получено в совершенной исправности от Вашего имени три посылки: две от 21 января с.г. с хлебом-мукою и одна от 27 янв. – с бельем. Все три были за одним номером – 2331.

От всей души приношу Вам за них глубочайшую благодарность, земно Вам за них кланяюсь...⁶¹⁴

†

Глубокоуважаемая Екатерина Павловна, написав Вам «официальную» благодарность и извещение о получении Вашего подарка, я чувствую потребность написать Вам эти строки.

Когда я получил Вашу муку, – я не удержался от слез... Здесь я переживаю такой ужас жизни, какого я еще никогда не чувствовал. – Ничего не может быть страшнее, как страдание бездомных детей. – А этих страданий у нас – целый город.

В «Дет-Доме» дети у себя дома по ночам отмораживают себе ноги!... Стоимость хлеба-муки – 6 руб. фунт! – Продуктов дополнительных никаких нельзя достать ни по какой цене вследствие полного их отсутствия.

И параллельно с этим *само-*дискредитация власти совершенно невероятная. Нигде с 1919 года никого подобного здешним губернаторам я не видел...

Поэтому – при собственных своих трудностях и при созерцании невероятного горя других – я испытываю душевные мучения. Я готов быть не сексотом, а самым открытым сотрудником ГПУ, чтобы говорить правду тем, кто хочет ее слушать, чтобы этой правдой спасти хоть одну жизнь.

Я пишу это совершенно серьезно.

Поверьте, что мне сейчас смотреть на ящик с Вашею мукою тогда, как рядом сидит голодная мать с двумя голодными детьми. И таких – [на] каждом шагу! Я им помогаю, хочу помочь; но за это меня бранят те, кто меня здесь опекает. Горе со всех сторон!

Простите! – Еще раз примите мою благодарность и за себя и за многих.

Ваш искренний (все-таки только богомолец!) и очень-очень грешный Андрей Ухтомский, старый дармоед...

Отрывки из писем

... Я услышал недавно, что Катя и твои братья не ходят в церковь. Неужели это правда? Я услышал это, но не поверил. Это, вероятно, неправда. Ты следи, чтобы они не ленились, и мне пиши. Надеюсь, что они меня не будут огорчать. Поцелуй их за меня. Папе и маме передай мое благословение...

⁶¹³ Новые материалы о преследованиях за веру в Советской России... // Церковно-исторический вестник. 1999. № 2–3. С. 151. Рукописный оригинал: ГАРФ. Ф. 4809. Оп. 1. Д. 1078. Лл. 28–29.

⁶¹⁴ Здесь кончается «официальная» часть этого письма, опубликованная только в кн.: Обречены по рождению... С. 196.

27.10.1927

...Радуюсь, что ты переписываешь Катехизис. И храни его в сердце. В нем – огромное христианское мировоззрение верующего христианина и христианина- *гражданина*. Мы с тобой церковники – значит: социалисты! – Это *наш* Социализм – есть религия любви, а социализм Маркса – есть религия скорбящих и озлобленных: мы должны сказать им слово любви.

Ты пишешь, будто я «в старообрядчестве не виновен». Чадо! Будь точна в терминологии и помни, что я не виноват в РАСКОЛЕ, но я *старообрядец*. Я хочу быть таким же старообрядцем, как святители Петр, Алексей, Иона, Филипп или патриарх Гермоген. – Все они были старообрядцами, но не были раскольниками.

Господь да хранит тебя! Передай привет мой папе и маме и Кате и братьям. 24 ноября поздравь Катеньку за меня с Ангелом.

Я посылал тебе письмо со вложением Аннушке образка-картиночки. Получили ли вы это письмо?..

16.11.1927

...Получил я твой подарок и благодарю тебя за него и твоего доброго папу. Непременно его благодари! – На весь твой подарок я купил марок и теперь в июне все письма буду отправлять... Получила ли ты мое письмо о славянофилах? Это меня очень интересует. Мне хочется, чтобы ты и, главное, братья твои – были славянофилы по убеждениям. Это огромное и самое святое миропонимание, захватывающее в себя все лучшие мысли лучших людей.

22.5.28.

... 1. Цезаро-папизм есть принцип главенства гражданской власти над церковной. – Это слово недавнего происхождения: ему лет 60; утвердилось оно особенно в католических странах. – У нас в России цезаро-папизм – как принцип – вошел в жизнь со времен Петра Великого, который командовал всем и всеми архиереями.

Проводником цезаро-папизма у нас в России был Обер-прокурор Синода, – а в последнее время – просто Распутин, которому и архиереи чистили сапоги, как «любимцу царя». Теперь и Распутина нет и даже сапогов его нет! – А архиереи уже привыкли чистить сапоги – ну хоть чьи попало! Вот все живоцерковники и такие катакопы, как Иван Поярков, и чистят сапоги кому попало, хоть бы Карасеву.

Я с этим унижением Церкви не согласен; равно как и еп. Аввакум и еп. Вениамин. И только поэтому я и отошел от митр. Сергия, как главного поставщика всякой ваксы.

2. О славянофилах. Это вопрос очень и очень важный. Видите ли: в царствование Николая I были ученые в России, которые говорили, что Россия должна учиться у Западной Европы всему и в форме жизни и в конституции. Это были *западники*... Так они и известны в литературе. Во главе их стоял честнейший и умнейший Герцен.

Против Герцена восстали русские мыслители, которые утверждали, что формы жизни России и могут и должны быть свои собственные, русские, основанные на православии. Они утверждали, что православие должно объединить все славянство, и должна существовать свободная православная федерация. – Вот за это Герцен и его последователи называли своих противников *славянофилами*. Во главе славянофилов стояли люди громадного образования и таланта. Это мои любимцы и учителя: Алексей Степ. Хомяков, Петр и Иван Васильевичи – Киреевские, Константин и Иван Сергеевичи Аксаковы (уфимцы), Данилевский (превосходное сочинение «Россия и Европа»). Потом за этими «первыми славянофилами» явились неославянофилы: Николай Ник. Страхов, Влад. Серг. Соловьев и др.

Скажу вам по секрету (с правом этот секрет мой сказать всем), что я *весь* в 1893 году с головой ушел в славянофильство – и лучше его не нахожу ничего. Умные большевики – это

дети по сравнению, напр., с Петром Киреевским! – А Влад. Соловьев!! Его через 1000 лет будут учиться, как теперь долбят Ленина. – А Ленин почти целиком свою Советскую власть вычитал у Ив. Аксакова! Только Ленин... великую идею Аксакова испоганил атеизмом.

...Это письмо сами запомните и всем нашим друзьям покажите. Пусть все знают, что я не Америку открываю, а только провожу в жизнь лучшие мысли лучших русских людей...

Когда я начну говорить о славянофилах, то не могу кончить... Еще: и мой-то катехизис имеет все корни в славянофилах! – Поэтому его и хвалят. Хвалят не меня, а Алекс. Степ. Хомякова!!! И еще: недавно в Германии сделала большой шум книжка «Закат Европы». И что же оказалось? Оказалось, что главные мысли автора этой книги Шпенглера взяты – у славянофила Н.Я. Данилевского. Но то, что Данилевский называл культурно-историческими типами, то Шпенглер назвал культурно-психологическими. Вся и разница!

<приблизительно май 1928 г.>

...Епископа Иова ты не знаешь, повторяешь чужие слова о нем и бранишь – очень резко! Грех! – Делай немедленно три поклона. – Иов – огромная сила воли! Я его *мало*, но знаю... Он счел ниже своего достоинства оправдываться. – «Если не нужен, прощайте!» Итак, беру с тебя слово, что не будешь подражать разным брюзгам... А прочитай брошюру об еп. Иове, посмотри, с каким великим достоинством этот безграмотный мужик вел себя на суде! – У меня не доставало бы такого такта, я наговорил бы разностей и испортил бы все. – А у него – ни одного лишнего слова! И в его поведении никто не отыскал ничего дурного... И за это два года безропотной тюрьмы! Он только за эту брошюру заслуживает епископства! Вчитайся только в нее повнимательнее, а не по-поповски – со злорадством.

Если бы епископа Иова сразу с любовью и доверием встретили, если бы создали около него эту атмосферу любви – это был бы драгоценный человек и для Уфы. – Лучше всех к нему отнесся владыка Вениамин; и за это Иов был благодарен и написал мне по этому поводу. К сожалению, бес оказался сильнее – и еп. Иов уехал. Я думаю, что он уехал на Кавказ – в горы, куда он просился, когда был у меня в Кзыл-Орде...

Еп. Иов – в 17–18 лет (в 1911–1912 гг.) жил на Кавказе с одним отшельником Иоспером – в яме, где я их и нашел. Таков он был...

12. 7. 1928

...Милое чадо! И в последнем письме ты пишешь, что «дурные слухи» идут о некоторых епископах...

Не верь, родная, ничему не верь! Даже если сама «почти» увидишь, так этому «почти» не верь! Так на слухах, на сплетнях вырастает великое зло! Почитай жития святых! Все они были оклеветаны в большей или меньшей степени. Я не считаю еп. Иова святым, но от его обвинителей не могу добиться сколько-нибудь сносных сведений о том, что он такое сделал. А в 55 лет верить слухам я не могу, ибо я с 18 лет подражал апостолу Фоме и слухам никогда не верил. У меня правило, что если 1000 человек меня обманут, то у меня нет никакого основания не верить 1001-у. И ты руководись этим правилом. Господь да укрепит тебя!

17. 8. 1928

Господи, благослови.

Возлюбленные о Христе братья!

Вы задаете мне несколько вопросов об устройстве церковной жизни. Спасибо вам всем за доверие ваше. Да, страшное и ужасное время мы все переживаем, когда ложь и обман царствуют и торжествуют свою победу на земле. Дыхание антихриста так и чувствуется во всех углах нашей жизни.

От этого антихристового дыхания не остерегся и митрополит Петр Крутицкий. Но потом он раскаялся и теперь находится в далекой ссылке.

А что касается обновленцев и митрополита Сергия, то они вполне поклонились тому зверю, о котором говорит святая книга Откровение Иоанна Богослова. Прочитайте тринадцатую главу. – И обновленцы и митрополит Сергей исполняют только волю и приказания безбожников. И этого вовсе ни от кого ни скрывают, а даже пишут в своих «Декларациях».

Поэтому всякий истинный сын Церкви должен бежать от этих хриstopродавцев без оглядки; и все истинные чада Церкви должны основать свои приходские общины, свободные и независимые от хриstopродавцев-архиереев.

А несомненно, что все архиереи, кто подчиняется митр. Сергию, – все отреклись от народа церковного и служат безбожникам и только развращают верующий народ.

Поэтому нужно исполнить заповедь из Откровения Иоанна Богослова: «Выйди от нея, народ мой, чтобы не участвовать вам в грехах ея и не подвергаться язвам ея» (Ап. 18, 4).

Нужно, чтобы все священники приходские – были выборные, а не назначенные.

Нужно, чтобы все священники дали подписку всем приходским советам, что без ведома приходского совета делать ничего не будут.

Нужно, чтобы и епископы были избраны народом за их благочестивую жизнь, а не пьяницы и хриstopродавцы, которых назначают обновленцы.

Вот, братия, исполните это, и тогда исправится ваша жизнь. Господь да поможет вам.

Гришный богомолец Епископ Андрей

Августа 18 1928 г.

...Убеди ты отца Гермогена, чтобы он не колебался и твердо шел служить св. Церкви – нашей православной, страждущей. Старообрядцы – все люди, знающие, кому они служат и как; а наши, несчастные никониане, – как стадо распуганное! – ничего не знают и ничего не понимают. Милая моя! Помолись и убеди отца Гермогена, чтобы был настоящим «Гермогеном»⁶¹⁵, и не Ивановой Ивановной.

Обрадуй его моей большой радостью. – Некий Борис Владимирович Подвицкий, бывший редактор «Старообр. Мысли» (а может быть, только сотрудник, не помню), убежденный старообрядец и очень просвещенный человек, решил идти в монахи и именно в Уфу, потому что только в Уфе хотя намечается подлинная церковная работа. В середине сентября он придет в Сатку к еп. Руфину; вот и отец Гермоген должен непременно к тому времени быть священноиноком и служить в Шинга-Куре. Там отец Григорий Щетинин⁶¹⁶, который с радостью возьмет его в сотрудники.

24. 8. 1928

...Господь послал мне вчера великую радость. Я получил два письма: твое и А.И. Зелинской... Последняя уже на свободе, хотя страшно голодна!.. А ты, – ты пишешь свои большие радости! Вот и я с большой радостью пишу тебе. Радуюсь, что ты на службе. Радуюсь за Анюту и еще больше за твоих братьев и Катю.

А здоровье-то все-таки у тебя вовсе неважное! Дедушке это великое горе. Скажу тебе секрет, который почти никто не знает: когда мне было 25 лет и я был инспектором семинарии, то доктор нашел у меня хрипы в легких... Вот я и дохрипел теперь до 60 лет! Так что ты береги себя, но – слава Богу за все!..

20. 2. 1932

⁶¹⁵ Имеется в виду патриарх Московский (в 1606–1612 гг.) Гермоген, заморенный голодом в тюрьме при поляках.

⁶¹⁶ Видимо, священник Григорий Федорович Щетинин (1884–1938), расстрелянный в Куйбышеве 15 января 1938 г.

...Брату Августину напиши, что я получил от Господа великую милость: на другой день после твоего отъезда я получил Святые Дары от Старообрядческого Белокриницкого духовенства. – Это для меня было вполне неожиданно; и, значит, раскол, как раскол, – идейно кончен! Для этого одного стоило делать революцию. Скажи Августину, чтобы твердо определил свою церковную позицию. Тогда сразу займем и определенное положение. Так я его и буду всем рекомендовать. 4 октября с.г. я буду праздновать юбилей моего 25-летнего епископства. Помолись обо мне!..

23. 9. 32

1932, октября 27

№1799

СПРАВКА

Дел об увольнении Архиепископа Андрея от епархиальной службы на покой и о запрещении ему священнослужения, а равно и о деяниях его в пределах Туркестанской епархии в 1924–1925 гг. в архиве канцелярии Московской Патриархии не имеется и справки из них сделать нельзя.

Управляющий делами Патриаршего Священного Синода

Питирим, А. Дмитровский

М.П.

Точность копии удостоверяю Епископ Андрей

1932, и. 5

...Да неужели ты не знала до сих пор о силе и значении молитвы?!.. Молись и молись! Молитва – это наше дыхание и жизнь! Я только молитвой спасся от бесчисленных искушений и падений! – Наш Гоголь говорил, что при убожестве нашего духовенства, при отсутствии проповеди церковной, чувство братства в русском народе только и воспитано богослужением. – А вообще в чувстве братства весь смысл жизни. Молитва – это вселение Божией благодати в души человеческие.

О грешных мыслях и оскверняющих чувствах прочитай в послании апост. Павла к Римлянам, гл. 7, ст. 14 и до конца главы. – Это место выучи наизусть, – так оно для тебя важно. Вообще, детушка, – завещаю тебе: ежедневно с карандашом в руках прочитывай главу Нов. Завета. Так меня научил делать батюшка, отец Иоанн Кр-кий. Карандашом отмечай те места, которые будут более интересны. Наиболее интересное учи наизусть, как делают баптисты.

Непреренно достань молитвенник; выпроси хоть у Аннушки. – Непреренно молись утром и вечером. – В вечерних молитвах есть последняя – преп. Иоанна Дамаскина. Там сказано: Господи, или хочу или не хочу, спаси мя. – Выучи эту молитву, хоть и не сразу...

...Очень радуюсь, что тебе Господь послал образ преп. Серафима. – Это и мой тоже любимый святой. Молись ему и о себе и обо мне. Кстати, не верь никакому слуху, что кто становится старообрядцем, тот должен забыть о святых таких, как преп. Серафим или Тихон Задонский. – Никогда! – И я старообрядец, но люблю преп. Серафима всею душой. – Но что святые никогда не были безгрешными, – это несомненно.

Сам ап. Петр очень ошибался. Ошибался и преп. Серафим, но это не мешает ему быть великим праведником...

1928, декабрь

...Едва ли мне придется тебе писать еще раз перед 3 апреля. Поэтому от всей души с наступающими светлыми днями. – Радуйся! Радуйся вечной радостью, которую принес нам Воскресший. – Помни: норма нашей жизни в воскресеньи, а не в могиле... Могила – это ненормальность, нарушение нормы!

12. 3. 1933

...Разумеется, ты далеко еще не идеал... Но возьми подвиг и большой и будешь гораздо ближе к идеалу!.. А если испугаешься подвига, – то приучишь себя пугаться и пустяков.

Дебора не просто божественная. Она именно характерна этим, что имела *активный* темперамент и *активно* боролась со злом. Она взяла на себя огромный подвиг очистить свой народ от зла, и Бог помог ей в этом подвиге.

Мне в твоём характере и нравится то, что у тебя нет скверных компромиссов со грехом. И Господь да укрепит тебя быть такою до конца...

Ветхозаветные войны были грешные и святые; – святые – благословлялись Богом потому, что это были войны против зла, для истребления зла. Тебе это трудно понять, я понимаю после того, как слышал неповторимые, безмерно отвратительные слова, оскорбляющие Бога, пресв. Богородицу. Так вот червяка, ползущего по дороге, я жалею и никогда его не раздавлю, – а всегда сажу его в безопасную травку; а этих богохульников я способен был в 1927 году убить без всякого раскаяния, ибо я уничтожил бы отвратительный язык, способный только на зло. Прор. Илья, величайший святой, так собственноручно уничтожил несколько сот хулителей имени Божия. Но нам Ново-Заветным христианам это трудно понять...

17. 4. 1933

Копия

Ознакомившись с обстоятельствами церковной жизни в Баш. Республике и признав посвящение хор-епископа Варфоломея – деятеля еп. Руфина – канонически оправдываемым и для Церкви полезным, признаем его, Варфоломея, своим собратом и канонически полноправным епископом св. Апостольской Церкви,

Епископ Андрей, Епископ Никита⁶¹⁷, Епископ Лазарь

1933 г. апр. 30

...Ты хочешь успокоить меня, что от моего дела не отойдут мои последователи... Помни, что я делаю только Христово дело, а не мое. Если я буду гнуть какое-нибудь сумасшествие, то будь от меня подальше; но именно своего-то у меня ничего нет! Я хочу только сохранить свою совесть чистой и всякий шаг мой оправдываю я не своими умышлениями, а священным Писанием или свят. отцами...

<май> 1933

⁶¹⁷ Видимо, еп. Никита (Делекторский).

Материалы к истории Съезда православных староцерковников в Уфе 3–6 октября 1927 года⁶¹⁸

І. В церковно-общественный отдел совета Тихвинской старообрядческой общины

Членов Отдела оного

Павла Петровича Агафонова и Михаила Ивановича Бриллиантова

Доклад

В полночь на 1/14 октября с/г мы прибыли в Уфу. В этот же день, вечером, состоялось собрание членов церковного Совета Казанской старообрядческой общины в г. Уфе, при участии еп. Климента и нашем присутствии. На собрании Совета было заслушано сообщение, что 2/5 сего же октября открывается съезд (Собор) в г. Уфе, при участии еп. Климента и нашем присутствии. На Собрании Совета было заслушано сообщение, что 2/5 сего же октября открывается съезд (Собор) в городе Уфе последователей Архиепископа Андрея Уфимского по прилагаемой при сем программе под названием «Извещение». В пункте 6-м означенной программы поставлен вопрос: «Епископ Андрей и его отношение к старообрядчеству», на основании которого Уфимский Совет общины полагал, что своевременно с нашей стороны войти в официальные сношения с последователями Архиепископа Андрея и возбудить вопрос о мире и объединении обеих церквей, так как Архиепископ Андрей давно уже занят этим вопросом.

Ввиду сего и применительно к 103-му правилу Карфагенского Собора (по полн. перев.) Совет общины постановил написать обращение к их съезду (Собору) и предложить им войти с нами в переговоры по вопросу объединения обеих церквей.

После долгих и детальных обсуждений этого вопроса было составлено «предложение» на имя епископа, последователей Архиепископа Андрея, а также заготовлены и два проекта: на случай переговоров и соединения: «Постановление» и «Акт примирения» (см. прилож. №№2, 3 и 4). И вместе с тем постановлено внести еще два доклада: «О незаконности клятв Соборов 1656–1667 гг. и о законности Белокриницкой иерархии» (см. прилож. №№5 и 8)⁶¹⁹.

В субботу 2/15 октября один из нас (М.И. Бриллиантов), в присутствии еп. Климента и И.И. Шароватова имел свидание с епископами: Аввакумом и Руфином. На этом свидании вопрос главным образом касался образования самостоятельной их ни от кого не зависимой областной митрополии, или просто «автокефальной Церкви», хотя бы и возглавляемой архиепископом, что они имели возможность сделать, так они находятся в отдельном союзном государстве «Башреспублике». Предлагалось также с нашей стороны оставить после съезда (Собора) исполнительный комитет, под именем «Совета Собора». Не отрицая последнего предложения, еп. Аввакум, ввиду неподготовленности к первому предложению, находил со своей стороны оставить первый вопрос открытым.

В воскресенье 3/16 октября мы имели свидание с теми же двумя епископами – Аввакумом и Руфином и другими участниками съезда. В этом свидании принимали участие с нашей

⁶¹⁸ Агафонов П.П., Бриллиантов М.И. В церковно-общественный отдел совета Тихвинской старообрядческой общины, членов отдела оного доклад 11/24 октября 1927 г. (машинопись).

⁶¹⁹ Некоторые материалы этого съезда хранятся в личном фонде Алексея Ухтомского в Санкт-Петербургском филиале Архива Российской академии наук (ПФА РАН. Ф. 749. Оп. 3. Д. 25). Небольшой их фрагмент см. также: *Зимина Н.П.* Жизнеописание священномученика Симона, епископа Охтенского. С. 268, 396.

стороны еп. Климент и И.И. Шароватов. Вопрос главным образом касался объединения. По вопросу автокефальной церкви их в Башкирии, нами было указано 38 прав. VI Вселенского Собора и толкование на это правило Вальсомона⁶²⁰, а также и другие соображения по этому вопросу, но еп. Аввакум оставался на той же платформе нерешительности, между тем как еп. Руфин и некоторые члены съезда находили такое предложение приемлемым.

Открытие Съезда (Собора) их произошло 3/16 октября после вечерни и молебна Святителю Николаю.

Здесь же, при открытии Съезда был постановлен и порядок занятия Съезда (Собора): с 9 до 2 час. Дня заседание комиссии, с 2 до 4 час. перерыв, а с 4 до 10 или 11 часов вечера пленарное заседание Съезда. В числе других комиссий Съезда образована старообрядческая комиссия, состоящая из 40 членов.

Накануне открытия Съезда нами был предложен проект открытия Съезда, в котором касался вопрос об автокефалии их церкви (см. прилож. №7), но еп. Аввакум таким нашим предложением не воспользовался.

В понедельник 4/17 октября вне очереди было заслушано предложение Церковного Совета Казанской Старообрядческой Общины города Уфы. Предложение совета было поддержано нашим еп. Климентом и И.И. Шароватовым, но в чем принимали участие и мы, указывая на полезность единения при соблюдении с обеих сторон чинопоследований, преданий и обря-

⁶²⁰ 38-е правило VI (Константинопольского) Вселенского Собора: «Отцами нашими положенное сохраняем и мы правило, гласящее тако: Если царскою властью вновь устроен, или впредь устроен будет град: то гражданским и земским распределением да следует и распределение церковных дел»; толкование Вальсомона: «В двенадцатом правиле халкидонского собора мы написали сколько должно было написать. А так как настоящее правило определяет, чтобы царскою властью воздвигнутые, или имеющие быть воздвигнутыми города и в церковном отношении были почитаемы так, как предпишет царское повеление, то есть, имели достоинство епископии, или митрополии (ибо церковное распределение должно следовать гражданскому и народному распределению, то есть царским повелениям); то мы говорим, что настоящим правилом предоставлено царю вновь устраивать епископии, а иные возводить в достоинство митрополии, и делать распоряжения касательно замещения их по выбору и касательно прочего управления, по его усмотрению. А между тем ты должен знать, что в мае месяце 10-го индикта 6595 года издано повеление досточтимого императора господина Алексия Комнина, в котором дается разъяснение по тому случаю, когда вдовствовавшие митрополия василейская и митрополия мадитская и когда должно было избрать митрополитов в сии митрополии, восстали митрополиты ираклийский и анкирский и сказали, что в эти церкви, хотя они и почтены были достоинством митрополии, должно производить выборы не в Великой Церкви, но у них, потому что церковь мадридская была епископиею митрополита ираклийского, а церковь василейская епископиею анкирского. А как эти митрополиты сослались на 12-е правило халкидонского собора, предписывающее сохранять принадлежащие истинной митрополии права над церковью получившею честь митрополии по царским грамотам; то в присутствии собравшегося тогда синода состоялось императорское рассмотрение сего вопроса, вследствие которого предоставлено императору давать церквам предстоятельский престол (то есть епископский), а епископии, или архиепископии возводить в митрополии и, по его желанию, делать распоряжения касательно их замещения и прочего благоустройства, – без препятствия на это со стороны правила, предписывающего, чтобы митрополия сохраняла изначала принадлежащие ей права по отношению к епископии, удостоенной чести быть митрополией. Прочти это повеление, объясняющее, как должно понимать выражение, что «сохраняются права древней митрополии, и что одна епархия не рассекается на две». Мы не привели его здесь в целости по причине его обширности. Тоже самое повеление, после рассмотрения вопроса о том, что в церкви, получившие честь по царскому повелению, архиереи должны быть избираемы от престола константинопольского, и что прежние митрополиты в сих избраниях не имеют никакого участия, изъясняет и следующее: поелику же архиереи и еще, ссылаясь на правило халкидонского собора, говорили, что достаиваемые высшего престола по ходатайству получают высшую честь не по правилам, и хотели положить запрещение на неразумные искательства и предлагали о каноническом удостоении: то моя царская власть, по царскому своему достоинству, не желая пренебрегать и данным ей божественными канонами преимуществом, не желая принимать и ходатайство архиереев о возвышении их чести, как не согласные с правилами, и не признавая законным исполнение их просьбы, благоизволяет не иначе епископию делать престолом высшей степени, то есть возводить на степень архиепископии, или митрополии, как если император того времени по собственному побуждению, без посредства неблаговидного человеческого угождения, пожелает дать ей высшее достоинство, или для чести города, или за веру во святую церковь, или из уважения к добродетели ея предстоятеля, и вследствие этого будучи сам расположен даровать сию честь. Тому, кто дарует высшую степень по человеческому пристрастию и не похвальным образом, угрожает страх божественных правил. А дабы императору не подвергаться многократно сему страху, он и предоставляет святейшему патриарху того времени следующее: представляемый кем бы то ни было указ о предстоятельстве какой бы то ни было церкви не приводить в исполнение и не причислять предстоятеля ея к архиепископам, или митрополитам иначе, как тогда, когда по сношении патриарха об этом с императорскою властью и по рассмотрении божественных правил о сем, он узнает, что при своем изволении царь по благословной причине даровал честь церкви. Тогда он и примет этот указ, и получившего от царя высшую честь сопричислит к собранию подведомых ему архиереев». Итак, заметь слова настоящего императорского повеления о церквах, получивших честь возведения из епископий и архиепископий в митрополии».

дов апостольской Церкви. После долгого обмена мнений Комиссия сочувственно отнеслась к предложению Церковного Совета Казанской Общины и постановила в первую очередь внести на пленарное заседание Съезда в тот же день.

И Комиссия точно выполнила свое постановление.

Выслушав предложение Церковного Совета Казанской Старообрядческой Общины г. Уфы и заключение старообрядческой Комиссии, Съезд единогласно постановил: предложение принять и избрать для переговоров по этому вопросу особую полномочную комиссию, которая уполномачивается вести переговоры по вопросу объединения с Церковным Советом Казанской Старообрядческой Общины г. Уфы как во время заседаний Съезда, так и после заседаний его. Комиссия эта состоит из духовенства и мирян и 5 членов, трех кандидатов, и в эту же комиссию входят все епископы: Аввакум, Руфин, Антоний и Питирим.

Во вторник 5/18 октября в заседании особой полномочной Комиссии, в которой принимали участие еп. Руфин, наш еп. Климент, И.И. Шароватов, присутствовали и мы. Здесь были детально рассмотрены проекты: «Постановление» и «Акт примирения», а также и доклады о незаконности клятв Соборов 1666–1667 гг. и о законности Белокриницкой иерархии. И после длительного обмена мнений Комиссия постановила проекты «Постановление» и «Акт примирения» предложить Съезду принять к руководству; доклад же о законности Белокриницкой иерархии принять к сведению; а доклад о клятвах 1656–1667 гг. признать правильным, клятвы и Соборы незаконными и их отвергнуть. Все это было принято единогласно, за исключением лишь слова «незаконности» Собора 1667 г., причем один член Комиссии Н.Н. Першин остался при особом мнении – клятвы и Собор 1667 г. согласился отвергнуть, но удержать законность за Собором 1667 г., так как он был, и потому он Собор законный, действительный. Хотя такое особое мнение Н.Н. Першина не имеет никакого существенного отношения к делу объединения, но оно, как особое мнение, было занесено в протокол заседания Комиссии.

Ввиду важности и сложности обсуждаемого вопроса, Комиссия не имела времени составить доклад пленарному заседанию Съезда этого дня, так как эта особая полномочная комиссия работала без перерыва, вплоть до открытия пленарного заседания. Доклад Комиссии по этому вопросу будет внесен на обсуждение пленарного заседания Съезда в среду 6/19 октября.

В конце заседаний означенной Комиссии нами снова был возбужден вопрос об автокефалии их Церкви в Башреспублике, при этом, кроме 39 прав. VI-го Вселенского Собора и толкования на него Вальсомона⁶²¹, было указано Комиссии не только на пользу их Церкви, но и необходимость в деле объединения; так как такое самоопределение их Церкви гарантирует нас, что мы имеем дело только с ними одними, а не с другими их расколами.

Заканчивая настоящий доклад, мы не можем не высказать некоторых своих впечатлений о делах первого делового пленарного заседания их Съезда. Первым докладом на этом заседании был доклад священника Уфимской Монастырской церкви о. Симеона. В докладе о.

⁶²¹ «Понеже брат и сослужитель наш Иоанн, предстоятель острова Кипра, купно со своим народом, по причине варварских нашествий, и дабы освободиться от языческаго рабства, и верно покорствовати скипетру Христианской державы, из упомянутого острова переселился в Геллеспонтскую область, промышлением человеколюбиваго Бога, и тщанием Христолюбиваго и благочестиваго царя нашего, то мы постановляем: да будут сохранены неизменными преимущества, данная престолу выше наименованнаго мужа, от Богоносных отец, во Эфесе некогда собравшихся, да имеет новый Иустинианополь права Константинополя, и учреждаемый в оном Боголюбезнейший епископ да начальствует над всеми епископами Геллеспонския области, и да будет поставляем от своих епископов по древнему обычаю. Ибо и Богоносные отцы наши рассудили, да будут соблюдаемы обычаи кажда Церкви, и епископ града Кизическаго подчиняется предстоятелю реченнаго Иустинианополя, по примеру всех прочих епископов, подвластных вышереченному Боголюбезнейшему предстоятелю Иоанну; от котораго, когда потребно будет, и самага Кизика града епископ да поставляется»; толкование Вальсомона: «Из осмого правила Третьего Собора известно, что по ходатайству одного кипрскаго епископа, называемаго Ригином, церкви Кипрскаго определено быть самостоятельно и антиохийскому патриарху воспрещено совершать в ней рукоположения. А настоящее правило, изложенное по просьбе другаго кипрскаго архиепископа Иоанна, подтверждает и в Ефесе установленное, называя церковь кипрскую новым Юстинианополем, и определяет иметь права Константинополя, а также иметь под своею властью церкви областей геллеспонтских и церковь кизическую, и совершать рукоположения их епископов архиепископу кипрскому. В настоящее время ни одна из этих церквей не подчинена кипрскаго архиепископии, и прав Константинополя она не имеет, и нужно исследовать, как это сделалось».

Симеона трактуется о разделении последователей Никона. Из этого доклада видно, что Церковь их находится в раздоре, что она разделилась на четыре части: «тихоновцев», «обновленцев», «борисовцев» («Высший Церковный Совет») и их[,] «андреевцев». Доклад ясно охарактеризовал первые три отдела их Церкви, точно установил их раскол и мотивы их разделения, почему особо ценен этот доклад (см. прилож. №8).

Второй не менее важный доклад еп. Аввакума. В этом докладе трактуется «о местной церковной жизни», «о клерикализме церкви», о давлекановском еп. Иоанне (тихоновцы), о воцерковлении народа и пути его исправления и, причем, при этом докладе еп. Аввакума приложены «Декларация православных старообрядцев» и «Устав Союза объединенных православных приходов» (см. прил. №9).

Особенно важно в этом докладе еп. Аввакума о выборных правах Церкви и даже переизбрание в данный момент епископов и клира, чтобы таким путем сплотить паству с пастырями, словом, еп. Аввакум выражает желание и даже требует этого, чтобы народ принимал вместе с пастырями самое живейшее участие в делах Церкви и в чем он находит единственный путь к восстановлению церковной жизни.

Такое требование еп. Аввакума нисколько не расходится с жизнью апостольской Церкви, каждое «душа и сердце бе едино было» у пастырей и пасомых, оно не расходится с пожеланиями и нашей св. Церкви, которая стремится к тому, стремится к восстановлению в нашей св. Церкви именно этого древнего уклада жизни церковной.

Оставляя г. Уфу, мы считаем себя счастливыми, что мы имели возможность не только ознакомиться с епископами, последователями Архиепископа Андрея Уфимского, но и привнести в среду их те церковные взгляды, которые открывают широкий путь к общему нашему единению, на основании твердых церковных устоев: чиноположений, преданий и обрядов св. Церкви.

Председатель Совета: *П.П. Агафонов*

Секретарь: *М. Бриллиантов*

11/24 октября 1927 г.

II. Доклад о местной церковной жизни

В этом докладе я собираюсь изложить главнейшие причины разложения вашей Уфимской церковной жизни, а также по возможности указать и выход из создавшегося положения.

Падение нравственности духовенства

Если мы станем изучать современную церковную жизнь, то мы наткнемся в ней на три очень большие ненормальности: первая из них и самая темная – это удивительное падение нравственности среди духовенства: пьяное, продажное, безбожное духовенство – это самое распространенное, обычное явление в нашей жизни, – настолько обычное, что к этому, кажется, все привыкли. Так что молитвенно настроенный, твердый в убеждениях и любящий свое дело батюшка – это изумление для самих верующих. Теперь всякий священник имеет целую массу наблюдений по этому поводу, да и для всякого верующего эти факты общеизвестны. Всем, думаю, известно «житие» обновленческого епископа «Зосимы Александра», которое теперь стало «притчей во языцех» и который был одним из первых, попавших на этот печальный путь, а сейчас по нему катится целая волна несчастных. Мне невозможно останавливаться сейчас на Уфимской, в частности, епархии, где непробудное пьянство, утерянные кресты, пьяное духовенство в канавах и отреченное от священства, двуженство – все это совершается на ваших, так сказать, глазах и в близкой нам епархии. Про это ходят целые анекдоты и целые легенды. Вспомним это для того, чтобы найти причины этого явления для борьбы с

ним. Главнейшие причины этого явления можно искать только в прежнем положении Церкви, только распутинские синоды могли создавать людей, столь растерявших всякое дело, какое им прикажут, готовых на все за кусок хлеба, выдвинули эту кучу людей, показавшую теперь свой подлинный образ. Таков страшный остаток пережитого времени, с которым нам теперь приходится считаться, может быть, в жизни ближе всего.

Клерикализм и папизм

а) митр. Сергий

Второй, но, может быть, самый грозный факт нашей жизни – факт, в котором кроются корни многих наших церковных разделений, – это опять-таки зло среди нашего духовенства, главным образом, высшего: это удивительное падение клерикализма и даже истинного цезаропапизма. Стоит только присмотреться сейчас, например, к деятельности митр. Сергия: его беззакония, без суда, запрещение еп. Андрея, явная клевета, которую он распространяет на него в своем послании к Уфимцам, вообще все его вмешательства в дела Уфимской епархии, его беззаконное запрещение целого собора епископов, собравшихся в Москве и учредивших временный Высший Церковный Совет, наконец, создание того страшного Синода, который мы наблюдаем теперь у него в Москве, созданного при полном презрении к самонаименованным принципам соборности, созданного из бывших деятелей распутинских синодов, – мало того, из них сам Сергий успел уже побывать в «Живой Церкви», Филипп уходил в раскол и отрекался от православия⁶²², а теперь правит Московской епархией. Сейчас Сергий открыто признает свое единоличное «возглавление Российской Церкви», а Синод имеет лишь значение вспомогательного органа лично при мне... полномочия Синода проистекают из моих и вместе с ними падают, заявляет он. Таков новый Синод, таковы аппетиты самого Сергия. Он сумел, презирая каноны

⁶²² «Приемная грамота» еп. Филиппа была обнародована В.З. Белоликовым: «В лето от сотворения мира 7433, а от Рождества Христова 1924 г. месяца Декабря 26 дня, ст. ст. в четверг, в 2 часа пополудни, в храме иже во Святых Отца нашего Николы Архиепископа Мирликийского Чудотворца, града Москвы (угол Малой Андроньевской и 3-й Рогожской улиц, д. 13/20) присоединен в сущем сане, к истинной Христовой Древле православной старообрядческой церкви, кафедральный Балахнинский Епископ Филипп (а в мире Сергей Николаевич Гуммилевский) 47 лет. Присоединение совершил священно-протопоп о. Александр Соколов, настоятель храма с. Каменки, Пензенской губернии, 2-м чином, через миропомазание, в присутствии следующих лиц: Архиепископа Николы, священно-игумена о. Михея, священно-диакона о. Петра Гришина, уставщика Т.А. Баламожнова, товарища председателя Московского Общества М.А. Андрианова, церковного старосты А.М. Рыболова, В.Я. Розановой, Л.А. Рыболовой, В.М. Белобородовой, П.Т. Коноплевы, А. Баламожновой, и А.С. Филипповой, представителя города Тулы А.Н. Карпова и представителей села Коломенского Д.А. Карасева и Д.Н. Фарафонова. Означенное присоединение 2-м чином произведено согласно 68 Ап. Прав.; 8 прав 1-го Вс. Соб., 7-е прав 2-го Вс. Соб., 95 прав. 6-го Вс. Соб., 7-го прав. Лаод. Соб.; 17 прав. Василия Великого, Севаст. Армен. Книга 5-я, надпись 5-я, Феодора Студита, том 2, его же деяния 7-го Соб., том 7-й, Саввы Освященн. Минея Митрополита Макария 5-го декабря, и на основании постановлений: Нижегородских, Вольских, Московских съездов, а также и старообрядческого собора, бывшего 12/25 мая 1924 г. в Москве под председательством Архиепископа Николы. Упомянутый присоединенный Епископ Филипп, родившийся и крещенный в городе Москве, был хиротонисан во Епископа Архиепископом Новочеркасским Митрофаном, Епископом Таганрогским Арсением и Епископом Аксайским Модестом, до разделения Великороссийской церкви, а именно: 28 ноября 1920 года. Последнюю литургию до перехода в старообрядчество служил 25 декабря ст. ст. 1924 года в Москве, в церкви Святых Отец Седьмого Вселенского Собора, что у Новодевичьего монастыря, в присутствии представителей наших старообрядцев. К сей грамоте собственноручно подписуемся. Епископа Филиппа Балахнинского присоединял II чином в старообрядчество Протопоп Александр Соколов. Архиепископ Никола, Священно-игумен Михей, Священно-диакон Петр Гришин, Товарищ председателя Общины М. Андрианов, Церковный староста А.М. Рыболов, Прихожане: уставщик Трофим Баламожнов, за неграмотность своей жены расписался по ее просьбе Трофим Баламожнов, Вера Михайловна Белобородова, Стефанида Григорьевна Мелехонова, Александра Степановна Филиппова. Представитель г. Тулы Алексей Николаевич Карпов, Лидия Александровна Рыболова, Пелагея Терентьевна Коноплева». (Вестник Священного Синода [обновленческого]. 1927. №9–10 (22–23). С. 26–28). Однако от служения у старообрядцев еп. Филипп всячески уклонялся: например, сказавшись больным, сорвал архиерейскую хиротонию некоего беглопоповского архимандрита Никона, для которой требовалось два епископа – Филипп и, видимо, Никола (Позднев). В.З. Белоликов комментировал это поведение и последующий уход еп. Филиппа от старообрядцев так: «Пусть знает верующая Москва, что во главе Московской церкви [т.е. на кафедре викария Звенигородского, как именовался управлявший Московской епархией при местоблюстителе Сергии] стоит перемазанный старообрядцами епископ, потерявший через это благодать священства... Человек, так кощунственно презревший каноны Церкви, насмеявшийся над искренностью старообрядцев, поверивших его архиерейскому обещанию – не может быть руководителем верующих» (Там же. №7–8 (20–21). С. 29).

церковные, захватить власть, незаконно распоряжаться ею, сделав себя единоличным главой русской Церкви, вызвав эту кощунственную ересь, как пишут епископы, признающие временный Высший Церковный Совет. Сергей назначил себе подходящий Синод и теперь царствует, бесцеремонно захватив права и позабыв все свои обязанности.

б) об Иване Епископе Давлекановском

Таковы центральная власть, таковы и ее последователи, ее выразители здесь на местах. Мне теперь, может быть, и следовало бы остановиться подробнее на деятельности местных епископов, но на этом останавливался достаточно подробно Архиепископ Андрей в своих многочисленных словах, посланиях, проповедях и т.д., и я только отмечу вкратце, для уяснения дела, а не для разбирательства его, которое производить не приходится, отмечу, что еп. Иоанн после 1923 года отрекся от своих прежних взглядов на церковную жизнь, обманув своего учителя, затем отрекся и от патриарха, очень остроумно отделив Святейшего Тихона от «тихоновщины», собрал всех бывших живоцерковников и обновленцев, учредил из них Епархиальное Управление и стал проводить в жизнь обновленческие идеалы, прикрываясь именем староцерковника. Народ поверил ему сначала, пока еще нельзя было уяснить, но затем стал отходить и требовал себе новых епископов, почему и были поставлены епископы Антоний, Руфин, Питирим. Когда же еп. Иоанн убедился, что народ от него отходит, тогда начал употреблять обычные на этот счет приемы древних еретиков, начиная с запрещений, анафемствований соборов и кончая клеветой доносов и используя все средства, которые могут быть в руках озлобленного епископа, могущего влиять и толпой народа и кое-какими другими средствами.

Не довольствуясь этим, еп. Иоанн совершил такое же незаконное захватничество и в Старо-Уфимской епархии и в то же время, когда я был в ссылке, он занял храмы, поставил туда настоятелями священников, упорно не желающих признавать меня своим епископом, а когда я в июле месяце 1926 года возвратился из ссылки и по приглашению общин стал служить, то оказалось, что он и храмы-то зарегистрировал за собой, настоятелей и народ восстановил против меня, а в самый день службы моей прибыл в храм, учинил скандал, так что две прихожанки жаловались, что он им заехал в физиономию, ворвался в храм, служил, а затем я же по его проискам должен был отвечать.

Эта борьба характерна тем, что она является борьбой между еп. Иоанном вкуче с его духовенством, связанным обетами и подпиской, и народом церковным, который в массе своей настроен и сейчас всецело против еп. Иоанна. Как на характерный случай укажу на свой Благовещенский приход, который, когда разделяли храмы, разделился, и в таком виде у нашего прихода было около 800 душ мирян, за еп. Иоанна – 50 человек⁶²³: правда, у него осталось больше монахинь, но это потому, что игуменья, влияя на артель, лишила пайка всех тех старых монахинь, которые не захотели подчиниться незаконному еп. Иоанна: и однако, несмотря на все эти лишения, которые так старательно придумывали эти люди, ненавидящие народ церковный и не желающие с ним считаться, – около 70 монахинь ушли от игуменьи.

Удивительное презрение в этом отношении высказано этим течением к народу: в этом отношении здесь полное сходство с обновленчеством и прочное обоснование клерикализма: здесь духовенство организуется как бы в самостоятельное сословие, которому надлежит управлять народом, а не служить ему, помогая самому организовываться и работать. Сам еп. Иоанн буквально командует своими приходскими Советами безо всяких собраний и советов и смещает состав Советов, так, когда Иверский приход при моем возвращении пригласил меня слу-

⁶²³ С 1919 г. женский Благовещенский монастырь в Уфе формально существовал как сельхозартель (240 сестер), в 1922 г. монастырские церкви переданы Иверской приходской общине; в августе 1926 г. эта община разделилась на большую Благовещенскую (с Благовещенским собором и храмом Александра Невского) и меньшую Иверскую (при одноименном храме), существовавшие раздельно вплоть до апреля 1929 г.; в 1930 г. Благовещенский собор был снесен, прочие здания обители на Сочинской (бывш. Усольской) ул. сохранились. См.: Дорога к храму (История религиозных заведений города Уфы). С. 58–59.

жить, то еп. Иоанн сейчас же прислал протоиерея Будкина, захватившего сейчас Иверский храм, смещает и расформировывает весь состав приходского Совета и ведение делами общины передает одному лицу. Так потом это и прошло в жизнь у него в общины. На этот факт я прошу обратить особое внимание собрания. Сейчас обновленцы старательно проводят в жизнь эти остатки пережитого несчастья русской Церкви, они всеми силами стараются создать из прихода, из Церкви создать учреждение – это во-первых, а во-вторых, водворить там священника в виде какого-то самостоятельного управляющего. Они добиваются того, чтобы председатель Совета был священник, чтобы вся деятельность была в его руках, даже чуть ли не того, чтобы и храмы-то были переданы лично им, в их пользование, как это происходит с предприятиями, и таким образом, стремятся изгнать всякое церковное начинание, всякое дело церковное: они фактически не веруют и отрицают Церковь, просто изгоняя ее. Так происходит главным образом и наиболее ярко у обновленцев (напр., Покровская церковь); то же повторяется у еп. Иоанна – Ильинская, Троицкая церковь и другие⁶²⁴.

Такая же война между народом и епископом идет особенно ожесточенно в Златоустовской епархии, и (прошу на это обратить внимание) там поразительно то, что там всего только один еп. Николай, а народ все-таки ушел от него, и там народ в массе своей народ религиозный. Здесь в Уфе упрекают нас, что мы, епископы, произвели разделение, что все разделение лежит в нас, епископах, только. Но пример Златоустовской епархии – характерный пример: там у еп. Николая разделения не производят, а народ от него уходит: по слухам более двух третей приходов от епархии от него ушло; в самом Златоусте у него якобы остался один храм... Интересно спросить, почему народ уходит, стоит поговорить с златоустовцами и вы убедитесь, что дело в самом еп. Николае. Народ сам себе ищет твердого в убеждениях и любящего свое дело епископа, а еп. Николай только и делает, что склоняется от течения к течению, а над народом хочет господствовать, как и все сергиевцы. Я еще раз подтверждаю, что этот пример с ясностью говорит, что среди самого народа идет сейчас огромное, массовое искательство к устройению церковной жизни: народ если не понял, то чувствует неправославные, но папистско-клерикальные, гонительные тенденции духовенства и ищет чего-то другого, ищет более справедливых форм церковной жизни, проще говоря – ищет православия, лучше сказать – право-жития. Так, в Златоустовской епархии нельзя сказать, что Андрей или Аввакум произвели разделение, потому что народ не идет с нами: больше того, там совсем народ не знает, за кем идти: они всюду бросаются, и в Самаре и там признают себе епископа, затем в Сарапуль и т.д., всюду отыскивая, а наше течение не признают, потому что сбиты с толку и в массе своей не пришли к сознанию, что им как раз нужно то, что ищет и наш народ, что строит сейчас – это именно церковно-приходская жизнь. Итак, раздел между народом и духовенством несомненно существует и возникает не только из разделений между епископами. Мы, видя причину этого явления в том, что на нашу почву переносят католические взгляды на епископа, как на князя церкви, и эти взгляды проводят, конечно, сами епископы и проводят его обновленцы, а затем и сергиевцы. Конечно, эти взгляды не могли зародиться у нас теперь, при Сов. Власти, но, очевидно, это остатки той же прежней распутищины, построения синодов того времени.

Итак, мы усматриваем важнейшими виновниками этого зла опять-таки деяния прежнего распутинского Синода.

⁶²⁴ Покровский храм (ул. Мингажева, 4, бывш. Сибирская) в 1923–1940 гг. принадлежал обновленцам во главе с протоиереем Павлом Васильевичем Яковлевым, в 1923 г. издававшим журнал «Церковный рассвет»; Ильинский храм находился на ул. Фрунзе (бывш. Ильинской), 64, снесен после 1931 г.; Троицкий храм – на Первомайской (бывш. Троицкой) площади, закрыт в апреле 1933 г., взорван в 1955 г. (Там же. С. 11–15, 21–22, 27–28).

Третье зло – малая воцерковленность народа

Третий важный изъян нашей церковной жизни – это малая воцерковленность нашего народа. Об этом много говорить не приходится, так как писалось и говорилось очень много. Конечно, это прежде всего, несомненно, остатки прежнего времени, а затем и отпадения последнего времени, которые происходят на глазах у всех нас и о которых мы все отлично знаем. Таковы главнейшие беды нашей церковной жизни.

Пути исправления

После рассмотрения важнейших недостатков нашей церковной жизни мы должны перейти к вопросу о строительстве церковном. Такие факты, как страшные расколы Церкви Русской во всероссийском масштабе, отступления огромного количества приходов, даже целых епархий от своего епископа, явно цезаро-папическое устройство жизни, нравственное разложение духовенства, наконец, огромное влияние антирелигиозной пропаганды требуют от нас очень осторожного и продуманного подхода к делу. Мне думается, что единственно правильный путь борьбы с этими ужасающими по своей силе, разлагающими церковную жизнь, факторами – это то строительство церковной жизни, на котором мы сейчас до известной степени стоим.

Первый шаг – перевыборы духовенства

Излечение должно искать в совершенной перемене своих взглядов на церковный народ и его деятельность. Церковность, соборность должны занять свое место в жизни. Церковь как общество верующих должно быть восстановлено в его полной силе, и ему должны быть даны принадлежащие ему права. Итак, что же нужно?

Перевыборы пастырей

Прежде всего должны быть осуществлены выборные права Церкви. Прежде всего приходы должны действительно себе избрать достойных пастырей, которые бы знали свои обязанности. Все же недостойные пастыри должны быть лишены доверия и, так сказать, остаться вне церковной жизни. Этим приемом будет достигнута возможность избавиться от негодного в нравственном отношении и непригодного по церковным взглядам элемента.

Перевыборы архипастырей

Но этого мало: нужно для всей нашей жизни такое же отношение и к архипастырям. Епископы должны непременно быть переизбраны, и таким образом окажутся лишенными доверия те из них, которые ведут войну или командуют своей паствой или еще почему-либо неприемлемы.

Такая постановка дела повсеместно могла бы сыграть огромную роль именно теперь. Это было бы грандиозное очищение Церкви от всех тех отбросов, которые остались после переваживания церковным народом пищи, полученной еще во времена распутинские. Нужно в этом отношении дать права голосу Церкви, голосу самого верующего народа.

Епископы обновленческого или полуобновленческого (сергиевского) течения очень боятся такой постановки дела, т.к. они, действительно, не имеют за собой никакой церковной поддержки, никакого церковного голоса и не пользуются никаким доверием: но они в существе дела просто отрицают Церковь, как общество, имеющее огромные права и обязанности,

совершенно почти утерянные в ужасное время всего петербургского периода русской жизни. Такой должен быть первый шаг в деле восстановления церковной жизни.

Второй шаг – увеличение епископий

Второй шаг должен выразиться в восстановлении древнего взгляда на количество епископов и размеры епископий. По этому поводу я распространяться не буду и отсылаю желающих к прекрасному труду историка Болотова: «Лекции по истории Древней Церкви» ч. 3-я.

Вот что по этому поводу пишет история: Латинская Африка занимала 347.000 кв. км, что равняется нашим 7 губерниям (Тверской, Ярославской, Костромской, Нижегородской, Московской, Владимирской, Калужской). На этой территории в 484 г. было не 7 и не 14 (если считать наших викариев), а 454 епископа и 746 кв. км на епископию...

В таком случае придется на площадь Новгородской губернии 16 епископий, Тверской – 85, Петроградской – 79, Московской – 49, и это не крайний предел густоты епископий... «От центра до крайнего предела епископии существовало расстояние не более полутора часов езды по грунтовой дороге» ... «без большой погрешности можно принять, что на епископа приходилось 10 (редко 15) тысяч населения»⁶²⁵, вот попечения о храме какое было устройство в этом отношении в одной из областей. Здесь действительно, хоть немного доступно исполнить завет Христа: «Пастырь знает овец своих по имени» (Ев. Иоанн), а при нашем теперешнем устройстве, конечно, совершенно невозможно делать какое-либо церковное дело. Я знаю места, где епископ уже не бывал 7 лет. Там умирают, не выдав ни разу епископа. Какое же возможно понятие о Церкви, если без епископа нет и Церкви, а тут его как раз и нет совсем.

Итак, в наше время должно быть хотя какое-нибудь приближение к этому, действительно церковному, порядку вещей.

В петербургский период жизни церковной, когда епископ должен был быть подобием губернатора и пользоваться полицией для осуществления своих приказов и указов, такое строительство, как теперь, было допустимо и, может быть, удобно, а теперь епископ должен стать надзирателем в самом практическом и деловом смысле слова, а потому в ведении его должно быть столько приходо-в, чтобы у него хватило сил быть полезным епископом для всех верующих своей епархии. Так наш съезд должен высказаться за увеличение числа епископий, как за необходимую меру улучшения церковной жизни.

⁶²⁵ Местами близкий к тексту оригинала пересказ, местами прямые цитаты из следующего фрагмента: «Латинская Африка, т.е. Africa Proconsularis, Byzacena, Numidia, Mauretania, занимала 347.000 кв. километров (километр – несколько менее нашей версты) = нашим 7 губерниям: Тверской, Ярославской, Костромской, Нижегородской, Московской, Владимирской и Калужской. На этой территории в 484 г. было не 7 и не 14, если считать наших викариев, а 454 епископии, по 764 кв. километров на епископию. Но и эта цифра 764 – не минимальная. Из 454 епископий только 4 можно отнести на Mauretania Tingitana, которая занимает 53.000 кв. километров (более Нижегородской или Черниговской, но менее Петербургской губернии). В общем на каждую из остающихся 450 епископий придется лишь 680 кв. километров. В первом случае придется на площадь Новгородской епархии 160 епископий, Тверской – 85½, Петербургской – 70, Московской – 44. А с отделением Mauretania Tingitana на Новгородскую придется 180, Тверскую – 96, Петербургскую – 79, Московскую – 49. И это не крайний предел густоты епископий. Africa Proconsularis в 484 г. представляла 54 епископии, а по пространству не занимала и 25.000 кв. км. (менее Курляндской губ.). В 461 г. количество епископий доходило до 70. От центра до крайнего предела епископий существовало расстояние лишь в 1½ часа почтовой езды по грунтовой дороге. Где бы ни находился митрополит, через 6 часов он мог быть на месте происшествия (3+3 = 6). Но необходимо знать и количество населения. В упомянутых 7 губерниях 10.250.180 жителей... Население Африки, как полагают, доходило в цветущую пору до 8–9 миллионов. Но в IV–V вв. значительный процент населения составляли язычники, а остаток нужно разделить между кафоликами и донатистами. Поэтому без большой погрешности можно признать, что на епископию приходилось 10 (редко 15) тысяч населения» (Болотов В.В. Лекции по истории древней Церкви. Т. 3: История Церкви в период Вселенских соборов: 1. Церковь и государство; 2. Церковный строй. СПб., 1913. С. 204–205).

Третий шаг к устройению церковной жизни. Приходские Советы

Третий чрезвычайно важный шаг к выправлению церковной жизни, это правильный взгляд на роль и место в жизни общины Приходского Совета. Как самая церковная жизнь, так и те обязанности, которые принимают на себя лица, возглавляющие общину, должны иметь несколько, так сказать, «центров» своей деятельности. Так прежде всего община получает имущество, за которое она отвечает, – следовательно нужны два, три ответственных лица, которые могли бы следить за ним, за состоянием храма (ремонт, удобства богослужения, починка риз и т.д.). Это составляет так называемый **ПОДОТДЕЛ ПОПЕЧЕНИЯ О ХРАМЕ**.

Так как община должна заботиться о богослужении и о проповедничестве, одновременно являясь ответственной за содержание проповедей, то должен быть и подотдел «**Культурно-просветительный**» – пункты «а», «б», «в», пар. 3 договора, думаю, что тоже два-три человека.

Подотдел церковного суда. Дисциплинарный. I Кор. и блг. 1–9 ст.

Далее, так как община бывает принуждена устранять негодных членов, а с другой стороны, совершать таинства крещения и брака или священнослужения, которые часто требуют разбирательства дела, то должен быть подотдел церковного суда (пункт 5 нормального устава), состоящий тоже из 2–3 человек.

Подотдел финансовый. Затем при сложности церковного денежного ведения трудно иметь одного только казначея. Необходимо лицо для постоянного пребывания за денежным ящиком, нужен тоже подотдел финансовый из 2–3 лиц.

Подотдел благотворительный. Рим. 4, 10, 15–18; Рим. 16, 1–2. Наконец, из самого понятия церковного дела там необходимо существует благотворительность, и следовательно нужен подотдел благотворительный, который заведует этой частью церковной жизни.

Таким образом, каждый из этих подотделов является ответственным как перед избравшей его общиной, так и перед своей властью, за ту часть церковной жизни, которая ему вручается общиной, перед которой он и должен ежегодно отчитываться в своей деятельности. Само собой понятно, что в важных случаях церковной жизни эти подотделы устраивают свои объединенные собрания, это и есть Приходской Совет, председатель которого и является главным и ответственным лицом за всю приходскую жизнь общины.

Таким образом, очевидно, что Прих. Совет должен иметь достаточное количество членов, чтобы жизнь общины протекала нормально, чтобы каждый из этих подотделов совершал свою работу без упущения. Конечно, нужны специалисты по всем этим отраслям, ибо люди, ведущие хозяйство храма (имущество), часто мало сведущи в проповедничестве или наблюдении за ним, а более образованные, например, чтобы стоять за свечным ящиком и т.д. И, таким образом, каждый подотдел непременно должен знать и делать свое дело.

В сущности вся эта деятельность подотделов предусмотрена (по крайней мере, намечены вехи ее) «Нормальным Уставом» и «Договором», т.е. самим Сов. Законодательством, и таким образом это наше построение Прих. Совета вытекает из самого этого сов. законодательства. Таков должен быть состав и деятельность Прих. Совета. Конечно, из смысла этого вытекает, что председателем его должен быть мирянин, что он должен быть лицом очень ответственным, а потому и достаточно развитым.

Четвертый шаг к устройению церковной жизни

Следующий этап в устройении церковной жизни – это организация «Союза Приходов» или «Объединений Приходов». Каждый отдельный приход существовать как совершенно отдельный от других не может, он связан с другими, а в теперешнее время эта связь сама собой увеличилась, и вот почему. Один приход сейчас почти не имеет возможности избавиться от своих

недостойных «батюшек», да и сами эти изгнанные переходят из прихода в приход, унося только раздоры, и сами уже невольно являются объединяющими звеньями. Избавиться от такого устройства возможно только при устройстве «Окружных объединений». Практика жизни сама показала и ввела в жизнь это требование. Кроме того, и другие стороны церковной жизни тоже ведут к тому же, к необходимости таких объединений. Например, должна же лежать на ком-нибудь ответственность за деятельность округов перед Сов. властью. Таким ответственным лицом и становится «Совет Союза».

Такое объединение почти в полной мере предусматривает и сов. законодательство (инструкция в «Известиях» от 23 апр. 1923 года)⁶²⁶. Там пункты 6 и 9 говорят о возможности съездов приходов и о возможности устройства (п. 8) ответственного органа, именно: «Совета объединенных приходов» (С.О.П.) [, каковые] и являются связующим органом всех приходов, входящих в союз и ответственным за всю их «Союзную жизнь». Очевидно, по самому смыслу, что структура и деятельность такого совета вполне совпадает со структурой и деятельностью каждого прих. Совета. Те же подотделы должны быть и тут... Только я думаю, что необходимыми членами должны быть все председатели Прих. Советов города, где пребывает этот Совет, а остальные члены избираются съездом наподобие того, который мы имеем. Таким образом, устав его почти ничем не отличается от устава нормального прихода, но, конечно, требует кое-каких дополнений, этот устав прилагаю здесь.

Окружной Совет Союза

Каждый округ должен иметь такой Совет. Совет, опять состоящий из мирян, а духовенство входит туда с совещательным голосом. Такой Союзный Совет может избирать себе и особого епископа.

Епархиальный Союз

Группа таких округов, определяющих епархию, выделяет совершенно таким же образом Епархиальный Союзный Совет, который является ответственным лицом за целую епархию и может иметь своего архиепископа, конечно, опять избранного съездом всех округов.

Организация пастырей

Так должна быть организована наша церковная жизнь. Остается еще заметить, что пастыри имеют обязанность устраивать свои съезды, совещания и проч. для разрешения своих пастырских дел, и на этих съездах миряне, конечно, могут присутствовать только с совещательным голосом. Таким образом, будет закончена в общих чертах организация церковной жизни. Ниже я прилагаю и примерный устав «Совета Союза Приходских Советов» или «Совета объединенных Приходов», составленный по типу и очень близко подходящий к примерному уставу приходскому.

Думая, что для проведения в жизнь этой организации нужно, согласно пункт. 8 и 9 инструкций от 27 апреля 1923 года, избрать уполномоченных для осуществления в жизни проектов.

Кроме того, я предложил бы Съезду признать прилагаемую ниже «Декларацию» – послание, которое было бы, так сказать, постоянным руководством для всех наших церковных деятелей с одной стороны, а с другой ознакомило бы и весь верующий народ с тем, кто мы и чего ищем, так как о нас буквально ходят целые легенды.

⁶²⁶ «Инструкция о порядке регистрации религиозных обществ и выдачи разрешений на созыв съездов таковых», утвержденная постановлением Наркомюста и Наркомата внутренних дел от 15 апреля 1923 г.

УСТАВ СОЮЗА ОБЪЕДИНЕННЫХ ПРАВОСЛАВНЫХ ПРИХОДОВ

Цель и задачи

1. На основании инструкции Н.К.Ю. и Н.К.В.Д. Р.С.Ф.С.Р. о порядке регистрации религиозных объединений («Известия ВЦИК», №92 от 27 апр. 1923 г. п. 8 и 9) возникает и настоящее общество, целью которого является согласование и объединение церковных православных приходов, стремящихся к осуществлению подлинной церковной жизни в противовес развивающемуся клерикализму и антицерковным движениям.

2. С этой целью все приходы, входящие в состав Союза объединенных приходов:

а) устраивают съезды, учреждают постоянный орган «Совет православных объединенных приходов»;

б) заботятся о доброй жизни, благотворительности и просвещении приходов;

в) разрешают различные церковные вопросы;

г) осуществляют принцип выборности духовенства.

Состав Объединения

3. Членами объединения могут быть все православные приходы, устраивающие свою жизнь в согласии с заданиями Объединения и зарегистрированные согласно инструкции 27 апр. 1923 г. и 10 мая 1923 г.

4. Зачисление в члены производит Совет.

5. Выбытие из объединения производится или по заявлению, или по постановлению двух третей членов Съезда.

Средства

6. Составляются из добровольных пожертвований, вступительных взносов, а также изыскиваются другие источники для покрытия расходов, разрешенные властью.

Управление делами

7. Все дела, возникающие в жизни верующих, разрешаются на съездах уполномоченных, которые созываются по крайней мере раз в год для отчета, избрания Совета и других возникающих дел.

8. Съезд созывается Советом или очередной, или экстренный по инициативе членов Совета или по требованию не менее трех приходов.

9. Съезд составляется из трех депутатов от каждого прихода: председателя Прих. Совета, избранного мирянина и представителя духовенства, тоже избранного.

10. Съезд созывается по разрешению власти и дела на нем разрешаются простым большинством голосов.

11. Съезд выбирает «Совет» – постоянный исполнительный объединяющий орган, состоящий из председателей Прих. Советов городских церквей и избранных на Съезде мирян, который и действует от лица всех приходов, входящих в состав объединения в пределах, предоставленных ему Съездом.

12. Местопробывание Совета в г. Уфе, он имеет свою печать с надписью: «Совет Объединенных Православных приходов».

13. Съезд также избирает себе епископа, через которого и входит в общение со всею Церковью.

14. Устав Объединения может быть изменен Съездом по постановлению двух третей членов с последующим утверждением органом государственной власти.

III. Резолюция Съезда православных староцерковников, бывшего в городе Уфе с 3 по 6 октября 1927 года

I. По вопросу о современных церковных течениях

1. Современное церковное положение выражается в трех основных течениях:

1) Обновленчество.

2) Сторонники м. Сергия и его Синода.

3) Сторонники ВВЦС, возглавляемого архиеп. Григорием Свердловским и Борисом Можайским.

2. Обновленчество, как явление, разрушающее церковность, что теперь с несомненностью выяснилось, в настоящее время умирает медленной, но верной смертью, а потому и отношение к нему может быть только отрицательное.

3. Течение, возглавляемое митр. Сергием и его Синодом, стремится создать церковную власть из православных епископов на основе патриаршего единоличного управления, но ввиду того, что власть м. Сергия соорганизована неканонично и, кроме того, его церковная деятельность служит на разорение Церкви, т.е. он вводит какое-то тайное обновленчество, что видно из деятельности епископов (сергиевцев) Иоанна Пояркова (Давлекановского), Николая Ипатова (Златоустовского), Иринея Елабугского, признать эту власть неприемлемой.

4. Староцерковничество, возглавляемое ВВЦС, есть такая же попытка организовать верховную власть русской Церкви, но ввиду того, что эта попытка, как показала настоящая действительность, не увенчалась всеобщим успехом, то просить епископов, группирующихся около ВВЦС, принять все меры к организации объединенного церковного управления более каноническим путем и принять все меры к тому, чтобы в деле церковного строительства перешли на путь подлинной апостольской жизни, в согласии с предложенной нашим Съездом Декларацией, а до тех пор, пока этого не будет, сохранять выжидательное положение. Такое наше отношение к вопросу о высшем церковном управлении есть результат нашего горького опыта, когда нам пришлось быть очевидцами частой смены высших церковных управлений, составляемых то из обновленцев, то из полуобновленцев, то из таких староцерковных деятелей, которые находили для себя возможным работать при всяких церковных веяниях, теряя нравственную стойкость своей личности.

А посему, не вдаваясь в оценку того или иного органа управления, находим целесообразным приступить к устройению местной церковной жизни, памятуя, что каноническое устройство местной церковной жизни скорее приведет нас к церковному Собору, чем наши споры о правах тех или иных иерархов на власть.

5. По второму вопросу, для руководства при устройении местной церковной жизни была выработана нижеследующая Декларация, которой и следует пользоваться.

Декларация православных староцерковников

II. Выдержка из доклада «О местной церковной жизни»

III. По вопросу о благотворительности и средствах на церковные нужды постановили:

Поручить Совету объединенных приходов принять все меры к проведению в жизнь тех начал, которые предусмотрела и разработала комиссия, а Прих. Советам осуществить их на деле.

Выдержка из доклада, принятого съездом

Церковь есть объединение верующих, огромная семья, объединенная Христовой любовью, отсюда каждый член Церкви обязан заботиться о всяком брате своем во Христе, почему

благотворительность и должна быть поставлена во главу угла церковно-приходской жизни по заповеди Христа Спасителя, который сказал: «Вы дайте им есть» (Мф. 14, 16).

У нас долгими годами установился совершенно неправильный взгляд на благотворительность как на забаву праздных людей, в то время как у ап. Павла благотворительность положена в основу жизни церковной и имеет двоякую цель: воспитывать в любви и получающего и дающего.

Для упрочения церковной жизни нужны не копеечные тарелочные сборы, а более серьезные и постоянные источники средств. Нужно достичь того, чтобы еженедельная просфора, т.е. добровольное пожертвование, хранилось в каждом доме и раз в неделю все отложенное для Церкви приносилось к приходскому казначею в общую церковную кассу.

Нужно православным понять, что просфора церковная – есть непрременный членский взнос верующего человека в церковную кассу. Без этого взноса он не член своей общины и исключается из нее.

Как пример серьезной постановки дела можно указать на обычай, существовавший в христианской Церкви времен св. Ипполита в III веке, приносить начаток и десятину от всех стяжаний.

Так приносились начатки хлебного зерна, вина, масла, меда, молока, шерсти, плодов земных и заработной платы. (Профессор Лебедев «Церковь и благотворительность» в сборнике церковно-исторических повествований⁶²⁷).

Признавая благотворение основой христианской жизни, комиссия подчеркивает необходимость существования общеприходской кассы.

Церковно-приходской совет является руководителем всей церковной жизни, а потому и средства должен распределять соответственно выдвигаемым жизнью церковным нуждам, для чего и составляется смета, в каковую входят следующие главные пункты:

- 1) Церковно-общинные нужды.
- 2) Церковно-храмовые.
- 3) Нужды духовенства.

В церковно-общинные нужды входит обслуживание неимущих членов прихода, как, напр., содержание прих. врача, богадельни, приюта для беспризорных и т.д.

На втором месте стоят нужды церковно-храмовые, о которых много говорить не приходится, т.к. они общеизвестны.

Относительно пункта третьего, комиссия находит, что для успешного устройства церковной жизни на местах следует изменить способ обеспечения духовенства, и предлагает обеспечить его из общих средств определенной суммой, а прежде бывшие статьи дохода (за исключением доходов от хождения со св. крестом по домам верующих, которые идут лично причту), как то: плата за требоисправление, поименование усопших за литургией, – должны идти в общую кассу, разные сборы натурой совершенно упразднить.

Такое мероприятие морально облегчит священника и даст ему возможность более свободной и независимой деятельности на пользу церковную.

Основным источником средств, составляющих приходскую кассу, является добровольное самообложение членов с решением этого вопроса на общем собрании. Затем, в зависимости от условий, может применяться мирская запашка, подписные листы и т.п. Нужно также иметь в виду, что нормальный Устав приходов изд. 1923 г. предусматривает возможность общинного хозяйства, и им следует по возможности пользоваться.

⁶²⁷ См.: Лебедев А.П. Церковно-исторические повествования общедоступного содержания и изложения (Из давних времен христианской церкви). Изд. 2-е. М., 1903. С. 131–149 (в содержании этот очерк озаглавлен «Церковь и благотворительность», а в основном тексте книги – «Церковные доходы в первые века и их употребление на дела благотворительности»).

Благотворение не должно замыкаться в узкие рамки и ограничиваться только одним приходом, а необходимо таковое простирать и на другие приходы, для чего нужна постоянная связь между приходами как города, так и деревни, т.к. приход есть только часть единой соборной Церкви.

IV. О епископе Андрее и его отношении к старообрядчеству

1. Съезд, заслушав о воссоединении Архиеп. Андрея со старообрядцами 28 авг. 1925 г. в Асхабаде «Акт», составленный тремя епископами – Аввакумом, Антонием, Питиримом, – признает постановление акта правильным и достаточным для канонического суда оправданием того, что архиеп. Андрей никаких противоканонических поступков не совершал.

2. Съезд, руководясь признаниями свидетелей, бывших при совершении этих событий: еп. Климента, инокини Фивы, а также и еп. Руфина, действительно убедился, что митр. Сергей в своем «Обращении к Уфимцам» сообщил верующему народу явную неправду на Архиеп. Андрея, причем писал прямо к пастве, через голову архиеп. Андрея и, таким образом, производил явную смуту. Свидетели показали, что:

- 1) Перехода общины в старообрядчество не было.
- 2) Переосвящения храма не было.
- 3) Еп. Климент перед хиротонией исповедовался у игумена Матфея.
- 4) Архиепископ Андрей у еп. Климента не исповедовался.
- 5) Принятия по второму чину не было.

Съезд признает необходимым сообщить всем верующим о недостойной деятельности митр. Сергия, писавшего явную неправду, ибо м. Сергей явно клеветает на Архиеп. Андрея и производит недопустимую смуту в Уфимской епархии.

3. Съезд свидетельскими показаниями устанавливает факт, что архиеп. Андрей был избран епархиальным съездом 1920 г. Уфимским, а общим собранием всех приходов г. Уфы в ноябре 1923 г. и отдельными округами это избрание было подтверждено в октябре-ноябре 1923 г. Также и настоящий Съезд признает Преосвященного Андрея своим неизменным Уфимским Архипастырем. Согласно же Патриаршему возведению его в сан Архиепископа и применительно к 38 прав. 6-го Всел. Собора, Съезд считает его Архиепископом областной Церкви автономной Башкирской республики.

4. За время отсутствия архиеп. Андрея в Уфе заместителем его признать Преосвященного Аввакума.

Для выработки правильных отношений к старообрядцам была избрана комиссия.

БРАТИЕ,

помните, что церковное устройство всей нашей жизни – это самое величайшее дело всякого верующего человека. Разрушаются общества, союзы, государства и царства, вспомните страшное разложение и падение Российского Царства и научитесь из этого, насколько важно построить жизнь нашу так, чтобы она оставалась несокрушимой от всяких толчков, – такое построение – это только построение церковное, построение, основанное на подлинных вечных законах св. Евангелия, которые непреложны для всех времен и народов.

Итак, отгоните всякую лень, оставьте все свои личные дела, отдайте ваши силы и самые души ваши на это святое дело, на дело построения жизни на основах апостольских, и этим вы исполните ваше назначение здесь на земле, этим вы исполните завет Спасителя и получите от Него радость вечного пребывания с Ним.

Ему слава во веки веков. Аминь.

Епископ Аввакум

Георгий Эдельштейн⁶²⁸ Хроника одной судьбы

«КАК ТОЛЬКО религиозный писатель, изучающий историю русской Церкви, доходил в своем повествовании ко времени Петра, творческий пыл его угасал, и до настоящего времени нет фундаментального труда по истории православия XVII—XIX веков», – вроде бы мельком, где-то в примечаниях, сказано в этой книге⁶²⁹. Думается, однако, что эта фраза дает ключ как к самому исследованию, так и к неизбежно возникающим при его чтении размышлениям относительно прошлого, современных проблем и будущности Православной Церкви в России (об иных конфессиях мне, священнику Московской Патриархии, лучше умолчать). Причина неожиданного «усыхания чернил» на перьях даже лучших церковных историков прошлого, стоило им дойти в своем изложении хотя бы до истоков синодального периода, – в том, что как раз с той поры организационные структуры Церкви становятся интегральной и подчиненной частью светской государственности, а любая попытка трезво и непредвзято анализировать отношения между Церковью и государством и разобраться, где кончается одно и начинается другое, мягко говоря, не приветствовалась.

Буквально то же характерно и для церковной истории XX столетия. С одной стороны, Церковь после 1917 года, по сути, была полулегальной, гонимой организацией; с другой – ее аппарат, с конца 1920-х годов поставленный на службу богоборческому государству в делах и внешних и внутренних (и нередко способствовавший разложению и разрушению самой Церкви), фактически превратился в составную часть партийно-государственной номенклатуры. Ни тому, ни другому «писаной» истории (по меньшей мере истории общедоступной) как бы и не полагалось. И по сей день все мы – верующие и неверующие, духовенство и миряне – пребываем словно в безвоздушном пространстве, часто и не зная, откуда и как подступиться к проблемам, вырвавшимся на поверхность общественной и церковной жизни. Между тем наследие героя этой книги и вправду создает «впечатление, будто владыка Андрей рисует обстановку, сложившуюся в русской православной Церкви к последней четверти XX века» (стр. 52–53).

В НАШИ ДНИ газеты и журналы, радио и телевидение неустанно и обычно безвкусно (одно только обращение «святой отец» или Евхаристический канон в концертном исполнении чего стоят) витийствуют о дивной гармонии между новой властью и Церковью, о необратимом возрождении и грядущем чудесном взлете духовности. Президенты светских, многонациональных и многоконфессиональных независимых государств торжественно принимают свои присяги (кто на Библии, кто на Коране, кто на явно не работающей Конституции) в чинном окружении высшего духовенства, призванного освятить своим присутствием загадочные полугражданские, полуправославные ритуалы инаугурации. Власти всех уровней, от республиканского до городского, щедро, целыми списками передают храмы и иные здания в руки одной полюбившейся им религиозной организации (регулярно появляясь на ее транслируемых телевидением богослужениях) и при этом более чем холодны по отношению ко многим другим – особенно к российским приходам зарубежной Церкви. Отнюдь не являюсь сторонником последней, но, как лицо частное, могу не только иметь собственное мнение на этот счет, но и высказывать его. Гражданская же власть – по букве закона и согласно принципам правового государства – вроде

⁶²⁸ Текст этой рецензии, опубликованной в журнале «Свободная мысль» (1992. №8. С. 93–100), воспроизводится без изменений; ссылки в ней даны на страницы первого издания книги, а год гибели еп. Андрея указан еще фиктивный – «1944».

⁶²⁹ М.Л. Зеленогорский. Жизнь и деятельность архиепископа Андрея (князя Ухтомского). М., «Тerra», 1991, 334 стр.

бы никоим образом не может выступать радетьницей интересов одной из конфессий, все они должны быть равны перед ее беспристрастным взглядом. Но «зарубежников» одинаково гонят в Петербурге и в Крыму, в Курске и в Восточной Сибири.

Не один год прослужив на сельских приходах Костромской епархии, я наблюдал, как дружными усилиями церковной и гражданской администрации – и из самых благих побуждений – была загублена живопись древнего собора Воскресения на Дебре. Ее промыли раз, другой, поправили, дописали, выжгли лампами дневного света, пол выстелили подобающей бане второго разряда кафельной плиткой, иконостас украсили гирляндами электрических лампочек. А это храм XVII века, где по определению вообще не может быть электропроводки.

Совершенно очевидно, почему гражданская власть сегодня готова передать Церкви все – соборы Московского Кремля, Ипатьевский монастырь в Костроме, сотни государственных музеев и реставрационных центров, некогда вселенных в храмовые здания самим же государством, – выбрасывая на улицу и музейные фонды и реставраторов, не предоставляя им взамен, как правило, ничего. Но и из высших иерархов никому, похоже, не приходит в голову заявить, что, пока государство не обеспечит те же музеи и реставрационные мастерские новыми помещениями, Церковь отказывается принять эти здания, ибо не хочет действовать столь же варварски, как действовали прежде по отношению к ней самой.

Охотно допускаю, что, кроме сиюминутных, чисто политических интересов, властью движет благое желание искупить все зло, содеянное ее предшественниками. Но меня прежде всего волнует позиция самой Церкви. Мои собратья сегодня готовы взять из рук государства тот же Ипатьевский монастырь, не задумываясь, кто будет его сохранять, – ведь нужного числа специалистов у Патриархии нет, а если они и пойдут туда на службу, кто станет содержать их – Церковь или государство? И где проляжет граница между ними?

Казалось бы, не православному священнику недоумевать над подобными вопросами, не ему тревожиться тем, что из Православия вновь пытаются сделать некое подобие государственной религии, а Московскую Патриархию наделить статусом «первой среди равных». Однако вот и недоумеваешь и тревожишься, ибо нечто схожее уже бывало в нашей церковной истории – и неизменно не доводило до добра ни саму Церковь, ни общество. В этом убеждают, в числе прочего, жизнь и труды архиепископа Андрея (1872—1944), в миру князя Александра Алексеевича Ухтомского, старшего брата знаменитого академика-физиолога – Алексея Алексеевича Ухтомского и прямого потомка Рюрика.

ЗНАЮЩЕМУ ЧЕЛОВЕКУ одни только даты жизни скажут о судьбе этого архиерея многое – бесконечная череда арестов, ссылок, доносов своих же братьев. Перипетии церковной смуты в период между падением прежних «внешних оков» летом – осенью 1917-го и новым закрепощением Церкви к 1927—1929 годам с трудом поддаются даже краткому пересказу. И тут нужно отдать должное М. Зеленогорскому, сопроводившему свое исследование выдержками из важнейших документов и аннотированным указателем ее ключевых фигур и течений (см. стр. 275—305). Одно это уже способно дать нынешнему неискушенному читателю общее представление о логике разворачивания событий и психологии их участников.

С юности твердо решивший служить «возрождению Церкви» (в 1895 г. он закончил Московскую духовную академию, в 1907-м – хиротонисан во архиереи), епископ Андрей неизменно подвергал резкой критике синодальное управление Церковью, низведшее ее до статуса государственного Ведомства православного исповедания. Приходское духовенство было превращено в «требоисправителей», а высшая иерархия – в недоступных ни мирянам, ни младшему клиру сановников, изредка появлявшихся на глаза верующим на роскошных выездах в сопровождении полицейских исправников. «Элемент Божественный в Церкви вечно жив и не может быть нарушен, но... человеческая сторона церковной жизни извращена до самой последней степени», – заявлял епископ Андрей еще в 1915 году (стр. 12), однозначно отвергая

любые формы вмешательства гражданской власти в межрелигиозные конфликты и выступая за полную свободу вероисповеданий вопреки господствовавшему в среде его собратьев мнению.

Столь же убежденно епископ Андрей выразил эту позицию и в 1922 году перед Московским революционным трибуналом: «Христиане, твердо уповая, что Господь сам хранит свою Церковь, должны защищать свободу исполнения всякой религии, свободу слова, печати..., собраний и союзов. Христиане защищают полное право равенства и братства людей и народов и потому должны защищать свободу равного, всеобщего, тайного и прямого голосования... Православные христиане, зная, что в церковном учении заключается всеобъемлющая истина, должны уклоняться от участия в жизни политиканствующих, враждующих между собой партий». В подобных «общих принципах» епископ Андрей видел единственно приемлемую «норму русской религиозно-общественной жизни и христиан, и евреев, и мусульман на территории РСФСР» (стр. 81, 87).

Здесь уместны некоторые пояснения. Наша церковь никогда не ратовала за безграничную свободу для всех и во всем, никогда не была в этом смысле демократическим институтом и по глубинной природе своей никогда таковым не станет. Ее идеал – не демократия и не монархия, но соборность – принцип, лежащий в совершенно иной плоскости. Согласно ему Церковь не может служить *средством* достижения каких-либо интересов светской власти, пусть даже и самых благородных с точки зрения текущей политики. Деятельность Церкви лишь тогда отвечает ее сущности и заветам Христа (и тем самым оказывается благотворной для всего общества), когда Церковь абсолютно свободна от власти. Здесь и лежит коренное различие между подлинным Православием и приспособленчеством, стремящимся по холодному расчету соотносываться со злобой дня, угождая сильным мира сего, будь то царь, генсек или президент. Примерно такова была и позиция Поместного Собора 1917–1918 годов, духу которого епископ Андрей стремился быть верным всю свою жизнь. Поместный собор не успел сделать очень много, но он многое и изменил, а главное – показал путь, по которому должно было пойти Православие в России.

Однако события развернулись в ином направлении. Уже при Временном правительстве стало очевидно, что «принцип всеобъемлющего подчинения Церкви государственной власти с поразительным постоянством брался на вооружение различными политическими силами, независимо от классовых перегородок» (стр. 51). Новая, откровенно богоборческая власть поначалу сделала ставку на «обновленческое» движение, поддерживая его политически и даже материально (известно, например, что участники «обновленческого собора» 1923 года обеспечивались за казенный счет железнодорожными билетами и гостиничными номерами⁶³⁰). Не все «обновленцы» были подобны, например, В. Красницкому – до революции писавшему рефераты «Об обличении социализма» и доказывавшему «употребление евреями крови в ритуальных целях», а после нее с равным усердием сочинявшему доносы на своих собратьев, чтобы заодно получить «доходное место» настоятеля храма Христа Спасителя в Москве (см. стр. 289–290). Но всех их объединяло то, что они видели в Церкви орудие утверждения собственных политических и национальных интересов, а в государстве – своего возможного пособника и защитника. Впрочем, довольно быстро власть убедилась, что своих целей ей проще добиться через «заместителя местоблюстителя» пустующего после смерти Святителя Тихона патриаршего престола, сосредоточившего в своих руках фактическое управление Церковью. Автобиографические записки епископа Андрея, опубликованные в книге наряду с прочим его наследием, показывают, как этот механизм действовал в начале 30-х годов: «Ведь закрыть храм без объяснения причин или сказать, что храм закрывается и уничтожается только потому, что “так нам хочется”, – все-таки не очень умно. А вот доказать верующему народу, что «здесь отщепенцы», что «здесь не признают духовной власти», что и «молиться-то с ними – грех»...

⁶³⁰ Л. Регельсон. Трагедия русской Церкви. 1917–1945. Париж, 1977, стр. 421.

это называется умным подходом, и тогда храм можно разрушить или закрыть на достаточных основаниях» (стр. 224). К концу марта 1932 года все московские храмы, «не признавшие митрополита Сергия», были закрыты, а «24–25 марта были изъяты из обращения все дерзкие священники, не признавшие его непогрешимой воли». Кстати, «умный подход» властей выразился и в том, что уже к концу 1922 года «обновленцы» всеми правдами и неправдами получили от них около 20 тысяч храмов (почти две трети действовавших тогда православных церквей). Поскольку большинство прихожан, как правило, отказывалось посещать обновленческие службы, эти храмы пустели – и тогда можно было без особых усилий закрывать их, ссылаясь на «наглядные проявления естественного процесса отмирания религии».

СТРАННЫЕ все-таки бывают сближения. Тогда руками одних православных священнослужителей закрывались храмы, где служили другие (что не помешает власти очень скоро отправить вослед вторым и первым – к 1939 году на свободе осталось всего четыре правящих епископа, включая «местоблюстителя»). Сегодня можно изгнать из соседнего с кафедральным собором Костромы здания картинную галерею, потому что некогда это был монастырский корпус; я, по сути, волен делать с храмом XVIII века все что угодно – уничтожить стенопись, изменить форму куполов, залить битумом старинный чугунный пол, положить сверху линолеум (дешево, тепло и очень легко мыть), как многие собратья и поступают, потому что благодетельная власть возражать не станет.

Все мы, нынешние священнослужители, изначально согласились на одно условие – не руководствоваться законом, ни законом церковным, ни законом гражданским. Действовавшее до недавних пор законодательство 1929 года о «религиозных объединениях», мягко говоря, было далеко от идеала. Но еще хуже, что его никто и никогда не соблюдал и не собирался соблюдать (например, по букве его Церковь как единая организация не имела формального статуса юридического лица, не могла обладать своими счетами в банке и уж никоим образом – делать оттуда миллионные взносы в чуждые ее духу фонды): «полюбовное согласие» с властью перевешивало все прочие соображения. Нечего говорить о церковном праве – никем не отмененные решения того же Поместного Собора 1917–1918 годов даже не поминались ни в 1943, ни в 1945, ни в 1971 годах, когда Церковь должна была решать свои важнейшие организационные проблемы.

Решениями Собора руководствовались современники и единомышленники епископа Андрея, авторы так называемого Соловецкого послания (составлено в 1926–1927 годах сосланными на Соловки оппонентами тогдашнего курса церковно-государственной «симфонии»), подчеркивая, что согласно своему вероучению Церковь «всегда сторонилась политики и оставалась послушной государству во всем, что не касалось веры. Оттого внутренне чуждая правительству в древнеримской империи или в недавней Турции, она могла оставаться и действительно оставалась лояльной в гражданском отношении. Но и современное государство со своей стороны не может требовать от нее ничего большего. В противоположность старым политическим теориям, считавшим необходимым для внутреннего скрепления политических объединений религиозное единодушие граждан, оно не признает последнего важным в этом отношении, решительно заявляет, что не нуждается в содействии Церкви в достижении им поставленных задач и предоставляет гражданам полную религиозную свободу... Свое собственное отношение к государственной власти Церковь основывает на полном и последовательном проведении в жизнь принципа раздельности Церкви и государства... Церковь как в своей открытой деятельности, так и в своем интимном пастырском воздействии на верующих, не должна подвергаться критике или порицанию гражданские мероприятия правительства, но отсюда вытекает и то, что Она не должна и одобрять их, так как не только порицание, но и одобрение правительства – есть вмешательство в политику...»

Наряду с авторами Соловецкого послания (которое стоило бы сегодня печатать как приложение к каждому молитвослову) епископ Андрей ясно осознавал, насколько затруднительно подлинное проведение в жизнь принципа «раздельности» Церкви и государства (а не декларативного «отделения»). Еще до революции он считал важнейшей предпосылкой «свободного строительства православной жизни» «материальную независимость Церкви от государства» (стр. 57–58), а во времена церковной смуты сделал очень многое для практического возрождения «основной единицы церковно-общественной жизни – прихода», независимого в материальном плане и обладающего очень широкими функциями – от «хозяйственной кооперации» (призванной эту независимость обеспечивать) до «обще-культурно-просветительной» деятельности (стр. 12, 83). Разрабатывавшиеся под его руководством в 1917–1927 годах проекты устава православных приходов и иные документы подобного рода и сегодня могли бы служить примером того, как должно решать церковно-общественные и хозяйственно-приходские проблемы, живя в XX веке, подходя к ним «с социологическими определениями» (стр. 42) и оставаясь при этом верным всем заветам Православия.

ВСЕ МЫ ЧИТАЛИ, что для Церкви «нет ни эллина, ни иудея», – но мало кто не ищет в ней сегодня атрибута национальности, мало для кого интересы Церкви стоят выше интересов политических или национальных. И как в 20-е годы Церковь раскалывалась, наряду с прочими, и по национальному признаку, так и сегодня священника из России могут и не принять ни на Украине, ни в Молдове, ни в Грузии, хотя еще недавно все мы могли служить у одного престола. Вместе со мной в семинарии учились гагаузы, татары, чуваша. Православные священники, они не стали с принятием сана русскими, они остались украинцами, мордвинами и так далее – однако же и членами единой Церкви, стоящей вне государственности и вне национальности. Как и башкиры, которых крестил епископ Андрей в бытность свою в Уфе, не выходили из купели русскими. Он, следуя заветам Святителя Стефана Пермского, настаивал, чтобы храмовая служба велась на языке большинства прихожан, и способствовал широкой публикации богослужебной литературы на языках народов Поволжья и Урала (см. стр. 34). «Ярким проявлением принципов, за которые ратовали епископ Андрей и его последователи, были события, развернувшиеся в Стерлитамаке, когда властями была совершена попытка закрыть здесь церковь, – отмечает автор книги. – На защиту православного храма выступила значительная часть жителей города, и, что было вполне неожиданно для властей, в комиссию для ходатайства перед центральной властью вошел лидер местных старообрядцев Парамонов и два мусульманских муллы». Газета «Красная Башкирия» за 1928 год, откуда заимствованы эти сведения, возмущалась по этому поводу и призвала верующих отказаться от поддержки «чуждых» им культов (стр. 149–150). Стоит сравнить с той ситуацией сегодняшнюю взаимную нетерпимость Московской Патриархии, украинских греко-католиков и автокефалистов, «зарубежников» и т.д. Стоит заглянуть в книги и статьи нынешних публицистов, ратующих за «православие – религию русских» или повествующих об извечной неразрывной связи «державности» и Православия, чтобы убедиться, как далеки мы от уровня духовной грамотности даже 20-х годов. Что только не подается сегодня под маркой «истинного православия»! Мой вологодский собрат рассказывал, что еще не так давно его земляк, – теперешний писатель-«патриот», пытающийся заменить коммунистическую идеологию «национально-религиозной», – не давал ему прохода своими упреками: «Зачем ты пошел в попы, ты всю нашу деревню опозорил».

КНИГА О ЕПИСКОПЕ АНДРЕЕ заставляет задуматься и над особой темой – историческими судьбами русского старообрядчества, к которому он примкнул после того, как был оторван светской властью от своих уфимских прихожан, а в московских храмах, по его словам, «нашли мою молитву не безопасною и очень вежливо попросили меня эти храмы не посещать» (стр. 217). Причины давнего интереса и симпатий епископа Андрея к старообрядчеству

станут понятнее, если вспомнить, что в его среде неизменно сохранялись и строгое соблюдение принципа соборности, и «значительная роль мирян» в приходской жизни, а в силу исторических обстоятельств очень рано «выкристаллизовалась и приобрела большое значение идея строгого разделения сфер церковной жизни и государственной власти» (стр. 299, 300). «Старообрядчество, – считал епископ Андрей, – было ненавистно петербургским жандармам потому, что оно требовало свободы слова, свободы совести и свободной церковной общественности. По существу, борьба правительства со старообрядчеством и была борьбой с гражданскими свободами; а миссионеры ее искусно сводили к спорам только об аллилуия, о двуперстии, о поклонах...» (стр. 200). В той ситуации, в которой оказались к началу 30-х годов Православная Церковь и сам епископ Андрей, его уход в старообрядчество был закономерным и оправданным. Но сегодня и нам стоит, опираясь на решения Поместного Собора 1917—1918 годов, стремиться к такому же типу взаимоотношений между мирянами, священниками и епископами, какой сохранили старообрядцы, стоит столь же категорически осудить нашу бойкую торговлю таинствами (сейчас всему – крещению, венчанию, даже причащению на дому – определена в храмах Московской Патриархии цена по твердой таксе), как осуждали и осуждают они. И хотя старообрядцы живут куда беднее нас, не зная ни архиерейских правительственных лимузинов, ни пышных приемов для иностранных гостей, но благодатью не торгуют, честь им за это и хвала. И нам сегодня вовсе не обязательно принимать написание Исус, двуперстие и «сугубую аллилуию», чтобы поступать так же.

При серьезном обсуждении специфики «русского пути» или «русской национальной идеи» никак не пройти и мимо того факта, что как раз старообрядчество с его принципиальным дистанцированием своей церковно-общественной жизни от «державного начала» дало России к началу века ее крупнейших купцов, промышленников и меценатов, сохранив при этом наиболее самобытные черты национальной культуры, а может быть, и именно благодаря последнему. Правда, сегодня староверы нашего костромского колхоза «Новый путь» (от половины до трети жителей окрестных деревень) уже не отличаются от моих прихожан ни особенной трезвостью, ни богатством, ни трудолюбием, хотя когда-то их дома, говорят, можно было определить с первого взгляда. Общее запустение российского села не миновало и их. Но это мои, достаточно локальные наблюдения. Александр Солженицын, например, писал в 1974 году: «Нашу самую древнюю ветвь я наблюдал в богослужениях и беседах менее года назад, в московских храмах, – и я свидетельствую вам о ее поразительной стойкости в вере (и против государственного угнетения – много стойче *нас!*), и о таком сохранении русского облика, речи и духа, какого уже и сыскать нельзя нигде больше на территории Советского Союза». Во всяком случае, взаимосвязь между устойчивостью культурных, бытовых, нравственных традиций старообрядчества, его хозяйственной этикой и его ролью в «развитии капитализма в России» существовала и нуждается в дальнейшем анализе⁶³¹.

«НЫНЕ НЕ ВРЕМЯ классовой борьбы (будь она проклята во веки веков), – а время святого самоотверженного строительства государственной жизни. Ничего нельзя вырастить на началах борьбы и злобы, – эти начала сами в себе носят начала разложения, – заявил епископ Андрей в своей речи перед открытием Государственного Сопещения (Уфа, 1918 год). – Только любовь и взаимные уступки могут быть надежным фундаментом общественного строя» (стр. 73). В готовности и умении идти на такие уступки – смысл существования любой политической партии. Но я не думаю, чтобы для самой Церкви было полезно вступать в блоки и идти на компромиссы, что подтверждает и книга о епископе Андрее. Опыт послевоенной Германии, правда, свидетельствует об успехах христианских партий в развитии хозяйства и куль-

⁶³¹ Автор книги специально касался этой темы в своей статье о старообрядцах, опубликованной в сборнике «Малые и дисперсные этнические группы в европейской части СССР» (М., 1985).

туры, однако важно помнить, что это партии мирян, а не духовенства. Наши же депутаты-священники пришли заниматься политической деятельностью в парламент, который только для нее и приспособлен. Помню, как в августе 1991 года мой хороший друг священник Глеб Якунин очень страстно и убежденно выступал на митинге, а чей-то голос сзади подсказывал ему: «Отче, ты о Боге, о Боге-то скажи!». Но ни трибуна митинга, ни трибуна парламента для слов о Боге не подходят.

Ни один архиерей не вышел в августовские дни к народу, чтобы сказать: Церковь не за левых и не за правых, не за Ельцина и не за Павлова – Церковь за то, чтобы вы не стреляли друг в друга. Но как только появилась возможность показаться вместе с победителями на телевизионных экранах, как ею тотчас воспользовались. И если сегодня Церковь начнет агитировать, условно говоря, за партию Травкина или против нее, это в очередной раз очень плохо кончится. Можно вместе с атеистами, протестантами, адвентистами, с кем угодно идти в больницы, кормить голодных стариков или детдомовцев – но важно и помнить слова Соловецкого послания о том, что «Церковь не касается перераспределения богатств или их обобществления, так как всегда признавала это правом государства, за действия которого не ответственна».

ДОЛГИЕ ГОДЫ наши высшие иерархи сбрасывали с церковного корабля – в числе всех новомучеников и исповедников – и фигуры, подобные авторам Соловецкого послания или епископу Андрею: словно балласт, способный потопить все судно своими «неприятными» и «ненужными» исканиями. Книга о епископе Андрее писалась около семи лет назад, что называется, в «стол», и по тем временам автор считал более безопасным не раскрывать тех, кто помог ему собрать и проанализировать около пятисот рукописных и печатных источников – сотрудника Московской Патриархии Е.А.Карманова и старообрядческого священника Е.А.Бобкова (трагически погибшего в 1985 году)⁶³². Отрадно, что сегодня можно свободно назвать их имена. И печально, что эта обстоятельная хроника одной-единственной судьбы – пока лишь редкое исключение на фоне продолжающегося (дай Бог, продолжающегося только по инерции) умолчания о подлинных судьбах и реальных проблемах всей Православной Церкви XX столетия.

⁶³² Выпускник юрфака МГУ, Е.А. Бобков был столь заметной фигурой церковно-общественной жизни, что даже стал прообразом героя повести Ф.Д. Чащина «Белокриницкое согласие» (Кишинев, 1990).

Фотографии

Семья князей Ухтомских. 1860-е. Стоят слева направо: отец еп. Андрея Алексей Николаевич (1842 – 1902), дед Николай Васильевич (1805 – 1870), дяди Николай Николаевич (1828 – 1889) и Александр Николаевич (1829 – 1891); сидят: бабушка Елизавета Алексеевна (1809 – 1876) и тетка по отцу Анна Николаевна (1832 – 1898); на портрете в центре тетка по отцу Прасковья Николаевна Наумова (1840 – 1917) (Рыбинский государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник)

Семья князей Ухтомских. 1885, Рыбинск. Слева направо: Антонина Федоровна, Алексей, Елизавета, Александр, Алексей Николаевич, Мария (Рыбинский государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник, инв. номер РБМ-16819/9. ФД-1057)

Алексей Николаевич Ухтомский (1842-1902)

Антонина Федоровна Ухтомская, урожд. Анфимова (1847-1913)

Юношеский рисунок Александра Ухтомского (Рыбинский государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник)

Детские упражнения в каллиграфии – воспроизведения подписей различных исторических фигур. Альбом с рисунками, 1883 – 1900 гг. (Бумага, картон, кожа, тиснение. 17,8x28. Рыбинский государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник, инв. номер РБМ – 15247. ДД – 1236)

Детские упражнения в каллиграфии – воспроизведения подписей различных исторических фигур. Альбом с рисунками, 1883 – 1900 гг. (Бумага, картон, кожа, тиснение. 17,8x28. Рыбинский государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник, инв. номер РБМ – 15247. ДД – 1236)

Александр Ухтомский в ученические годы

Гимназист Александр Ухтомский

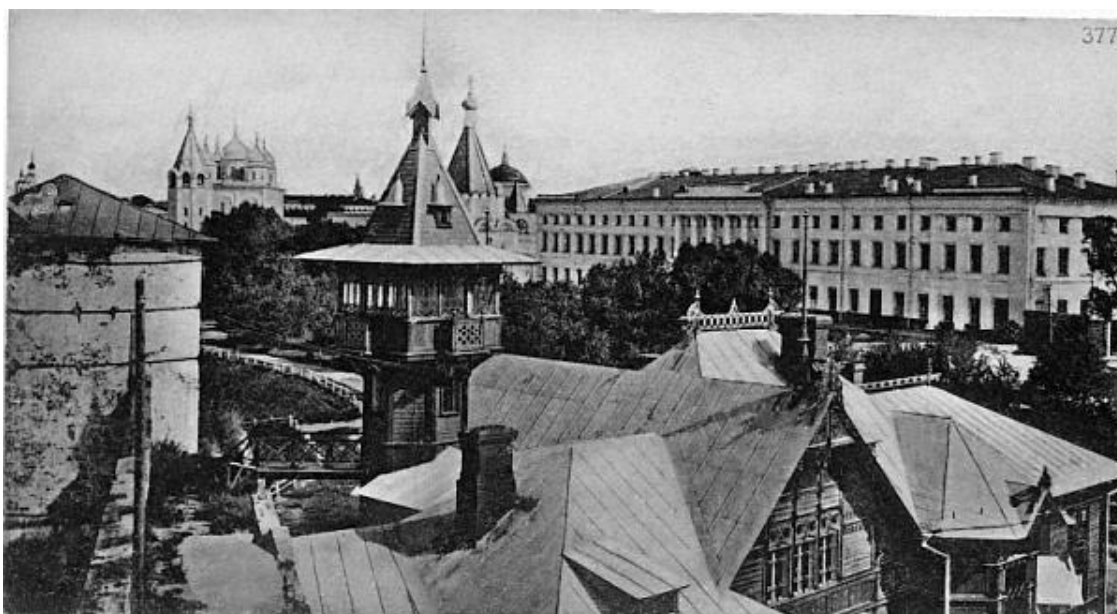
На крыльце дома на Выгонной ул. в Рыбинске (ныне Мемориальный дом-музей академика А.А.Ухтомского). Слева направо: Алексей Ухтомский, Анна Николаевна Ухтомская, Владимир Робертович Гернберг и неизвестная (Рыбинский государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник, инв. номер РБМ– 28379/31)

Александр Ухтомский в ученические годы

Александр Ухтомский в ученические годы

Здание Нижегородского кадетского корпуса в нижегородском кремле

Архиепископ Антоний (Храповицкий)

Архимандрит Андрей с прот. Иоанном Кронштадтским. Казань

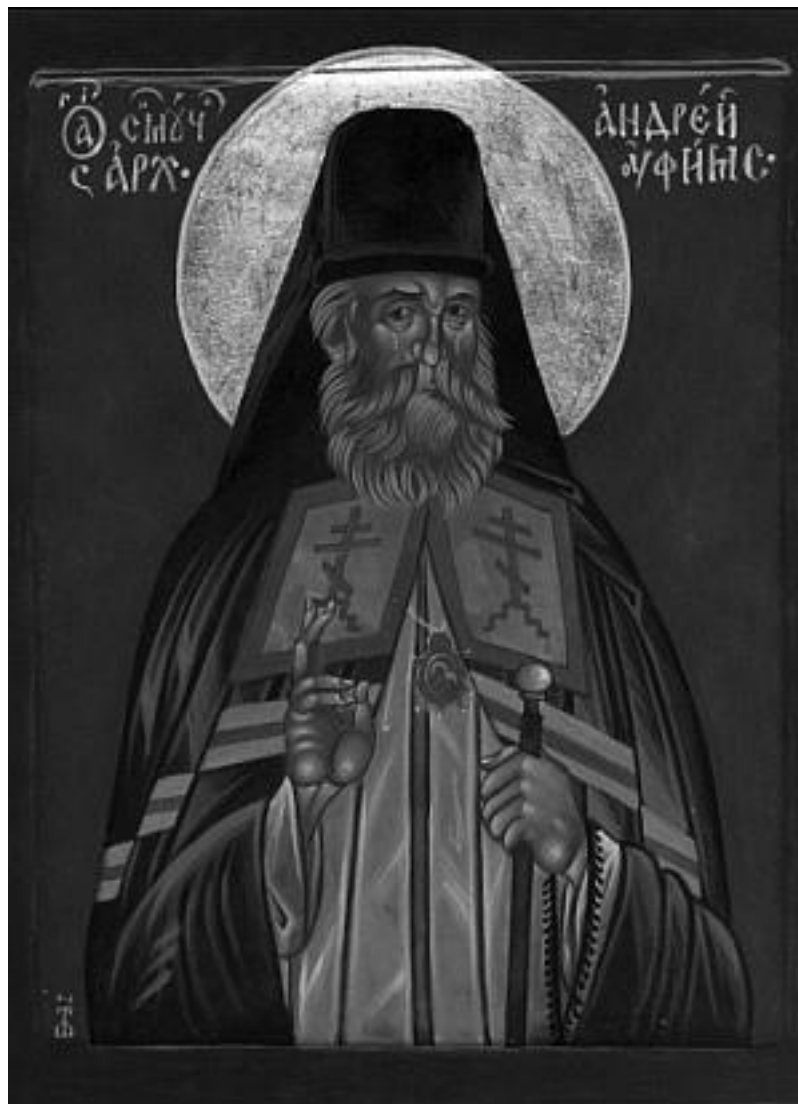
Алексей Алексеевич Ухтомский (Рыбинский государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник, инв. номер РБМ-16819/13. ФД-1031). РБМ-16819/13. ФД-1031).

Архимандрит Андрей (Рыбинский государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник, инв. номер НВФ-3404)

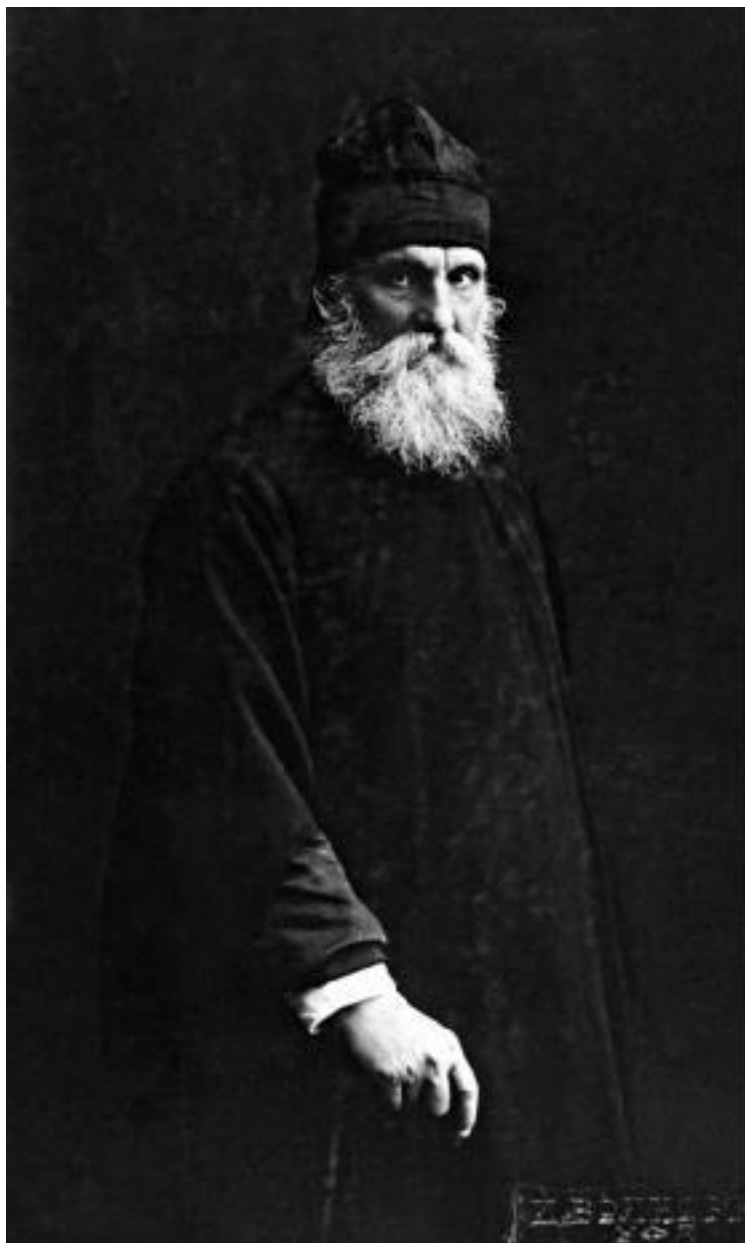
Епископ Андрей, викарий Казанской епархии. 1907, вскоре после архиерейской хиротонии

Священномученик архиепископ Андрей Уфимский. Икона письма священника Андрея Бермана (Бессарабская митрополия Румынской Православной Церкви, г. Чебоксары), 2005

Епископы Андрей и Аввакум (Боровков). Уфа

Накануне последнего отъезда из Уфы

Осень 1931 г.

Кафедральный собор. Уфа

Крестовоздвиженская церковь в Нижнегородке. Уфа

Епископ Бирский Вениамин (Троицкий)

«Жены-мироносицы» – помощницы еп. Андрея из сестричества при уфимской Симеоновской церкви

Симеоновская церковь – кафедра еп. Андрея. Снимок конца 1970-х. В 1990 – 1991 гг. полностью разобрана, к 1994 г. на ее фундаменте был выстроен новый храм, отличающийся и по внешнему виду, и по интерьеру. По словам уфимской газеты, теперь «только остатки старой кирпичной кладки в подвале напоминают о далеких андреевских временах и страстях, которые здесь бушевали»

Лицевая сторона открытки с записью от января 1934 г.

№ 9 1934 г. янв.

Это один из видов, близкий к
полиморфизму горную часть до
и от Туркестана до Сузда
таков горный 55 восток. — Во
древности и мест сообщением тут
почти нет из-за горной дороге
как. — Подному мое письмо:—
Филиппичам 1/2 м., — особенно ст.
14. — Моминес о нас зумма. Н. П. С.

Оборотная сторона открытки, написанной рукою еп. Андрея, январь 1934 г.

1934, февр. 28 и марта 1.

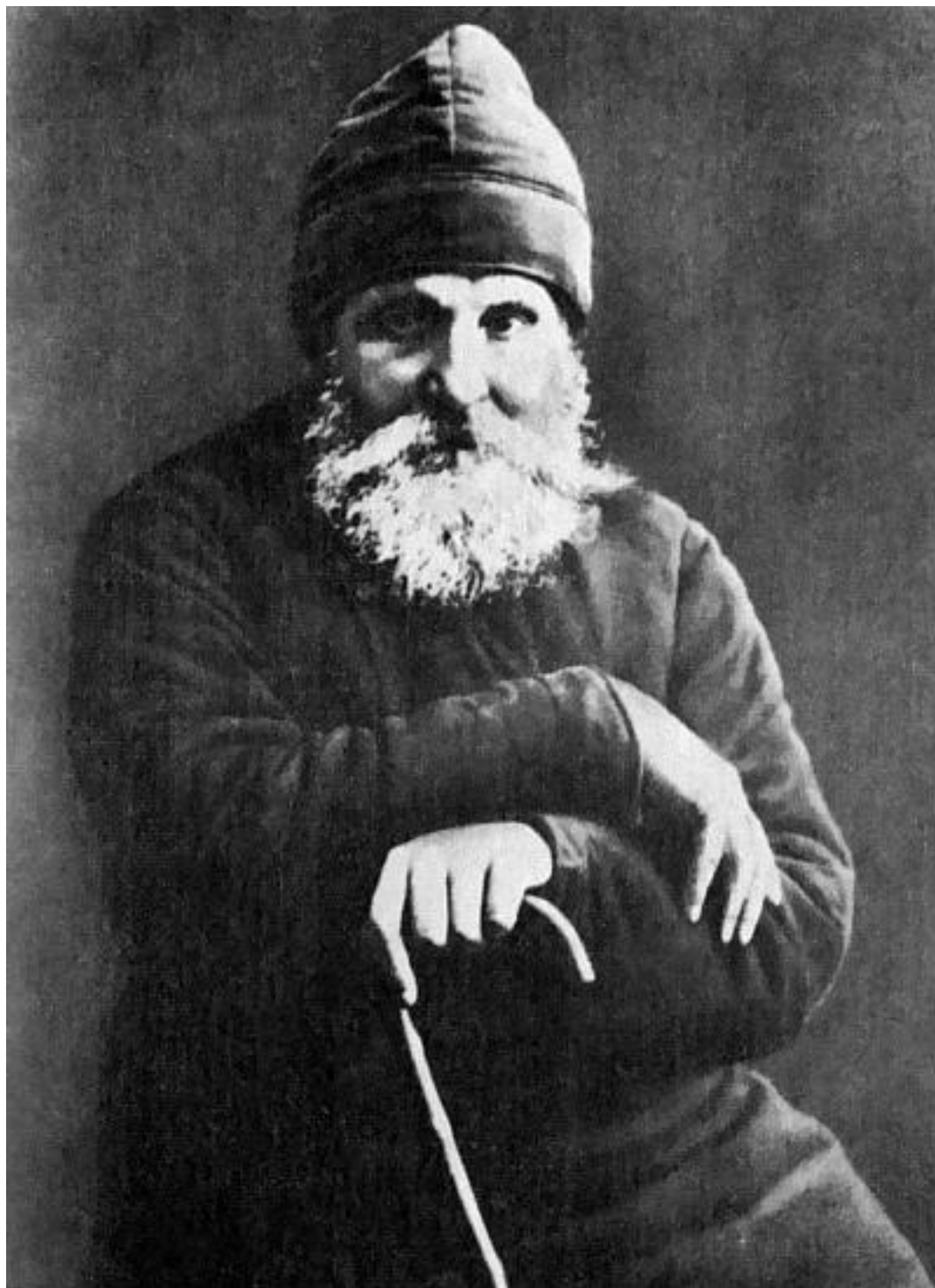
Радо́ бо́гшеи́ Евдохи́и
с просе́бою ея́ свята́я, мо
ли́тва; - просу́ и свята́я,
мо́литва ея́ свято́й Фу
сти́анско́й са́нцы.

Ро́дне мои́! - У меня́
на души́ о́бвато́ така́,
о́не А́моди́, как на вту́х
грав - в снту́... И со́зуб
вае́тея́ мое́ се́рдце́ то́ва -
ко то́гда, когда́ вспомни́
что́ души́ родно́я мои́!
се́ о ми́. - Прости́те.
Хри́ста ради́ подмо́лимсе́я
обо́ ми́! - Хри́сто́в,
Хри́сто́в, Хри́сто́в В. Е. А.

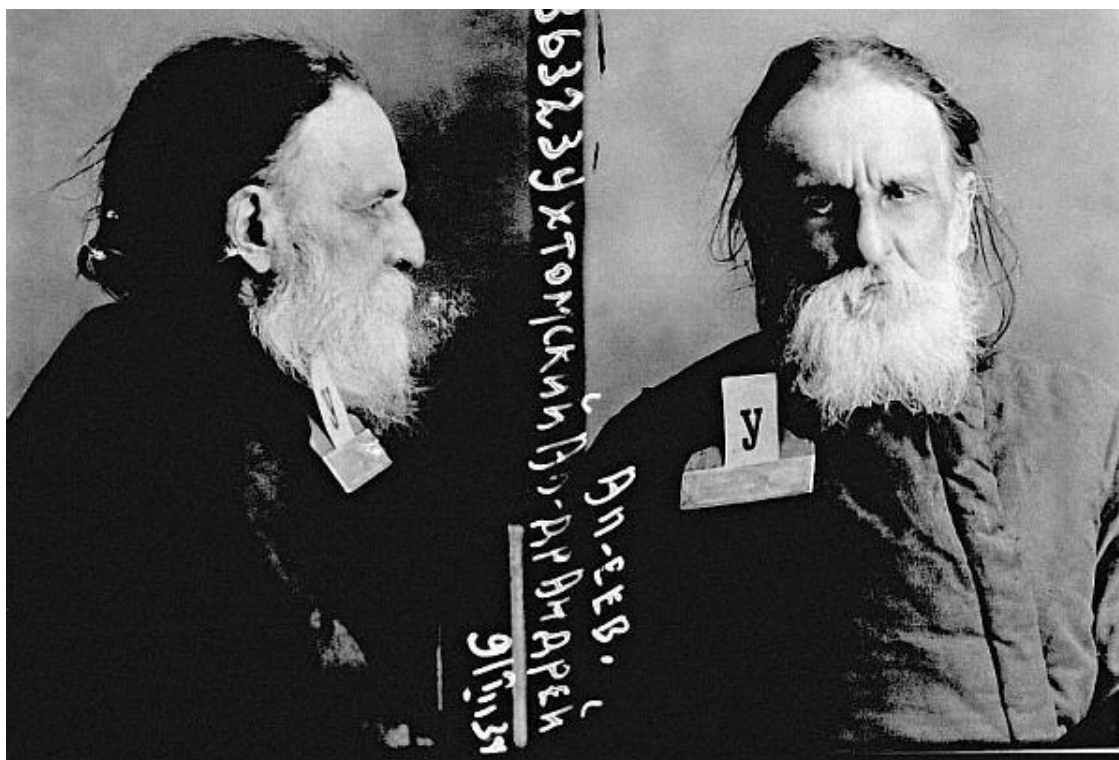
Автограф еп. Андрея

Мелетий (Картушин), архиепископ Московский и всея Руси (Древлеправославная церковь Христова старообрядцев, приемлющих белокриницкую иерархию)

Епископ Андрей, начало 1934 г. – один из последних снимков, сделанных на свободе

Фотография из следственного дела, 9 марта 1934 г.

Тюрьма «Коровники» (с 1925 г. – Ярославский политизолятор ОГПУ, с 1934 г. – Ярославская тюрьма ГУГБ НКВД, ныне учреждение ИЗ-76/1 – СИЗО № 1 УФСИН по Ярославской области)